

**ҚАРАҒАНДЫ
УНИВЕРСИТЕТІНІҢ
ХАБАРШЫСЫ
ВЕСТНИК
КАРАГАНДИНСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

ISSN 0142-0843

ФИЛОЛОГИЯ сериясы
№ 1(69)/2013
Серия **ФИЛОЛОГИЯ**

Қаңтар–ақпан–наурыз
1996 жылдан бастап шығады
Жылына 4 рет шығады

Январь–февраль–март
Издается с 1996 года
Выходит 4 раза в год

Собственник РГП **Карагандинский государственный университет
имени академика Е.А.Букетова**

Бас редакторы — Главный редактор
Кубеев Е.К., д-р юрид. наук, профессор

*Зам. главного редактора
Ответственный секретарь*

**Х.Б.Омаров, д-р техн. наук
Г.Ю.Аманбаева, д-р филол. наук**

Редакция алқасы — Редакционная коллегия

М.И.Абдуов,	редактор д-р филол. наук;
Г.Ю.Аманбаева,	д-р филол. наук;
З.Т.Жумағали,	д-р филол. наук;
Ж.А.Жакупов,	д-р филол. наук;
Ш.М.Мажитаева,	д-р филол. наук;
Т.Т.Савченко,	д-р филол. наук;
Ж.Н.Жунусова,	д-р филол. наук;
Н.И.Букетова,	д-р филол. наук;
А.С.Адилова,	д-р филол. наук;
Б.Шалабай,	д-р филол. наук;
М.К.Исаев,	д-р филол. наук;
Н.Ж.Шаймерденова,	д-р филол. наук;
С.А.Матяш,	д-р филол. наук (Россия);
М.Д.Джусупов,	д-р филол. наук (Узбекистан);
У.М.Бахтикиреева,	д-р филол. наук (Россия);
Т.В.Белошапкова,	д-р филол. наук (Россия);
К.Жанбозулы,	д-р филол. наук (КНР);
А.Ш.Тажикеева,	отв. секретарь PhD

Адрес редакции: 100028, г. Караганда, ул. Университетская, 28
Тел.: 77-03-69 (внутр. 1026); факс: (7212) 77-03-84.
E-mail: vestnick_kargu@ksu.kz Сайт: <http://www.ksu.kz>

Редакторы *Ж.Т.Нұрмұханова*
Техн. редактор *А.М.Будник*

Издательство Карагандинского
государственного университета
им. Е.А.Букетова
100012, г. Караганда,
ул. Гоголя, 38,
тел.: (7212) 51-38-20
e-mail: izd_kargu@mail.ru

Басуға 29.03.2013 ж. қол қойылды.
Пішімі 60×84 1/8.
Офсеттік қағазы.
Көлемі 22,62 б.т.
Таралымы 300 дана.
Бағасы келісім бойынша.
Тапсырыс № 904.

Подписано в печать 29.03.2013 г.
Формат 60×84 1/8.
Бумага офсетная.
Объем 22,62 п.л. Тираж 300 экз.
Цена договорная. Заказ № 904.

Отпечатано в типографии
издательства КарГУ
им. Е.А.Букетова

МАЗМҰНЫ

ЖАЛПЫ ЖӘНЕ ОРЫС ТІЛ БІЛІМІ

<i>Джусупов М., Сапарова К.О.</i> Фоностистика мен дыбыстық интерференция тіл бірлігінің және тілдесімнің функционалды-стильдік реңктерінің өзгеруінің негізі ретінде	5
---	---

ҚАЗАҚ ТІЛ БІЛІМІ

<i>Әділова А.С.</i> М.Әуезов шығармалары және мәтінаралық байланыстар	13
<i>Рапишева Ж.Д., Тұрлыбекова Ж.А.</i> Сөйлемнің коммуникативтік типтері жөнінде	18
<i>Жуынтаева З.Н., Тұрсынова М.А.</i> Көне түркі тіліндегі сөз тіркесінің қолданысы	23
<i>Рапишева Ж.Д., Төленова С.А.</i> Қазақ тіліндегі алғашқы іс қағаздарындағы терминдік атаулар	29

ӘДЕБИЕТТАНУ ЖӘНЕ ФОЛЬКЛОРАНУ

<i>Әбдуов М.И.</i> Мағжан жайлы маңызды зерттеу ..	35
<i>Жұмағұлов С.Б., Утяев А.Ф.</i> Қазіргі башқұрт поэзиясындағы композициялық тәсілдер	40
<i>Жұмагелдин Ж.Ш.</i> Ж.Әбдіраш эпиграммаларының стильдік ерекшеліктері	44

ШЕТЕЛ ТІЛДЕРІ

<i>Дж.Галецки-Кубич.</i> Агата Пассент еңбектерінде юмордың берілу жолдары	52
<i>Көпжасарова У.И., Қиқымова А.Т.</i> Тілдің фразеологиялық қоры халықтың мәдениетін көрсететін құрал ретінде	55
<i>Малдыбаева Г.К., Аамалбекова М.Б.</i> Роберт Бернс өлеңдерінің орыс және қазақ тілдеріндегі салыстырмалы талдауы («Макферсон өлім жазасы алдында» өлеңінің мысалында) ..	61

«ФИЛОЛОГИЯ ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ ГУМАНИТАРЛЫҚ БІЛІМ» КОНФЕРЕНЦИЯСЫНЫҢ МАТЕРИАЛДАРЫ

1-секция КӨРКЕМДІКТІҢ ҚАЗІРГІ ПАРАДИГМАЛАРЫ

<i>Бралина С.Ж., Девянина М.С.</i> Есім дәстүр мәдениетінің феномені ретінде	66
--	----

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕЕ И РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Джусупов М., Сапарова К.О.</i> Фоностистика и звуковая интерференция как истоки вариативности функционально-стилевого маркера языковой единицы и речи	5
--	---

КАЗАХСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Адилова А.С.</i> Произведения М.Ауэзова и интертекстуальные связи	13
<i>Рапишева Ж.Д., Турлыбекова Ж.А.</i> О коммуникативных типах предложений	18
<i>Жуынтаева З.Н., Турсунова М.А.</i> Употребление словосочетаний в древнетюркском языке ..	23
<i>Рапишева Ж.Д., Толенова С.А.</i> Терминоупотребления в первых образцах казахских деловых бумаг	29

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

<i>Абдуов М.И.</i> Научное исследование о Мағжане	35
<i>Жумагулов С.Б., Утяев А.Ф.</i> Композиционные приемы в современной башкирской поэзии	40
<i>Жумагельдин Ж.Ш.</i> Стилистические особенности эпиграмм Ж.Абдирашева	44

ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

<i>Galecka-Kubicz Joanna.</i> Language Humour in Agata Passent's Articles / Способы выражения юмора в статьях Агаты Пассент	52
<i>Kopzhasarova U.I., Kikimova A.T.</i> Reflection of culture by means of phraseological units / Фразеологический фонд языка как средство отражения культуры народа	55
<i>Maldybaeva G.K., Amalbekova M.B.</i> The comparative analysis of Robert Burn's poems in Russian and Kazakh languages. (based on the poem «McPherson's Farewell») / Сравнительный анализ стихотворений Роберта Бернса на русский и казахский языки (на примере стихотворения «Макферсон перед казнью»)	61

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «ФИЛОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ»

Секция 1 СОВРЕМЕННЫЕ ПАРАДИГМЫ ХУДОЖЕСТВЕННОСТИ

<i>Бралина С.Ж., Девянина М.С.</i> Имя как феномен традиционной культуры	66
--	----

<i>Савченко Т.Т., Абдрахманова Е.А.</i> Қазіргі әдебиеттанудағы князь Мышкиннің бейнесін талдау: мәселенің қойылуы.....	72
<i>Загинайко О.Ю.</i> XX ғасыр соғыс прозасындағы кейіпкердің тіл ерекшелігі поэтикасы.....	77
<i>Поляк З.Н.</i> «Жан» мен «тән» таласы: А.Тарковский өлеңінің қазіргі оқытылуы.....	84
<i>Токмагамбетова Д.К.</i> В.С.Маканиннің «Ключарев-роман» роман-коллажының уақытша-кеңістік ұйымдастырылуы.....	90
<i>Абишева С.Д., Асылбекова М.С.</i> А.Кушнер поэзиясындағы қала топосы.....	96
<i>Горбунова Г.З., Мамедова Т.М.</i> А.Платонов прозасындағы өсімдіктер әлемі.....	102
<i>Мецзякова Ю.Б.</i> Христиан отбасының құндылығы (П.И.Мельников-Печерскийдің «Гогайда» романының материалы бойынша).....	106

2-секция ОРЫС ТІЛІНІҢ СИНХРОНИЯСЫ МЕН ДИАХРОНИЯСЫ

<i>Фурсанова Т.В.</i> Саяси дискурстағы «шак» концептісі манипуляция факторы ретінде.....	112
<i>Пак М.К., Витковская Т.Н.</i> Орыс тілінің диалект жүйесіндегі контонимативті мерекелердің лингвомәдениеттілік ерекшеліктерінің номинациясы.....	117
<i>Агманова А.Е., Кульмаганбетова Д.С.</i> Түрлі құрылымды тілдердегі келісу/келіспеушілік репрезентациясының әмбебаптық және идиоерекшелік түрлері.....	121
<i>Пак М.К., Мудровская А.М.</i> Дуалау мәтіндеріндегі кеңістік тілдік үлгісі.....	128
<i>Ермекова Ж.Т.</i> Д.Накиповтің көркем мәтіндеріндегі образдар жүйесі.....	132

3-секция ЛИНГВИСТИКА МЕН ЛИНГВОДИДАКТИКА- НЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ

<i>Аманбаева Г.Ю., Акынжанова А.А.</i> Шағын әлеуметтік топтардағы тіл дайындығының ерекшеліктері туралы.....	138
<i>Аманбаева Г.Ю., Касенова Н.А.</i> Орыс тілі сабағында коммуникативтік құзыреттілікті дамыту.....	143
<i>Мажитаева Ш.М., Қаппасова Ә.</i> «Жақсылық» пен «Жамандық» концептісінің тілдік репрезентациясы (жыраулар поэзиясы негізінде).....	148
<i>Токсанбаева Ш.А.</i> Аудармадағы этносемантикалық және стилистикалық ерекшеліктер.....	155
<i>Мажитаева Ш.М., Қасқатаева Ә.</i> Фразеологизмдер құрамындағы түр-түс атаулары: лингвотанымдық талдау.....	159
<i>Айтпаева А.С., Рахметова А.Т.</i> Техникалық мамандық студенттеріне орыс тілді оқытудың инновациялық әдістері.....	166

<i>Савченко Т.Т., Абдрахманова Е.А.</i> Қазіргі әдебиеттанудағы князь Мышкиннің бейнесін талдау: мәселені қою.....	72
<i>Загинайко О.Ю.</i> XX Ғасырдағы соғыс прозасындағы кейіпкердің тіл ерекшелігіндегі поэтика.....	77
<i>Поляк З.Н.</i> Спор «души» и «тела»: современное прочтение стихотворения А.Тарковского ..	84
<i>Токмагамбетова Д.К.</i> Пространственно-временная организация романа-коллажа «Ключарев-роман» В.С.Маканина.....	90
<i>Абишева С.Д., Асылбекова М.С.</i> Топос города в поэзии А.Кушнера.....	96
<i>Горбунова Г.З., Мамедова Т.М.</i> Мир растений в прозе А.Платонова.....	102
<i>Мецзякова Ю.Б.</i> Семья в свете христианских ценностей (на материале романа П.И.Мельникова-Печерского «В лесах»).....	106

Секция 2 РУССКИЙ ЯЗЫК В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

<i>Фурсанова Т.В.</i> Концепт «время» как фактор манипуляции в политическом дискурсе.....	112
<i>Пак М.К., Витковская Т.Н.</i> Лингвокультурологические особенности номинаций контаминированных праздников в диалектной системе.....	117
<i>Агманова А.Е., Кульмаганбетова Д.С.</i> Универсальные и идиоспецифические формы репрезентации согласия/несогласия в разноструктурных языках.....	121
<i>Пак М.К., Мудровская А.М.</i> Языковая модель пространства в заговорных текстах.....	128
<i>Ермекова Ж.Т.</i> Парадигмы образов в художественном тексте Д.Накипова.....	132

Секция 3 АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

<i>Аманбаева Г.Ю., Акынжанова А.А.</i> Об особенностях языковой подготовки в микросоциальных группах.....	138
<i>Аманбаева Г.Ю., Касенова Н.А.</i> Развитие коммуникативной компетенции на занятиях русского языка.....	143
<i>Мажитаева Ш.М., Қаппасова Ә.</i> Языковая репрезентация концептов «добро и зло» (на материале поэзии жырау).....	148
<i>Токсанбаева Ш.А.</i> Этносемантическое и стилистическое своеобразие в переводе.....	155
<i>Мажитаева Ш.М., Қасқатаева Ә.</i> Цветовые обозначения в составе фразеологизмов: лингвокогнитивный анализ.....	159
<i>Айтпаева А.С., Рахметова А.Т.</i> Инновационные методы в обучении русскому языку студентов технических специальностей.....	166

<i>Мажитаева Ш.М., Оразова Б. Қазақ би-шендері туындыларындағы қайталаулар.....</i>	173
АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР	180

<i>Мажитаева Ш.М., Оразова Б. Повторы в риторических произведениях казахских бий-ораторов</i>	173
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	180

ЖАЛПЫ ЖӘНЕ ОРЫС ТІЛ БІЛІМІ

ОБЩЕЕ И РУССКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 808.2–45.+809.431.1–45

М.Джусупов, К.О.Сапарова

Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент (E-mail: mah.dzhusupov@mail.ru)

Фоностилистика и звуковая интерференция как истоки вариативности функционально-стилевого маркера языковой единицы и речи

В статье проанализирована проблема взаимосвязи фоностилистики и звуковой интерференции; фоностилика и звуковая интерференция рассмотрены как причины порождения вариативности стилистической окраски в языке и речи; стилистические маркеры языковой единицы в речи билингва подразделены на те, которые являются нормой для данного языка, и на те, которые появляются в результате формирования в сознании говорящего искаженного психообраза языковой единицы.

Ключевые слова: фоностилика, речевая интерференция, вариативность, функциональная стилистика, парадигматика, синтагматика, билингвизм.

1. Вводные замечания

Тип, или вид, стилистической маркированности языковой единицы и речи как в устной, так и в письменной форме ее реализации зависит от многих лингвистических и экстралингвистических факторов. Эти факторы способны менять стилистическую окраску языковой единицы как в рамках одного функционального стиля, так и в рамках разных функциональных стилей, поэтому стилистическая вариативность отдельной языковой единицы или высказывания — явление как внутрестилевое, так и межстилевое.

Лингвистических и экстралингвистических факторов, способствующих смене стилистической окраски лексемы или предложения, много. Эти факторы можно дифференцировать на следующие разновидности:

1. Лингвистические и экстралингвистические факторы, способствующие смене стилистической окраски языковой единицы и речи, основанные на внутренних и внешних свойствах данного языка (например, русского). В этом случае смена стилистического маркера (или стилистическая вариативность) происходит за счет ресурсов одного языка. Влияния второго или третьего языка не наблюдается. Такой тип функционально-стилевой вариативности стилистической окраски является ведущим. К этому типу смены стилистического маркера языковой единицы и речи относится прежде всего фоновариативность, т.е. средства фоностилистики, а также лексическая синонимия и т.д.

2. Лингвистические и экстралингвистические факторы, способствующие смене стилистической окраски языковой единицы и речи, основанные на внутренних и внешних свойствах как данного языка (например, русского), так и другого языка, контактирующего с русским языком (например, казахского или узбекского). В этом случае смена стилистического маркера языковой единицы происходит под воздействием другого (второго) языка. Как правило, такая смена функционально-стилевого маркера — результат ошибки индивида или социума в речи на неродном (изучаемом) языке. Подобная стилистическая вариативность — нарушение стилистических норм изучаемого (русского) языка. Однако с точки зрения индивида, только-только формирующегося в качестве билингва, это не ошибка. С точки зрения же индивида, носителя русского языка, это ошибка, которая в подавляющем боль-

шинстве случаев воспринимается как отрицательная смена стилистической окраски языковой единицы и речи. Такая смена стилистической окраски чаще всего оценивается как сниженная.

Причиной этого типа смены стилистического маркера языковой единицы и речи прежде всего является интерференция (в нашем случае звуковая интерференция).

Изучение вариативности стилистического маркера, как и всякого языко-речевого явления, тесно связано с уровневой структурой языка, дихотомией *язык и речь*, парадигматикой и синтагматикой языковых единиц. Поэтому прежде, чем приступить к изучению смены стилистического маркера с позиций положений фоностилистики и звуковой интерференции, коротко рассмотрим названные выше основополагающие понятия и положения языка как системы и языка как процесса.

2 Язык как парадигматическая и синтагматическая структура

А.А.Реформатский писал, что без структурного понимания языка «нельзя дать правильного (т.е. адекватного действительности) синхронного описания языка в любом его историческом статусе (будь то сугубая современность или же какой-нибудь там XI век), совершенно невозможно строить типологию языков... структурное понимание языка преследует цель более высокой степени реальности познания лингвистического объекта и более адекватной его интерпретации в изложении науки» [1; 516–517].

Язык, по А.А.Реформатскому, как орудие коммуникации и важнейший источник информации, проявляется прежде всего в своем знаковом качестве и структурно-системных свойствах, которые предопределяют рассмотрение и изучение фактов языка в рамках структурализма, то есть язык — «логически организованная репрезентация онтологии своего предмета» [1; 517], которая реализуется в парадигматике и синтагматике. Он состоит из знаков и его отношений, воспринимаемых как знаки в их аналитической и структурной расчлененности по ярусам и уровням. Лингвистические знаки как члены системы входят в определенные системные связи и структурные отношения в пределах каждого из ярусов и уровней языка и вне этих связей и отношений они не существуют.

Язык выявляет в каждом ярусе своей структуры иерархически сподчиненные единицы и их аллоэмы (аллофоны, алломорфы, аллосемы и т.п.) и устанавливает соотношения между единицами разных ярусов: «высшая единица низшего яруса является низшей единицей высшего яруса» [1; 518].

В структуре языка наблюдаются тождества и нетождества как в пределах одного яруса, так и в пределах разных ярусов, поэтому понятие структуры языка нельзя подменять понятием механического упорядочения и устройства [1; 518].

Структурное понимание языка сводится, в целом, к следующим основным положениям [1]:

1. Язык — система взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов (Ф. де Соссюр).
2. Язык характеризуется структурной стратификацией и выделением языковых уровней.
3. Единицы языковых уровней тесно связаны между собой и обуславливаются друг другом.

4. Взаимосвязанность и взаимообусловленность структурных элементов языка отражается в парадигматическом и синтагматическом аспектах функционирования языковых единиц.

5. Структура языка не носит характер «механического упорядочивания и устройства» [1]. Она способствует раскрытию функциональной природы языковых единиц как коммуникативных средств общения, создавая предпосылки для реализации их семантической и семасиологической специфики.

Образцом структурного понимания языка и его ярусов, как утверждает А.А.Реформатский, является фонология [1; 519]. Так, структурное понимание языка в разработке проблем в области фонологии отражается:

- 1) в различении релевантных и иррелевантных признаков и их иерархии в составе фонемы;
- 2) в определении звуков, которые не могут встретиться в одной позиции или могут замещать друг друга как аллофоны в тех же морфемах, как разновидности одной фонемы, а звуков, которые могут встречаться в одинаковой позиции и различать смысл — как различные фонемы;
- 3) в разграничении фонетического варьирования и морфологических (морфонологических) альтернатив;
- 4) в качественной дифференциации типов и результатов варьирования, нейтрализации противопоставленных фонем в одном варианте и вариации фонемы;
- 5) в структурном подразделении позиций на сигнификативные, связанные с дифференциацией и нейтрализацией, и на перцептивные, позволяющие определить основной вид фонемы и ее вариации;
- 6) в выявлении результатов нейтрализации фонем вследствие их варьирования;

7) в выделении категорий фонем, ведущих и побочных в порядке своей иерархии, обуславливающих всю фонетическую систему языка [1; 522–523].

Структурное понимание языка предполагает синхронное изучение и описание его структуры, поиск эффективных методов лингвистического анализа и описания языковой системы в целом.

Одним из таких методов структурного описания фонологии и других ярусов языка является метод анализа различных фонетических явлений в аспекте теории значения.

Теория значения составляет основу лингвистической концепции Дж.Р.Ферса — идейного организатора и теоретика лондонской лингвистической школы [2].

Согласно теории значения Дж.Р.Ферса, каждая языковая единица имеет значение, которое определяется как комплекс функций, осуществляемых данной языковой единицей в высказывании, в определенном контексте и ситуации коммуникации. Этим комплексом функций, то есть значением, наделяется лингвистическая форма языковой единицы.

Каждый уровень языка создает те или иные условия для реализации одной (нескольких) из функций лингвистической формы, выступая для нее определенным контекстом. В связи с этим значения лингвистической формы конкретизируются, подразделяясь на семантическое, грамматическое, фонологическое и др.

Контекст на внутрилингвистических уровнях анализа подразделяется на два измерения: парадигматическое и синтагматическое, которые рассматриваются как «единство, одновременно раскрываемое в ходе анализа» [2; 9]. Последнее обстоятельство есть неперенное условие эффективности исследования речевой деятельности во всем многообразии ее проявлений и функций в наши дни, когда наблюдается переход от формального структурализма лингвистических изысканий к функционально-коммуникабельному подходу. Иначе говоря, лингвистические исследования языковой системы не сводятся сегодня к простому описанию и инвентаризации языковых средств, а преследуют цель их изучения в непосредственном процессе общения, в реальных актах коммуникации. Анализ функционирования языковых единиц в речи, их синтагматических и парадигматических особенностей позволяет выявить совокупность всех возможных взаимосвязей и взаимоотношений, в которые вступают языковые средства в процессе речепроизводства, и, следовательно, установить систему и структуру их языковой организации.

Изучение парадигматических отношений, по Дж.Р.Ферсу, должно способствовать установлению системы, а анализ синтагматических отношений позволит раскрыть структуру. Таким образом, языковые средства, вступающие в парадигматические отношения, выступают членами парадигматической системы, а языковые средства, вступающие в синтагматические отношения, — членами синтагматической структуры [2].

Из изложенного выше следует, что система реализует парадигматические отношения языковых средств, а структура обуславливает их синтагматические особенности. Условием реализации парадигмо-синтагматических отношений языковых средств является наличие позиции.

3 Фоновариативность и стилистическая окраска

М.В.Панов, исследуя произносительные изменения в русском литературном языке, определяет синтагматические фонетические законы как законы сочетания единиц, а парадигматические — как законы чередования единиц [3; 6].

Синтагматические фонетические законы изучаются в фонетической синтагматике, или синтагмо-фонологии [3; 6]. Основная задача синтагмо-фонологии сводится к вопросам различения слов посредством анализа законов сочетания звуковых единиц и выявления их различителей — звуковых признаков.

Звуковые признаки, выполняющие в составе слова различительную функцию, называются, по М.В.Панову, синтагмо-фонемами. Например: единственным признаком, различающим слова *вес* и *весь*, *влез* и *влезь* является твердость согласного [с] в позиции конца слова. Этот признак можно также назвать релевантным, функциональным, значимым [3; 6].

Фонетическая парадигматика, или парадигмо-фонология, изучает парадигматические фонетические законы — законы отождествления звуковых единиц, которые позиционно чередуются. В качестве основной единицы в фонетической парадигматике выделяется парадигмо-фонема.

Парадигмо-фонема — это «ряд позиционно чередующихся звуков, которые являются (в виду того, что они чередуются позиционно) функциональным тождеством» [3; 7]. Например: в парадигмо-

фонему [d] в словах *род-родной-родить*, *обед-обедать-обеденный* объединяются звуки [m-d-ð], а парадигмо-фонему [b] в словоформах *хлеб-хлеба-о хлебе*, *раб-раба-о рабе* составляют звуки [n-b-b'].

Существующие исследования по фоностилистике посвящены преимущественно анализу стилистико-звуковой (или фонетико-стилистической) парадигматики. Исследование же синтагматического аспекта произносительной стилистики до сих пор остается вне поля зрения фоностилистов.

В то же время, как нам представляется, исследование синтагматического аспекта произносительной стилистики в совокупности с парадигматическими позволило бы полнее отразить динамику функционирования фоновариантов языковых единиц, обладающих стилистической окраской и раскрыть механизм фоностилистической организации высказывания [4, 5].

Так, нередко выбор того или иного фоноварианта слова связан со структурно-грамматическими, точнее синтагматическими особенностями слова. Например, фоновариант союза и частицы *же*, обозначающий то же, что *же*, употребляется после слов, оканчивающихся на гласный: *Куда ж ты?* Со стилистической точки зрения фоноварианты *ж* и *же* не разграничены. Фоновариант союза и частицы *ль* также употребляется после слов, оканчивающихся на гласный, однако по отношению к стилистически нейтральному варианту произношения является книжным.

Таким образом, в разработке проблем фоностилистики недостаточно констатировать инвентарь фонетико-стилистических парадигм (фоновариантов языковых единиц). Следует принять во внимание, в какие синтагматические отношения вступают данные фоноварианты, как они используются в звучащей речи, чем мотивируется их выбор в конкретной сфере или ситуации общения.

Заметим, что исследование синтагматического и парадигматического аспекта функционирования стилистически обусловленных звуковых средств будет неполноценным без учета семантической функции фоновариантов языковых единиц, определяемой в тесной связи с конкретной ситуацией, в которой используются эти фоноварианты.

Синтагматические и парадигматические отношения стилистически обусловленных фоновариантов языковых единиц свидетельствуют о наличии фоностилистической системы и структуры языка. Действительно, в каждом языке наблюдаются варианты формы выражения одной и той же языковой сущности. Речь идет не только о синонимах, которые представляют собой разные лексические единицы с близким или тождественным значением, но и о произносительных вариантах одной и той же языковой единицы (фонемы, слова, словосочетания, предложения и т.д.). Например, в русском литературном языке небольшое или молодое дерево называется *дере́вце*, но можно назвать и как *дере́вцо*. Казахский народный щипковый музыкальный инструмент с грушевидным корпусом, длинным грифом и двумя струнами, родственный русской домре и балалайке, называется *дóмбра* (в русском произношении), но можно и как *домб́ра* (аналогично казахскому произношению).

Национальное русское блюдо — праздничный или обрядовый пирог из сдобного пресного теста с начинкой из курятины с белыми грибами, яйцами, петушиными гребешками, пряной зеленью называется *ку́рник*, но можно также произносить и как *курни́к* (примеры представлены из Большого толкового словаря русского языка) [6].

Эти и подобные фоноварианты языковых единиц представляют собой системные факты, так как они являют собой формы выражения объективного содержания, выбор одной из которых требует от говорящего на каком-либо языке определенных системных знаний о правильном и уместном построении высказывания, оформления своих мыслей.

Фоноварианты языковых единиц могут различаться степенью частотности их употребления, некоторыми семантическими оттенками эмоционально-экспрессивного или прагматического характера, сферой и ситуацией функционирования, территориальной обусловленностью и т.д. Существование и функционирование параллельных форм звукового оформления одной и той же языковой сущности в рамках системы языка зависит не столько от лингвистических факторов (хотя их порождает сама языковая система), сколько от внеязыковых, экстралингвистических.

В этом вопросе мы придерживаемся мнения В.Дорошевского о том, что степень системности языковых форм (конструкций) «нельзя точно определить, не учитывая их внеязыковой социальной значимости. Смысл понятия системности — в его социальном характере; никакого иного смысла это понятие иметь не может: системно то, что является нормой в определенной среде». Термин «системный» «может значить только «средовой», а «средовой» значит — присущий составляющим известную совокупность людям». Следовательно, «познавать языковую норму мы можем, лишь изучая язык как социальный процесс, т.е. в его речевых (устных или письменных) проявлениях. Всякая языковая

норма существует постольку, поскольку она предопределяет употребление говорящими на данном языке известных форм» [7].

Выбор той или иной формы языкового выражения обуславливается наряду с другими причинами социально-языковым опытом говорящих на данном языке индивидов. Чаще всего воспроизводится общественный, принятый данным коллективом и распространенный среди его членов языковой образец. Этот образец может быть отличным от общелитературной, кодифицированной нормы.

Дело в том, что наличие в системе языка нескольких произносительных вариантов неизбежно свидетельствует о том, что для каждого отдельного говорящего на передний план выступает только один из них. А это с точки зрения говорящего в отличие от точки зрения лингвиста — не стилистический вариант, а норма, которая может отличаться от закреплённой в словарях.

Следовательно, явление фоновариирования, а шире — фоностилистики, — это не механическая сумма фоновариантов языковых единиц, а проявление языка в условиях определенного контекста жизненной ситуации того или иного коллектива. В таком контексте проявление индивидуального языка отдельной личности, не несущее особую стилистическую нагрузку, будет воспринято как ошибка, отклонение от общепринятой нормы.

4 Звуковая интерференция и стилистическая окраска

В сознании человека и общества сформированы психообразы (психические образы, или психические впечатления, по И.А.Бодуэну де Куртенэ [8]) языковых единиц того языка, который является генетически родным или же является языком № 1, на котором осуществляется все языковое общение. Именно это обстоятельство позволяет всем представителям одного языка полноценно понимать друг друга, независимо от того, на одном или на разных географических пространствах они расселены.

Психообразы языковых единиц в сознании индивида и общества формируются в условиях родной языко-речевой стихии.

Если же человек с младенческого возраста воспитывается в условиях неродной языковой стихии, то в его сознании формируются психообразы языковых единиц и их сочетаний генетически неродного языка, который становится основным средством общения.

Таким образом, психообразы языковых единиц и их сочетания не присутствуют в сознании человека от рождения: они формируются в конкретном языковом коллективе, то есть начинают присутствовать и функционировать после рождения человека, когда он (ребенок) различает звучание слов, их значения и употребляет в речи соответствующие языковые единицы.

Формирование психообразов языковых единиц неродного (или второго) языка в сознании индивида связано с восприятием и пониманием новых звуков, слов и их сочетаний, которые ранее ему были неизвестны.

Формирование новых (неродных) психообразов языковых единиц в целом сопровождается двумя процессами, которые в языкознании называются фацилитацией и интерференцией.

Фацилитация — это сходство родного и неродного языков, которое облегчает овладение вторым языком, а следовательно «безболезненно» формирует в сознании индивида новые (неродные) психообразы языковых единиц и их сочетания. Таким образом монолингв становится билингвом.

При наличии фацилитации в сознании индивида формируются правильные (неискаженные) психообразы языковых единиц неродного языка.

Интерференция — это ошибки в речи на втором языке, которые порождаются несхождением в значениях, в структурах языковых единиц родного и неродного языков.

Интерференция может быть теоретически возможной и фактически присутствующей; уровневой (фонетико-фонологической, лексической, словообразовательной, морфологической, синтаксической); надъуровневой (ситуативной, стилистической) и т.д.

Традиционно речевую интерференцию понимают как результат отрицательного влияния особенностей родного языка на процесс овладения неродным языком, т.е. интерференция определяется как результат одностороннего процесса.

Мы же речевую интерференцию понимаем как двусторонний процесс, т.е. как результат одновременного влияния особенностей и родного языка, и неродного языка [9].

При наличии интерференции в сознании индивида формируются искаженные (неправильные) психообразы языковых единиц неродного языка, которые могут влиять на изменение функционально-стилевой маркированности языковой единицы изучаемого языка в речи билингва.

Функционально-стилевая маркированность звучащей речи на неродном языке характеризуется вариативностью. Объясняется это многими причинами. Одной из главных среди них, на наш взгляд, является наличие звуковой интерференции в речи на втором языке, которая появляется в результате контактирования в сознании говорящего звуковых психообразов родного и неродного языков и реализуется в фонетической продукции [9; 147–175]. Таким образом, звуковая интерференция — это проблема не только артикуляционно-интонационная, но и функционально-стилевая.

Изменение функционально-стилевой принадлежности речи на неродном языке в условиях субординативного билингвизма происходит как на уровне отдельного слова, словосочетания, предложения, так и на уровне текста. Например:

1. Когда в тюркской (казахской, узбекской и др.) аудитории билингв произносит [б, еш, ір,] вместо *вечер*, то это слово в восприятии русского человека теряет свою нейтральную стилистическую окраску и приобретает разговорную (сниженную). Для самого говорящего функционально-стилевая принадлежность слова в данном случае не имеет никакого значения, так как на этом этапе овладения языком он занят только тем, чтобы фонетически правильно его воспроизвести. И наоборот, когда этот же индивид произносит русское слово со сниженной стилистической артикуляцией, но очень аккуратно (искусственно правильно), с повышенной интонацией, то это слово в восприятии таких же, как он, изучающих русский язык индивидов приобретает высокую стилистическую окраску. Например: [бо: лва: н] (обе гласные под ударением) *болван*. В восприятии русского человека такое неестественное произношение в еще большей степени снижает стилистическую окраску языковой единицы.

2. Такое же явление наблюдается в русской речи студента с тюркским языковым мышлением, когда он продуцирует предложение или микротекст. Так, следующее предложение с нейтральной стилистической окраской в его звучащей речи приобретает разговорную (сниженную) стилевую принадлежность, например: [маскыва ысталиса руссии] *Москва — столица России*.

Итак, функциональные стили звучащей речи характеризуются как постоянством, так и непостоянством. Последнее (непостоянство) зависит как от внутренних возможностей языка и звучащей речи, так и от особенностей взаимодействия и взаимовлияния двух контактирующих звуковых систем.

Речь на неродном языке, сопровождающаяся звуковой интерференцией, искажается не только фонологически и фонетически, но и стилистически. Отрицательная стилистическая функция звуковой интерференции мало исследована, что объясняется, на наш взгляд, следующими положениями:

1. Явной наглядностью фонетико-фонологической интерференции в речи билингва на неродном языке в отличие от функционально-стилевой принадлежности самой речи в целом. Носитель языка звуковые ошибки в речи билингва воспринимает сразу и оценивает такое произношение как сниженное, ненормативное. При этом он (носитель языка, изучаемого билингвом) может и не знать настоящую стилевую принадлежность языковой единицы или данного отрезка речи (функционально-стилевая: научная, официально-деловая, публицистическая, художественная, разговорная; эмоционально-экспрессивная: стилистическая окраска радости, восторга, пренебрежения, уничижения и т.д.). Для него главным является то, что билингв произнес неправильно не только в плане звуковом, но и в плане стилистическом. Произнесенное билингвом не соответствует стилистическому психообразу языковой единицы или речи в целом, сформированному в его сознании, поэтому он интерференцированную речь воспринимает прежде всего как речь со сниженной (в лучшем случае с разговорной) стилистической окраской.

2. Иерархичностью звукового строя языка как самостоятельного уровня в отличие от межуровневости стилистики в целом и функциональной стилистики в частности. Тот факт, что стилистика не входит в уровневую структуру языка, порождает много сложностей у обучающихся в процессе ее овладения. Для билингва представляет большую трудность усвоение соотношения стилистической окраски со всеми уровнями языка: например, то, что стилистическая окраска высоты может быть создана как средствами фонетики, так и средствами всех других уровней языка. Именно это обстоятельство способствует тому, что говорящий на неродном языке в звуковом плане может маркировать языковую единицу любой стилистической окраской (прежде всего сниженной).

3. Сложностью определения функционально-стилевой принадлежности языковой единицы или отрезка звучащей речи неродного языка. Человек, допускающий в речи на неродном языке речевую интерференцию, слабо владеет этим языком, следовательно, для него большой трудностью является и правильное определение стилистического маркера языковой единицы или высказывания в целом. Объясняется это тем, что в его сознании не сформированы психообразы типов и видов стилистической окраски второго языка.

4. Сложностью обнаружения связи фактов звуковой интерференции на неродном языке с функционально-стилевым статусом языковой единицы или завершенного по смыслу отрезка речи. Исследователь речевой интерференции и стилистики практически не уделяет внимания факту связи изменяемости стилистического маркера языковой единицы с типами и видами произносительных ошибок в речи билингва на втором языке. Эта связь очень тонкая. Исследователь, как правило, рассматривает речевую интерференцию и стилистическую окраску отдельно, независимо друг от друга. (Исключением является выделение стилистической речевой интерференции. Но в этом случае вариативность функционально-стилевого маркера языковой единицы или речи не исследуется как результат порождения интерференцированной речевой продукции).

5. Незаработанностью (или малоисследованностью) методики дифференциации фактов фоностилистики и ее лингводидактического описания [10] и фактов изменения функционального стиля речи на неродном языке под влиянием звуковой интерференции.

Итак, функциональные стили звучащей речи и звуковая интерференция, появляющаяся в процессе речепроизводства на неродном языке, имеют точки соприкосновения. Исследование функциональных стилей звучащей речи на неродном языке с учетом влияния фактов звуковой интерференции на стилистический статус языковой единицы, завершенного отрезка речи или же речи в целом имеет большое лингвотипологическое и лингводидактическое значение.

5 Заключительные замечания

Исследование функциональных стилей звучащей речи, их вариативности как в плане содержащихся в ней отдельных языковых единиц, так и в целом высказывания имеют не только монолингвальное, но и би- и полилингвальное значение. Монолингвальный аспект исследования смены стилистического маркера в языке и речи традиционно осуществляется регулярно и последовательно (стилистическая фоновариативность, стилистическая синонимия и т.д.). Полилингвальный же аспект данной проблемы почти не изучен. На наш взгляд, это обстоятельство объясняется тем, что смена стилистического маркера языковой единицы за счет внутренних и внешних свойств одного языка — явление хорошо просматривающееся, имеющее четкие границы в рамках каждого языка. Например, смена стилистической окраски языковой единицы в русском языке за счет изменения ее фонемного состава или же за счет изменения места словесного ударения. В случае же с изменением стилистического маркера языковой единицы, например, русского языка, под интерферирующим влиянием второго языка (например, казахского или узбекского) — явление четко не просматривающееся, явление, не имеющее очерченных границ, так как является продуктом отрицательного влияния особенностей другого языка. Поэтому подобную смену стилистической окраски языковой единицы, как правило, относят к проблеме теории интерференции. Мы считаем, что изменение стилистической окраски языковой единицы в речи билингва на неродном языке под воздействием особенностей родного языка и в связи с незнанием стилистики изучаемого языка следует рассматривать не только как проблему теории интерференции, но и как стилистическую проблему внутри русского языка (в нашем случае). Такой подход будет способствовать рассмотрению данного стилистического явления как междисциплинарного явления, как «отрицательного» результата лингвокультурологической межкультурной коммуникации. Это позволит расширить исследование «интерференцированной стилистики» (термин М.Джусупова) как в рамках теории интерференции, так и в рамках стилистики русского (или любого другого) языка, лингвистической типологии, лингводидактики, методики и межкультурной коммуникации.

Список литературы

- 1 Реформатский А.А. Из истории отечественной фонологии. Очерк. Хрестоматия. — М., 1970. — 528 с.
- 2 Гюрджаянц С.М. Общелингвистические аспекты фонетико-просодической концепции лондонской лингвистической школы: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М., 1989. — 23 с.
- 3 Панов М.В. История русского литературного произношения XVII–XX вв. — М., 1990. — 453 с.
- 4 Джусупов М., Маркунас А., Сапарова К.О. Современный русский язык. Фоностилистика: Вуз. учеб. — Познань: Ун-т им. Адама Мицкевича; Ин-т русской филологии, 2006. — 248с.
- 5 Сапарова К.О. Фоностилистика русского и узбекского языков. — Ташкент: Узбекистан, 2006. — 272 с.
- 6 Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А.Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2002. — 1536 с.

7 *Дорошевский В.* Несколько слов о понятии системы в языке. Язык и шахматы) // Проблемы современной филологии. — М., 1965. — С. 125.

8 *Бодуэн де Куртенэ И.А.* О связи фонологических представлений с представлениями морфологическими, синтаксическими и семасиологическими // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избр. тр. по общему языкознанию. — Т. 2. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 163–174.

9 *Джусупов М.* Звуковые системы русского и казахского языков. Слог. Интерференция. Обучение произношению. — Ташкент: Фан, 1991. — 240 с.

10 *Джусупов М., Сапарова К.О.* Лингводидактические проблемы фоностилистики как учебной дисциплины // Русский язык за рубежом. — 2006. — № 3. — С. 53–60.

М.Джусупов, К.О.Сапарова

Фоностистика мен дыбыстық интерференция тіл бірлігінің және тілдесімнің функционалды-стильдік реңктерінің өзгеруінің негізі ретінде

Мақалада фоностистиканың және дыбыстық интерференцияның сөздің стилистикалық реңкіне әсер етуі талқыланды. Тіл бірлігінің екі түрлі стилистикалық реңкі зерттелді: әдеби тілдегі нормативтік стилистикалық реңк және билингвтің екінші тілде қарым-қатынас жасау барысындағы интерференцияның әсерінен пайда болған стилистикалық реңк. Билингвтің сана-сезіміндегі нормативтік және интерференцияға ұшыраған стилистикалық реңктердің психобейнелерінің ұқсастықтары мен айырмашылықтары айқындалды.

M.Dzhusupov, K.O.Saparova

Phonostylistics and sound interference as sources of variability of a functional and style marker of language unit and speech

The article focuses on the issues of relationship between phonostylistics and sound interference are viewed as the reasons for producing variability of stylistic colourings in language and speech. Stylistic markers of language units in a bilingual person's speech are divided into two main varieties: those that are considered to be the norm for the given language; those that appear as a result of formation of a distorted psychological image in the language speaker's mind.

ҚАЗАҚ ТІЛ БІЛІМІ КАЗАХСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ӨЖ 81'42:811.512.122

А.С.Әділова

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті

М.Әуезов шығармалары және мәтінаралық байланыстар

Мақалада М.Әуезовтің дара мәнерін танытатын бір ерекшелік ретінде «Абай жолы» роман-эпопеясындағы мәтінаралық байланыстар көрсетіліп, олардың қызметі қарастырылған. Жазушы сөзқолданысын эталон ретінде таныған қаламгерлердің кейінгі буындарына роман-эпопея претекст ретінде қызмет етеді, яғни оны күшті әдеби мәтіндер қатарына жатқызуға болады.

Кілтті сөздер: цитация, мәтінаралық байланыстар, претекстер, күшті әдеби мәтіндер, концептуалды-мазмұндық ақпарат, ықпал.

Бай да шұрайлы тілмен жазылған шығармалары арқылы ұлттық көркем әдебиетте өшпес атын қалдырып, хакім Абайды халқымыздың өзіне де, өзгеге де танытқан, қазақ асыл сөзін еуропалық деңгейге көтерген М.О.Әуезовтің «Бүгінгі жазушының ойлануы мен сезінуін және сол екеуін әдебиеттік сөздік арқылы, сөйлемдер арқылы қалыптауы мүлде жаңарып кетті. Шеберленген, мәдениеттенген қазақ тілімен жазып отырған өлеңдерінде, қарасөздерінде, пьесаларында қазақ жазушысы барлық сезім мен ойларын жаңаша, өзгеше қалыптауға тырысады» [1] деген сөзі бұдан 60 жыл бұрын айтылса да, өз мәнін әлі жойған жоқ. Осы орайда ойды өзгеше қалыптаудың, жеткізудің, сөз саптаудың бір түрі ретінде қазіргі қазақ көркем мәтіндерінде кездесетін интертекстерді атауға болады. Әлемдік әдеби үдерісте модернизм және постмодернизм бағыттарының пайда болуымен, ондағы цитатамен жазу, диалогтік байланыс, қатынас сияқты құрылымдық-семантикалық элементтермен байланысты туындаған интертекстуалдылық құбылысы қаламгер үшін де, оқырман үшін де көпфункционалды.

М.Әуезов қорының деректері жазушы шығармашылығын әр қырынан зерттеген 40 шақты диссертацияны көрсетеді [2]. Алайда көркем әдебиет тілі туралы ұстанымдары тілші-ғалымдардың бірнеше буынына бағдар болып отырғанына қарамастан, қаламгердің өзіндік дара мәнерін танытатын сөзқолданысы, тіліндегі ерекшеліктерді танып, талдау әлі де болса өз деңгейінде емес.

Жазушының 100 жылдық мерейтойы қарсаңында тілші-ғалымдардың алдында тұрған міндеттерді Р.Ғ.Сыздық: «1. М.Әуезовтің бүкіл көркем туындыларының тілін кеңінен зерттеуді бастау; 2. М.Әуезовтің публицистикасы мен ғылыми еңбектерінің де тілі стильдік, лексикографиялық, лексикологиялық зерттеулерді күтеді; 3...М.Әуезовтен өзгелер, әсіресе кейінгі буын қалам иелері көп үйренген, әсер алған, зор ықпалын сезінген... Тілге келгенде «Әуезов мектебі» дегенді айта аламыз ба, айтсақ, сүйенетін тіректер, дәлелдейтін фактілер қандай — міне, осылар да зерттеуін күтетін мәселелер; 4. М.Әуезов тілінің сөздігін жасау» деп [3] бірнеше топқа бөліп көрсеткен еді. Бұл міндеттердің кейбірі орындалса, енді біреуі әлі де өз кезегін күтуде. Мәселен, өткен ғасырдың 90-шы жылдары М.Әуезовтің толық шығармалар жинағы ЭЕМ жадына енгізіліп, нәтижесінде 1995 жылы «М.Әуезовтің 20 томдық шығармалар текстерінің жиілік сөздіктері» атты сөздіктер жүйесі жарық көргендігі белгілі. Сондай-ақ М.Әуезовтің публицистикасын функционалдық стилистика тұрғысынан қарастырған монографияны да атауға болады [4].

Осы орайда жазушының көркем мәтіндеріндегі түрлі келтірінді құрылымдардың түрлері, қызметі, дереккөздері, мәтін семантикасын түзуге әсері қарастырылмай отырғанын атай кеткен

орынды. Цитация қағидатымен енгізілген келтірінді құрылымдар автордың өз баяндауында, кейіпкерлер тілінде кездесіп, мәтінаралық байланыстарды көрсетеді.

Мәселен, «Абай жолы» роман-эпопеясында автор өзінің басты кейіпкерінің образын ашу үшін оның өлеңдерін келтіреді, яғни туындының мазмұндық-концептуалды акпарын беру үшін мазмұндық-нақты ақпарға ақынның «Қараша, желтоқсан мен сол бір екі ай» өлеңі негізінде сюжеттік желі енгізеді де, өлең семантикасын вербалдайды. Жазушы бұл арқылы бірнеше мақсатты шешеді: роман оқиғасын өрбітеді; өз туысқандары мен өзге қарапайым адамдарға Абайдың көзқарасын танытады; Тәкежан аулындағы үлкен-кішіні мінездейді; белгілі бір локальді уақыттағы және кеңістіктегі өмір шындығы арқылы жинақталған типтік жағдайды көрсетеді; Абайдың өзін даралайды; өзінің субъективті пікірін білдіреді; мәтін түзеді. Қаламгердің негізгі объектісі Абай, ол өмір сүрген уақыт пен орта болғандықтан, романда ақынның өлеңдері мен жазушының қарасөзді баяндауының өзара әрекеттесуі, контекстік-ситуативті түрде бір-бірін толықтыруы, нақтылауы, байытуы заңды.

Жас достарымен әңгіме барысында Абайдың ел арасындағы дау-жанжалға қатысты ойларын балалық, азаматтық пейілмен сүйсінген Әбіш қолданған «Ұшқыннан алау атады!» сөзі, Е.М.Верещагин мен В.Г.Костомаровтың пікірінше, «әзірге әлсіз болса да, прогрессивті істің жеңбей тынбайтынына кәміл сенім білдіруді көздеген жағдайда келтіріледі. Түпкілікті жеңіс, қиындықтар мен кедергілерді түпкілікті еңсеру атап көрсетіледі» [5]. А.С.Пушкиннің «Во глубине сибирских руд...» и «К Пущину» өлеңдеріне А.И.Одоевский жазған жауаптан алынған «Из искры возгорится пламя» цитатасы о баста орыстілді тұлғаларда жағымды инвариантты қабылдауға ие. М.Әуезов бұл сөзді Әбіштің аузына салу арқылы бірнеше міндетті орындайды: Петерборда оқыған Әбіш өз кезінің саяси-әлеуметтік, демократиялық ой-пікірлерімен таныс екенін көрсетеді; әкесінің сөзіне қорытынды жасатады және баға бергізеді, өз кезегінде бұл жастар арасындағы көзқарастың нақтылануына ықпал етеді; мәтін модальділігін түзеді. Тек айта кету керек, арада елу жылдай өткен соң өз контекстінен ажыраған бұл цитатаны екінші Мұхтар мүлде жағымсыз мәнде қолданғаны байқалады [6].

Абайдың жас шәкірттерінің бірі — Дәрменнің қалыңдығын сипаттау, мінездеу үшін жазушы Әбішке бұрын өзі оқыған роман мазмұнына сілтеме жасатады, яғни интертекске жүгінеді, онда: «...жіңішке, сұңғақ бойлы, ашаң, жұқалаң жүзді сұлу әйел, махаббат жолына ең тұрақты сезім иесі болады депті. Толыққанды, қалың денелі әйелде тұрақты сезім сирек кездесіп, құрбандыққа шыдамсыздық көбірек ұшырасады — деп ұққаны да бар-ды. Өзі білгеннің көбін көңілде түйгенмен, сыртқа шығармайтын Әбіш, бұл сахарда жүрген қыздардың арасында Мәкенді ерекше бағалайтын».

Байқалып отырғанындай, «Абай жолы» роман-эпопеясында мұндай интертекстердің дереккөздері сан алуан: Абайдың төл туындылары, Шығыс, орыс, ислам өркениетіне сілтеме жасауға мүмкіндік беретін прецедентті есімдер, мәтіндер. Ал жазушы Абай тұлғасын ашу үшін оның танымдық кеңістігін, танымдық базасын танытатын, ашатын прецедентті құбылыстарды орнымен, уәжді қолданған. Сондықтан да әр претекске сүйене отырып, оларды роман-эпопеяның оқиғаларымен байланыстыра, салыстыра, қатар қоя отырып, оқырман сол кезең, Абай туралы мағлұмат, пікір, танымын одан әрі кеңейте түседі.

Дәл осы терминдермен болмаса да, бұл үдеріс туралы белгілі әдебиеттанушы З.-Ғ.Бисенғалидың «Абай «Қарасөздері» және «Абай жолы» эпопеясы» мақаласын атай кету — парыз [7].

Кез келген оқырман үшін көркем мәтіндегі ұсыну қағидатының маңызы зор. Бұл қағидатқа сәйкес, көркем мәтіндегі мән-маңызы жоғары негізгі ақпарды өзектендіретін арнайы тәсілдер болады, олар тіл жүйесінің барлық деңгейлеріндегі бірліктермен көріне алады. Ұсыну қағидатының типтері ретінде мәтінде стильдік тәсілдердің конвергенциясы, контраст, әр алуан қайталамалар, бірігу, алдамшы сенім әсері, мәтіннің күшті позициялары (тақырып, эпиграф, бастапқы және соңғы сөйлемдер) қарастырылады. Нақты бір көркем шығармада бұлардың бәрі конвергенциямен де, жеке-жеке де кездесуі мүмкін.

Ұсыну қағидатына сай қарастырыла алатын құралдардың бірі ретінде көркем мәтіндегі әр түрлі келтірінді құрылымдарды атауға болады. Келтірінді құрылымдар, немесе цитация, оқырман оқып отырған шығарманы өзге функционалды және семиотикалық жүйе мәтіндерімен, қоғамдағы әр кезде болған маңызы түрлі дәрежедегі әлеуметтік-саяси, тарихи-мәдени деректермен ассоциативтілік негізінде байланыстырады, сол мәтіндегі жекелеген оқиғаларды өзектендіреді. Олар өздері енгізіліп отырған мәтінде ойды дамыту, мәтін түзу, бағалау, айшықтау т.б. қызметтер атқарып, екі мәтінді қатар немесе қарсы қою, салыстыру арқылы оқырманның прагматикалық әсерін қалыптастырады.

Көркем мәтіннің тілдік құрылымына оның өзінен бұрын жазылған шығармалардың образдар жүйесін, жалпы мазмұнын, концептуалды, астарлы ақпарын еске түсіретін әр түрлі үзіктер таңба ретінде кіргізіліп, алғашқы туындының, яғни претекстің, семантикасында қатталған ақпармен ассоциация жасалады. Бұл ақын-жазушының саналы немесе өз еркінен тыс басқа шығармалардан алып қолдануы таза психологиялық, тұлғалық ұстанымдарға байланысты болады. Өзі оқыған мәтіннен жадында қалған сәтті, ұшқыр сөз, сөз тіркестерін, сөйлемді қаламгер қажеттілік туған кезде өз туындысына әр қилы мақсатта кіргізеді. Ондай келтірінді элементтер оқырмандар үшін де аса маңызды, өйткені олар көркем мәтіннің өзіне түсініксіз деген тұстарын басқа көркем шығармалармен байланыстыру арқылы ашып, қабылдай алады. Осындай келтірінді элементтер алынатын түпнұсқа мәтін претекст атауымен белгілі. Прецедентті мәтіндер *күшті әдеби*, *әлсіз әдеби* және *күшті әдеби емес* мәтіндер деп үшке бөлінеді. Күшті әдеби мәтіндерге ұлттық әдебиетіміздің мақтанышы болған ақын-жазушылардың эталон деп танылған, оқырмандардың тілдік жадында сақталған шығармаларын жатқызуға болады. Мұндай мәтіндер лингвомәдени қоғам мүшелерінің басым көпшілігіне таныс болып, олардың рухани, ділдік, этнопсихологиялық ұстанымдарына сәйкестігі нәтижесінде ұрпақтан ұрпаққа жетіп отырады да, құндылығы кемімейді.

Күшті әдеби мәтіндер деп Абайдың, Махамбеттің, М.Жұмабаевтың, Қ.Аманжоловтың, М.Мақатаевтың шығармаларын атаған орынды. Осы тұрғыдан келгенде М.Әуезовтің «Абай жолы» роман-эпопеясы да қаламгерлердің бірнеше буынына ықпал етіп, олардың сөз саптауына әсерін тигізгенін байқауға болады, яғни бұл ықпал интертекст ретінде вербалданған. Дәлелдеп көрелік:

Ақын Ғ.Жайлыбайдың «Ақ шуак» өлеңіндегі метафоралардың уәжділігі оқырманды біраз ойлантады:

... Айырмай-ақ есектен түйелерді,
Тыңдамай-ақ
халықтық күй-өлеңді.
Ақиқаттың тізгінін
жылдар бойы
Жәдігөйлік, жылпостық иеленді [8].

Өлең кеңестік қоғамдағы жылдар бойы қалыптасқан формалды қарым-қатынасты, адамдар бойындағы селқостықты, бейжайлықты бұзып, жаңа леп әкелген сәуір өзгерістеріне арналған. Сәуірмен жеткен жақсылықты айқындап көрсету үшін социализм тұсындағы қасандықты, жамандықты есекке теңейді. Дәстүрлі қолданыс болғандықтан, бұл заңды да, ал оған қарама-қарсы халық арасынан шыққан таңдаулы адамдарды түйеге теңеу қазақ тілінде сөйлеушілер үшін түсініксіз, уәжсіз. Әрине, халық тілінде *түйе* сөзінің парадигматикасына кіретін *нар тұлғалы, қара нардай, бурадай* сияқты эпитет, теңеулер мен *түйе балуан, наркескен, түйедей, түйеден түскендей, түйе бойына сеніп, жылдан құр қалыпты* тәрізді қолданыстар кездеседі және соңғы тілдік бірліктердің арасында семантикасы жағымдысы да, жағымсызы да бары байқалып тұр.

Ақын метафорасы «Абай жолы» романындағы Абай мен білімсіз орыс чиновнигінің диалогін еске түсіреді. Қаламгер жадында Абайдың өзін бағалауда *түйе* сөзінің жағымды коннотациясына сүйенгені қалған, соның нәтижесінде осындай тосын метафора пайда болған деген ойдамыз.

Кейбір көркем мәтіндердегі метафоралардың уәжділігі тек претекстерге байланысты болады, яғни қаламгердің тілдік, мәтіндік құзіреті өз еркінен тыс соны, тіпті окказионалды қолданыс тудыруы да мүмкін. Шығарманы оқып отырғанда мұндай метафоралар орынсыз көрініп, түсініксіз болып қалады, яғни олардың уәжділігі жетіспей, күмән тудырып жатады. Тек тереңірек ойланып, басқа мәтіндермен байланысын тапқанда ғана, ондай қолданыстардың қаламгердің еркінен тыс, тілдік құзіреті шегінде дербес пайда болғаны байқалады.

Төмендегі өлең жолдарынан сөз өнеріне жаңадан бет бұрып, жыр додаларына қатысып жүрген жас ақынның тілдік құзіреті соны метафоралар жасауға мүмкіндік бергені байқалады:

*Қысты күтем, пәктікке құмар байғұс,
Аязды аңсап, алқынып, тына алмайды іш.
Үш-ақ мезгіл мен үшін мына тірлік:
Қамқа — көктем,
Қодар — күз,
Құнанбай — қыс [9].*

Серік Сағынтайдың осы үзінділеріндегі метафораларға интертекстер, яғни прецедентті мәтін, символдары, негіз болған. Претексті еске салатын бұл есімдер арқылы оқырман олардың

эрқайсысына тән ерекшеліктермен ассоциация жасау негізінде жыл мезгілдерінің тосын, жаңа сипатын көз алдына әкеледі. Өйткені метафора екі контекстің бір-біріне әсері нәтижесінде пайда болған. Бұл орайда қазіргі лингвистикадағы метафора мен метафоризация процестері туралы тұжырымдамалардың арасындағы Блэк-Ричардстың интеракционистік концепциясы назар аударарлық. Осы концепция авторларының бірі — Ричардстың «Біз метафораны қолданғанда, екі түрлі зат туралы екі ойды негізге аламыз. Әрі бір мезгілде пайда болған бұл ойлар бір ғана сөздің немесе сөз тіркесінің көмегімен беріледі, бұл сөздің мәні — сол ойлардың өзара әрекеттесу нәтижесі» деген сөзіне сүйене отырып, Э.Р.Когай оның негізгі ұстанымдарын былай сипаттайды: «Екі мән негізінде пайда болған метафора жаңа мағына құрайды, ал ол екі мәннің жай ғана қосындысы емес, ол өзінің ауқымдылығы мен сипаттау қуаты бойынша өзара әрекеттесетін әр мәнден өзгеше болады, мұның өзі сөздердің тек қарапайым салыстырылуы жөнінде ғана емес, бір-бірін байытуы туралы айтуға мүмкіндік береді» [10]. Жоғарыдағы мысал осыған айқын дәлелдеуге келеді, яғни прецедентті есімдер мен жыл мезгілдерінің атауларында жинақталған ақпар өзара бір-бірін байытып, эмоционалды, коннотациясы айқын метафора пайда болған. Ақын С.Сағынтай өлеңінің эпиграфы белгілі: «...*Жиында үн жоқ. Түйенің ар жағына Қодармен тең қып асқан Қамқа, түйе тұрғысымен бір сәтте үзіліп кетті. Оны бәрі көріп тұр. Қодар бір жиырылып, бір созылып, тез өле алмады... Түйені тұрғызып, бірталай ұстап тұрғанда, жиын әлі үн қатпады. Екі жанның өлім азабын өз үстіне арқалап тұрған түйе де үнсіз.*

М.Әуезов. «Абай жолы».

Интертекстердің барлығы да өз бойларында претекстен сақталған, қоғам мүшелерінің интерпретациясы негізінде жинақталып, қатталған көп қатпарлы, түрлі мәнді ақпардың шығарма контексіне қажеттісіне назар аудартады. Ақын теңеуімен оқырмандар М.Әуезовтің «Абай жолы» роман-эпопеясындағы Оспанның кереғар образынан оның еркелігін, еркіндігін бөліп алып, өзектендіреді:

*Қалмаймын деп мынау өмір көшінен,
Жастай зерек, гажайып күй кешіп ем.
Жан адамнан жасқанбай һәм жасымай,
Құнанбаев Оспан құсап өсіп ем* [11].

Ғ.Жайлыбайдың Абайға және М.Әуезовке арналған өлеңдерінің вербалды қабатында роман-эпопеяны еске түсіретін лексикалық маркерлер бар:

*Алмайды жырдың жүлдесін ақын,
Сүлдесі солғын гасырда.
Бел-белестерге бірге шығатын
Ерболдай дос жоқ қасымда.*

*Ай көріп,
Шығатұғын күнге асықтың,
Ғұмырын кештің жырға шын гашықтың.
Абайдың бел-белесін, өр, қиясын
Көп кезіп, сосын өзің шыңға шықтың* [12].

Бұл өлеңдерде роман-эпопеяның жекелеген тарауларының аттары концептуалды-мазмұндық ақпаратты ашуға мүмкіндік беріп, оқырман интерпретациясына көмек көрсетеді.

Осы шумақтағы теңеу де прецедентті мәтінге негізделген, себебі Мұхтар қаламынан туған Ербол мен өмірдегі Ербол бір тұлға емес. Көркем мәтіндегі Ербол адал, білімді, жанашыр, *Абайдың бала, бозбала шағынан осы күнге дейін өмірде бір рет, бір де бір, сәл гана қабақ шытындырып көрмеген айнымас дос, бар туғаннан да жасақын туған, өмір серік жан дос* [13] болса, шын Ербол Абайға «Көңілім қайтты достан да, дұшпаннан да...» дегізген жан [14]. Тілдік тұлғаның танымдық базасында бұл деректердің алғашқысы жақсы сақталған, сондықтан ақын қолданысында теңеу өлеңге қосымша мән-мағына үстеп, дос жөнінде жаңа ассоциациялар тудырып, ақпаратты ұлғайтып, экспрессияны арттырады. Оқырмандар да теңеуді түсіну үшін Абай жолы романын еске түсіруге мәжбүр.

Роман-эпопея арқылы қалыптасқан танымдық базаның бір көрінісін О.Бөкейдің «Қайдасың, қасқа құлыным?» повесінен де байқауға болады. Ауырып жатқан Бөкешті емдеуге келген Қаржаудың *Иә, сен Мәскеуге бармасаң, Мәскеу саған келмес, Құнанбай пәуескемен Мекеге барған екен, байлықтың буы да, сақтансаң, сақтайды құдай-екең, аурып-сырқамай отыра алмайсың, ырысты белишден кешіп жүргенде, қор жинамаған да екенсің* деген бағалауы да претекстен туындағаны

сөзсіз, яғни кеңес идеологиясының салқынымен пайда болған Құнанбай бейнесі сол кезеңдегі тілдік тұлғалардың танымдық базасында сақталып, орнығып қалғаны көрінеді.

Интертекстуалды элементтер көркем мәтін авторының претекстің өзіне немесе претекст авторына, прецедентті құбылыстар арқылы көрінетін түрлі экстралингвистикалық факторларға субъективті пікірін, бағалауын эксплицитті, имплицитті түрде көрсетеді. Белгілі бір прецедентті құбылысты өз шығармасына претекст ретінде кіргізуінің, оны лингвомәдени кеңістік пен когнитивтік базадан өзектендіріп алуының өзі қаламгердің оны бағалауын көрсетеді. Байқалып отырғанындай, жастары әр түрлі болса да, бір лингвомәдени қоғам мүшелері ретінде бұл қаламгерлер үшін «Абай жолы» роман-эпопеясы поэзиялық және прозалық мәтіндерге күшті әдеби претекст болып отыр. Ақын-жазушылар үшін романның образдар жүйесі, жекелеген сөздері эталон ретінде танылып, оларға жаңа мәтін түзуге мүмкіндік берген. Ал мұның өзі жоғарыда айтылған «Әуезов мектебі» бар екенін, оны танытудың бір жолы екенін көрсетеді.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Әуезов М.О. Тіл және әдебиет мәселесі / Әуезов Мұхтар. Жиырма томдық шығармалар жинағы. — 19-т. — Алматы: Жазушы, 1985. — 258-б.
- 2 Әуезов шығармашылығы бойынша қорғалған диссертациялар // auezov.kz/kk/node331
- 3 Сыздық Р. Сөз құдіреті. — Алматы: Санат, 1997. — 13, 14-б.
- 4 Есенова Қ.Ө. Мұхтар Әуезов публицистикасының тіл өрнектері. — Алматы, 2005. — 135 б.
- 5 Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура. — М.: Рус. язык, 1983. — 269 с.
- 6 Адилова А.С. Функционирование прецедентных высказываний в казахском тексте/ Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: Материалы VI Междунар. науч. конф. — Т. 2. — Челябинск: Изд. Челяб.ГУ, 2012. — С. 76–78.
- 7 Бисенғали З.-Ф. Абай «Қарасөздері» және «Абай жолы» эпопеясы / Әуезов және әлем әдебиеті. — Алматы: Қазақ ун-ті баспасы, 2005.
- 8 Жайлыбай Ф. Жүрегімнің жұлдызы. — Алматы: Шартарап, 1996.
- 9 Сағынтай С. Жазу. — Астана, 2007.
- 10 Коган Э.Р. Метафора как средство создания индивидуально-авторской картины мира. — Алматы: Қазақ ун-ті баспасы, 2002. — С. 219.
- 11 Жақыпбаев Ж. Ләйла. — Алматы: Атамұра, 2002.
- 12 Жайлыбай Ф. Жүрегімнің жұлдызы. — Алматы: Қайнар, 2008.
- 13 Әуезов М. Абай жолы. — Алматы: Жазушы, 1989.
- 14 Абай. Энциклопедия. — Алматы: Атамұра, 2000.

А.С.Адилова

Произведения М.Ауэзова и интертекстуальные связи

В статье рассмотрены интертекстуальные связи и их функции в романе-эпопее «Путь Абая» в качестве одной из особенностей индивидуального стиля М.Ауэзова. Роман-эпопея служит претекстом для представителей последующих за ним поколений, признавших словопотребление писателя эталоном.

A.S.Adilova

M.Auezov's works and intertekstualny communications

In article intertextual links and their function in the novel « the epic of «The Way of Abai» is considered as one of the features of an individual manner of M.Auezov. The novel-epopee is претекстом for the representatives of the succeeding generations that have recognized the usage of the writer standard, so it can be attributed to the strong literary texts.

Ж.Д.Рапишева¹, Ж.А.Тұрлыбекова²

¹Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті;

²Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана (E-mail: R_Zhanat@mail.ru)

Сөйлемнің коммуникативтік типтері жөнінде

Мақалада сөйлемнің коммуникативтік типтерінің қазақ тіл білімінде, орыс және шетел тіл білімінде зерттелуі сөз болды. Коммуникативтік мақсаттағы сөйлемдердің басты белгісі коммуникативтік типтердің сөйлеу барысында туындайтыны жайында айтылып, сөйлем типтерінің пайда болу жағдайлары нақты тілдік деректермен дәлелденген. Мақала авторлары сөйлемнің коммуникативтік типтерінің айырым белгілері ремалық компоненттер сипатымен тікелей байланысты деген қорытынды жасады.

Кілтті сөздер: сөйлем, сөйлем типтері, коммуникативтік типтер, коммуникативтік қызмет, функционалдық синтаксис, прагмалингвистикалық аспект, сөйлеу актілері, констативтер.

Тілдің қарым-қатынас құралы ретіндегі негізгі қызметі синтаксис арқылы жүзеге асады, сондықтан коммуникативті синтаксис сөйлемдерді құрылымдық тұрғыдан емес, олардың мазмұны, семантикасы тұрғысынан зерттейді.

Синтаксис ойлаумен, қарым-қатынас үдерісімен және сол коммуникация жүріп жатқан жағдаймен тікелей байланысты болады. Синтаксистік құрылымдардың коммуникативтік қызметі әлем тілдерінің бәрінде бірдей, демек, ол — тілдің әмбебап бөлігі. Сонымен қатар әр тілде синтаксистік қатынас берілуінің өзіндік ерекшеліктері де бар. Функционалдық синтаксис тілде түрлі өтініш, тілек, таң қалу, сүйсіну сияқты сезімдердің берілу амалдарын сипаттауға мүмкіндік береді.

Функционалдық синтаксис байланыстыра сөйлеудегі синтаксистік құралдардың қызметін қарастыратындықтан, түрлі контекстегі, яғни сөйлеу үдерісіндегі, сөйлемдердің типтері де нақтылануы тиіс.

Орыс тіл білімінде контекстегі сөйлем немесе қарым-қатынас бірлігі **высказывание** деп аталады. Қазақша ғылыми айналымда контекстегі сөйлемдерді атауда бірізділік жоқ, олар **айтылыс, айтылым, сөйлесім, сөйленім, сөйлемелік** деп түрліше аталып жүр.

К.Аханов эмоционалды-экспрессивті қызмет атқаратын құрылымдарды сөйлемдер қатарына жатқызбайды және оларды **айтылыс** деп атайды [1].

Зерттеуші А.Елеуованың: «...Соған орай синтаксистегі сөйлем табиғатын контекстік және жағдаяттық тұрғыдан қарастыратын зерттеулерде **сөйлем-айтылымның** белгілі бір бөліктерінің актуалданбай түсіп қалуы предикативтілік және контекстік-психологиялық сипаттағы коммуникативтілік категорияларынан көрінеді» [2], — деген пікірі деактуализация мәселелеріне қатысты айтылғанмен, тікелей қарым-қатынаста қолданылатын сөйлемдердің екі жағын анық аңғартады.

Сөйлеу тілінің прагмалингвистикалық аспектісін зерттеген З.Ерназарова сөйлем мен нақты коммуникацияда қолданылатын синтаксистік құрылымды ажыратады: «... Сөйлем мен сөйлесімнің ең басты айырмашылығы — біреуінің сөйлеу актісінде пайда болатындығында. Сөйлемнің өзі арқылы аяқталған ой берілетін болса, сөйлесімде берілген ойдың түсініктілігі мен мағына толықтығы сөйлеу актілері арасындағы мағыналық байланыс, тақырып ортақтығы арқылы қалыптасады» [3], ал бұл дегеніміз — контекстегі сөйлем.

«Ч.Фриз өзінің жіктемесін дәстүрдегідей сөйлемнің меншікті семантикасынан емес, сөйлемдердің айтылуы барысында оған жауап ретіндегі кері қайтарылатын реакциясынан туындату керек деп ұсынады. Ч.Фриз дәстүрлі жіктемені жоққа шығармайды, бірақ ол жіктемені сөйлемдер түрінде емес, сөйленімдер түріндегі (высказывание) бірліктерге жасаған. Ч.Фриз сөйленімдердің бірнеше түрін айқындайды» [4]. Біздіңше, контекстегі немесе нақты коммуникативті жағдайдағы сөйлемді **сөйленім** деп атау дұрыс болады.

Авторлар ұжымы шығарған «Тіл білімі сөздігі» «высказывание» терминіне балама ретінде **сөйлемелік** сөзін ұсынып, оған мынадай анықтама береді: «Сөйлеу әрекетінің единицасы. Сөйлеммен бірдей болуы мүмкін, бірақ сөйлеу ішінде қарастырылады... С. жағдайға тәуелді, сөйлеушіге белгілі нақты жағдаймен тығыз қарастырылады» [5]. Бұл пікірлерде коммуникативтік мақсаттағы

сөйлемдердің басты белгісі олардың сөйлеу барысында туындауы болып табылады. Бұл орайда Ж.А.Жақыповтың пікірін келтіру орынды: «... біз қазақ тіліндегі «сөйлем» аталымынан бас тартпаймыз. Өйткені жалпыға түсінікті бір ақиқат бар: тіл — мән, сөйлеу — құбылыс. Философияда дәлелденгендей, құбылыс кеңірек, мән мен құбылыстың бірінсіз-бірі жоқ, бұлар тығыз диалектикалық байланыста тұрады. Сонда, тіл мен ойлау бір нәрсенің екі жағы болып шығады. Тілге — статика, сөйлеуге динамика тән. Тілде ой берілсе, сөйлеуде ой қозғалысқа, өзгеріске түседі» [6].

Сөйлемдердің түрлі типтерін коммуникативтік тұрғыдан 1960 жылдардың аяғында Дж.Р.Серль «сөйлеу актілері теориясы» аясында қарастыра бастады. Бұл теорияның негізіне Дж.Л.Остиннің философиялық идеялары алынған еді (1955 жылғы лекцияларында айтылған мәселелер 1962 жылы кітап болып шыққан, орыс тіліне аударылған ол лекциялар «Новое в зарубежной лингвистике» сериясының 1986 жылғы жинағына енгізілген) [7].

Сөйлеу актілері теориясының нысаны — сөйлеу актісі, яғни сөйлеушінің тыңдаушымен тікелей қатынасы жағдайында айтылған сөйлемі. Сөйлеу актісін талдау үшін оны зерттеудің түрлі қырына назар аудару қажет. Сөйлеу актілері теориясында сөйлеу әрекетінің объектісі — сан алуан әлеуметтік және психологиялық сипатқа ие жеке тұлға.

Сөйлеу актілері теориясы дегеніміз — жеке тұлғалар арасындағы қарым-қатынас формасы ретінде қарастырылатын сөйлеу актісінің қарапайым бірлігінің құрылысы, яғни сөйлемнің актуалдануы туралы ілім.

Коммуникативтік қызмет теориясының бірде-бірі коммуникативтік жағдайды ескермей зерттеу жүргізе алмайды. Сөйлеу актілері теориясында коммуникативтік жағдайдың өз үлгі-моделін қолданады. Бұл үлгі сөйлеуші, тыңдаушы, түрлі жағдайлар, сөйлемдермен қоса сол сөйлеу актісінің мақсаты мен нәтижесін де қамтиды. Сол себепті көптеген лингвистер әлеуметтік іс-әрекетте қарым-қатынасқа түсу барысында туындайтын әр қилы мақсаттарға жету үшін тілді қолдану механизмі қандай деген сұраққа жауап іздеді.

Сөйлеу актілері теориясында сөйлеу актісі үш деңгейлі құрылым ретінде қарастырылады: локутивті акт, иллокутивті акт, перлокутивті акт. Локутивті акт — сөйлеу барысында қолданылатын тілдік құралдар, иллокутивті акт дегеніміз — сөйлеу актісінің мақсаты мен оны жүзеге асыру жағдайларына қатысы, перлокутивті акт — сол сөйлеу актісінің нәтижеге қатысы. Бұл үштаған айтылым мазмұнының бірлігін көрсетеді.

Сөйлеу акті дегеніміз — белгілі бір қоғамда қалыптасқан сөйлеу әрекеттерінің негізгі қағидаттары мен ережелеріне сәйкес пайда болатын мақсатты сөйлеу. Сөйлеу актілерінің негізгі белгілері ретінде зерттеушілер ниет (интенционалдылық), мақсаттылық және конвенционалдылықты атайды.

Сөйлеу актілеріне өздеріне тән, бір-бірімен байланысты әлеуметтік рөлдері бар, сөйлеу дағдылары, әлем туралы түсінік-ұғымдары ортақ сөйлеуші мен адресат қатысады. Сөйлеу актісінің құрамына сөйлеу жағдайы мен оның мазмұнына қатысты болмыстың үзігі кіреді. Дж.Остиннің айтуынша, сөйлеу актісін орындау деген жалпыға түсінікті тілдік таңбамен дыбыстау; сол тілдің сөздерінен сол тіл грамматикасының заңдылықтарына сәйкес сөйлем құрау; сөйлемдегі мағына мен референция (болмысқа қатысы) (локутив); сөйлеуге мақсат қою (иллокутивті акт), яғни сөйлеу барысында қандай да бір коммуникативтік мақсатты білдіру; белгілі бір нәтижеге итермелеу (перлокутив), яғни адресаттың санасына немесе іс-әрекетіне ықпал ету.

Ал Дж.Р.Серль сөйлеу актілерінде мыналарды көрсетеді: дыбыстау актісі; референция мен предикацияны жүзеге асыратын пропозициялы акт; сөйлеушінің мақсатын жүзеге асыратын иллокутивті акт. Сөйлеу актілерінің қызметін Остин иллокутивті күштер, ал оларға сәйкес етістіктерді иллокутивті етістіктер деп атаған (сұрау, өтініш, тыйым салу). «Иллокутивті күштер» ұғымы кешенді түрде түсініледі. Ол сөйлеу актілерін бір топқа біріктіретін иллокутивті мақсатпен қатар, оның қарқынын, мақсатқа жету амалын, тәуелді пропозицияның ерекшеліктерін және нақты (бұйыру, талап ету, кеңес беру) сөйлеу актілерінің басқа да даралық шарттарын қамтиды.

Кейбір иллокутивті мақсаттарға ым-ишарамен, кинемалармен жетуге болады, алайда кейбір мақсаттар сөздің көмегісіз беріле алмайды, мысалы, ант ету, уәде беру, мұндағы етістіктер перформативті. Басқа иллокутивті етістіктер перформатив бола алмайды (мақтану, сес көрсету, жәбірлеу).

Перлокутивті ықпал тікелей сөйлеу актісінен тыс болатындықтан, сөйлеу актілері теориясы иллокутивті күштерді талдауға бағытталған, ал «сөйлеу актісі» мен «иллокутивті акт» терминдері синонимдер ретінде қабылданады. Иллокутивті күштердің жалпыланған түрі сөйлемнің

грамматикалық құрылымынан көрінеді (хабарлы, сұраулы, бұйрықты сөйлемдер). Иллокутивті мақсаттар біртұтас мазмұнды диалог құру барысында айрықша маңызға ие, өйткені сұрақ жауапты талап етсе, кінәлау не ақталуды, не көшірім өтінуді қажет етеді.

Сөйлеу актілерін жіктеуде иллокутивті мақсат, сөйлеушінің психологиялық жай-күйі, сөйлеу актісіндегі пропозиционалды мазмұнның нақты болмысқа қатынасы, адресант пен адресат мүдделері ескеріледі.

Сөйлемдер көмегімен сөйлеуші белгілі бір әрекет жасайды. Дж. Р. Серль сөйлеушілердің коммуникативтік мақсатына қарай (нақты сөйлеу актілерінің қатысушыларының ерекшеліктері мен жағдайларын ескере отырып) сөйлемдердің прагматикалық типтерінің толық жіктемесін жасады. Негізгі прагматикалық типтер ретінде перформативтер мен констативтер (репрезентативтер хабарламалар) аталды. Перформативтер дегеніміз — сөйлеу нәтижесі белгілі бір әрекетке балама бола алатын сөйлемдер, мысалы, *Мен ант етемін; Мен уәде беремін; Конференцияны ашық деп жариялаймын*, яғни сөйлеуші сол айтып тұрған әрекетін орындайды. Перформативтер автореферентті, яғни перформативті, сөйлемде етістік I жақта, жекеше түрде, осы шақта болуы керек.

Ал констативтер нақты бір нәрсе туралы хабарлайды. Констативтер өз ішінен промисив, экспрессив, менасив, директив, реквестив деп бөлінеді.

Директив — адресатты белгілі бір әрекетке итермелейтін, оның іс-әрекетіне түрткі болатын сөйлемдер. Бұл сөйлемдердің өзі екі түрлі болуы мүмкін: сөйлем-бұйрық (инъюктив) және сөйлем-тілек (реквестив). Бұлардың екеуінің де грамматикалық құрылымы әдеттегі бұйрықты сөйлеммен бірдей болады: *Терезені аша салшы*, тілек мәні тек *-шы* жұрнағымен көрсетіліп тұр. Бұл сөйлемдер интонациясымен де ажыратыла алады.

Промисив және менасив. Сөйлем — уәде және сөйлем — сес көрсету. Констативтер сияқты, промисивтер де қашан да хабарлы сөйлем болғанмен, олардың коммуникативтік-интенционалды мазмұнындағы айырмашылықтардан олардың формалды шектеулері байқалады: промисивтер тек келер шақта ғана болып, сөйлеуші өзі істейтін әрекеттің кепілі ретінде көрінеді: ***Мен тура уақытында келемін***. Менасив сөйлемдердің коммуникативтік-интенционалды мазмұны — сес көрсету, қорқыту: ***Әлі көрешегіңді көрсетемін!*** Ал экспрессивтер таза көңіл-күйді, түрлі сезім қалпын білдіретін сөйлемдер.

Таза лингвистикалық тұрғыдан бұл сөйлеу актілері сөйлемдердің коммуникативтік негізгі үш типімен сәйкес келетіні байқалады. Аралас коммуникативтік типтегі сөйлемдер жанама сөйлеу актілері деп түсініле алады, яғни жекелеген жағдайларда олар түрліше интерпретациялана алады.

Кейіннен сөйлеу актілері теориясы тереңдетіле зерттеліп, сөйлемдердің коммуникативтік типтерін анықтауда қосымша грамматикалық ажырату белгісі деп санала бастады.

Барлық сөйлемдер екі қағидат бойынша жіктеле алады:

- 1) Сөйлемнің коммуникативтік бағалылығы.
- 2) Сөйлем құрылымы.

Сөйлем дегеніміз — хабарлаудың тұтаса құрылған бірлігі, қатысым барысында сөйлеуші тыңдаушыға белгілі бір ақпарды жеткізеді.

Синтаксистің негізгі нысанының бірі — сөйлем. Сөйлем — сөздерден синтаксистік модель негізінде құрылып, жағдаятқа сәйкес коммуникативтік мақсатқа бағытталған сөйлеу бірлігі. Сөйлем де, сөз сияқты, номинативтік бірлік, алайда сөйлем номинативтілігімен қатар, предикативті де, яғни кеңістік пен мезгілде болатын оқиға дамуын немесе жағдайларды атап, олардың объективті болмыспен байланысын, оның шын-жалғандығын, болымды-болымсыздығын көрсетеді. Сөйлем бір ғана сөзден тұруы мүмкін, алайда бір сөзден тұратын мұндай сөйлем айтылымға айналады, яғни сипатталып отырған құбылыс пен болмыстың арасындағы түрлі қатынастарды көрсетеді: *Күн қалай? — Тамаша*. Сөйтіп, предикативті бірлік ретінде сөйлем шындық болмысты бағалау қызметін атқарады. Сөз дайын тілдік бірлік болса, сөйлем әрдайым жаңадан құрылып отырады, сөйлеуде пайда болады. Сөйлем, негізінен, сөйлеу аясына жатады, оны бұрынғы грамматикаларда кездесетін сөйлеушінің аяқталған ойды білдіретін сөздер легі деген анықтама да аңғартады.

Сөйлеу бірлігі болғандықтан, сөйлем белгілі бір интонацияға ие: әрбір сөйлемнің өзіне тән интонациялық сипаты бар, оған сөйлеу ағынында бір сөйлемді екіншісінен ажырату үшін, сондай-ақ түрлі коммуникативтік-предикативтік мағынаны, мәселен, сұрау мағынасын білдіру үшін қолданылатын екпіннің, тонның өзгеруі жатады. Алайда сөйлеу дегеннің өзі кең мағынасындағы тілдің бір қыры екенін ескерсек, ол жүйе ретінде тіл және оның қарым-қатынас барысында жүзеге асырылған өнімі деп түсініледі.

Коммуникация бірлігі ретінде сөйлем бір-бірімен тығыз байланыста екі жақты: тіл жүйесінде сөйлемдердің типтік модельдері, жалпыланған үлгілері белгілі және сөйлеуші өмірде өз сөйлемдерін осы үлгілермен құрайды. Нақты сөйлеуде пайда болатын сөйлемдер түрлері шексіз, ал тіл жүйесіндегі сөйлемдер үлгілері белгілі болғандықтан, грамматикада сол сөйлемдер зерттеледі. Предикация сөйлем модальділігін білдіре алады.

Сөйлем предикациясының негізі етістік жіктелуінен көрінеді, яғни етістіктің түрлі категориялары арқылы сөйлемдегі негізгі предикаттық мағыналар байқалады.

Лингвистикаға «валенттілік» ұғымын енгізген француз лингвисті Л.Теньер етістік предикатты етістік валенттілігіне сәйкес құрылатын сөйлем құрылымының өзегі деп санаған; ол етістіктің барлық комплементаторы мен супплементаторын сөйлемнің үдеріске қатысушы элементтері, немесе «актанттар», және үдеріс жағдайларының элементтері, немесе «сирконстанттар», деп бөледі. Етістік баяндауыштан басқа да компоненттер предикацияны білдіре алады, мысалы, сөз тәртібі, көмекші сөздер, интонация. Предикативті семантика етістік арқылы шақтан басқа коммуникация мақсатын да көрсете алады (хабарлау — сұрау — бұйрық).

Сөйлем дегеніміздің өзі тілдің коммуникативті бірлігі болғандықтан, онда белгілі бір коммуникативтік мақсат болуы тиіс, яғни тыңдаушыға әсер етуді көздеуі тиіс. Қолда бар жазбаша және ауызша деректерге сүйене отырып, қазіргі дәстүрлі грамматика сөйлемдерді коммуникативтік үш типке бөледі: хабарлы, сұраулы, бұйрықты, ал лепті сөйлемнің коммуникативтік мәртебесі нақтыланбаған.

Қазіргі кездегі зерттеулер көрсетіп отырғандай, сөйлемнің коммуникативтік типтері тыңдаушының реакциясына қарай сипатталып отыр. Тыңдаушының реакциясын ескеруді Ч.Фриз көрсеткен болатын. Оның пікірінше, сөйлем — айтылымның ең аз көлемі, және қарым-қатынасқа түсу үшін айтылатын бұл бірліктер тыңдаушының реакциясына байланысты үш топқа бөлінеді. Бірінші топты тыңдаушының жауап сөзін тудыратын айтылымдар құрайды да, оған сәлемдесу, вокативтер, сұрақтар кіреді. Екінші топқа кіретін айтылымдар тыңдаушының нақты іс-әрекетіне түрткі болады. Ал үшінші топтағы айтылымдар осы ұжымның назарын аударту үшін айтылатын хабар. Ч.Фриздің классификациясы дәстүрлі бөліністі детальді түрде қарастыруға негіз болды.

Сөйлемдердің коммуникативтік типтерін оппозициялық жұптарда (хабарлы сөйлем — бұйрықты сөйлем, хабарлы сөйлем — сұраулы сөйлем) қарастыратын болсақ, сөйлемнің коммуникативтік типтерінің айырым белгілері сөйлемнің актуалды мүшеленуіндегі айырмашылықтармен, яғни айтылымның логикалық предикаттарын білдіретін ремалық компоненттер сипатымен тікелей байланысты екенін байқауға болады. Хабарлы сөйлемнің ремасы белгілі бір оқиға, құбылыс, қасиет, дерек туралы тікелей хабар, ақпар берсе, бұйрықты сөйлемнің ремасында сөйлеушінің талап етіп немесе қалап тұрған іс-әрекетінің мазмұны, яғни тыңдаушыны іс-әрекетке итермелеу болады. Сұраулы сөйлемнің ремасында сұраққа жауап алу көзделген, яғни тыңдаушыны жауап беруге, кері ремаға бағыттайды.

Байқап отырғанымыздай, сұраулы сөйлемнің ремасы басқаларынан өзгеше, себебі онда ашық сұрақты рема да, альтернативті сұрақты рема да кездеседі және соған байланысты сұрақтар да орынбасарлық немесе ашық болып келеді.

Тек хабарлы сөйлем ғана нақты ақпаратты көрсетеді, бұны оның тема-ремалық қатынастарының нақты мазмұны көрсетеді.

Коммуникативтік парадигматикада лепті сөйлемдер орнын анықтау үшін оның да ремасына назар аудару керек. Лепті сөйлемнің коммуникативтік-мақсаттық статусы ремадан көрінбейді, демек, лептілік сөйлемнің қосалқы белгісі, сондықтан осы белгі негізінде сөйлемнің коммуникативтік типтерінің әрқайсысы — хабарлы, сұраулы, бұйрықты сөйлемдер екі нұсқада беріле алады. Мысалы: — **Тоқтат, ақымақ! — Ғафу етіңіздер. Меймансыздар, кінә менен. Ал енді... келген іздеріңізбен кері қайтасыздар!**

Сөйлемдердің коммуникативтік типтерін қарастыру барысында өз мағынасында аралық коммуникативтік типтерді тоғыстырған сөйлемдерді де байқауға болады.

Хабарлы және сұраулы сөйлемдер аралығында хабарлы-сұраулы, сұраулы-хабарлы сөйлемдер кездеседі, яғни сөйлемде жартылай сұрау болып, айтушы өз сөзін тыңдаушы не жоққа шығаруын, не растауын күтеді: *Терезе жабық қой. Сұраулы сөйлемде сұрақпен қатар өзін-өзі кінәлау да байқалады: Жоғалтқанда кім ұятын, кім есін, Жылай алмай, жыны адамдай күлесің. Кешірер ме мына бізді келешек, Тонатқанда ұрпақтардың үлесін.* Бұл сұрақтың жауабы да кешірім өтіну мәнінде болуы мүмкін.

Сондай-ақ хабарлы және бұйрықты сөйлемдер арасында да әрі хабарлау, әрі бұйрықты мәнді сөйлемдер ұшырасады: *Терезені жапсаңшы.*

Хабарлы, бұйрықты, сұраулы сөйлемдер транспозиция құбылысының әсерімен бірін-бірі алмастырып, лепті сөйлемге айналып, түрлі модальділікті тудыра алатыны байқалады.

Сөйлемдердің түрлі коммуникативтік-прагматикалық типтерін бір-бірінің орнына алмастырып қолдану, әрине, шексіз емес. Соған байланысты нақты қарым-қатынас жағдайында оларды қолдану әлеуметтік негізде жүзеге асады деуге болады, яғни бір типтегі сөйлемді екінші типтегі сөйлеммен алмастыру олардың иллюкутивті күшіне байланысты, демек, негізгі мәнге қосалқы мән үстеу оның түпкі нәтижесіне әсер етеді деген сөз.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Аханов К. Тіл білімінің негіздері. — Алматы: Ана тілі, 2002. — 531,532-б.
- 2 Елеуова А. Қазақ тіліндегі актуалсыздану құбылысы және оның сөйлем құрылымында алатын орны: Филол. ғыл. канд. ... автореф. — Алматы, 2007. — 3,4-б.
- 3 Ерназарова З. Сөйлеу тілінің прагматикалық аспектісі. — Алматы, 2001. — 98-б.
- 4 Құрманова Н., Тұрлыбекова Ж. Ахмет Байтұрсынұлының сөйлемді коммуникативтік тұрғысынан жіктеуі // Ахмет Байтұрсынұлы: қайраткер аманаты және ұлт мұраты: Респ. ғыл.-теор. конф. материалдары. — Алматы, 2012. — 88-б.
- 5 Тіл білімі сөздігі. — Алматы, 1998. — 71-б.
- 6 Жақыпов Ж.А. Қазақ тілінің функционалдық синтаксисі (контекст проблемасы): Филол. ғыл. д-ры ... автореф. — Алматы, 1999. — 3-б.
- 7 Новое в зарубежной лингвистике. — М., 1986. — 424 с.

Ж.Д.Рапишева, Ж.А.Тұрлыбекова

О коммуникативных типах предложений

В статье рассмотрены вопросы коммуникативных типов предложений в казахском, русском и зарубежном языкознании. Основным признаком коммуникативных типов предложений называют их проявление в речи, поэтому образование коммуникативных типов предложений в процессе разговорной речи подтверждается языковым материалом. Авторами статьи сделан вывод о том, что отличающие признаки коммуникативных типов предложений тесно связаны с характеристикой компонентов ремы.

Zh.D.Rapisheva, Zh.A.Turlybekova

About communicative types of sentences

In article research of communicative types of sentences in the Kazakh, Russian and foreign linguistics is considered. The main sign of communicative types of sentences call their manifestation in speech therefore formation of communicative types of offers in the course of informal conversation is confirmed by a language material. Authors of article draw a conclusion that distinguishing signs of communicative types of sentences are closely connected with the characteristic of components of a reme.

З.Н.Жуынтаева, М.А.Тұрсынова

*Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті
(E-mail: zamza_bota@mail.ru)***Көне түркі тіліндегі сөз тіркесінің қолданысы**

Мақалада көне түркі тіліндегі сөз тіркесінің қолданылу жайы сөз болды. Авторлар септік, тәуелдік, жіктік, көптік жалғауларының әр түрлі синтаксистік қатынасқа түсе отырып, сөз тіркесін тудыра алатындығына тоқталды. Сөйлемдегі сөздер орын тәртібі, интонация, шылаулар арқылы байланысатындығы көне түркі тілінің фактілерімен дәлелденді. Қазіргі қазақ тіліндегі сөздердің байланысу түрлерінің ескерткіштердегі көрінісі тарихи-салыстырмалы әдіс арқылы жүзеге асырылды.

Кілтті сөздер: сөз тіркесі, есімді сөз тіркесі, етістікті сөз тіркесі, синтаксис, аналитикалық тәсіл, синтетикалық тәсіл, қиысу, меңгеру, матасу, қабысу, жанасу.

Тілдің қай саласын алсақ та, оның пайда болу көзі көне дәуірден басталатыны белгілі. Қазіргі таңда Елбасымыздың «Мәдени мұра» бағдарламасында да тарихи жазба жәдігерліктерді зерттеу қажеттігіне баса назар аударылған. Сондықтан жазба жәдігерліктің тілін қарастыру — үлкен мәселелердің бірі. Олай болса, біздің мақсатымыз көне түркі тіліндегі сөз тіркестерінің қолданысын, сөздердің байланысу тәсілдері мен формаларын, олардың ерекшеліктерін қарастыру болып табылады. Алфавиттік жазудың пайда болу тарихы, шығу тегі өте күрделі де, шешілмеген жұмбақтарға толы. Өйткені алфавиттік жазу — дүние жүзі мәдениетінің қол жеткен табысы болса, бұл мәдени мұраға біздің ата-бабаларымыз да өзіндік үлес қосып, келер ұрпаққа мирас еткен. Алғашқы әріп жазуының бір тармағы руникалық көне түркі алфавиті болып табылады. Бұл алфавитпен жазылған ескерткіштер — көне түркі тайпаларының жоғары тіл мәдениеті мен білім өресінің ауыз толтырып айтарлықтай көрсеткіші.

Көне түркі руникалық жазуы арғы ата-бабаларымыздың 1500 жыл бойы қолданған төл жазуы екендігі ешқандай күмән туғызбайды. Бұл алфавит б.з.д. 1 мың жылдықтың ортасынан біздің заманымыздың 1 мыңжылдығының аяқ кезіне дейін өмір сүрген.

Көне түркі руникалық таңбаларының шығу тегі басқа көне алфавиттердің шығу тарихымен тамырлас. Руникалық жазудың о бастағы түпкі негізі біздің заманымызға дейінгі III–II мың жылдықтағы беймәлім идеографиялық немесе алфавиттік жазу болуы ықтимал, ал басқа көне алфавиттермен ішінара ұқсастықтар олардың арғы тегіндегі бастауы бір екендігін көрсетеді [1].

Қазақ тілі — көркемдігі мен мүмкіндігі жағынан дүние жүзіндегі теңдесі жоқ тіл, көне түркі тілінің мұрагері. Тілдің тарихы халықтың тарихымен тығыз байланысты. Халық тарихы, шежіресі көне, орта түркі жазбаларында көрініс тапқан.

Ешбір байланыссыз синтаксистік конструкциялардың болмайтындығы белгілі. Жеке сөздің екінші сөзбен тұлғалық жағынан байланысуы, негізінен, сөз тіркесінде болатын құбылыс.

Сөздерден — сөз тіркесі, сөз тіркестерінен сөйлем құралады. Сөз де, сөз тіркесі де — сөйлем құраудың негізгі материалдары. Сөздердің синтаксистік байланысын сөз еткенде, оның екі тәсілі болатынын ескеру керек. Олардың біріншісі — аналитикалық, екіншісі — синтетикалық тәсіл. Сөздер аналитикалық тәсіл арқылы байланысқанда, олар қосымшаны қажет етпейді, ол сөздердің байланысуына интонация, сөздердің орын тәртібі және шылау көп көмегін тигізеді.

Ескерткіштер тіліндегі сөйлем ішінде кездесетін сөздер қалай болса, солай айтыла бермейді. Олар белгілі бір тәртіп бойынша өзара мағыналық және тұлғалық жақтарынан бір-бірімен байланысып келеді. Олар белгілі сөз тіркестерін жасайды. Бірақ сөз тіркестерінің құрамында кездесетін сөздер әр уақыт тең дәрежеде байланыспайды, бірі екіншісіне бағынып байланысады. Осыған орай олар не салаласа, не сабақтаса тіркеседі [2; 108].

Қазақ тіліндегі сөздер салаласа байланысқанда, басыңқылық-бағыныңқылық қатынаста емес, тең қатынаста, қатар байланысады (*боран мен аяз, сүйкімді, мақтаулы, ағын да, қарасын да*)... Сөйлем құрамынан алынып қалғанда, бірыңғай мүшелі сөз тіркестері түсініксіз болып шығады, яғни сөз тіркестерінің бұл түрі сабақтас сөз тіркестерімен салыстырғанда, сөйлемнің «құрылыс материалы» екендігін сенімді дәлелдесе керек. Салалас сөз тіркестеріндегі синтаксистік қатынастардың сан жағынан сабақтас сөз тіркестерінің сан мөлшерінен артық болуы өзінен-өзі түсінікті болса керек,

өйткені бұл бірыңғай мүшелердің тіркесі болғандықтан, сөйлем мүшелерінің мағыналарын еске салады [3; 589–590]. Дәл осы тәріздес сөз тіркесінің түрі бізге көне түркі тілінен жеткендігі даусыз. Оны мына мысалдардан аңғаруға болады. *Түрк будун қанын болмайын Табғачда адырылты, қанланты — Түркі халқы ханы болмай Табғаштан бөлінді, ханданды. Қаны сүсі тірілміс — Ханы, әскері (түгел) жиналды.* Сөйлемдердегі *адырылты, қанланды* (бөлінді, ханданды) немесе *қаны сүсі* (ханы, әскері) сияқты тіркестер салаласа байланысқан.

Сабақтаса байланысқан сөз тіркестері бағыныңқы және басыңқы сыңарлардан тұрады. Сабақтаса байланысқан сөз тіркестері жалғаулар, шылаулар, сөздердің орын тәртібі арқылы байланысады.

Сөз тіркесі құрамындағы сөздердің жалғаулар арқылы байланысуы синтетикалық байланыс деп есептеледі. Жалғаулардың ішінде ерекше қызмет атқаратыны — септік жалғаулары. Септік жалғаулары сөз бен сөзді байланыстырып қана қоймайды, әр түрлі синтаксистік қатынасқа түсе отырып, тұтас сөз тіркесінің қатынасын тудырады. Мысалы: *Қағаныма өтүнүп сүлеттім — Қағаныма өтініп, соғыстым. Ол сабығ есідіп — Ол сөзді есітіп. Йарыс йазыда он түмен сү тірілті тір — Йарыс жазығында он мың әскер жиылды. Оғуздантан көрүг келті — Оғыздан елші келді. Қағанымын сүлетдіміз — Қағаныммен бірге соғыстық.* Сөйлемдердегі *қағаныма өтүнүп* (қағаныма өтініп) барыс жалғаулы, *сабығ есідіп* (сөзді есітіп) табыс жалғаулы, *йазыда тірілті тір* (жазығында жиылды) жатыс жалғаулы, *оғуздантан келті* (оғыздан келді) шығыс жалғаулы, *қағанымын сүлетдіміз* (қағаныммен соғыстық) көмектес септік жалғаулы сөз тіркестерін жасап тұр.

Тәуелдік жалғаулары арқылы да сөз тіркестері байланыс жасай алады. Олар сөз тіркесінің соңғы сөзіне жалғанады. Тәуелдік жалғаулары матаса байланысқан сөз тіркестерінің бағындырушы сыңары болып, ол сөзді ілік жалғаулы сөзбен ұштастырады. *Бенің будунум анта ерүр тіміс — Менің халқым да сонда болар еді. Бенің будунум* (менің халқым) матаса байланысқан сөз тіркесінің қазіргі қазақ тілінен еш айырмашылығы жоқ. Кейде ілік септігі түсіріліп те қолданылады. *Түрк будун Табғачда көрур келті — Түркі халқы Табғашқа бағынатын еді* немесе *Табғаш қаған йағымыз ерті — Табғаш қағаны жауымыз еді.*

Жіктік жалғаулары сөйлем ішінде баяндауыштың тұлғасын көрсетіп отырады: *мен оқимын, сен көресің* т.б. Жіктік жалғауы қиыса, меңгеріле, қабыса байланысқан сөз тіркестерінің басыңқы сыңарларына жалғанады. Әрине, жіктік жалғауын қабылдауға бейім сөз етістік, сол сияқты есімдер де жалғауды қабылдап, баяндауыш қызметінде жұмсалады. Мысалы, *Білге Тоникуқ бен өзүм Табғач іліңе қылынтым — Білге Тоникуқ мен өзім Табғаш елінде тәрбиелендім.* Мұнда *мен тәрбиелендім* сөз тіркесі қиыса байланысып тұрса, *Өңре қытанығ өлүртөчі тірмен — Шығыста қытанды қырап дермін* деген сөйлемде *қытанығ өлүртөчі тірмен* (қытанды қырап дермін) сөз тіркесі меңгеріле, *Өзүм қары болтым улуг болтым — Өзім қартайдым, үлкен болдым* дегенде *улуг болтым* (үлкен болдым) қабыса байланысқан сөз тіркесін жасап тұр.

Көптік жалғаулары сөйлемнің бастауышы мен баяндауыш мүшелерінің қиысуына қызмет етеді. Көптік жалғауы зат есімге, заттанған сөз таптарына жалғанады. Бұл жалғау арқылы қиыса байланысқан сөз тіркестері жасалады. Мысалы: *Түрк беглер түрк атын ыты, табғачы беглер табғач атын тұтыпан, табғач қағанқа көрміс — Түрк бектері түркі атын тастап, табғаш бектердің табғаш атын ұстап, табғашқа бағынды.*

Шылаулар арқылы да сөздер байланысқа түседі. Мұны көне түркі тілінің фактілері де дәлелдейді. *Анта кісре теңрі біліг бертүк үчүн — Содан соң тәңрі білік бергені үшін. Анта өтрү оғуз қопын келті — Содан соң оғыз түгел келді. Темір қапығқа тегі ертіміз — Темір қақпаға дейін қудық.* Осында *кісре* (соң), *үчүн* (үшін), *соң* (соң), *тегі* (дейін) шылаулары сөз тіркестерін жасауға қатысып тұр.

Сөйлемдегі сөздердің орын тәртібінде белгілі бір жүйелілік болады. Сөз тіркесінің сыңарлары қалай болса солай тіркесе салмайды. Олар белгілі тәртіппен орналаса тіркеседі. Синтаксистік байланыстың бұл амалы сөздердің жалғаулар арқылы байланысуынан кем түспейді. Біздіңше, қайта жалғаусыз тұрған орнына қарай байланысқан сөздердің байланысы берік болады [3].

Сөздердің орын тәртібі арқылы байланысты ескерткіштер тілінен көптеп кездестіреміз. *Түрк будун қанын болмайын — Түркі халқы ханы болмай. Біз екі бың ертіміз — Біз екі мың екенбіз. Қызыл қаным төкті — Қызыл қанымды төктім.* Сөйлемдердегі *түрк будун* (түркі халқы), *екі бың ертіміз* — екі мың екенбіз, *қызыл қаным* сөз тіркестері ешбір жалғаусыз орын тәртібі арқылы және түрлі сөз таптарынан (зат, сан, сын есімдерден) жасалған.

Кейде сөздердің арасындағы мағыналық байланыс интонация арқылы да жүзеге асады: *Улугы шад ерті — Үлкені шад еді. Йағмысы бен ертім — Жақында дегені мен едім* [2; 109].

Қазіргі қазақ тілінде сөздердің байланысу түрлері беске бөлінеді: қабысу, қиысу, меңгеру, жанасу, матасу. Осы байланыс түрлері көне түркі жазбаларынан бізге ешқандай өзгеріссіз жеткен деп айтуға болады. Соның айғағы ретінде оларды төмендегіше қарастырдық.

Қиысу — бастауыш пен баяндауыштың арасында болатын байланыс. Мұндағы бағыныңқы мүше мен басыңқы мүше бір-бірімен тұлғасына не мағынасына қарай тұлғаланады. *Біз шег ертіміз — Біз өлімші едік. Үч көрүг келті — Үш хабаршы келді. Білге Тоникуқ бен өзүм Табғач іліңе қылантым — Білге Тоникуқ мен өзім Табғаш елінде тәрбиелендім.* Қиыса байланысқан сөз тіркестері өзара жақтық, шақтық жағынан тұлғаланған. Бұл қазіргі тілімізде де дәл осындай.

Меңгеріле байланысатын сөз тіркестері барыс, жатыс, табыс, шығыс, көмектес септік жалғауларының бірінде тұрады да, басыңқы сөзі не есім, не етістіктен болады.

А.Аблақов сабақты етістіктердің меңгеруі туралы былай деген: «Сабақты етістіктердің меңгеруі табыс септігімен тікелей байланысты. Бірақ бұған қарап сабақты етістіктер табыс септігінен басқа септік жалғаулы сөзді меңгере алмайды деген қорытынды шығаруға болмайды. Өйткені сабақты етістіктер олардың ішінде адамның еңбек әрекетімен байланысты етістіктер табыс септігінен басқа көлемдік септіктермен де тіркесе алады. Сабақты етістіктердің бұл тәрізді бірнеше септік жалғаулы сөздерді қатарынан меңгеруі олардың мағыналық жағынан соншалықты бай, құнарлы екендігін аңғартады. Мысалы, жазу, кесу, шабу, салу, қирату, бұзу, жеу тәрізді іс-әрекетті білдіретін етістіктер, айту, сұрау, сөгу, мақтау тәрізді сөйлеу мәнді етістіктер, көру, есту, тыңдау тәрізді сезіну етістіктері сабақты етістіктер қатарынан орын алады, өйткені бұлар өзінің мағынасы жағынан тура объекті мәніндегі сөзбен сабақтасып, оларды жетегіне алып меңгеріп тұрады» [4; 64].

Сабақты етістіктер мағынасының орамдылығына қарай табыс септігінен тыс жанама септіктерді меңгере алатын болса, салт етістіктерде ондай қасиет жоқ. Қазақ тілінде салт етістіктің қатарына жататын етістіктер саны алуан түрлі, бірақ осылардың барлығы бірдей меңгеріле байланысқан сөз тіркестерін құрай алмайды. Мұның өзі сабақты етістіктердің меңгеру қабілетінің әлдеқайда мол екендігін аңғартады.

Меңгеру табиғаты да етістікке тән, сондықтан да бұлардың меңгеру қабілеті есімдермен салыстырғанда әлдеқайда жоғары. Меңгерудің тамыры тым әріден басталады.

Түркі тілдерінің бірі қазақ тілінде табыс септікті сөз тіркестері жалғаулы түрінде де, жалғаусыз түрінде де қолданыла береді. Бұл мәселеге назар аударған кейбір ғалымдар табыс септікті сөз тіркестерінің жалғаусыз түрі жалғаулы түрінен бұрын қалыптасқан деп қарайды. Бұл пікірді толығынан қуаттауға болады, өйткені, біріншіден, тым ертедегі дәуірде сөздерді өзара байланысқа түсіретін қосымшалар жоқ кезде олар бір-бірімен мағыналық жақындықтарына қарай іргелес тұрып байланысқан. Демек, тура объекті мәніндегі жалпы есімдер сабақты етістіктермен мағыналық жағынан байланыста, органикалық бірлікте тұрғандықтан, қосымшасыз, іргелес тұрып байланысып, объектілік қатынастағы сөз тіркестерін құраған болса, екіншіден, орхон-енисей ескерткіштері тілінде табыс септікті сөз тіркестерінің жалғаусыз түрі жалғаулы түрімен салыстырғанда әлдеқайда жиі кездеседі. Мысалы: *Қырық йыл ел тұтдым бодун башладым — Қырық жыл ел билеп, халық басқардым. Йеті бөрі өлтүрдүм — Жеті қасқыр өлтірдім* [4; 21]. Бұл тәріздес тіркестерді қазіргі қазақ тілінен де байқаймыз.

Сабақты етістіктер мағынасының орамдылығына қарай табыс септігінен тыс жанама септіктерді меңгере алатын болса, салт етістіктерде ондай қасиет жоқ. Қазақ тілінде салт етістіктің қатарына жататын етістіктер саны алуан түрлі, бірақ осылардың барлығы бірдей меңгеріле байланысқан сөз тіркестерін құрай алмайды. Мұның өзі сабақты етістіктердің меңгеру қабілетінің әлдеқайда мол екендігін аңғартады.

Қазақ тіліндегі салт етістіктер барыс, жатыс, шығыс, көмектес жалғаулы сөздерді жетегіне алып меңгеріле байланысқан сөз тіркестерін құрайды.

Ескерткіштер тілінде табыс жалғауы төмендегідей тұлғаларда берілген: 1) *-ғ, -г, -ығ, -іг, -уғ, -үг;* 2) *-н, -ын, -ін, -ун, -үн;* 3) *-ны, -ні, -ы, -і.*

Ол сабығ есідіп — Ол сөзді есітіп. Өз іші — тасын тутмыс тег біз — Өз іші-сыртымызды ұстап қана қаламыз. Сіні табғачығ өлүртечі тірмен — Сені табғашты қырар дермін. Осы тұлғалардың ішінде қазіргі тілімізге жетпеген көне тұлғасы *-ғ, -ығ, -іг, -уғ, -үг.* Мұның қызметі *-ны* жалғаулы сөз тіркесіне ауысқан. Табыс жалғаулы сөз тіркестері орхон-енисей жазбаларында салт, сабақты етістіктермен тіркесе отырып, пысықтауыштық қатынастағы сөз тіркестерін құраған.

Қазіргі қазақ тілінде барыс жалғаулы сөз тіркестерінің төмендегідей түрлері кездеседі: *-қа, -ке, -ға, -ге; -а, -е; -на, -не*. Қазіргі тілімізбен салыстыра қарайтын болсақ, барыс септігінің тұлғалары көп болған. Оның бізге жетпеген қосымшаларын байқауға болады.

Ертедегі орхон ескерткіштер тілінен барыс септігінің мынадай жалғауларын кездестіруге болады: *-қа, -ке, -ға, -ге, -а, -е, -ғару, -геру, кейде -йа, -йе, -ра, -ңару, -ңеру*. Бұл қосымшалар қолданылу аясы жағынан біркелкі болып келмейді. Мәселен, *-ға, -ге* жалғаулары дауысты және ызың дауыссыздарға аяқталған бірлі-жарым сөздерге ғана болмаса, қазіргі кездегідей көптеген сөздерге тіркесе бермейді. *Талйұқа кішіг тегмедім — Теңізге сәл жетпедім. Бунча йірге тегі йорытдым — Осынишама жерге дейін жорыттым*. Сөйтіп, *-қа, -ке, -ға, -ге* қосымшаларына тән ерекшелік ықпал заңдарына бағынбай жалғанушылық болып табылады [5].

Барыс септігінің *-а, -е* жалғауы тәуелдік жалғаулы сөздердің I, II-жақтарынан кейін жалғанады. Бұндай қолданысты көне түркі тілінен де байқауға болады: *Анта етру қағаныма өтүнтүм — Содан соң қағаныма өтіндім. Көргенің үшін ігідім білге қағаныңа Ерміс бармыс едгү еліңе Кінтү йаңылтығ, йаблақ кігүртіг — Бағынғаның үшін көтерген қағаныңа Қасиетімен, ісімен жақсы кінәлысың, жаман шатастың*. Мысалдардағы қағаныма өтүндім, қағаныңа ерміс тіркестеріндегі *-а, -е* тұлғалары тәуелдік жалғауларынан кейін қолданылған.

Орхон ескерткіштерінде бағытты білдіру үшін барыс септігінің *-ғару, -геру* тұлғасы қолданылған. *Ана тарқанғару ічре саб ыдымыс — Ана тарқанға құпия сөз жіберді*. Аталған қосымша үстеулердің де қызметін атқарған. *Йоқару ат йете йадаған — Жоғары атты жетектеп*. Қазіргі қазақ тілінде бұл тұлға үстеу жасайтын аффикс ретінде жұмсалады.

Тілдің даму барысында жоғарыда аталған жалғаулар өздерінің қолданылу өрісін тарылтады да, оларға тән қасиеттер барыс септігінің *-қа (-ке, -ға, -ге)* жалғауына көшеді. Бұл көрсетілген варианттардың ішінен *-қа, -ке* тұлғалы сөз тіркестері орхон-енисей ескерткіштері тілінде кең көлемде қолданылса, ал *-ға, -ге* тұлғалы сөз тіркестерінің қолданылу шеңбері тар болған. Бұл *-ға, -ке* тұлғалы сөз тіркестерінің *-ға, -ге* тұлғалы сөз тіркестеріне қарағанда бұрын қалыптасқандығын дәлелдейді [4; 27].

Орхон ескерткіштерінде *-ру, -рү* қосымшалары кейде дербес жалғау ретінде де қолданылған. *Он түнке йантуқу туғ ебірү бардумуз — Он күнге дейін тау етегіне жеттік*.

Барыс жалғаулы сөз тіркестері табиғатында қимыл-әрекеттің бағытын, кімге, неге бағытталғанын білдіреді. Алайда ертедегі ескерткіштер тілінде барыс жалғаулы сөз тіркестері өз қызметінен тыс жатыс және шығыс жалғаулы сөз тіркестерінің қызметін атқарып, қимыл-әрекеттің болған орнын, мезгілін, басталар жерін, себебін де білдірген.

Негізінен басқа септіктерге қарағанда жатыс жалғауы бізге көне түркі тілінен өзгеріссіз жеткен. Оның қазіргі қазақ тілінде қолданылып жүрген *-да, -де* тұлғалары ескерткіштер тілінен бастау алған. Жатыс септігі мекенді, орынды білдіретіндіктен, мұндай септік жалғауы арқылы қалыптасқан сөз тіркестері ең алдымен көлемдік қатынасты білдіреді. Мысалы: *Ол күнте тегді — Ол күнде жетті*.

Көне түркі тілінде жатыс жалғауы шығыс септігінің де қызметін атқарған. *Түргес қағантә көрүг келті — Түргеш қағанынан елші келді*. Келтірілген мысалдан осы жайды аңғаруға болады. Жатыс жалғауы көлемдік, мезгілдік мағыналарда жұмсалса, онда олар өз міндетін атқарады, ал қимыл-әрекеттің басталар орнын, шығар жерін білдірсе, шығыс жалғаулы сөз тіркестерінің қызметін атқарған. Бұлар мағыналық жағынан тек контексте айқындалған.

Шығыс септік тұлғасы қазіргі түркі тілдерінде әр түрлі вариантта кездеседі: бірсыпыра тілдерде тек *д-* дыбысынан ғана басталса, кейбірінде тек қана қатаң *т-* дыбысынан басталады. Түркі тілдерінің ескі кезеңінде шығыс мәнін беретін арнаулы қосымша болды ма дейтін мәселеде бірсыпыра зерттеушілер бұл қызметті сөйлем құрамында жатыс септік атқарған деп қарайды. Мұндай көзқарасқа дәлел болатын — Күлтегін мен Тонықұқ ескерткіштерінің тілі [6; 165]. *Түргес қағантә көрүг келті — Түргеш қағанынан елші келді*. Дегенмен, өте сирек болса да шығыс тұлғасының кездесетін жайттары бар: *Оғұздантә көрүг келті — Оғыздан хабаршы келді. Өңден қағанғару сү йорыдым — Оң жақтан хандыққа қарай әскер аттанды*.

Шығыс жалғаулы сөз тіркестері түркі тілдерінің бірі — қазақ тілінде әр түрлі грамматикалық мағыналарды білдіреді, алайда осылардың ішінен тым әріден келе жатқандығын, әрі басқаларға негіз болатындығын ескеріп, екі түрлі мағынаны атап өтуге болады:

1) кеңістіктегі қимыл-әрекеттің басталар орны мен шығар жерін білдіру мағынасы; 2) қимыл-әрекеттің кімнен, неден басталатынын білдіру мағынасы [4; 32].

Қазіргі түркі тілдерінің барлығында бірдей кездеспейтін септік жалғауы — көмектес септік. Дегенмен, арнаулы грамматикалық тұлғасы бар көмектес септік — қазақ тілінің ғана ерекшелігі. Басқа түркі тілдерінде бұл жалғаудың қызметін *біле* (білен) шылауы атқарады. Көне түркі тілінде қазақ тіліндегі *-мен* септік жалғауы мен басқа түркі тілдеріндегі *біле* шылауының мәнін беретін арнайы жалғау *-ын, ін, -н* тұлғасы қолданылған [6; 168].

Қазақ тіліндегі көмектес септік жалғауының мағынасы, сол тәрізді өзге түркі тіліндегі *біле* шылауының мағынасы орхон-енисей ескерткіші тілінде құралдық септіктің *-н (-ын, ін, -ун, -үн)* тұлғасы арқылы берілген. Ертедегі ескерткіштер тілінде бірлестік мағына мен қимыл-әрекетке қатыстық мағына жоғарыда келтірілген құралдық септіктің жалғауларынан тыс *бірле* шылауы арқылы да берілген [4; 34].

Көне түркі тілінде *-н* тұлғасымен қолданылған көмектес жалғаулы сөз тіркестері жиі қолданылады. *Бір еріг оқ-ун урты — Ол бір жсауынгерді оқпен жсарақаттады. Сүңгін ачдымым — Сүңгімен аштық.* Бұлар қимыл-әрекеттің немен істелгенін, болып өткен орнын, кейде бірлестік мағынасын білдіреді.

Тіліміздің даму тарихына назар салсақ, *-н, -ын, -ін* тұлғасы көне заманда қалыптасқандығын, ал қазақ тіліндегі *-мен* тұлғасы кейінгі дәуірдің жемісі екендігін байқаймыз.

Матаса байланысатын сөздер — негізінен зат есімдер. Мұндай сөз тіркестері ілік септігі мен тәуелдік жалғаулары арасында болады. Бұлардың байланысу тәсілдері біркелкі емес. Олар үш топқа бөлінеді.

Бірінші топтағы сөз тіркестерінің екі жағы да жалғаулы болып келеді: *Білге қағаның будуны — Білге қағанның халқы. Бениң будунум — Менің халқым.* Мұнда бірінші сыңары ілік септікте, екінші сыңары тәуелдік жалғауларының I, II-жақтарында берілген.

Екінші топтағы сөз тіркестерінің бірінші сыңары жалғаусыз, екінші сыңары жалғаулы болып келеді. *Сү басы — Әскер басы. Бен өзүм — мен өзім.*

Үшінші топта тәуелді жалғаулы сөз ілік жалғаулы сөзсіз байланысып тұрады. *Қағаным — қағаным. Йағымыз — жсауымыз. Йағычысы — бастаушысы.*

Матаса байланысқан сөз тіркестері анықтауыштық қатынаста жұмсалады. Олар меншіктілік қатынасты (*қағанның будуны* — қағанның халқы), *табғач сүсі* (табғаш әскері), туған-туыстық қатынасты (*түрк будун* — түркі халқы), бөлшектеу мағынасын (*бу үчегү* — бұл үшеуі) білдіреді.

Қабысу — түркі тілдерінде, оның бірі қазақ тілінде өте жиі қолданылатын синтаксистік байланыс формасының бірі. Қабыса байланысқан сөз тіркестері өзара ешқандай жалғаусыз, тек орын тәртібі арқылы байланысады. Ескерткіштер тілінде қазіргі қазақ тіліндегідей қабыса байланысқан сөз тіркестерінің сыңары зат есім, сын есім, сан есім, есімше, есімдік сияқты сөз таптарынан жасалады. Анықтауыштық қатынастағы тіркестерді құрайтын зат есімдер бір-бірімен атау тұлғада қабыса байланысады. *Түрк будун* (түркі халқы), *Алтун йыс* (алтын қойнау), *Қапаған қаған* (Қапаған қаған). Зат есімдерден құралған сөз тіркестері әр түрлі мағыналық қатынаста жұмсалады.

Ескерткіштер тілінде меншіктілік қатынастың арнаулы аффикссіз берілуі көне түркі тілінің өзіндік бір ерекшелігі болып табылады. Жазбалар тілінде ұшырасатын сондай сөз тіркестеріне назар аударайық: *табғач будун* (табғаш халқы), *түрк будун* (түрк халқы), *қон йыл* (қой жылы) [7].

Сын есімді сөз тіркестері анықтауыштық қатынаста қолданылады. Анықтауыштық қатынаста жұмсалатын сын есімдер заттың түсін, көлемдік сапасын, бір затқа қатысын т.б. білдіреді. *Семіз буқа* (семіз бұқа), *йірчі йір* (жершіл ер), *өрүң күмүс* (ақ күміс), *қызыл қан* (қызыл қан), *йарақлығ йағ* (қарулы жау).

Сын есімдер өздерінің лексика-грамматикалық ерекшеліктеріне қарай басқа бір сөздің, көбінесе заттың атын білдіретін сөздер жетегінде айтылады. V–VIII ғасыр ескерткіштері тілінде де олар зат есімдердің, арагидік етістіктердің жетегінде айтылып, жалғаусыз, орын тәртібі және дауыс ырғағы арқылы байланыста тіркес құрайтын сөз тобы ретінде көріне бастады. Орхон-енисей жазбалары тілінде сын есімдермен келген мына сияқты сөз тіркестері жиі ұшырайды: *сарығ алтун, өрүң күмүш ...көлүрті* (сары алтын, ақ күміс әкелді). *Түрк білге қағантма бітідім бен білге Тонықұқ* (Түріктегі Білге ханының еліне арнап жаздырдым мен білгір Тонықұқ). Осы сөйлемдердегі *сарығ алтун, өрүң күмүш, білге Тонықұқ* тәрізді сын есімдермен келген сөз тіркестері қазіргі қазақ тіліндегі *ақ орамал, сары шаш, білгір кісі тәрізді* тіркестерден грамматикалық жағынан болсын, семантикалық жағынан болсын айырмашылығы жоқ [7; 4].

Сапалық сын есімдер мен зат есімдер тіркескенде, мына фактіні еске алу қажет: ескі түркі тілінде сапалық сын есімдер сан жағынан аз болумен қатар, олардың қолданылу сферасы да,

мағыналық мәнерлері де шағын болды. Қатыстық сын есімді анықтауыштық сөз тіркестерін жасауда сын есім тудыратын қосымшалардың қызметі ерекше. Мысалы: *йарақлық елігін* (қарулы қолбасыларын), *күнлік бітімін* (күндік жазуымды), *іңіре ассыз, таиша тонсыз* (іші ассыз, тысы киімсіз), *чөлгі аз ері бұлым* (шөлдегі аз халқының бір ерін таптым) т.б.

Сан есімді сөз тіркестерінде сан есімдер де өзі бағынатын сөздерін сан мөлшері жағынан айқындап, анықтауыштық есім сөз тіркестері құрамына енеді. Мұндай тіркестерде сан есімді анықтауыштар өзі бағынышты сөздердің алдында тұрып, онымен қабыса байланысады, ал басыңқы компонент заттың атын білдіретін сөз, не заттық ұғымын жоймаған қатыстық сын есімдер болуы мүмкін. Мысалы: *екі үлгі* (екі бөлегі), *жеті жүз кісі* (жеті жүз кісі), *тоқуз оғуз* (тоғыз оғыз), *екі-үч бың сү* (екі-үш мың қол), *үч отуз балық* (жиырма үш қала), *икінті сұңұс* (екінші соғыс) т.б.

Тарихи жазбалардан есімдікті сөз тіркестерінің мынадай түрлерін кездестіруге болады: *бу йол* (бұл жол), *ол суб* (ол сөз), *ол йер* (ол жер), *не буңы* (не мұны). Есімдіктердің ішінде сілтеу, сұрау есімдіктері қабыса байланысқан сөз тіркестерін жасауға қатысады.

Есімшелі сөз тіркестері — түркі тілдерде көне дәуірден бері келе жатқан синтаксистік құбылыс. Көне түркі тілінде есімшелер *-дұқ, -дүк, -дұқ, -тұқ, -мыш, -міш, -ығма, -ігме* қосымшалары арқылы жасалған. *Бардұқ йірде* (барған жерде), *келігме беглер* (келген бектер), *йатығма тағ* (жатаған тау), *будун болмыш үчүн* (халық болғаны үшін). Бұлар — есімшенің көне тұлғалары. Қазіргі тіліміздегі есімшенің *-ған, -ген, -қан, -кен, -атын, -етін, -йтін* тұлғалары кейін қалыптасқан. Көне түркі тілінде қазіргі тіліміздегі есімшенің *-ар, -ер, -р* тұлғалары бізге сол күйінде жеткен. Мысалы: *көрүр көзім* (көрер көзім), *білір білігім* (білер білімім).

Көне түркі тілінде қабыса байланысқан есімді сөз тіркестерімен қатар етістікті сөз тіркестері де жиі ұшырасады. Мысалы: *түн қатдымыз* (түн қаттық), *бод қалматы* (ештеңе қалмады), *қаған олурты* (қаған көтерді), *оғуз клті* (оғыз келді).

Ғ.Айдаров «Күлтегін» ескерткішіндегі қабыса байланысқан сөз тіркестерін былай топтастырады:

Меншілікті көрсететін сөздер: *беңгү таиш* — мәңгі тас, *табғач будун* — табғаш халқы, *түрк беглер* — түрк бектер.

Географиялық атаулар: *Өтукен йыш* — Өтукен қойнауы, *Шантун йазы* — Шантун жазығы, *Темір қапығ* — Темір қақпа.

Жыл, ай атаулары: *қой йылқа* — қой жылғы, *бічін йыл* — мешін жыл, *йетінч ай* — жетінші ай.

Өлшемдік қатынастар: *ең ілкі* — ең ілкі, *біш йолы* — бес рет [8].

Жанасуда кейбір пысықтауыштар етістіктен болған баяндауыштармен ешбір орын талғамай байланысады. Мысалы: *ебірү түсейін* (айнала түсейін), *күнтуз олурматы* (күндіз отырмады), *тун удыматы* (түн ұйықтамады). Қабысуда өзара тіркескен сөздер орындарын өзгертпей, жұбын жазбайды. Ал жанасуда олай емес, кей кездері тіркескен сөздер бір-бірінен қашық тұра береді [9]. Жанасу — пысықтауыш пен баяндауыш арасында болатын байланыс. Жанаса байланысқан сөздердің сөйлемдегі орны ерікті, олар сөйлемнің басында, ортасында келе береді.

Қорыта келгенде, тіліміздің тарихының қайнар көзі болған «Орхон-Енисей» ескерткіштерінде қолданылған сөз тіркестерінің қолданысы қазіргі қазақ тілінен көп алшақтай қоймайды. Біздің тілімізге жетпеген кейбір септік жалғауларының көне тұлғалары арқылы қалыптасқан сөз тіркестері болмаса, қазіргі тілімізде қолданылып жүрген сөз тіркестерінің байланысу тәсілдері мен формаларында айтарлықтай ерекшелік жоқ. Біз бұдан көне түркі тілі мен қазіргі қазақ тілінің арасында сабақтастық бар екендігін байқаймыз.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Аманжолов А. Түркі филологиясы және жазу тарихы. — Алматы: Санат, 1996. — 44-б.
- 2 Айдаров Ғ. Көне түркі жазба ескерткіштерінің тілі. — Алматы: Мектеп, 1986. — 173 б.
- 3 Қазақ грамматикасы. — Астана, 2002. — 57-б.
- 4 Сайрамбаев Т. Сөз тіркесі мен жай сөйлем синтаксисі. — Алматы: Рауан, 1976. — 96-б.
- 5 Аблақов А. Меңгеріле байланысқан етістікті сөз тіркестері. — Алматы: Мектеп, 1986. — 3-б.
- 6 Томанов М. Қазақ тілінің тарихи грамматикасы. — Алматы: Мектеп, 1981. — 207 б.
- 7 Ағманов Е. Қазақ тілінің тарихи синтаксисі. — Алматы: Мектеп, 1986. — 62-б.
- 8 Айдаров Ғ. Күлтегін ескерткіші. — Алматы: Ана тілі, 1995. — 141,142-б.
- 9 Айдаров Ғ. Тоникүк ескерткішінің (VIII ғасыр) тілі. — Алматы: Қазақстан, 2000. — 85-б.

З.Н.Жуынтаева, М.А.Турсунова

Употребление словосочетаний в древнетюркском языке

В статье рассмотрены особенности употребления словосочетаний в древнетюркском языке. Указаны синтаксическая связь и способность окончаний падежей, спряжений, множественного числа формировать словосочетания. Связь слов в предложениях осуществлена с помощью порядка слов, интонации, служебных слов. Авторами статьи приведены языковые факты. Проявление в древнетюркских памятниках видов связи слов современного казахского языка определено историческо-сравнительным методом.

Z.N.Zhuynetaeva, M.A.Tursunova

Application of phrases in drevnetyurksky language

In the article application of word-combinations is considered in a древнетюркском language. Syntactic connection and ability to form the word-combinations of completions of cases, conjugations, plural are specified. Connection of words in suggestions comes true by means of order of words, intonation, empty words and it in the article is proved by language facts. Display in the monuments of kinds of connection of words of modern Kazakh of осуществлены by a historical-comparative method.

ӘОЖ 81'

Ж.Д.Рапишева, С.А.Төленова

*Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті (E-mail: R_Zhanat@mail.ru)***Қазақ тіліндегі алғашқы іс қағаздарындағы терминдік атаулар**

Мақалада қазақ тіліндегі іс қағаздарының алғашқы үлгілері мен олардың тілдік ерекшеліктері қарастырылды. Зерттеу еңбектеріне сүйене отырып, ресми іс қағаздарының алғашқы түрлері көне дәуірлерден бастау алатыны сөз болып, тұңғыш қазақ газеттерінде басылған қатынас қағаздары мен құжаттардың тілі қазіргі қазақ тілімен салыстырыла талданды. Қазақ іс қағаздар тілінің қалыптасу кезеңдерін көрсететін түрлі тілдік фактілер келтіріліп, қазақ тіліндегі алғашқы іс қағаздарында кездесетін терминдік атаулар мен қолданыстар сипатталды.

Кілтті сөздер: іс қағаздары, іс қағаздарының алғашқы үлгілері, іс қағаздарының түрлері, іс қағаздарының тілі, ресми құжаттар, терминдік атаулар, терминдік қолданыстар.

Мемлекеттік тілде іс қағаздарын жүргізу заман талабына сай жүргізілуі үшін ресми және іс қағаздары терминдерінің қалыптасу тарихын, қазіргі тілімізде берілу барысын, жасалу жолдары мен тәсілдерін, қолданылу ерекшеліктерін анықтау қажеттілігін туындатты.

Қазақ іс қағаздары тілінің тарихы сол тілдің иесі болып табылатын халық тарихымен, іс қағаздарын қатынас құралы ретінде қолданған қоғам тарихымен тығыз байланысты екендігі даусыз. Сондықтан қазақ іс қағаздар тілінің тарихын зерттеуде зерттеушілер екі принципті басшылыққа алады. Бірінші принцип — қазақ іс қағаздар тілінің тарихын, оны туғызған, тілдік қатынас ретінде пайдаланған қоғам тарихымен тығыз байланыста, бірлікте қарау принципі. Өйткені тілдің дамуы қоғамның дамуына, оның экономикалық, мәдени өміріндегі өзгерістерге байланысты болады. Екінші принцип — қазақ іс қағаздар тілінің қалыптасу кезеңдерінде кездесіп отыратын түрлі тілдік фактілерді, тілдік ерекшеліктерді қазіргі қазақ тілімен салыстыра қарау принципі.

Зерттеушілер қазақ әдеби тіліндегі ресми стильдің қалыптасу кезеңі мен оның түрлері туралы әр түрлі пікірлерді ұстанады. Кейбір тілші-ғалымдардың пікірінше, қазақ қаламгерлері XVI ғасырдан XIX ғасырдың екінші жартысына дейін қазақтың көне жазба әдеби тілінде ресми іс қағаздарын жазды, өзара хат жазысты.

Қазақ тілші-ғалымдарының зерттеулеріне қарағанда, қазақ әдеби тілі тарихында іс қағаздарының алғашқы үлгілері ертерек кезеңде, XVIII ғасырдың II жартысы мен XIX ғасырдың I жартысында, одан кейінгі үлгілері XIX ғасырдың II жартысы мен XX ғасырдың басында пайда болды. Ол — қазақтың хан, сұлтан, старшындарының Орыс империясының әкімшілік орындарына жазған құжаттары мен өзара жазысқан хаттары. XVIII ғасырдың II жартысындағы ресми қағаздар ресей мұрағаттарында сақталған. Олардың тілі мен сөздік құрамы түркі халықтарына ортақ болған (*елиші, бітім, ғарызнама, мағлұмнама, ағланнама, Тәукенің «Жеті жарғысы»* т.б.).

Белгілі ғалым Р.Сыздықованың көрсетуінше, ресми іс қағаздары стилі қазақ тілінде ертеде қалыптаса бастаған, қазақ хан-сұлтандарының орыс әкімшілік орындарымен жазысқан көптеген хаттары, арыздары мен мәлімдемелері XVIII ғасырдан бастап архивтерде сақталған. Солардың кейбірі (1785–1828 жылдары аралығында жазылған қазақтың хан, сұлтан, старшиналарының хаттарын) тарихшы М.П.Вяткиннің «Материалы по истории Казахской ССР» деген кітабында жарияланды. Сонымен бірге архивтер мен кітапханалардың сирек қорында біраз ресми құжаттар үлгілерін табуға болады [1; 33].

XVIII–XIX ғасырларда қолданылған ресми қағаздардың стильдік ерекше белгілеріне Р.Ғ.Сыздықова, біріншіден, *ғизатлу*, *хурматлу* (уважаемый), *мархабатлу* (милостивый, всемилостивый), *сағадатлу* (блаженный), *биік мартабалу* (высокостепенный), *ғинайатлу* (всеблагий), *құдратлу* (всемогущий), *шафағатлу* (милосердный) тәрізді сын есімдерді жатқызады. Екіншіден, бұл құжаттардағы сөздердің басым көпшілігі қазақ тілінікі емес, ортаазиялық әдеби тіл мен татар тілдерінікі деген тұжырым жасайды [1; 167–173].

Зерттеушілердің айтуынша, «... қазақша ресми іс қағаздары стилі екі түрлі арнадан сусындады. Оның бірі — сонау көне дәуірлерден бермен қарай үзілмей келе жатқан хан жарлықтары және басқа да ресми құжаттар үлгілері. Сонымен қатар XIX ғасырда қазақ жерінің Ресей мемлекеті қол астына кіруіне байланысты орыс әкімшілік орындарының бұйрық-жарлықтары, заңдары мен қатынас қағаздары қазақшаға аударылып, қазақ ішіне тарады» [1; 114,115].

Профессор Б.Әбілқасымовтың «XIX ғасырдың екінші жартысындағы қазақ әдеби тілі» деген монографиясының «Ресми іс қағаздары үлгілері және олардың тілдік сипаттамасы» деген тарауында баспа бетінде жарияланып, көпшілікке тараған құжаттардың тіл ерекшеліктері жан-жақты қарастырылады. Ғалым әкімшілік орындарының бұйрық-жарлықтарына қатысты материалдарының алғашқылары болып саналатын «1852 жылғы Орынбор шекара комиссиясының жергілікті қазақ әкімдеріне жолдаған қатынас қағазын», «1890 жылдың 29 майында 1071 нөмірлі Далалық генерал-губернатордың қыр облыстарының бастықтарына жолдаған жарлығын» алып, олардың тілдік ерекшеліктерін талдаған. Сонымен қатар бұл еңбегінде «Қазақша заң жинақтары мен ережелері» (1885 жылда шыққан) деген тақырыпшада ресми құжаттың лексикасын, грамматикалық ерекшеліктерін жан-жақты зерттеген. Бұл құжаттың айрықша құндылығы ретінде ғалым құжаттың жазылуына Абай Құнанбаевтың қатысуын атап өтеді [2].

Бұл кезде әкімшілік орындарының түрліше бұйрық-жарлықтары (повеления, приказы, указы) *ярлық, әмір ярлық, фарман* түрінде кездеседі, қазақша *бұйрық* сөзі әлі жоқ. Мұның біріншісі түркі тілдерінде ежелден келе жатқан *ярұқ-ярлық-жарығ* (жеті жарғы) *жарлық* сөзі де, екіншісі осы мағынаны білдіретін араб сөзі, бұл көбінесе хан, сұлтан, қазылар тарапынан берілетін *указ* дегенге сай келеді. *Фарман* сөзі *пәрмен* түрінде халық тіліне де енсе керек: *Патшадан пәрмен болған соң* («Қамбар»), бұл сөзді Н.И.Ильминский де сөздігіне (1861) *пәрмен* — *повеление* деп енгізген [1; 230].

XIX ғасырдың екінші жартысы мен XX ғасырдың басында патша үкіметінің жергілікті әкімшіліктерінің жарлық-бұйрықтары мен нұсқау-хаттары, әр түрлі қатынас қағаздары, заңдар мен ережелер сияқты ресми құжаттар қазақ тіліне аударылып, мерзімді баспасөз бетінде жарияланып отырды. Кейбір ережелер (мысалы, 1885 ж. Қарамола съезінде қабылданған Заң ережесінің 1886 ж. қазанда жарық көруі) жеке кітапша болып та басылды.

Басылып шыққан ресми құжаттардың басым көпшілігі, сол сияқты қолжазба түрінде сақталған хаттар араб графикасымен жазылған. Бұл жағдай олардың орфографиясында түркі әдеби тіл дәстүрінің толық сақталуын, қазақ тіліне тән дыбыстық заңдылықтарын еленбеуіне, жарыспалылыққа, яғни қазақша-«түрікше» екі варианттылыққа мүмкіндік берді. Қазақ жазба әдеби тілінің қалыптасу дәуіріндегі ресми қағаздары дәстүрін негізге ала отырып дамыды және орыс тіліндегі ресми қағаздары стилінің кейбір элементтерімен толықты.

Р.Сыздықованың айтуынша, «Орта Азия жазба тіл элементтерін молырақ пайдалану — бұл стильді өзгелерден айыратын басты белгі. Мұнда стандарттық күштірек сақталады. Әсіресе бұлардың

емлесінде, сөз таңдауында, морфологиялық тұлға-тәсілдерді пайдалануында, тіпті синтаксистік құрылымында да «түркілік» сипат айқын көрінеді». Лексика мен грамматика саласындағы бұл белгілер осы стильді құрайтын нұсқалардың бірінде толық сақталса, бірінде бірен-саран кездеседі. Мұндай ауытқулар аудармашының кім, қай ұлттың (татар, қазақ, башқұрт) өкілі болғандығына, оның білім дәрежесіне, әсіресе саяси-идеялық көзқарасына байланысты болса керек.

XIX ғасырдың II-жартысында жарық көрген қазақша үлгілерде ресми-іс қағаздар стиліне өзіндік ерекшеліктер (кейбір стандарт сөздер мен тұрақты тұлғалар, баяндау формасы мен стилі) қалыптасып, тұрақтала түсті. Осы стиль көлемінде заң, әкімшілік терминдері қалыптаса бастады. Бірақ мұнда терминология саласында да, грамматикалық тұлға-тәсілдерді пайдалануда да нормалау үдерісі әлсіз болды.

Сонымен, зерттеушілердің көрсетуінше, «... қазақша ресми іс қағаздары стилі екі түрлі арнадан сусындады. Оның бірі — сонау көне дәуірлерден үзілмей келе жатқан хан жарлықтары және де басқа да ресми құжаттар үлгілері. Сонымен қатар XIX ғасырда қазақ жерінің Ресей мемлекетінің қол астына кіруіне байланысты орыс әкімшілік орындарының бұйрық-жарлықтары, заңдары мен қатынас қағаздары қазақшаға аударылып, қазақ ішіне тарады».

XIX ғасырдың II-жартысында қазақ тілінде ресми қағаздары стилі (ресми қаулы-қарарлар) біршама дамыды. Оған патша үкіметінің түрлі әкімшілік, заң, әскери орындарының бұйрық-жарлықтары, ереже-нұсқаулары мерзімді баспасөз беттерінде («Түркістан уәлаяты газеті» мен «Дала уәлаяты газетінде») қазақ тіліне аударылып, жариялануы ресми қағаздар тілі мен стилінің одан әрі дамып қалыптасуына ықпал еткені сөзсіз. Газеттердің бетінде *жарлық, тіркеу, шағым, фарманнама, хыйсаб, хыйсаб дәптері* тәрізді терминдер мен лексикалық топтарды кездестіруге болады.

Қазақ тіліндегі тұңғыш басылымдар болып табылатын «Түркістан уәлаяты газеті» мен «Дала уәлаятының газеті» әскери губернаторлардың бұйрықтарын жариялап тұрған. Алғашқы газеттер тілінен XIX ғасырдың II-жартысында қазақ тілінің қоғамның барлық жағын суреттей алатын тұрақты сөздік қорының болғаны байқалады. Бұл кезде әлеуметтік-саяси ұғымдарды атайтын сөз топтары қалыптасты. Олардың біразы терминдік сипатқа ие болды. Ол үшін байырғы сөздерге жұрнақ жалғап жаңа сөз жасау тәсілі қолданылған.

Мысалы: сол кезде патша әкімшілігінің *приказ, распоряжение* деген қағаз атауларын қазақша беру үшін бұрынғы *бұйрық* және *жарлық* сөздерін жаңа мағына үстеп, оларды әкімшілік терминіне көтерген. Зерттеуші Б.Әбілқасымовтың айтуына қарағанда, «ТУГ» бұл ұғымның екеуін де *бұйрық* сөзімен білдірген. Ал «Дала уәлаяты газетінің» алғашқы жылдағы нөмірлерінде орыс тіліндегі *приказ, распоряжение* деген сөздер қазақ тіліне бір ғана араб сөзімен *фарманнама* деп аударылса, кейін бұл сөздің орнына қазақтың өз сөздерін пайдаланып, *приказды — бұйрық, распоряжениені жарлық* деп дифференциялап аударатын болған.

Сол сияқты орыстағы *волость* сөзі көп уақыт газетте *ел* деп аударылып беріліп келген, тек 1900 жылдардан былай қарай *болыс* сөзімен ауыстырылған, ал *ел* бұдан кең ұғымды қамтитын сөз ретінде (мысалы, *қазақ елі*) қолданылатын болған. Ал, «Түркістан уәлаятының газетінде» *приказ, распоряжениенің* екеуі де *бұйрық* сөзімен, *волость* сөзі *болұс* түрінде берілген.

Негізгі сөздік қорға жататын кейбір сөздердің газет материалдарында берген мағынасы қазіргі әдеби тіліміздегі мағынасымен бірдей емес. Мәселен, *қауым* деген сөз газетте қазіргі тіліміздегі *қоғам* дегеннің орнына (орыс тіліндегі *общество* деген сөздің баламасы ретінде) қолданылған. *Қазнаны ғәм жер шаруасын басқаратын министрстволар хабар алыбды, Түркістанның шаруа қауымы ғәм императорски русски технически бөлменің қауымы Ташкент шаһарында шаруа ғәм өнер іс турасынан бистафка ашады деген* («Дала уәлаяты газеті». — 1896. — № 49).

Мұндағы *шаруа қауымы* орысшадағы *общество сельского хозяйства, технически бөлменің қауымы — отделение технического общества* дегеннің орнына қолданылып тұр. Соңғысында сөздердің орын ауыстырудан тіркестің мағынасы бұзылып тұр. *Қауым* сөзінің *обществоның* орнына қолданылуы.

Сондай-ақ *қауым* сөзі тағы бір жерде орыстың *публичный* деген сөзіне балама ретінде қолданылған: *публичная библиотека — көп қауымға тиісті кітапхана* («Дала уәлаятының газеті». — 1896. — № 3). Қазіргі әдеби тілімізде *қауымның* жоғарыдағы мағыналарын *қоғам, көпшілік* деген сөздер береді де, ол *қауымның* мағынасы ол кездегіден едәуір тарылып, белгілі бір стильде ғана *бұқара, көпшілік* деген мағыналарда қолданылып жүр [3].

Бұл дәуірдегі баспасөзден біз сот істерімен байланысты қалыптаса бастаған заң терминдерін көптеп кездестіруге болады. Ең бастысы, юриспруденциямен байланысты лексикада қазақтың

бұрыннан қолданылып келе жатқан сөздерінің термин ретінде көбірек пайдаланылуы назар аудартады. Оның себебі ол кезде біраз уақыт азаматтың соттармен қатар дәстүрлі билер сотының қатар өмір сүруінде болуы керек. Сондықтан билер сотында қалыптасқан терминдер азаматтық сот істерінде де кеңінен қолданылған, мысалы: *қуғыншы, жоқшы, жауапкер, жазакер, қорғаушы, куәгер, жаза, билік*.

XX ғасырдың басындағы іс қағаздары, негізінен, аударма материалдар болып келеді. Бұл кездегі іс қағаздары стилі XIX ғасырдың II-жартысына қарағанда дамып жетіле түсті. Дегенмен, Б.Әбілқасымовтың көрсетуінше, «XX ғасырдың бас кезіндегі қазақша іс қағаздарының тілінде көне түркі әдеби тілдік дәстүрлі грамматикалық формалар мен сөз өрнектері көп уақыт бойы сақталып келді. Олар уақыт озған сайын, қазақ арасынан шыққан оқыған интеллигенттердің саны көбеюімен байланысты өзгеріске ұшырап, ондағы өзге тілдік элементтер халықтық формалармен алмастырыла бастады».

XX ғасырдың басындағы ресми іс қағаздары тілінің лексикалық ерекшеліктері — олардың мәтіндерінен араб-парсы сөздері, көне түркі тілінің және орыс тілінің элементтері, диалектизмдер, қазіргі тілде айтылмайтын терминдік атаулар, татар, түркі тілдерінің элементтерінің кездесуі болып табылады. Бұл кездегі әдеби тілде лексикалық жарыспалылық (варианттылық) орын алған (*низам/заң/закон; мерзім/уақыт/мезгіл/срок; бап/статья; шығын/расход; айып/штраф; жоба/проект*) т.б.

Қазан төңкерісінен кейінгі жылдар — қазақ әдеби тілінің функционалдық стильдерінің жеке-жеке қалыптасып, сараланып, дами бастаған кезеңі. Бұл дәуірде әдеби тіліміздің лексикасы, төңкерістен бұрынғы күйімен салыстырғанда, жан-жақты толығып, жетіле түскені сөзсіз.

Дегенмен, бұл кезеңдегі ресми стильдің тіліне тән құбылыс — бір мағынаны, ұғымды атау үшін бірнеше синонимдердің, вариант сөздердің қолданылуы болды: *арыз//өтініш; хабарландыру// құлақтандыру; жоспар// план; баға// бәс* т.б.

Қазан төңкерісінен кейін, 1920 жылғы 4 қазанда, ҚазАССР-інің құрылуына байланысты, Қазақстан дербестік алып, мәдениеті мен әдебиетінің дамуына жол ашылды. 1921 жылғы ақпанның 2-сіндегі «Республиканың мемлекеттік мекемелерінде орыс, қазақ тілдерін қолдану туралы» № 19 декреті бойынша қазақ тілі орыс тілінің шылауына тіркелді (ҚырАССР Орталық Атқару комитеті, халық Комиссарлар Кеңесі Декретінің № 1 жинағы, 174–175-б.).

1923 жылы қараша айында «Тіл туралы» қабылданған тұңғыш Декретте қазақ тілі орыс тілімен қатар мемлекеттік дәрежеге ие болып, мемлекет тілі болып жарияланды. Декретте көрсетілгендей, мемлекеттік және қоғамдық мекемелерде, ұйымдарда іс қағаздарын орыс тілімен бірге қырғыз (қазақ) тілінде де жүргізу көзделді. Бұған байланысты ана тіліміздің қолданылу аясы біраз кеңейді. Қазақ тілінің бұрынғыдай тек сөйлесуде ғана емес, қоғамдық- әлеуметтік қызметі де жан-жақты дамып, арта түсуіне жағдай туды, ол күнделікті саяси, мәдени, ғылыми, үгіт-насихат жұмыстарында, оқу-ағарту ісінде кең қолданыла бастады.

Архивте сақталған құжаттарға сүйенсек, қазақ тілін жақсарту жөнінде 16, орыс тілі жөнінде 15, іс қағазын қазақ тіліне көшіру жөнінде 18, орыс және қазақ тілдерінде қатар жүргізу туралы 3 қаулы қабылданыпты. Алайда қазақ тілінде орыс тілімен қатар іс қағаздарын жүргізу жұмысы бірнеше рет қолға алынса да, бұл салада жұмыстар істелсе де, тиімді нәтиже шықпағаны мәлім. Бұған ашаршылық, тәркілеу, қуғын-сүргін кезеңі, Ұлы Отан соғысы, тың игеру, демографиялық ахуалдың ауытқуы сияқты ауыртпалықтардың салқыны тигені аян.

Зерттеушілер қазақ тілінде термин жасаудың алғашқы кезеңін XIX ғасырдың II-жартысынан бастайды. III.Құрманбайұлының айтуынша, жалпы термин шығармашылығының, оның ішінде қазақ лексикасы терминденуінің «алғашқы кезеңін» осы сөз болып отырған уақыт аралығындағы термин жасау процесіне тән ерекшеліктерден білуге болады [4].

Осы XIX ғасырдың екінші жартысындағы термин мәселесін сөз еткен ғалымдардың «терминология», «ғылыми терминологияның элементтері», «ғылыми стиль» демей, «жартылай ғылыми стиль», немесе «ғылыми термин», деп атамай «терминдік мәнде жасалған» деулерінде үлкен мән жатыр. Өйткені термин нағыз толық мәніндегі ғылыми термин ретінде қолданылуы үшін оның өмір сүру ортасы, ғылыми терминология, қалыптасқан ғылыми стиль болуы шарт. Қарастырылып отырған кезеңде бұлардың енді-енді ғана орнығып келе жатқанын ескерсек, ғалымдардың шындықтан ауытқымай әр ұғымды өз атымен атауда мақсат еткені байқалады.

Зерттеушілердің айтуынша, жалпыхалықтық тілдегі жекелеген сөздер терминдік мәнде жұмсалып, орыс тіліндегі термин сөздердің баламасы ретінде қолданыла бастағанымен, бұл тұста терминдену термин шығармашылығының дербес тәсілі ретінде таныла қойған жоқ.

Қазақстан тәуелсіздік алғаннан кейінгі жылдары қоғамда болған жаңа құбылыс, жаңа құрылыс, жаңа қарым-қатынас жаңа ұғымдарды туғызды. Бұл жаңа ұғымдарды белгілеу үшін жаңа атаулар қажет болды. Ресми іс қағаздары лексикасының құрамы жаңа ұғым, қолданыстарды белгілеу үшін жаңа атаулармен, жаңа терминдік тіркестермен толық бастады. Олар ана тіліміздің байырғы сөздері негізінде жасалды (*бұйрық, заң, қаулы, қарар, нұсқау, іс жүргізу, жиналыс, келісім, құлақтандыру, хабарландыру, шешім, шығыс, есеп, кіріс, мекеме, арыз, жергіліктендіру* т.б.) және орыс тілінен тікелей терминдер мен лексикалық топтар (*протокол, акт, архив, адрес, журнал, вексель, секретарь, комиссия, бригада, ведомость* т.б.) қабылданды.

Іс қағаздары терминдері де лексикалық қордың басқа стильдік топтарының құрамындағы атаулар сияқты жаңа сөздермен толығып не болмаса терминдік мәнінен ажырап, қолданыстан шығып қалып отырады. Яғни бұл саладағы терминдер құрамында да сөздердің көнеруі (архаизм сөздерге айналуы) және жаңа қолданыстардың (неологизмдердің) пайда болуы — заңды құбылыс. Мұндай өзгерістерге әр түрлі тарихи әлеуметтік оқиғалар, бұл оқиғаға берілген әр қилы баға мен қоғамдық пікірлер түрткі болады. Бір кезде адамдар арасындағы қатынасты жүйелі түрде жүргізуші, әділет нормасын сақтап қорғаушы, қылмыстыға жазалау үкімін шығаратындар билер болғаны белгілі. Ол кезде *би* сөзі құқық қорғау ұйымының қызметкері дегенді білдірсе, кейін осы мағынаны «сот» атауы атқара бастағанда, *би* сөзі архаизмденіп, оның қызметін атқарып отырған сөз (*сот*) термин құрамына енді. Сөйтіп, заң терминдері құрамында неологизм пайда болды.

Қазіргі ресми іс қағаздар тілінде жиі кездесетін *ұйымдасу* етістігі 1920–30 жылдардағы ресми іс қағаздар тілінде *ұйысу, ұйымдастыру* түрінде қолданылған екен. Мысалы, *партия ұйымдастырушы, ұйымдастырушылар, бірте-бірте ұйымдастырып, милитсия ұйыстырылды* т.б. Бұл кезеңдегі орыс тіліндегі *организация* термині ұя деп алынған. *Организовать* етістігінің *ұйыстыру* түрінде аударылуы да осыған байланысты. *Организация* атауының баламасы ретінде алынған ұя сөзі әдеби тілімізге сіңіп кете алмады. Оның орнына бірте-бірте *ұйым* термині орныға бастады. Осыған байланысты *ұйысу* етістігі де, *организация* атауының *ұйым* түрінде аталуымен байланысты *ұйымдастыру* болып қалыптасып кетті. Яғни 1920–30 жылдардағы ресми іс қағаздар тілінде *организовать* етістігінің алдымен *ұйыстыру* делінуі, кейіннен *ұйымдастыру* түрінде алыну себебі, *организация* сөзінің әуелі ұя формасында, одан кейін өзгеріп, *ұйым* болып қолданылуына байланысты.

Қазіргі қазақ тілінде жиі қолданылатын *тапсырма* сөзі ол кезде *тапсырыс* түрінде де қолданылып отырған. Мысалы, *тапсырыс берген, тапсырысты орындау, бұдан кейінгі тапсырыс* т.б. Бұл кезеңдегі *-ыс, -іс*, қосымшасының қолданылуы функционалдық стильдердің қай-қайсысында да кең етек алған [5].

Қазақ әдеби тіліндегі іс қағаздар стиліне грамматикалық ерекшеліктер де тән болып келеді. Іс қағаздар стилінің грамматикалық ерекшеліктері туралы айтқан кезде, оның морфологиялық сипаты туралы мардымды тілдік фактілердің өте аз екенін ескерткіміз келеді. Морфологиялық көрсеткіштер тілдің басқа салаларының элементтері сияқты стилистикалық бояуға ие бола алмайды, стилистикалық қызмет атқаруда сирек кездеседі. Морфологиялық категориялар әдеби тілдің функционалдық стильдерінде бейтарап сипатта келеді. Функционалдық стильдердің барлығы морфологиялық формаларды қанша қолданса да, оларға айдар тағып, сол стильдің морфологиялық ерекшелігі деп айту өте қиын. Дегенмен, іс қағаздар стиліне тән бірлі-жарым морфологиялық ерекшеліктердің бар екендігін іс қағаздар құжаттардың тілін зерттеу барысында көз жеткізуге болады.

Қоғам дамуы арқылы тіл де дамиды. Бірақ тілдің даму деңгейі оның барлық салаларына бірдей тән емес. Оның белгілі бір қабаты өзгеріс, өріске онша көне бермейді. Ал оның қайсыбір қатпарлары жаңалыққа иін беріп, жаңа мағыналық ұғым-түсініктер әкелуге бейім тұрады. Осы тұрғыдан алып қарағанда, дамыған, жетілген тілдің басты көрсеткішінің бірі оның терминдік жүйесінің саралануы болып табылады.

Іс қағаздарының негізгі қызметтерінің бірі — қоғамдық сана, оның ішінде құқықтық сана қалыптастыру. Кез келген іс қағазының заңдық күші бар, кез келген іс қағазындағы мәлімет заңдық күші бар құжаттар негізінде беріледі. Заңға байланысты сөздер іс қағаздарының барлық түрлерінде дерлік кездеседі. Дегенмен, іс қағаздарының сипаты мен мазмұнына қарай олардың қолданылу жиілігінің деңгейі де әр түрлі болады.

Сонымен, ресми стильдегі іс қағаздарының негізгі қызметі — басқару, ақпарат беру, қарым-қатынас құралы болу. Сондықтан іс қағаздарында бұл қызметтерді жүзеге асыратын лексиканың негізгі бөлігі қоғамдық-саяси лексика болып табылады. Іс қағаздары жанрларының түрлілігіне қарай ондағы қоғамдық-саяси лексиканың қолданылу жиілігі бірдей деңгейде болмайды. Іс қағаздар тілінде жиі қолданылатындары: әлеуметтік топ атаулары, өндіріс пен ауыл шаруашылығына байланысты атаулар, әскери атақтар мен түрлі қызмет атаулары, мемлекеттік басқару органдары, министрліктер, ведомстволар, мекемелер мен ұйымдар, оқу орындары т.б. атаулар. Себебі кез келген іс қағазының құжат ретінде танылуының өзі оның заңдық негізінде жатыр дейді мамандар.

Тілдің терминологиялық лексикасы екі жолмен жасалатыны мәлім. Оның бірі — ұлттық тілден жасалған терминдер де, екіншісі — өзге халықтың тілінен қабылданған терминдер қатары. Іс қағаздары терминдерін қалыптастырудың үш жолы бар деп есептейді зерттеушілер: біріншісі — халықаралық терминдер, екіншісі — аударма арқылы енген терминдер, үшіншісі — терминдік сипаттағы сөздер ресми стильде, сонымен қатар публицистикалық стильде қолданылып, екінші жағынан, мағыналық стильдік реңкті иеленетін, бірінің орнына бірі қолданылатын терминдік сөздер.

Іс қағаздары терминдерінің ішінде қазақша бір сөз бірнеше ұғымдарға атау болып жүргенін, немесе, керісінше, шетелдік бір термин бірнеше вариантпен қолданылатынын да кездестіруге болады. Қазіргі қазақ тілінде қолданылып жүрген іс қағаздары терминдері мен терминдік тіркестері — қазақ тілінде бұрыннан қолданылып жүрген сөздерге қосымша қосу, біріктіру, тіркестіру арқылы жасалған сөздер. Сонымен қатар ресми тілде бір компонентті және көп компонентті, яғни бірлескен сөздер тіркесінен тұратын, терминдер жиі кездеседі.

Іс қағаздары терминдерінің жасалу жолдарын мен берілу тәсілдерін қарастыра отырып, олардың негізінен, қазақтың төл сөздерінен жасалғанын анықтадық. Өйткені қазақ тілінің сөздік қорының термин жасаудағы, әсіресе тіліміздегі байырғы сөздердің термин жасаудағы мүмкіндіктерінің шексіз екендігі даусыз.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Сыздықова Р. Қазақ әдеби тілінің тарихы. — Алматы: Ана тілі, 1993. — 319-б.
- 2 Әбілқасымов Б. XIX ғасырдың екінші жартысындағы қазақ әдеби тілі. — Алматы: Ғылым, 1982. — 224-б.
- 3 Әбілқасымов Б. Алғашқы қазақ газеттерінің тілі. — Алматы: Ғылым, 1971. — 228-б.
- 4 Құрманбайұлы Ш. Қазақ терминологиясы дамуының кезеңдік сипаты. — Астана: Елорда, 2002. — 122-б.
- 5 Исаяев С. Қазақ әдеби тілінің тарихы. — Алматы: Ана тілі, 1996. — 53-б.

Ж.Д.Рапишева, С.А.Төленова

Терминоупотребление в первых образцах казахских деловых бумаг

В статье рассмотрены первые образцы деловых бумаг и их языковые особенности. На материале первых газет и официальных бумаг на казахском языке раннего периода исследована история формирования и развития терминологической лексики делопроизводства. Авторами статьи проанализированы особенности употребления и образования первых терминов в официально-деловой документации, охарактеризованы факторы, способствующие развитию терминологии делопроизводства, а также казахского языка как государственного.

Zh.D.Rapisheva, S.A.Tolenova

Terminoupotrebleniya in the first samples of the Kazakh official papers

In article the first samples of official papers and their language features are considered. The authors shows real examples of that many of terms word be consist by Kazakh works, on a material of the first newspapers and official papers in the Kazakh language of the early period the history of formation and development of terminological lexicon of office-work is investigated. Authors of article analyze features of the use and formation of the first terms in official documentation. Authors characterize the factors promoting development of terminology of office-work, and also the Kazakh language as state.

ӘДЕБИЕТТАНУ ЖӘНЕ ФОЛЬКЛОРТАНУ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

ӨОЖ 821.512.122

М.І.Әбдуов

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті

Мағжан жайлы маңызды зерттеу

Мақалада академик Р.С.Кареновтың қазақтың XX ғасырдағы данышпан ақыны Мағжан Жұмабаевтың өмірі мен шығармашылық қызметі жайлы монографиялық зерттеуіне баға берілген. Қазақ сөз өнерінің көрнекті шеберінің 120 жылдық мерейтойына арналған аталмыш басылымның уақытылы еңбек екендігі айтылған. Монографияда өткен ғасырдағы қайталанбас тұлғаның саяси, қоғамдық және әдеби қызметі жан-жақты сипатталған. Жүргізілген бұл зерттеу халықтың сүйікті ақынының өмірі мен қызметіндегі кейбір ақтандақтардың орнын толтыратындығы көрсетілген.

Кілтті сөздер: зерттеу, әдеби шығармашылық, символизм, акын, түркішілдік сарын, жырлау, қиын-қыстау, пікір, деректер, көркемдік жаңалық, өр бейнелі.

Қазақ әдебиеті XIX ғасырдың екінші жартысы мен XX ғасырдың бас кезінде дамудың, Ренессанстың дәуірін басынан өткеріп, алдыңғы қатарлы әлемдік мәдениетпен йық тірестірді. Қазақ поэзиясының кәусар мөлдір бұлағы адамзаттың әдебиет айдынына Абай болып, Мағжан болып құйылды. Ұлттық әдебиеттің асыл қайнарларынан нәр алған, әлемдік әсем сөздің озық үлгілерінен сусындаған Абай пәлсафалық, ал Мағжан сыршыл, сырлы сөздің қайталанбас шырдарын жасады.

Сондықтан да 120 жылдығына байланысты белгілі қаламгер, профессор Р.С.Кареновтың зерттеуі халқымыздың от жалынды зор таланттарының бірі, аспан құлап, жер сілкінгендей аума-төкпе заманда өмір сүрген, ауыр тағдырды басынан кешкен, ақыры сталиндік репрессия кезінде мерт болған есіл боздақ, ұлы акын Мағжан Жұмабаевтың шығармашылығына арналған [1].

Автордың пайымдауынша, Мағжаннан қалған әдеби шығармашылық мұраның көлемі, салалары сақталуына қатысты сөзді нақты айтуға мүмкіндік бар.

Талантты ақынның алғашқы өлеңдері Уфадағы, Омбыдағы қабырға газеттерінде, қолжазба журналдарында, өз кезіндегі мерзімді баспасөз бетінде жарияланып жүріп, көзге түседі, елестері де, жұртшылық назарын аударады. 1912 жылы Қазанда «Шолпан» өлеңдер жинағы шыққанда Мағжан он сегіз-он тоғыздардағы уылжып тұрған қыршын жас болатын. Абай кітабының басылғанына үш-ақ жыл өткенін ескерсек, жас ақынның даңқы қазақ сахарасы аспанында қалай көтерілгенін ұғу қиынға соқпас. Бұдан кейінгі кезеңде дүниеге келген қазақ газет-журналдарының бетінде Мағжан шығармалары 1929 жылы жаламен күйіп, абақтыға түскенге дейін үздіксіз жарияланып тұрды. Негізінен ақын өлеңдері екі-ақ рет жинақталып, топталып оқырман қолына тиді. Қысқасы, монографияда көрсетілгендей, Мағжан Жұмабаевтың қаламгерлік сапары бас-аяғы жиырма жылға жетпей, тым ерте үзілді. Он жылдай өмірі абақтыда, лагерьде, қуғын-сүргінде, азап-қорлықта өтіп, ақыры 1938 жылы ажал оғы құлатты.

Автордың ойынша, қалың оқырман, қазіргі ұрпақ, болашақ буын үшін ақынның отыз жасында Ташкентте жарық көрген кітабының тарихи маңызы зор. Ақын поэзиясы, оның табиғаты, басты ерекшеліктері туралы пікір-байлам, ой тұжырымды профессор Р.С.Каренов осы жинаққа сүйеніп айтқан.

Кітапта көрсетілгендей, Мағжан бала күнінен халық фольклорын, ауыз әдебиетін, елдің дарынды сөзін бойына сіңіріп өсумен қатар, қаршадай күнінен арабша, орысша хат танып, артынан арнаулы оқу орындарын аяқтап, сүйегіне біткен сұңғыла, зерек, қиялшыл қасиеттеріне орай, Шығыс пен

Батыстың поэзиясын терең біліп, көңілге тоқып, жүрекке ұялатып, бойына сіңіру арқасында таза талғам, биік парасат, үздік көркемдік нысаналарға тіпті ерте жеткен. Ақын таланты қыл-қыбыр, жүн-жүрқа, шаң-тозанды дарытпай, шын, мөлдір қасиетін сақтап, табиғат ұста соққан қалпында қалған.

Мағжан ақынның өлең-поэмалары уақыттың уақытша құбылыстарынан биік тұра білуімен, өнердің өз өлшемдерімен ғана өрелесетін өміршендігімен өзгешеленеді. Өлеңнің хас шебері, биік мәдениетті бірегей ақын деп даусыз мойындалатын Мағжан Жұмабаевтың өнер туындатқан тұсы, яғни өткен ғасырдың жиырмасыншы, отызыншы жылдары мәдениетке саясаттың, идеологияның белден баса араласа бастаған кезеңімен сәйкес келді де, поэзияда алдыңғы қатарға ойдың бейнелілігі, сөздің саздылығы, көркемдік кестелердің кемелділігі емес, заманға күйлейтін көңіл, өтімді тақырыпты таба білу, ұйқастыра ұрандау шығып кетті. Ақ қашып, қызыл қуып, қазақ даласында ғасырлар бойы қалыптасқан өмір салты топалаңға түскен сол бір сергелдең заманда өлеңнің өн бойындағы сұлулықты сақтап қалған Мағжанның халық алдындағы еңбегі ерекше.

Профессор Р.С.Кареновтың қазақтың ұлы ақыны М.Жұмабаевтың мұзасына арналған зерттеу еңбегінде ерекше назар аударылған мәселе, Мағжан поэзиясындағы көкжал толқын, көгала ағыстың бірі — өмір мен өлім, тіршілік пен ажал шайқасы, екеуінің бетпе-бет келуі. Данте, Гете сарындары, Байрон, Пушкин, Лермонтов әуездері, Блок, Фет, Мережковский ырғақтары түйісіп, тоғысып келіп, қазақ ақынының қайғысына қайғы қосып, жүрегін тербеп, жаңа, соны, бой түршігердей күйлер тудырған. Періште, тәңір, пайғамбар, құдай, көк аспан, жер, ай, жолбарыс, арыстан, толқын, жел, теңіз, өзен, алдаспан, алмас қылыш, тұлпар, жүрек — осы секілді көптеген сөздер, ұғымдар Мағжан поэзиясында үнемі қайталанып келеді. Олардың жинақтаушылық, эстетикалық, образдық, символдық, көркемдік орасан зор мәні бар. Өз ортасынан үзіліп, үздік шығып, арада көп мезгіл өтіп, көп дүние өзгергеннен кейін жаңа қауыммен өмірене табысқан өнер иелері әр халықта, әр топырақта, әр ғасырда бар болса, Мағжан поэзиясының бірқыдыру сыры осы арнадан табылса керек.

Автордың ойынша, Мағжанның қазақ поэзиясында ашқан жаңа беттерінен айрықша атауға болатын құбылыс — ақынның Батыс, күллі әлем поэзиясындағы ауыз тұшитын жаңалықтарға ден қоюы. Осыған байланысты символистік ізденістері («От», «Пайғамбар», «Күншығыс», «Мені де, өлім, әлдиле», «Бостандық», «Жаралы жан», «Берниязға», т.т.). Символизм — романтизмнің бір бұтағы болғанда, осы тарапты өлең үлгілері ақын шығармашылығын қазақ поэзиясының бір жемісті ағашы етіп бөлекшелеп тұратынын айту керек. Бұлар — «Жазғы жолда», «Қысқы жолда», «Жиіленді кара орман», «Қараңғылық қоюланып келеді» дейтін және тағы басқа өлеңдер.

Монографияда мынадай қорытынды жасалған: Мағжан ақынның махаббат лирикасын дамытудағы еңбегі ерекше. Көз қарашығының нұры болсын, тербелген аққайың болсын, толқыған көл болсын, бүкіл кең ғалам болсын, соның бәрі, айналып келгенде, ақын жүрегіннің бір бөлшегіндей. Бұл ақын қиялының байлығын, түйсік-қабілетінің молдығын, ешкімге ұқсамайтын қалып-кейпін танытса керек. Мағжан поэзиясының қос қанатындай мұңды, сазды, кейде қайғылы, әрі алға тартатын романтикалық әуендері, махаббат лирикасы ақын түйсігінің өзгешелігін, сонылығын дәлелдемек. Не жазса да, ол ең алдымен өз жүрегіне үңіледі. Сол арқылы айналадағы әлемді білуге, өмір шындығын ұғуға ұмтылады.

Автордың пайымдауынша, Мағжан Жұмабаев қазақ әдебиетінде «поэмалар жазудың желісін қаққан адамның біреуі болған». «Қорқыт», «Оқжетпестің қиясында», «Қойлыбайдың қобызы», «Батыр Баян», «Жүсіп хан», «Өтірік ертеке», «Тоқсанның тобы», т.б. поэмалары — адам тағдыры мен ел тағдырын шебер қиюластырған шығармалар. Бұлардың тақырыптары әр түрлі, көркемдік деңгейлері әркелкі болғанымен, қазақ поэзиясында өзіндік орны бар дүниелер. Мұның ішінде ақынның көркемдігі келіскен терең мағыналы шығармаларының бірі — «Батыр Баян».

Зерттеушінің көрсеткеніндей, бұл шығарма — қазақ тарихының белгілі кезеңіне арналған көркемдік деңгейі жоғары поэма. Осы туындысында «Қолы емес, тілінің кісендеулі» болуынан бұл тіршіліктен безінген ақын, «Қу өмір қызығы жоқ қажытқан соң, Толғанып қарауым сол баяғыға» деп өз сырын ашып береді. Одан әрі ақынның романтикалық биік өресінің қиясына бірге самғап, іштей онымен сырласып кетесіз. Өткен замандағы өз ұлтыңның ұланғайыр даланы қорғаудағы ұмытылмас ерлік күресінің куәсі боласыз. Ұлтының айбары болған Абылайды, махаббат сезімінің құрбандары Ноян мен қалмақ қызын, елін жаудан қорғаған Батыр Баянды танысыз.

Автордың зерттеу барысында дәлелдегені, Мағжанның кесек те күрделі шығармаларына өзек болған алтын арқау — ол ұлт-азатшыл идеядан нәр алған азатшылдық рух. Ұлт рухын асқақтатуды мұрат тұтқан ақынның жоғарыда аталған поэмаларының қай-қайсысында азатшыл сарын көркемдік

оймен тұтас өріледі. Сырттай қарағанда аңыз бен ертегі желісіне құрылған Мағжан туындыларында ақын қиялы өмір шындығымен астасып, соны көркемдік шешім табады.

Академик Әл-Карени (Каренов) өзінің зерттеуінде дұрыс қорытынды жасаған: Мағжанның Кеңестік жүйені керемет үрейлендірген, бірақ та ақындық әлеміндегі басты құндылықтарының бірі — ол, әрине, түркішілдік сарыны.

Мағжан өрлігі сонау VII ғасырда жасаған өр Күлтегіннің даңқты жеңімпаз жырларымен сабақтасады. Ақын көңілі сол Күлтегіндердің салтанат құрған дәуірін аңсайтындай:

*Биікте көк тәңірі,
Төменде қара жер жаралғанда,
Екеуінің арасында адам баласы жаралған.
Адам баласы үстіне ата-тегім
Бумын қаған, Істемі қаған отырған.
Отырып, түрік халқының ел жұртын
Қалыптастырған, иелік еткен.
Төрт бұрыштың бәрі дұшпан екен,
Сарбаздарымен аттанып,
Төрт бұрыштағы халықты
Көп алған, бәрін бейбіт еткен,
Бастыны еңкейткен,
Тізеліні бүктірген.
Ілгері Қадырқан қойнауына дейін.
Кері темір қақпаға дейін жайлаған.
Екі аралықта жүрген иесіз
Көк түріктерді осылай қоныстандырған екен...*

Мағжан аласұрып, жоқтаған түркі жұртының даңқты кезеңдерінен хабар беретін бұл жолдар көпке дейін өз ұрпағына беймәлім болып келгені белгілі.

Ерекше айта кететін жайт, Рашит Әл-Каренидің қазақтың ұлы ақыны Мағжан Жұмабаевтың жары Зылиха Құрманбайқызы жазықсыздан-жазықсыз түрмеге қамалған күйеуінің жоқтаушысы, жанашыры бола білді, кейін әдеби мұрасының шырақшысына айналды деген пікірі. Автордың араға жылдар салып асыл ұлымен қайта қауышқан халқының Зылиха Құрманбайқызына да қарыздар екенін жеткізуге тырысқаны өте жөн сияқты.

Итжеккенге айдалған Мағжанға Зылиха байғұс теңізден өтіп, нелер батпақ, тоң жерді белшесінен кешіп, талай рет барған. Тамақ апарып тұрған. Саясатты, ертеңгі тағдырды көп ойламай, көзжұмбаймен асқан ерлікке, жанын шүберекке түйіп, өзін құрбан етуден тартынбаған. Ештеңеден қорықпаған, жасқанбаған. Жары жолында жанын пида қылған әйелдердің бірі Зылиха апай болған.

Мағжан да Зылихаға ерекше риза болып, оған өлеңнен ескерткіш соғып кетті. Қиын-қыстау кезеңде өзіне кімнің сүйеу болғанын ақын былайша жырлайды [2]:

*Жас өмірімнің көгін бұлттар басқан күн,
Қайғы-қасірет тасып, бастан асқан күн.
Жан-жағымнан жылы жүзді жан таппай,
Жақын жандар қастық уын шашқан күн.*

*Жауыз тағдыр созған қолды қаққан күн,
Жан-тәнімді жылан, шаян шаққан күн.
Жапан түзде қара түнде жалғыз қап,
Қан дария боп көздің жасы аққан күн.*

*Сен көрдің де, келдің тура қасыма,
Сусын беріп, жастық қойдың басыма.
Маңдайымнан сипап, сүйіп, жұбаттың:
«Жаным құрбан, жасыңды тый, жасыма!»*

*Мәңгілікке, міне, қолым беремін,
Тағдыр оғын көтермекке көнемін.
Қайғыланба, атса атар алтын таң,
Жан жолдасым, өлсең, бірге өлемін!» —*

*Дедің де сен күліп, жолым бастадың,
Жауын, дауыл, оттан, судан қаппадың.
Қасиетті, сиқырлы сөз күшімен
Міне, азырақ есім жия бастадым...*

*Алтын сәулем, ақ періштем жан салған,
Кім біледі, айырса егер сұм жалған,
Жүргенімде жер жүзінде тірі боп,
Бағынатын, табынатын сен — Аллам!*

Бұл Мағжанның Зылихаға арнаған көп өлеңдерінің бірі.

Автордың ойынша, Мағжан ақын туралы айтылған көп пікірлердің ішінен екеуіне ерекше ден қойған жөн: оның бірі — М.Әуезовтің оған берген қысқа да болса нұсқа айтқан, ақындық қасиетіне терең бойлаған бағасы; екіншісі — Ж.Аймауытовтың «Мағжанның ақындығы туралы» атты көлемді зерттеу мақаласы.

Ең алдымен Абайды данышпан атаған Мұхтар Әуезов: «... Бұдан соң Мағжанды сүйемін, Европалығын, жарқыраған әшекейін сүйемін» деп, оған деген сүйіспеншілігін жоғары пафоспен бастайды да, не үшін сүйетіндігін өрнекті кестелі ойларымен былайша түйеді: «Қазақ ақындарының қара қордалы ауылында туып, Европадағы мәдениет пен сұлулық сарайына барып, жайлауы жарасқан Арқа қызын көріп сезгендей боламын. Мағжан мәдениеті зор ақын. Сыртқы кестенің келісімі мен күйшілдігіне қарағанда бұл бір заманның тегінен асқандай. Сезімі жетілмеген қазақ қауымынан ертерек шыққандай, бірақ түбінде әдебиет таратушылары газетпен қосақталып, күндегі өмірінің тереңін терген ақын болмайды, заманынан басы озып, ілгерілеп кеткен ақын болады. Әдебиет әдебиет үшін деген таңба айқын болмай нәрлі әдебиет болуға жол жоқ. Сондықтан бүгінгі күннің бар жазушысының ішінен келешекке бой ұрып, артқы күнге анық қалуға жарайтын сөз Мағжанның сөзі. Одан басқамыздың бәріміздікі күмәнді, өте сенімсіз деп білемін».

Сол тар заманда кемеңгер ақын Мағжан жаппай қараланып жатқанда мынадай зор махаббатты пікір білдіру Мұхтар Әуезовтың ұлылығын дәлелдей түседі.

Қазақ әдебиетінде бірінші мағжантанушы атанған Ж.Аймауытовтың «Мағжанның ақындығы туралы» атты зерттеу мақаласы терең парасатты пайымдауларға толы: «...Мағжанның түрікшілдігі тыңнан тауып алған нәрсе емес, әуелден-ақ бар болатын, ол «Ғалияда» жүргенде түрікшіл пікірде бірер өлең жазған. Бірақ орысша оқуға кіріскеннен былай, ол пікірін жарыққа шығара қоймайтын... Колчактың кер заманы, одан қала берсе, ұлтшылдықтың аузына қаппақ болған Кеңес заманы Мағжанның баяғы басылып қалған түрікшілдік сезімін қайта оятты. Мағжан енді ұлт жалауын түрік жалауының панасына, түрік қанатының астына қояды. Жеке ұлтшылдықтың өрісі тарылғандығын көріп, түрік тұқымды жұрттармен әдебиет жүзінде өзінше одақ жасаған болады. Бара-бара Мағжанға түрікшілдік те тар ауданды көрінеді: ол күншығыстың — Азияның ақыны болып, Европамен, Батыспен «араздасады». Мағжанның түрікшіл, азияшыл болу себебі, оның өз қиялынан болмаса, оның осылай болайын деген тілегінен деп ұғуға болмайды. Оның терең негізі бар: мәселен, күншығыс халықтарын алсақ, бәрі де Батыстың, Европаның жемі, азығы, атып жейтін аңы болып келе жатыр... Ресейде қол астындағы түрік тұқымдары патша үкіметінің отары болып келеді. Батыстың мәдениетті жұрттары өнерсіз, ғылымсыз Шығыс жұрттарын жеуге ынтасы құрып, мойнын созғалы талай жылдар, ғасырлар өтіп барады. Европадағы талай қанды соғыс, капитал соғысы көбінесе күншығысқа қожа болу үшін шығып келген. Азия — құл, Европа — қожа есебінде үкім істеген. Міне, шығыстың осы халін ақын да білген, ойлаған...».

Жүсіпбек бұдан асырып ол заманда не айта алсын. Қазақ әдебиетінің қайыспас қара нарының мақаласынан Алаштың аяулы екі арысының бір-бірінің қадірін тани білген, қорған болуға дайын кісілік сипат, зор таным болғанын аңғарамыз, — деп тебіренеді зерттеуші-ғалым.

Зерттеу барысында Рашит Саттарұлы келесідей өте орынды қорытынды жасаған:

- Мағжан Жұмабаев ұлтының үлкен жүректі ақыны. Сондықтан да келешекте оның теңіздей терең, маржандай асыл жырларын қадірлей білуіміз керек;

- осыншалықты кемеңгерлікті қанша жылдар бойы саясат шаңына көмуді болашақта жалғастырсақ, ұлы ақынның әруағы бізді кешпейді;

- Мағжан ақын ұлт тарихын, ұлт әдебиетін жасаушылардың бірі ғана емес, бірегейі. Кемеңгер Мағжанды және сол сияқты ұлттың ұлы тұлғаларына кір жұқтыру бұдан былай тарихымызды бұрмалау, қиянат жасау деп ұққанымыз жөн.

Жарық көрген монографияның басты құндылығы, біздің ойымызша, төменде көрсетілген деректерді терең зерттеп дәлелдеуінде:

1. Қазақ лирикасында үлкен көркемдік жаңалық ашып, соны әсемдік арналарды негіздеп, әсіресе, Еуропа, орыс әдебиетіндегі ізденістерді, бағыттарды ұлттық топыраққа батыл да еркін ендірген Мағжан эпикалық жанра поэманың ықшам формаларын қалыптастырды.

2. Мағжан фольклорды игеруде соны жол, жаңа бағыт ашты. Қайта жырлау, нәзира, сарындау емес, түп-түгел тосын, биік, асқақ көркемдік жүйелер жасады.

3. Ең бастысы ақын ықшамдық, сұлулық, философиялық талаптарды, бейнелік, суреттілік шарттарын бірінші қатарға шығарды: «Қойлыбайдың қобызында» фантастикалық күйлер, бәйгеге қобыз қосу көрінісі ғажап шебер бейнеленеді; «Қорқытта» өмір мен өлім арпалысы, мәңгілік үшін күрес, өнердің өлместікке апарар киелі қасиеті жыр етіледі; «Жүсіпханда» тұлға мен тобыр, мансап пен ұждан диалектикасы, «Өтірік ертеkte» мысал, тұспал әдісімен берілген әлеуметтік тартыстар сыры бар; «Оқжетпестің қиясында», «Түркістан» туындылары азаттық идеясын, түркі бірлігін жырлайтын шығармалар.

Қорыта келе айтарымыз, академик Р.С.Кареновтың монографиясы — өте құнды зерттеу. Ол ұлы ақынның 120 жылдығына арналған. Белгілі қаламгер, энциклопедист-ғалым өзінің жаңа туындысында сұңғыла ақынның асқақ рухқа толы, отаншыл, ұлтжанды, жан сезімге бай лирикасын жариялай отырып, ғұлама Мағжанның өр бейнелі әруағына тағзым еткен.

Әдебиеттер тізімі

1 *Әл-Карени (Каренов) Р.С.* Алдаспаны Алаштың ақын Мағжан: Ғылыми-әдеби монография. — Қарағанды: ҚарМУ баспасы, 2013. — 235 б.

2 *Жұмабаев М.* Шығармалары: Өлеңдер, поэмалар, қара сөздер / Құраст.: Х.Абдуллин, Б.Дәрімбетов, З.Жұмабаева). — Алматы: Жазушы, 1989. — 109-б.

М.И.Абдуов

Научное исследование о Магжане

В статье дана оценка монографическому исследованию академика Р.С.Каренова, посвященного жизни и творческой деятельности гениального казахского поэта XX столетия Магжана Жумабаева. Отмечена своевременность научного издания, посвященного 120-летию со дня рождения выдающегося мастера казахской словесности. Сделан вывод, что в монографии всесторонне охарактеризована политическая, общественная и литературная деятельность неординарной личности прошлого столетия, отмечено, что исследование восполнит некоторые «белые пятна» в изучении жизни и деятельности любимого народного поэта.

M.I.Abduov

Scientific research about Magzhan

Monographic study assesses academic RS Karenova on the life and creative activity of the genius of the twentieth century Kazakh poet Magzhan Zhumabayev. Timeliness of the celebrated publication devoted to the 120th anniversary of the birth of the outstanding master of Kazakh literature. It is concluded that the monograph fully characterize the political, social and literary activities extraordinary personality of the last century. It is emphasized that the implementation of the study makes some «white spots» in the study of the life and work of the national poet lover.

С.Б.Жумагулов¹, А.Ф.Утяев²

¹Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова;

²Стерлитамакский филиал Башкирского государственного университета,
Республика Башкортостан, Россия

Композиционные приемы в современной башкирской поэзии

В статье на базе изучения богатого фактического материала исследовано многообразие форм и средств выражения духовного мира современника. Обобщен опыт современных башкирских поэтов по постижению стремительно меняющейся действительности. Через призму лирического героя прослежена динамика развития башкирской литературы в последние десятилетия. Рассмотрены формы проявления лирического героя, многообразие художественных средств выражения внутреннего состояния человека, дана классификация композиционных приемов, распространенных в современной башкирской поэзии.

Ключевые слова: современная башкирская поэзия, лирика, автор, лирический герой, композиция, монолог, диалог, читатель.

Лирическим произведениям, как правило, свойственно доминирование одной точки зрения — «говорящего», и основным действующим лицом таких произведений является лирический герой. Однако в стихотворениях в форме диалога мы наблюдаем функционирование двух или более точек зрения, равноправных позиций. Сам факт присутствия обращений в стихотворении ориентирует речь лирического героя на адресата. По словам Н.Д.Арутюнова: «Функция же адресата сводится к роли слушающего, т.е. замыкается восприятием и интерпретацией сообщения. Конечно, переход к речевому реагированию превращает получателя речи в говорящего» [1]. Таким образом, возникает своеобразный диалог.

Диалогическая ситуация в лирических произведениях может выражаться двумя способами. Первый способ: диалог основывается на разговоре двух героев, в котором они имеют равные права. Второй способ: мнимый диалог, диалог лирического героя с предполагаемым собеседником. В этом случае речь лирического героя, ориентированная на определенного адресата, создает односторонний диалог. Стихотворения, где присутствуют обращения, а речь лирического героя имеет направленный характер на адресата, по своей природе предполагают диалог, общение. Хотя текст таких произведений внешне похож на монолог, но в их основе подразумевается речь диалогического характера. По этому поводу К.А.Ахмедьянов отмечает: «В стихотворении-монологе лирический герой дает характеристику другим персонажам. А в стихотворении-обращении поэт превращается в собеседника, ведущего своеобразный разговор с ними» [2].

В орхоно-енисейских надписях обращения не выполняют функцию создания диалогической речи. Прямое обращение повествователя к народу, элементы публицистической речи являются как бы продолжением публичного выступления кагана перед народом. Этот прием активно используется в творчестве сэсэнов и в башкирских лирических народных песнях. В башкирской литературе есть жанр хитап, продолжающий лучшие творческие традиции представителей изустной литературы — сэсэнов. Хитап — поэтическое обращение к народу особенно активизируется в переломные моменты истории. Особенности этого жанра были довольно подробно изучены В.И.Ахмадиевым [3], А.Х.Вильдановым [4], Г.С.Кунафиным [5]. Безусловно, правы исследователи, отмечающие, что лирический герой хитапа — уверенная в своей правоте личность, считающий, что имеет моральное право разговаривать с публикой откровенно, с глазу на глаз. Но, несмотря на это, хитап и другие ранее рассмотренные нами жанры, включающие в себя поэтические приемы обращения или призыва, не следует отождествлять с лирическими произведениями, в которых обращение лирического героя к адресату по своей природе подразумевает диалог.

В современных лирических произведениях башкирских поэтов условно можно выделить три вида диалога:

1. Истинный диалог, он возможен при участии в нем одушевленных собеседников, а также неодушевленных предметов, которые очеловечены, одухотворены. В этом случае стихотворение полностью строится в форме диалога двух героев.

2. Неполный, или «несостоявшийся» диалог, когда речь лирического героя обращена к адресату (собеседнику), но ответной реакции от него не следует.

3. Мнимый диалог, который может быть соотнесен с обращениями к неодушевленному собеседнику и к абстрактным сущностям, от которых нельзя вовсе ожидать ответной реакции. Например, лирический герой стихотворения А. Тагировой обращается к музе, выражает ей свою благодарность, стремится найти с ней общий язык и поговорить по душам.

Обращение лирического героя к Богу в современных башкирских стихотворениях можно выделить в отдельную группу, так как эти произведения чаще приобретают форму молитвы, своеобразного заклинания, восклицания. Наиболее полно они нашли свое отражение в прошлом в суфийской поэзии. В дореволюционной башкирской поэзии сложился жанр мунажат, содержание которого полностью посвящено мольбе, обращению лирического героя к Аллаху, высшим силам. С приходом советской власти под напором атеистической идеологии религиозные мотивы утрачивают роль в литературе. В конце XX века после развала СССР в период потери людьми привычных жизненных ориентиров, разложения нравственных устоев, уничтожения народных корней поэты возвратились к духовным основам народа, вере, религии. Таким образом, в современной башкирской поэзии религиозные мотивы, темы веры, Корана, Всевышнего обрели новую жизнь. В стихотворениях современных авторов обращение к Богу, Аллаху приобретают разнообразные формы, различные оттенки эмоционального тона и содержания (Р. Бикбаев «Обращение богу», Т. Юсупов «О Боже», Г. Ситдикова «Кто я», Г. Кутуева «О Господи», Т. Давлетбердина «Тишина» и др.).

В зависимости от особенностей выражения внутреннего мира лирического героя выделяется три вида композиции лирических произведений:

1. В лирических произведениях первого типа композиционно преобладает лирический монолог, т.е. эмоционально окрашенные размышления или переживания лирического героя.

2. В произведениях, относимых ко второму типу лирики, композиция бывает различной, но основная особенность ее состоит в чередовании разнородных фактов, ситуаций, явлений с впечатлениями и эмоциональными реакциями лирического героя.

3. В третьем типе лирики эмоционально-мыслительное начало внешне, в тексте, словесно может быть никак не выражено, но оно подразумевается и мотивирует движение, смену фактов и настроений, даже ход событий.

В стихотворениях первого типа в монологе лирического героя от имени «я» или «мы» находит выражение душевное состояние героя. Подобное построение композиции было свойственно народной песне. Среди основных жанровых свойств народной песни исследователи указывают общность выразительных средств, стилистических оборотов [6]. Например, образ возлюбленной во многих песнях имеет типические черты. Создается идеальный образ девушки с ликом как луна или солнце, со статью лани, ее голос звучит как журчание ручейка и т.п. Конечно же, лирическое начало, поток лирических переживаний народных песен, безусловно, нашли свое дальнейшее развитие в башкирской поэзии. В современных стихотворениях речь лирического героя индивидуализирована, а произведению в целом присущ глубокий психологизм. В них может даже не быть портретного описания внешности, красоты, прямой характеристики возлюбленной, но ясно чувствуется отношение лирического героя к ней, так как именно с его помощью нарисован психологический портрет героини. В этом случае героиня («ты») наделяется индивидуальными, неповторимыми чертами, потому что ее так воспринимает именно лирический герой, а никто другой. Через монолог лирического героя, через его переживания раскрывается индивидуальный характер героини. Об особенностях лирического «я» в народных песнях и в литературных произведениях пишет Д. С. Лихачев: «Если в книжной лирике лирический герой — это автор, резко индивидуализированный, которого читатель в индивидуальном порядке может в известной мере сближать с собой, никогда, впрочем, не забывая и об авторе, то в народной лирике «лирическое» «я» — это «я» исполнителя, каждый раз нового и полностью отрешенного от всяких представлений об авторе песни» [7].

К стихотворениям первого типа обычно относятся произведения высокопатетического, героического стиля. Например, стихотворение «Призыв» (Оран) Р. Туляка по своему содержанию и стилю напоминает жанр кубаир. Своеобразный монолог-обращение лирического героя усиливает публицистическое звучание произведения, ораторский стиль делает интонацию стихотворения эмоционально-возвышенной, убеждающей. Монолог ведется от имени «живого духа погибших в сражениях башкиров», речь лирического героя напоминает нам выступление сэсэна на йыйыне перед народом. Произведение пронизано патриотическим духом, гражданским пафосом. Все эти особенности делают сти-

хотворение близким к традициям творчества сэсэнов. Но также между ними есть и существенные отличия, которые позволяют увидеть индивидуальный стиль современного поэта. Исследователи отмечают, что «... в истории лирики не было одного, всегда равного себе лирического субъекта, но было три качественно разных типа: синкретический, жанровый и лично-творческий» [8]. Лирический субъект древних кубаиров относится ко второму типу, где центральной категорией является жанр и стиль. Особенности жанра обуславливают и особенности героя, который подчиняется установленным канонам жанра и должен изображаться с определенными чертами, свойствами. Поэтому герои этих произведений однотипны, похожи друг на друга, обладают общими типичными чертами, качествами. Хотя кубаиры состоят из монолога и, в большинстве случаев, речь ведется от имени «я», нельзя говорить о том, что лирический герой в монологе выражает свой внутренний мир и выступает в качестве размышляющего о собственных переживаниях, в отличие от современных произведений, где мы видим совершенно другое явление. Лирический герой стихотворения Р.Туляка относится к третьему — лично-творческому типу. В этот период, выражаясь словами В.Е.Хализева, «авторская субъективность... становится индивидуально-инициативной, личностной и, как никогда ранее, богатой и многоплановой» [9]. Данному лирическому герою свойственен психоанализ, он раскрывается перед читателем как личность-характер. Мы видим его богатый внутренний мир, переживания, слышим его индивидуализированную речь.

Стихотворения второго типа, особенностью которых является сочетание лирического начала и предметной изобразительности, распространены больше. В этих стихотворениях разные факты, явления, ситуации из жизни или же картины природы не являются основным объектом изображения, а выполняют вспомогательную функцию, они служат для более полного раскрытия внутреннего мира лирического героя, чтобы показать его мысли, чувства и отношение к этим явлениям. Например, в стихотворении «Муха» К.Аралбаева в первой строфе описывается ситуация, которая не имеет принципиального значения: муха, оставшаяся между двумя оконными рамами, хочет выбраться наружу, она по-своему пытается разбить стекло, но все ее усилия, конечно же, напрасны. Вторую строфу продолжают размышления лирического героя по этому поводу. Впечатления от увиденного явления наталкивают лирического героя на философские мысли о схожести судеб людей с положением этой мухи. Явление, описанное в первой части, вызывает определенные ассоциации, в параллели с ним чувства, мысли лирического героя кажутся более понятными, по существу, оно является поводом, стимулом, материалом для лирического раздумья-переживания.

Многие стихотворения второго типа почти полностью построены на описании картины природы, точнее, на восприятии этих явлений природы лирическим героем (например, «Белая ночь» Д.Шарафетдинова). В них «пейзаж предстает не как статическая данность, но как гармоническое переживание природы лирическим героем, как состояние его души» [10]. Они завершаются эмоциональным заключением, где лишь последние строки стихотворения обнаруживают лирическое начало, там мы уже напрямую слышим голос лирического героя. В древние времена человек жил в тесной взаимосвязи с природой. Традиции выражать смутно-человеческое через конкретно-природное мы можем наблюдать на всем протяжении истории развития литературы. Поэтому не удивляет то, что традиции стихотворений второго типа мы можем найти уже на ранних этапах развития башкирского устного народного творчества, в котором широкое распространение нашел такой прием, как параллелизм.

В лирических произведениях третьего типа преобладают изобразительные детали над эмоциональными впечатлениями и высказываниями. Здесь образ лирического героя открыто не вырисовывается. Он в стихотворении является просто «рассказчиком», который повествует о каком-то событии, описывает явления природы, словесно рисует картину, различные миниатюрные сценки, не сопровождающиеся эмоциональными высказываниями лирического героя. Поэтому в таких стихотворениях лирическим героем следует считать не того, о ком говорится, а того, кто как бы говорит, думает или вспоминает. Во многих подобных стихотворениях изображение природы, событий и т.п. имеет символический смысл, и содержание произведения приобретает философский характер. В некоторых стихотворениях дается пейзажная или бытовая зарисовка, не имеющие символического смысла, но по сути они являются лирическими, так как ориентируют читателя не на восприятие пейзажных деталей самих по себе, а на настроение, ощущение, создаваемое ими.

Таким образом, использование рассмотренных выше композиционных и стилистических средств позволяет глубже раскрыть внутреннее состояние лирического героя, что способствует максимальному эмоциональному контакту автора с читателем.

Список литературы

- 1 Арутюнова Н.Д. Фактор адресата // Известия АН СССР. Сер. Литература и язык. — Т. 40. — 1981. — № 4. — С. 359.
- 2 Ахмедьянов К.А. Теория башкирской литературы. — 3-е изд. испр.— Уфа: Китап, 2003. — 331 с.
- 3 Ахмадиев В.И. Хитапы в башкирской поэзии // Учитель Башкирии. — 1970. — № 7. — С. 42–47.
- 4 Вильданов А.Х. Некоторые жанровые особенности просветительской поэзии // Система жанров в башкирской литературе. — Уфа, 1980. — С. 119–136.
- 5 Кунафин Г.С. Становление, поэтика и эволюция жанра хитап в башкирской поэзии XIX — начала XX веков // Башкирская поэзия XIX — начала XX веков: Вопросы жанровой системы манифестационно-публицистической лирики. — Уфа: БГУ, 2002. — С. 41–86.
- 6 Галин С.А. Песенная поэзия башкирского народа. Некоторые вопросы песенного жанра. — Уфа: Башкир. книж. изд-во, 1979. — 256 с.
- 7 Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы / Отв. ред. В.Н. Адрианова-Перетц. — Л.: Наука, 1967. — 372 с.
- 8 Введение в литературоведение / Л.В.Чернец, В.Е.Хализев, А.Я.Эсалнек и др.; Под ред. Л.В.Чернец. — М.: Высш. шк., 2004. — С. 70.
- 9 Хализев В.Е. Теория литературы: Учеб. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Высш. шк., 2002. — 437 с.
- 10 Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной...: Система пейзажных образов в русской поэзии: Науч.-попул. изд. — М.: Высш. шк., 1990. — С. 134.

С.Б.Жұмағұлов, А.Ф.Утяев

Қазіргі башқұрт поэзиясындағы композициялық тәсілдер

Мақалада қазіргі башқұрт поэзиясындағы көркемдік ізденістердің сан қырлы формалары қарастырылып, замандастың жан әлемін ашудағы композициялық тәсілдердің қолданылуы әдеби-теориялық тұрғыдан талданды. Соңғы он жыл ішінде қазіргі башқұрт әдебиетінің үдемелі дамуына шолу жасалып, лирикалық қаһарманның жан тебіренісін суреттеудегі көркемдік құралдар, композициялық тәсілдер жүйеленді.

S.B.Zhumagulov, A.F.Utyaev

Compositional methods in modern bashkir poetry

The article based on the study of the rich factual material deals with the diversity of forms and means of expression of the contemporary spiritual world. The experience of modern Bashkir poets in rapidly changing reality is generalized. Through the lens of lyrical character dynamics of the Bashkir literature in recent decades is observed. Forms of lyrical character, variety of artistic means of expression of the inner state of a person are considered, a classification of compositional techniques in modern Bashkir poetry is given.

Ж.Ш.Жұмагелдин

*Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті***Ж.Әбдіраш эпиграммаларының стильдік ерекшеліктері**

Мақалада қазақтың талантты ақындарының бірі — Жарасқан Әбдірашев поэзиясының стильдік ерекшеліктері, ақын эпиграммаларының құрылымдық, мазмұндық, тілдік ерекшеліктері қарастырылды. Ақынның поэзиясындағы қаламдастарының болмысы мен мінезі кейде уытты әзіл, кейде ащылау сықақ арқылы өрнектелген эпиграммаларының көркемдік ерекшеліктері сараланған. Ұлттық поэзиямыздағы ішкі жанрлық түрлерді дамытуда, соның ішінде эпиграмма жанрының заңдылықтарын толық сақтай отырып, оны ұлттық ерекшелікке сай туындатуда, зор мүмкіндігін анықтауда үлес қосқан ақынның шеберлігі сөз болады. Эпиграмmanın өзегі — сөзді ойната білу, тапқырлық, қысқа да болса нұсқалық болса, осы шарттар толығымен Жарасқан поэзиясында сәтімен үйлескендігі көрсетілген.

Кілтті сөздер: эпиграмма, жанр, құрылым, мазмұн, көркемдік ерекшеліктер, жинақ, стильдік ізденіс, қайталау, сөз ойнату, тапқырлық, мінез-құлық, ұлттық сипат.

Қазіргі қазақ поэзиясындағы эпиграмма жанры Ж.Әбдірашевтың есімімен тығыз байланысты. Себебі бұл жанрдың ұлттық әдебиетімізде жанр ретінде тамыр жаюына ақынның үлесі зор. Поэзияда қайталанбас даралығымен мойындалған ақынның эпиграмма жанрындағы шеберлігі де жан-жақты зерттеуді қажет етеді. Біз мақалада ақынның стильдік ерекшеліктерін айқындау мақсатында назар аударатынымыз — ақын эпиграммаларының құрылымдық, мазмұндық, тілдік ерекшеліктері.

Ж.Әбдірашев эпиграммалары «Әзілің жарасса» деген атпен жарық көрді. Кейіннен 2001 жылы шыққан «Құлпытас» жинағына енді. Жинақтың құрылымдық сипатының өзі жүйелі түрде түзілген. Әдеби қауымдағы алдыңғы буын, кейінгі буын өкілдерінің мінезі мен болмысын, әрқайсысының ерекшелігін қалтықсыз аңғарып, қапысыз бейнелеген ақын эпиграммалары жанрдың барлық талаптарына жауап берумен бірге, тілдік құнары, көркемдігі, өткірлігі жағынан 70–80-жылдар поэзиясындағы үлкен жетістікті, ұлттық поэзиямыздың зор мүмкіндіктерін танытады. Әрине, бұл жанрдағы туындыларынан ұлттық сипат та айқын көрінеді. Ең әуелі ақын өзі сөз арнайтын адамның жас ерешеліктерін ескереді. Осыған орай эпиграммаларын «Әкелерге — наз», «Ағаларға — уәж», «Он жас — о да құрдас», «Бес жас — бел құрдас», «Құлын-тайдай тебіскен» деп жүйелеген. Бұл эпиграммалар, ақын өзі айтқандай, «автордың әдебиетшілермен көп жыл қоян-қолтық араласуының, олардың қаламгерлік те, қарапайым пенделік те мінез-құлықтарын қаламдас һәм замандас көзімен байқап-бақылауының, оны, «аялда, тоқта, қас-қағым» деп Гете айтқандай, қалт жібермей қағазға түсіруге талпыныс жасауының жемісі» [1].

Ақын эпиграммаларында қаламдастар болмысы мен мінезі кейде уытты әзіл, кейде ащылау сықақ арқылы өрнектеледі. Жарасқан Әбдірашев қазақ әдебиетінде эпиграмма жанрын тың өріске шығарып, жаңа биіктерге көтерген ақын. Бұл туралы Қалтай Мұхамеджанов былай дейді: «Жарасқанда ақындардың көпшілігіне біте бермейтін тағы бір қасиеті бар. Ол сатира жанрында да қаламын еркін сілтейді. Әр эпиграммасында ақын алып отырған объектісінің өмірдегі орнын, мінез-құлқын дәлме-дәл көрсетіп, керемет минипортрет, миниобраздар жасайды. Бұл — көрінген ақынның маңдайына жазыла бермейтін байлық» [2].

1989 жылы Жарасқан Әбдірашевтің қазақ әдебиетінде тұңғыш «Әзілің жарасса» деп аталатын кітабы жарық көрді. Бұл жинақты шығаруда Жарасқан Әбдірашевтің көп еңбектенгені байқалады. Ең алдымен, оның өз ортасына, бірге жүрген үлкен-кіші, құрбы-құрдас қаламгерлеріне байыппен, сыни көзбен қарайтыны, олардың әрқайсысының бітім-пішімін, пендешілік әдет-дағдысын аңғара жүретіні байқалады. Соның нәтижесінде ол көптеген ақын, жазушылардың игі істері мен ізгі мінездерін тап басып түсірген. Қалам иелерінің шығармашылықтарындағы, мінез-құлықтарындағы кейбір ерекшеліктерді де дөп басып, көрсете білген тұстары баршылық [3].

Жіліктеп-ақ береді,

Жырдың түрлі жанрын.

Бірақ өзі келеді,

Тап баса алмай тамырын [4; 45].

Бұл — ақын С.Баймолдинге арналған эпиграмма. Мұнда Сәбит ақынның көп білетіндігі, бірақ әлі өз жанрын тауып, айтарлықтай табысқа жете алмай келе жатқандығы мегзеліп тұр. Ал, Т.Молдағалиевке мынадай эпиграмма арнаған:

*Жиырмасында «жетіммін» деп жылаған,
«Жыладың» деп талай сыншы сынаған...
Отызда да «жетіммін!» деп жылаған,
Ол кезде де талай сыншы сынаған...
Қырықта да «жетіммін» деп жылаған,
«Қойсаңшы» деп талай сыншы сынаған.
Ақ «Волгамен» аңыратып жүрсе де,
«Жетілдім» деп айтпай қойды-ау, Тұмағаң [4; 59].*

Автор Тұманбай ақынның лирикасында өзінің қиын жылдардағы ауыр балалық шағын жырға қосудың, жалпы өз тағдырын жырлаудың көп кездесетіндігін оқырманға әшкере қып, ылғи осылайша жырлау жөн болар ма екен дегенді аңғартып отыр.

Садықбек Адамбековке

*Бұл Сәкең бұрыл шашты бала кісі,
Келмейді жасын әсте санағысы.
Ойнайды Жұбағаңмен жиеніндей,
Сырағаң сияқты бір нағашысы...
Жұрнақтай қалып қойған сал-серіден,
Қыздарды қытықтайды таңсәріден.
Тоғышар қарын көрсе қалтарыста
Тіледі сатираның семсерімен!...
Ақтарып дала жайлы қалаға сыр, —
Төрінде Шығайбайдың салады асыр.
Түкіріп аузына Алдаркөсе,
Бергендей ақ батасын Қожанасыр! [4; 140] —*

деп Жарасқан Әбдірашев Садықбек Адамбековтың адамгершілік, азаматтық тұлғасын сатиралық шумақтар арқылы ашып көрсетеді. Ақын Садықбектің сатирадағы өткір сыншы екенін айтады да, дархан даланың сан-алуан құпиясын қала халқына ашып көрсететіні жайлы, Шығайбайдай сараң берместерді сынға алатынын да бір Адамбековтың бойында Алдаркөсенің айналасы, Қожанасырдың сыртқа аңқау көрінгенмен, іштегі шебер тапқырлығы үйлесіп жатқандығын шебер көрсете білген.

Тахауи Ахтановқа

*«Қаһарлы жылдар» қалды артта,
«Сөнбесін, — дейді шырағың!»
«Ант» беріп адал болмаққа,
Тастайды сосын ұранын!
Жүзінен ыстық от ұрып,
Жүзесің асқақ сезімге!
Өзгені мақтап отырып,
Ұмытпайды әсте Өзін де.
Саңқылдап даусы қуатты,
Мінбеге шықса атып кіл,
Ақтөбе қысы сияқты
Алады «борандамын» бір!
Жасындай соғар сөздері,
Жан дейсің неткен діні тік.
Сынаған кезде өзгені —
Кетеді Өзін ұмытып [4; 138], —*

деп ақын жазушы Тахауи Ахтановтың болмыс-қасиетін барынша ашып көрсетеді. Сонымен қатар Ахтановтың бойындағы бірнеше жақсылық және өзімшілдік қасиеттерін айтып, реалистік шумақтар өреді. Атап айтар болсақ, Тахауидың отаншылдық және елжандылық, өзгені батыл сынайтын қасиеттерін мадақтаса, ақын өзгені мақтай отырып, өзін де ұмытпайтын өзімшілдік және өзгені сынаған кезде өзін әсте ауызға алмайтынын кездерін ашып көрсетеді.

Сырбай Мәуленовке

*Бұл күнде біздің Сырағаң –
Молладан бетер бір адам.
«Ақырған ащы су» түгіл,
Татпайды тіпті сырадан.
Зауқы жоқ мүлде сусынға,
Өзінің өзі уысында...
Жырының, бірақ, қызуы
Баяғы гра-
ду-
сын-*

да! — деп [4; 142].

Жарасқан Әбдірашев XX ғасырдың сыршыл ақыны Сырбай Мәуленовтың бір сәттілік көңіл-күйін бейнелейді. Бұнда ақын бір кездері шарапты судай сіміріп жүрген Сырағанның аяқ астынан молданың шапанын кие қалғанына таңырқайды да, сосын жаман ащы суды тастаған ағасына риза болып, өлеңдегі шабытының әлі баяғы градусынан қайтпағандығына тәнті екенін айтады.

Сафуан Шаймерденовке

*Жалғыз роман,
Жалғыз қыз «Инеш» еді,
Жалғыздықпен қанша жыл күй кешеді?
Битабарды өзіне тең санамай,
Кемпір болды сарғайған кимешегі...
Жазғаныңнан,
Жазбағың көп қой әлі...
Бойыңдағы оянып от баяғы, —
Инешіңіз оқыған қыз емес пе:
«Интеллигент шал керек!» деп қояды... [4; 139].*

Ақын, жазушы Сафуан Шаймерденовтің біраз жасқа келсе де жалғыз романнан басқа көлемді шығарманы өмірге әкеле алмай жүргенін сынға алады. Сыншы жазушыны сынға ала отырып, оның бойындағы үлкен талант пен білімнің алда әлі талай жақсы дүниелерді өмірге әкелетініне сенім білдіреді.

Тұрсынхан Әбдірахмановаға

*Алдымен әнші болған,
Атын сол шығарған.
Содан соң әкім болды
Одан соң ақын болды
Ақыры ғалым болды,
Атағы мәлім болды...
Өзінен сұрап білмекпіз:
танысақ екен «Кім?» деп біз [4; 141].*

Сатирик Жарасқан Әбдірашев Тұрсынхан Әбдірахманованың бойындағы көп қырлылық қасиеттерін сатиралық өткір теңеулер арқылы аша білген. Тұрсынханның өмір жолын әншіліктен бастағанын, әрбір дүниенің басын бір шалып, соңынан ғалымдыққа талаптанғанын құптаған сияқты айтқанымен, астыртын кекесін-мысқыл жатқандығын аңғару қиын емес.

Темірбек Қожакеевке

*«Генерал не болар?»
«Сатира жаз!»
Өкірт тегі...—
деп берсе де бұйрық көп.
Даярлаған шәкірттері,
Шығып жатыр «Лирик» боп.*

*Алдын алар амал қайда,
Арты мұның не болар?!
Сонда Темкең саналмай ма,
Сарбазы жоқ Генерал?! [4; 320].*

Сыншы-ғалым Темірбек Қожакеевтің қазақ әдебиетінің сатира жанрын зерттеудегі үлкен еңбегіне ақын риза екендігін айтқанмен, осы жанрда жазатын және зерттейтін шәкірттер тәрбиелей алмай келе жатқандығын жыр шумақтары арқылы ескертеді. Қожакеевті «сарбазсыз Генералға» теңеуі «Шәкіртсіз — ұстаз тұл» деген мақалға сайып келеді.

Жарасқан Әбдірашев бұл жинағында сонымен қатар елі үшін еңбек етіп жүрген, тарихи-мәдени өмірде өзгеше серпіліс жасап, әдебиет, өнер қайраткерлеріне айрықша қамқорлық көрсетіп, түсінік-түйсік, пайым-парасатын сезінгендіктен, Иманғали Тасмағамбетовке:

*Бітірем деп ұлы іс бір,
Болған әкім,
Министр —
Білем талай Ғалиды!...
Біледі... Жұрт таниды!...
Сен де оларды танысың!
Бірақ....
Сен солардың ішінде —
Иманы бар Ғалисың!... [4; 255] —*

деп эпиграмма жазған. Елбасымыз Нұрсұлтан Назарбаевқа да мынадай эпиграмма арнаған:

*Жер бетінде — Бір сұлтан!
Жалғыз сұлтан — Нұрсұлтан!
Жасамайық тым тарлық,
Аздық қылар — сұлтандық!
Сол ғой қазір — төбе би,
Деген ләзім — «Төле би!»
Керек еді бір шын хан!
Сол шын хан кім?
Нұрсұлтан! [4; 243] —*

деп Елбасының асыл қасиеттерін ашып айта отырып, сан ғасыр отаршылдықты басынан кешірген, өз басшысыңыз, өз биіңіз күн кешкен елдің тәуелсіздік алған тұсындағы ақыл берер, болашаққа ақжол нұсқар бір сұлтаны, қазіргі заманның Төле биі елдің ханы керек екенін айтады және сол ханның, сол сұлтанның, сол бидің Нұрсұлтан Назарбаев екенін даусыз ашып көрсетеді.

Жарасқан Әбдірашев көбінесе эпиграммаларын ақын, жазушылардың сырттай байқалған әдет-дағды, мінез-құлықтары туралы жазады. Мысалы, Б.Ысқақовтың жинақ құрастырумен көп айналысатынын, Қ.Қайсеновтың алып қашпа сөзге көп елеңдемейтінін, Ғ.Қайырбековтың еңбекқорлығын, Н.Ғабдуллиннің Одақтан қол үзіп кеткенін, А.Шамкеновтың дастанға ойысып, лирикадан сырттағанын, Ә.Әшімовтың Одаққа қайта оралғанын, Т.Тобағыловтың саяқ жүретінін, М.Әбдіхалықовтың «Жұлдыздан» кетіп қалғанын, С.Оспановтың даукестігін, А.Мекебаевтың артық адамсынуын, Қ.Ілиясовтің ұрыншақтығын, С.Әшімбаевтың замандас, қаламгер туралы пікір айтпайтынын, С.Байқонов пен С.Асылбековтың әдебиетке келгенін хабарлайды.

Ж.Әбдірашевтің «Жаппар Өмірбеков пен Саттар Сейітқазинге», «Сейіт Кенжеахметов пен Көпен Өмірбековке», «Серік Байқонов пен Серік Асылбековке», сондай-ақ бір топтап жазған Мұзафар Әлімбаев, Қастек Баянбаев, Құрманбай Толыбаев, Әдібай Табылдиев, Ермек Өтетілеуов, Сұлтан Қалиевке арналған эпиграммалары бар.

Ж.Әбдірашевтің М.Қаратаевқа, С.Сматаевқа, К.Ахметбековке, К.Сегізбаевқа арналған эпиграммалары негізінен монологке негізделсе, М.Шахановқа, К.Ахметоваға, Е.Елубаевқа, А.Асылбековқа жазғандары диалогке құрылған. Эпиграммаларда халық әдебиетінің де үлгілері қолданыла береді. Мысалы, К.Өмірбековтың К.Ахметоваға арнаған эпиграммасы ауыз әдебиетіндегі бесік жырын еске түсіреді.

Жанрдың аса ықшам, қысқа болуы эпиграммадағы жеке сөз, жеке көркемдік детальге үлкен мазмұн, зор эмоционалдық салмақ беруді, аз сөзбен бай пікір, мол мағына айтуды талап етеді. Соны

дәл жеткізе алатын, тиімді де орынды тіл құралдарын таба қою үшін мол тәжірибе, үлкен шеберлік қажет. Бұл орайда Ж.Әбдірашевтің бірсыпыра ізденістері бар. Мысалы, «Нысаналин Аян — аты жұртқа аян», «Әкім де (Әшімов) бір кездері әкім болған», «Медеу аға (Сәрсекеев) Қанышты медеу көріп келеді», «Қайраттың (Жұмағалиев) қалам сілтесі — ойыны сынды «Қайраттың», «Момышұлы атанғанның емес бәрі тегіс ұлы», «Қайдасың сен Надежда (Лушникова), Қасиет қой ғажайып, болашаққа надежда, бара жатыр азайып», «Көп зерттеп Шығысты, ақындармен шығысты», «Төлеу (Шаханов) керек болады, ақы-пұлын қолма-қол төлеу керек болады» деген ұйқастар табылған каламбур. Ал Қалижан «От шашады мұртынан», Хамит — құрыққа алдырмаған Ақжал асау, Жұбанмен әзілдесу «мұртымен арыстанның ойнағандай» дегендері — бейнелі сөздер, сәтті де әсерлі теңеулер.

Ақын кейде шығармалардың атын, авторларының фамилиясын ұйқастырады. Мысалы, *Тілегенов — дүреленіп — міне келіп, Бас әріпті — аса мықты — Асановты, Төлепберген — бөлек төрден — елеп көрген, дауы түк те — жауы тіп те — Дәуітовке, Сырағаң — бір адам — сырадан, Төлеген — көреген — елеген, шағын етіп — Нығыметов, алған үйіп — Серғалиев деген сияқты.*

Ж.Әбдірашев көбіне жеке ақын, жазушыларға қайырымды қабақ танытып, қош көңіл білдіріп отырады. Сондықтан оның үнінің ауаны негізінен әшкерелеу емес, әзілге сүйеп наз айту, қалжыңға қарай қисайтып, «қытықтау», достық рәуіште іш тарту болып келеді.

Эпиграмmanın өзегі — сөзді ойната білу, тапқырлық, қысқа да болса нұсқалық болса, осы шарттар толығымен Жарасқан поэзиясында сәтімен үйлескен. Әр қаламгердің мінезін, қасиетін дөп басып, дәл тану эпиграмма жазушыдан үлкен шеберлікті қажет етеді. «Бірде тауып, бірде қауып» айту да абырой әпермейді. Сондықтан үнемі шеберлік шеңберінен шықпай нысанға алынған кейіпкерді жете тану үшін де қырағылық пен сезімталдық қажет.

Жарасқан Әбдірашевтың эпиграммаларының «теп-тегіс, жұмыр» болып келуі ақынның тіл ме ойға жүйріктігін дәлелдей түсетін мысал. Эпиграммалардағы мінездеулер де көркем әдебиет талабына сай эстетикалық-этикалық қарым-қатынастарды естен шығармайды. Сондай-ақ әр қаламгердің өзгеден бөлекше мінезі, іс-әрекеті туралы айтыла отырып, кейбірінің айрықша қастерлер, кейбірінің өзгеге ұнай қоймас әрекеттері де көркем тіркестермен көрініс табады. Мысалы, Ә.Әбішевті

*Жай уақытта — жайдары,
Жиналыста — ашулы,
Серттен тайса, хас мықты
Семсер сөзбен тіледі.
Күні жеткен «бастықты»
Күні бұрын біледі [4; 134], —*

деп сипаттаса, Ә.Сәрсенбаевқа

*Айналасы тұрған соң сыйға тұнып,
Атақ үшін жатпайды ми қатырып.
Шамырқанған шабыттың қызуынан
Шаштың өзі қалғандай ширатылып [4; 135], —*

деген жолдарды арнайды. Бұл тұста Жарасқан тапқырлығы кейіпкерінің сырт бейнесіндегі ерекшелікті мінезіндегі ерекшелікпен байланыстырып бере білуінде. Белгілі ақын Қ.Бекқожин туралы:

*Асыл болса — сыртынан мақтасады Қалекең
Ашуланса — мұртынан от шашады Қалекең!
Ұнадың ба — соңыра ұмытпайды Қалекең!
Сынадың ба — оны да ұмытпайды Қалекең! [4; 135], —*

деп кезекті қайталау үлгісі арқылы кейіпкерінің мінезін танытады. Ақынның үлкендерге қарата жазылған эпиграммаларына кішілік ізет тән болса, құрдастарына келгенде әзілдің уыттысы мен өткірін қару қылып жұмсайды, міні болса, оны да айналып өтпейді. Темірхан Медетбековке арналған эпиграммасында оның ақындық қасиеті тайға таңба басқандай анық, дәл сипатталған:

*Зымыран деген бір құс бар
Жұмыртқасы темірден».
Темірхан деген «білгіш» бар,
Темірден өлең «кемірген».
Табатын тосын түрді не,*

*Уақыттан, рас, ұста жоқ.
Қаламы — құрыш сүргі де,
Ал, өзі — бейне станок.
Жатқанмен өнім алынып,
Аңдаған көзге қырағы:
Тұрады көзге шалынып,
Жонылмай кеткен «брагы» [4; 216].*

Нысанаға ілініп отырған ақынның шығармашылық бітімін берудегі тапқырлыққа талас жоқ. Шындығында, поэзиямызға жаңа түр әкелу жолындағы үлкен ізденісте жүрген Темірхан ақынның бұл саладағы алғашқы барлаулары түгелдей жетістікке толы деп айта алмаймыз. Соңғы жылдары «көктүріктер сарыны» түрінде жазылып жүрген өлеңдері ақынның бұл түрді тереңдей меңгергенінің, стилінің қалыптасып, шынайы шеберлікке жеткендігінің куәсі болғандығын байқаймыз.

Жарасқанның эпиграммаларынан көркемдік құралдардың сан алуанын көреміз. Мысалы, қайталаудың әдемі поэтикалық өрнегін көптеп кездестіреміз. Мұнда қайталау адамның мінез болмысын жеткізуде ерекше орынға ие. Фольклордағы дәстүрлі қайталаулар эпиграммаларда сәтті көрініс тапқан. Бұл мақсатты қолданыстан көркемдік мазмұн тереңдеген. М.Қаратаевқа арналған эпиграммадағы:

*— А.С.Пушкин бола алмасаң — саған серт,
Белинский бола алмасам — маған серт!
— М.Әуезов бола алмасаң — саған серт,
Қаратаев бола алмасам — маған серт! [4; 136]*

Қ.Бекхожинге арналған:

*Асыл болса — сыртынан мақтасады Қалекең!
Ашуланса — мұртынан от шашады Қалекең! [4; 136], —*

деген жолдардағы қайталаулар арналған адамның бейнесін танытуда маңызды орынға ие болып тұр. Ғ.Қайырбековке арналған эпиграммада ақын есімінің «Ғафекең» түрінде қайталанып келуі әдемі әзіл мен тұспалды аңғартады:

*Теледидарды ашып қалсаң — Ғафекең,
Радионы басып қалсаң — Ғафекең,
Журналдарды парақтасаң — Ғафекең,
Газеттерді қарап қалсаң — Ғафекең,
Дунай бойлап араласаң — Ғафекең,
Думан-тойға бара қалсаң — Ғафекең!
«Мына біреу оңашалау кафе екен»
деп кіріп ем... мұнда да отыр Ғафекең! [4; 152].*

Кейіпкер есімін қайталау Ш.Мұртазаға арналған эпиграммасынан да орын алған:

*Кей уақытта Шерағаң —
Аш бурадай жараған...
Кей уақытта Шерағаң —
Өңін бермес өр адам...
Кей уақытта Шерағаң —
Қаһарлы қыс бораған.
Кей уақытта Шерағаң —
Жайма-шуақ сері адам... [4; 153].*

Қайталау мұнда мінез құбылыстарын әсерлей жеткізу үшін маңызды болып келеді. Эпиграмманың жанрлық ерекшелігі — тапқырлық, сөзді ойнату болса, Ж.Әбдірашев сөз ойнатудың негізгі тәсілін қайталау түрлері арқылы жүзеге асыра білген. Ақынның эпиграммалардағы қайталаулары айшықтаудың бұл түрінің көркемдік жүйедегі зор мүмкіндігін көрсетеді.

Ж.Әбдірашев тілінің шешендігі, нәзік иірімдері мен суреттілігі дыбыстық қайталау, сөз қайталау тәсіліне барынша жақын, үндес келіп жатқандығына басқа да көптеген мысалдар келтіруге болады. Лирикалық қаһарманның мінезі мен болмысы, сезім күйлерін бейнелеп жеткізуде айшықтаудың бұл түрі (қайталау, оның ішінде дыбыстық қайталау) біз талдау нысанына алып отырған ақын шығармашылығының кеңірек қарастырар бір өзегі. Қайталаулармен бірге егіздеу үлгілері де Жарасқан өлеңдерінен көптеп ұшырасады. Синтаксистік параллелизм «ақынның тілі мен стиліне айтарлықтай ажар береді, өрнек төгеді, нәтижесінде өлеңге кәдімгідей кенеулі күй, сүйкімді әуез

бітіреді» [5], — деп, академик З.Қабдолов айтқандай, Ж.Әбдірашевтің өлеңдерінен маңызды орын алып, әдемі өрнектерімен көрінген.

Ж.Әбдірашевтің теңеулерді қолданудағы ерекшелігін эпиграммаларынан көруге болады. Тахауи Ахтановқа арналған эпиграммасында кездесетін

*Ақтөбе қысы сияқты
Алады борандатып бір...
Жасындай соғар сөздері,
Жан дейсің неткен діні тік* [4; 138], —

түріндегі теңеулер кейіпкер мінезін танытуға қызмет етіп тұр. Сондай-ақ Жұбан Молдағалиевті сипаттағанда ақын

*Болатын Жұбағаңмен әзілдесу —
Мұртымен арыстанның ойнағандай* [4; 137], —

дейді. Ал, партизан Қасым Қайсеновтің болмысын танытуда төмендегідей теңеу қолданылған:

*Аш бурадай жараған
Қайыспас қара нар адам* [4; 148].

Бұл — ауыз әдебиеті үлгілерінде көп кездесетін дәстүрлі теңеу түрі. Ақын нысанға алған кейіпкерінің мінез-бітімін ашу үшін теңеудің бұл түрін мақсатты түрде пайдаланған. Осы теңеу Шерхан Мұртазаға жазылған эпиграммасында пайдаланылған:

*Кей уақытта Шерағаң —
Аш бурадай жараған...* [4; 153].

Осындай дәстүрлі теңеу Қалтай Мұхаметжановқа арналған эпиграммадан кездеседі:

*Қазақтың Қалтай Мұхамеджановы —
(Қалтай Мұхамед сияқты анығы)
Қарағайға қарсы біткен бұтақтай!* [4; 150].

«Қарағайға қарсы біткен бұтақ» — ауыз әдебиетінде көп ұшырасатын бейнелі тіркес. Ақын осы тіркесті теңеуге айналдыру арқылы әзіл арнаған кейіпкерінің өзіндік болмысын айғақтайды. Сондай-ақ дәстүрлі тіркеске жалғаса ақын тілінің өрнегіне ғана тән тың теңеулер де қолданылып, қаламдас ағаның мінезін терең таныта түсу мақсатында жұмсалған:

*Көп оқыған кітаптай,
Мұқабасы мыж-мыж болғанымен
Мазмұнын құдай қойған жұтатпай* [4; 150].

Бұл келтірілген үш жол тұтастай теңеуге мысал. Кәдімгі сөйлемге айналдырсақ, «мұқабасы мыж-мыж болғанымен мазмұны жұтамаған кітаптай» болып шығады. Яғни өлең жолдарын толығымен ақын стиліне тән ұлғайған теңеу деген пікірдеміз.

Ұлттық поэзиямыздағы ішкі жанрлық түрлерді дамытуда, соның ішінде эпиграмма жанрының нағыз поэтикалық биіктен көрінуінде Ж.Әбдірашевтің сіңірген еңбегі зор. Жанрдың заңдылықтарын толық сақтай отырып, оны ұлттық ерекшелікке сай туындатуда, зор мүмкіндігін анықтауда ақын әкелген жаңалық мол. Эпиграмма жанрының дамуында өзіндік орны бар Ж.Әбдірашевтің шығармаларынан тың стильдік ізденісті, айқын ұлттық бояуды көруге болады.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Қожакеев Т. Сатира негіздері. — Алматы: Санат, 1996. — 132-б.
- 2 Мұхамеджанов Қ. Таңдамалы шығармалар: 3 томдық. — 2-т. — Алматы: Атамұра, 1998. — 33-б.
- 3 Ысқақұлы Д. Сын өнері. — Алматы: ҚАЗАқпарат, 2001. — 271-б.
- 4 Әбдіраштың Жарасқаны. Құлпытас, немесе екі дүние: фәниден бақиға дейін. — Алматы: Атамұра, 2001. — 359 б.
- 5 Қабдолов З. Сөз өнері. — Алматы: Жалын, 1992. — 142-б.

Ж.Ш.Жумагельдин

Стилистические особенности эпиграммы Ж.Абдирашева

В статье рассмотрены стилистические особенности, структура эпиграмм, их содержание, языковые особенности поэтического наследия одного из талантливейших поэтов казахского народа — Жараскана Абдирашева. Предметом анализа стали не только художественные особенности эпиграмм, разных лет, но и проблемы развития жанра эпиграммы как одного из ведущих жанров в казахской национальной поэзии, в частности, рассмотрены закономерности создания жанра эпиграммы, особенности выражения национального сознания и менталитета, поэтическое мастерство автора.

Zh.Sh.Zhumageldin

Stylistic features of the epigram of Zh.Abdirashev

There is in the article considered stylistic features, structure of epigrams, their contents, and language features of poetic heritage of one of the most talented poets of the Kazakh people — Zharaskan Abdirashov. Subject of the analysis is not only the features of the epigrams, of different years devoted to the Kazakh persons. but also there is considered problems of development of a genre of the epigram as one of leading genres in the Kazakh national poetry, in particular, regularities of creation of a genre of the epigram, feature of expression of national consciousness and mentality, poetic skill of the author. There is tracked the originality of epigrammy heritage of Z.Abdirashev and a contribution of the poet to formation and development of a genre of the epigram in the Kazakh literature.

ШЕТЕЛ ТІЛДЕРІ ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ

UDK 81'

J.Gałecka-Kubicz

University of Lodz, Poland (E-mail: joannagalecka1@interia.pl)

Language Humour in Agata Passent's Articles

The article presents language humour shown in articles of Agata Passent. This humour is based on: vocabulary (the author uses here periphrases, ambiguity of words or neologisms), phrasal expressions (language humour is achieved by modifications of phrasal expressions), stylisation (A.Passent uses different genres and styles like: sport comentatory, journalist reporting, TV news, weather forecast, opinion poll) and syntax (achieved by syntax flow, word omission in an expression or sentences without subject –slogans).

Key words: humour, language humour, vocabulary, phrasal expressions, periphrases, ambiguity, stylisation, syntax, ironic style.

Agata Passent, born in 1973, is a well-known author and journalist; daughter of a poet Agnieszka Osiecka and journalist — Daniel Passent. She graduated from Warsaw University but studied also at Harvard University. Since 1997 she has worked for periodical magazine «TwójStyl» in which she published her articles. A.Passent worked also in Radio PIN where she presented her weekly discussions titled «Stacja Warszawa» (from 2005 to 2006). Her numerous articles printed in «TwójStyl» were published as a book «Jest fantastycznie» [1]. Also published as a book were her radio presentations. Apart from that Passent wrote as well: «Miastówka» (2002), «Olbiński opera» (2000) and «Pałacwiecznieżywy/Long live the Palace» (2004).

AgataPassent in her articles touches many common and social subjects, however most of her texts are devoted to Warsaw and as she says: «I write about the life of a middle city of our part of Europe». The author of «Jest fantastycznie» is a very good observer. Entertaining, funny and even ironic style is appreciated by many readers. Certainly, the popularity of her articles is caused by situation and language humour contained in her works.

The aim of this dissertation is to analyse language humour appearing in articles of Agata Passent. The analysed material comes from two books: «Jest fantastycznie» [2] (2004) and «Stacja Warszawa» (2007) [3]. Based on formal criteria there is distinguished humour rooting from phrasal expressions, vocabulary, syntax and stylisation. The order of presented linguistic means creating language humour is established by the frequency each of them appears in various texts.

Humour rooting from vocabulary

Vocabulary system of a given language gives unlimited possibilities of its use towards language humour creation. Parts of lexical system can be modified and used in different ways. Some means of building language humour based on lexicon are: periphrasis, euphemism, ambiguity of words, split of lexical connection, neologisms and also the use of lexemes belonging to ordinary style.

Humour based on periphrases

Periphrases and euphemisms can create language humour in various interesting ways. Mentioned linguistic means are a kind of metaphor. In articles of Agata Passent we may encounter many periphrases (I treat euphemisms as a type of periphrasis as well), which give more colour to the meaning of texts. At the same time they stand as an interesting source of humour, because they are often based on astonishing word connections. While reading those articles the reader meets extraordinary words put together which surprise

and which give a mystery to solve — how it has been modified or paraphrased — and the answer is hidden in context. In some cases words replaced with periphrases are lexically close, similar, thus it is easier for a reader to understand this humour.

Humour based on ambiguity

Most of the words in Polish language have more than one meaning. Words with multiple meanings are often exploited «in word games or when making puns» [4]. They are then introduced to a sentence with awareness. To understand humour based on ambiguity the context is very important, because the background of the word attracts our attention to one or more additional meanings.

Humour based on the split of lexical connection

«Lexical connectivity is the ability of a word to join and form connections with other lexical elements of the same system» [5]. In articles of A.Passent there are present word connections that violate traditional connectivity and this violation of normal language (obviously the violation done on purpose not as an effect of a mistake) is often the source of language humour. As a result of spoiling the linguistic connectivity of words we might get metaphorical connections.

Humour based on neologisms

Humour based on neologisms is widely used by the author of described articles. Giving the broadest definition a neologism is a completely new lexical unit. In the sample of presented articles, most often are neologisms rooting from word formation.

In some parts there are also neo-semantic neologisms which means neologisms created with the use of existing lexical items but which are given a new meaning. In order to understand a funny neologism it is necessary to know a relevant lexical system, otherwise it will not appear entertaining to the reader. Sometimes though an isolated neologism can make the reader laugh, however to understand fully the reason of new linguistic formation made by the author and to catch the whole humour presented in a text it is inevitable to know the context. The Polish lexical system gives huge possibilities of such new linguistic formations to the authors.

Humour based on lexemes belonging to ordinary style

Ordinary style is a general functional style used in informal and spontaneous interpersonal communication. Because of the fact that this dissertation contains analysis of humour in articles, which is a journalist genre, it is worth noticing that everyday Polish language is often exploited too much in certain official genres (in newspapers as well as in public speeches) as way of making the expression more «common and close to real life» [6]. In articles of Agata Passent ordinary style is done mainly on the level of lexicon. The author describes Polish everyday life and social customs, and to depict this everyday language is perfectly fine. What is more, «Polish language is spontaneous, vivid and with outstanding expressive vocabulary and phraseology» [7], which adds up to building language humour.

Humour based on phrasal expressions

In articles of Agata Passent often appears humour based on phrasal expressions — the phraseology of the sender. A phrasal expression is a linguistic means used by a sender on purpose. There are distinguished the following phrasal expressions: proverbs, sayings, maxims, sentences and quotations from books, songs or films.

To enrich the text the author introduced phrasal expressions that were modified. The reader, accustomed to normal form of phrasal expressions, learns when reading that the form was changed and surprised tries to find out the reason why it was modified.

The types of modifying innovations were distinguished based on phraseology classification described by Stanislaw Baba [8], later elaborated in the works of Beata Grochala [9]. My classification recognises the following modifying innovations: exchangeable, developing, contaminative, regulating and also innovations based on more than one modification as well as on grouping different phrasal expressions.

Agata Passent by introducing those modifications to her articles makes them more interesting. Most often she uses exchangeable innovations to achieve funny surprising context. The author puts all her phrasal expression in a text purposely, thus her articles are witty, clear to understand and above all — funny, because the modifications of phrasal expressions are a great source of humour. It is worth noticing that in Passent's

texts there are often quotations from songs and literature. Those might be difficult to decipher for less educated people, however the majority of quotations comes from well-known Polish masterpieces (frequently these are of Adam Mickiewicz).

The amount of phrasal expressions in Polish is impressive, therefore it is worth to use that source when creating texts, particularly with humour language. A.Passent uses it eagerly which is shown in her works and because of it, to us readers, her texts are interesting, amusing and even surprising.

Humour based on stylisation

In the mentioned book by A.Passent there was also present stylisation, which in short means «a conscious use of linguistic means in order to give an expression a characteristic style and features different than the ones characterising the author» [10]. Stylisation can be partial or cover the whole text. In «Jest fantastycznie» we may find articles which are either styled partially or as a whole belong to a different style and literary kind. Those stylisations contain different elements of language humour e.g. neologisms, diminutive forms or slang. We have to stress here the fact, however, that only after reading the article beginning-to-end a reader can catch the full idea of humour in those stylisations. In «Jest fantastycznie» we can find longer texts styled as one kind, but also articles containing several stylisations in each of them (like TV news, documentary and weather forecast). All stylisations form a huge comic power.

Humour based on syntax

Humour based on syntax can be found in Passent's articles rarely. It is based mainly on the use of syntax flow, parallel syntax and short elliptic sentences. At each time introducing those linguistic means finds explanation in context. Humour based on syntax is connected with the effect of disappointment after waiting and its perception is quite easy.

Summary

Agata Passent is the author with great sense of humour which is clearly present in her texts. In order to show her negative attitude towards described matters she uses means creating language humour. Certainly the biggest group representing language humour is vocabulary. A.Passent, similar to other writers, likes to use phrasal modifications (and modified quotations), creates amusing periphrases, neologisms and puts together words — violating lexical connectivity. The latter of the linguistic means allows to achieve extremely amusing, new word connections.

The author's style is also defined by mixing formal and informal language. It is also characteristic that she creates completely new names for instance of drinks, companies, beers, wine houses (which adds up immensely to the amusing style in general).

In «Jest fantastycznie» numerous stylisations for different genres and journalist techniques. Those stylisations can cover the whole text, including also other linguistic means creating humour: neologisms, neo-semantic words, slang. Humour based on syntax is represented by the smallest group of examples, but this does not lessen its amusing value.

To sum up, Agata Passent is a columnist creating funny texts about the lives of people from Warsaw. In her articles we may find mentioned also her personal experiences. The author in order to mock, parody, make fun of certain people and events, but most of all to entertain the reader, uses various elements of language humour. Most of them were described in the presented dissertation.

References

- 1 Wywiad z Agatą Passent [w:] A.Passent, Stacja Warszawa. — Warszawa, 2007. — S. 5.
- 2 Passent A. Jest fantastycznie. — Kraków, 2004.
- 3 Passent A. Stacja Warszawa. — Warszawa, 2007.
- 4 Słownik poprawnej polszczyzny / Red. A.Markowski. — Warszawa, 2005. — S. 1101.
- 5 Buttler D., Kurkowska H., Satkiewicz H. Kultura języka polskiego. — Vol. II. — Warszawa, 1987. — S. 183.
- 6 Markowski A. Op. cit. — S. 1041.
- 7 Ibidem.
- 8 Bąba S. Główne typy innowacji frazeologicznych [w:] Stałość i zmienność związków frazeologicznych / Red. A.M.Lewicki. — Lublin, 1982.
- 9 Grochala B. Komizm językowy w felietonach Antoniego Słonimskiego. — Łódź, 2006.
- 10 Literatura. Wiedza o kulturze. Red. A.Z.Makowiecki. — WSiP. — Warszawa, 2006. — S. 777.

Дж.Галецки-Кубич

Агата Пассент еңбектерінде юмордың берілу жолдары

Мақалада Агата Пассент еңбектерінде юмордың берілу жолдары қарастырылған. А.Пассенттың юморы төмендегілерге негізделеді: сөздік қор (перифраздың қолданылуы, сөз мағынасының екіұштылығы, авторлық неологизмдердің жасалуы); фразеологиялық тіркестер (фразеологиялық тіркестерді модификациялау арқылы); стильдеу (А.Пассент еңбектерінде бірнеше стиль мен жанрдың араласуын байқауға болады: спорттық комментарийлер, тілші репортажы, телевизиялық жаңалықтар, ауа райы болжамы, пікірлер); сондай-ақ синтаксис деңгейінде (синтаксистік құрлысы, сөздердің түсіріліп қолданылуы, субъектісіз фразеологиялық тіркестер мен сөйлемдердің қолданылуы).

Дж.Галецки-Кубич

Способы выражения юмора в статьях Агаты Пассент

В статье представлены способы языкового выражения юмора в работах Агаты Пассент. Юмористическое в её работах базируется на: словарный запас (использование перифраз, двусмысленность слов, создание авторских неологизмов), кроме того, фразеологические выражения (главным образом за счет модификации фразеологических выражений), стилизацию (в работах А.Пассент наблюдается смешение различных жанров и стилей: спортивное комментирование, журналистский репортаж, телевизионные новости, прогноз погоды, мнение), а также на уровне синтаксиса (в частности, в синтаксическом построении, словесных пробелах, использовании бессубъектных фразеологических выражений и предложений).

UDK 81'373.72:39

U.I.Kopzhassarova, A.T.Kikimova

*Y.A.Buketov Karaganda State University***Reflection of culture by means of phraseological units**

The article deals with the problem of language and culture correlation. It is proved that language is the reflection of culture and mentality of the people. The most valuable source of cultural information is the phraseological fund of the language. The article defines the essence of cultural connotation concept. The sources of culturally significant interpretation of phraseological units are allocated. Authors defined the mechanism of reflection of culture in language, in particular in phraseological units. The analysis of the Russian and English phraseological units with a national and cultural component is carried out. On the basis of this analysis authors have come to a conclusion that phraseological units reflect culture of the people through correlation to stereotypes, myths, legends, standards, rituals, etc.

Key words: phraseological fund of the language, the internal form of phraseological units, cultural and national connotation, the resources of culturally significant interpretation of phraseological units, myth, symbol, rituals.

Language is a means of culture reflection. E.F.Tarasov notes that language is included in culture since a sign «body» (meaning) is a cultural subject in the form of which language and communicative ability of the person are subjected. The meaning of the language is also a cultural form which arises only in human activity. The culture is also included in language as it is modeled in the text.

According to V.A.Maslova, there are three main approaches to the problem of language and culture correlation. The first approach was developed mostly by Russian philosophers — S.A.Atanovskii, G.A.Brutyan, E.I.Kukushkin, E.S.Markaryan. The essence of this approach is the following: the interrelation of language and culture is the movement in one direction. Since language reflects reality, and culture is the integral com-

ponent of the reality, language is a simple reflection of culture. As the reality changes cultural and national stereotypes and language are also changed.

The second approach is connected with V.Humboldt and A.A.Potebnya. They understood language as a spiritual force. Language is such an environment without which we can't live. As V.Humboldt wrote, language is «the world lying between the world of the external phenomena and interior world of a human». Therefore, being the environment of our dwelling, language doesn't exist as an objective reality. It exists in our consciousness and our memory. It changes its outlines with each movement of thought, with each new social and cultural role.

Within the second approach this problem was developed by the linguistic school of E.Sapir and B.Whorf. The basis of this hypothesis is the belief that people see the world differently — through a prism of the native language. For the supporters of this approach the real world exists so far as it is reflected in language. But if each language reflects reality in its own way, therefore, languages are different from each other by «the lingual pictures of the world».

In Sapir — Whorf's hypothesis the following basic statements are allocated: 1. Language influences the way of thinking of people speaking it. 2. The way of the real world acquisition depends on what languages people think.

The basis of the third approach is a statement that language is the culture fact, because: 1) it is a component of culture which we inherit from our ancestors; 2) language is the main tool by means of which we acquire culture; 3) language is the most important of all cultural phenomena. Since if one wants to understand the essence of culture — science, religion, literature, one should consider these phenomena as the codes formed like language as the natural language has the most developed model. Therefore, the conceptual acquisition of culture can occur only by means of a natural language.

Thus, language is a component of culture and its tool. It is the reality of our spirit and the reflection of culture. It expresses peculiar features of national mentality. Language is the mechanism which has opened the area of consciousness before a human.

As K.Lévi-Strauss noticed, language is simultaneously both a culture product, and its important component, and a condition of culture existence. Moreover, language is a peculiar way of culture existence and a factor of cultural codes formation [1; 49].

Language reflects not only the world surrounding a person, but also the public consciousness of people, national character, traditions, system of values, mentality [2]. Language stores culture concepts and transfers them from generation to generation. For this reason language plays a significant role in formation of the personality, national character, an ethnic community [3; 100].

The mentality is a category which deals with the internal organization and differentiation of the nation's character, its way of thinking. The mentality is understood as a profound structure of consciousness which depends on the social and cultural, lingual, geographical and other factors. The features of national mentalities are seen only at the lingual, naïve, but not conceptual picture of the world (Yu.D.Apresyan, E.S.Yakovlev, O.A.Kornilov). The lingual picture of the world is the unique subjective representation of the reality which includes the objects of both direct and mediated reality. It contains such components of culture as myths, legends, religious views etc. [1; 49].

Phraseological fund of the language is the most valuable source of information on culture and mentality of the nation because it preserves the ideas of the people on myths, customs, ceremonies, rituals, habits, morals, behavior etc. B.A.Larin noted that phraseological units always indirectly reflect people's views, social order and ideology of the epoch [1; 43]. Phraseological units, reflecting a long development of the nation's culture in its semantics, store and transfer cultural attitudes and stereotypes, standards and archetypes from generation to generation. According to F.I.Buslaev, phraseological units are peculiar microcosms. They comprise «both the moral law, and the common sense, expressed in a short saying, which were entrusted to the descendants by their ancestors». It is a soul of any national language in which the spirit of the nation and its originality are expressed in a unique way.

V.N.Teliya claims that the phraseological fund of the language is «a mirror in which the lingual and cultural community identifies its national consciousness». Phraseological units impose a special vision of the world, situation to native speakers [1; 82]. It is expressed mostly in the phraseological units connected with the traditions and customs of the people: for example, in Russian *перемывать косточки* (to gossip — the origin of this phraseological unit is connected with the existence of a Slav ceremony of the so-called secondary burial in the ancient time. It was carried out a few years after the funeral to sanctify a dead person and to remove a paternoster from him. Before the ceremony of the secondary burial the dug-out remains were

washed up. That was accompanied by sharing the memories about the dead man, an assessment of his character and acts etc.), *из полы в полу* (from hand to hand — this was a custom at a horse sale) [4], *вывести на чистую воду* (to expose — the water always had an exclusive value in Russian national beliefs and ceremonies. It is still possible to hear many stories and legends about wonderful healings by means of water in the villages of Russia. In order to heal a person water surely should be clean, fresh and transparent) [5]; in English *a baker's dozen* (according to the ancient custom, bread tradesmen received thirteen loaves instead of twelve from bakers, and the thirteenth loaf was taken into an income of tradesmen); *good wine needs no bush* (according to the ancient custom, innkeepers hung out ivy branches meaning that there was wine on sale) [6].

The internal form of phraseological units being the carrier of motivation often contains elements of the national and cultural plan as phraseological units evolve «from figurative idea of the reality, reflecting mainly the everyday empirical, historical and spiritual experience of the lingual community connected with its cultural traditions».

How is the culture embodied in language, particularly in phraseological units? V.N.Teliya put forward a hypothesis the essence of which is «if the units of the language possess cultural and national peculiarities, the latter should have the ways of its display and means of correlation with it, i.e. to serve as some kind of «link» connecting «a sign body» (and for the signs of the secondary nomination it is a «literal meaning» of the signifier) — on the one hand, and on the other hand — concepts, stereotypes, standards, symbols, mythologemes, etc. the signs of national and universal culture mastered by the people — the native speakers».

As for the phraseological units, their means of an embodiment of cultural and national peculiarities is the figurative basis, an internal form of the phraseological unit, a figurative gestalt structure (often including culturally marked components designating «cultural» realities). The way of emphasizing the cultural and national peculiarities is «an interpretation of the figurative basis in a marked cultural and national space of the language community» [7].

N.Yu. Shvedova outlined twenty general semantic categories in Russian: animacy, action, condition, subject, measure, place, time, etc. These categories form a semantic framework of the language. It is the most abstract level of the lingual picture of the world. But there are also some figurative and associative mechanisms of initial meaning reconsideration that are more specific to a certain nation. For example, the *dog* in Russian is associated (along with the negative phenomena) with fidelity, devotion, unpretentiousness that finds a reflection in such phraseological units as *собачья верность* (dog's fidelity), *собачья преданность* (dog's devotion), *собачья жизнь* (dog's life), etc. In English the *dog* has mainly negative values (*a dog's breakfast/dinner* — a poor job, a mess; *as sick as a dog* — very ill, *lead a dog's life* — to lead a drab or boring life, *dirty dog* — a person who is deemed to be despicable or contemptible) [8]. For the Russian the *pig* is a symbol of dirt and ingratitude; for Englishmen the *pig* means the glutton. From these examples one can see that the characteristic of each language and each culture is the emergence of the specific co-meanings called connotations.

So, the content of a cultural connotation of phraseological units is the interpretation of the figurative basis (an internal form of the phraseological unit) in a marked cultural «space» of the language community. According to this it is possible to deduce two methodologically important implications: 1) the cultural knowledge can be «caught» from an internal form of the phraseological unit: there are «traces» of the cultures which are customs and traditions, historical events and life elements and 2) culture can be understood as a way of orientation of the person in an empirical, cultural, spiritual life according to the norms, standards, stereotypes, symbols, mythologemes, etc. — signs of the national culture which have been traditionally established in a certain national (lingual) society. If we understand culture in that way, it is possible to reformulate the definition of a cultural connotation: the correlation to a standard or model is also a cultural connotation.

According to V.N.Teliya, it is possible to outline some main areas being the sources of the culturally significant interpretation of phraseological units: 1) words with no direct equivalents in other languages, culturally specific vocabulary and lacunes; 2) mythologized language units: ceremonial and ritual forms of culture, legends, customs, beliefs fixed in a language; 3) paremiological fund of the language; 4) models, stereotypes, symbols, rituals; 5) images; 6) the stylistic structure of languages; 7) speech behavior; 8) religion and language interaction; 9) the area of speech etiquette [7].

Words with no direct equivalents in other languages, culturally specific words are designations of the phenomena specific to the culture (*гармошка* — an accordion, *бить челом* — to ask humbly, etc.) which are a product of a cumulative function of the language. They may be considered the storage of the background knowledge, i.e. the knowledge which is available in the consciousness of the native speakers [3; 37].

Quite a few components of phraseological units may contain the indication of ethnographic realities (in Russian *лапоть* — a bast shoe — in the idiom *лаптем щи хлебать* — to be ignorant, *аршин* — in the idiom *мерить на свой аршин* — to judge by one's own yardstick; in English *inch* — in the idiom *within an inch of one's life* — very close to one's death, *brownie* — in the idiom *earn/get brownie points* — to get praise or approval for something you have done), of archaic elements (*зеница* — a pupil of the eye — in the idiom *хранить как зеницу ока* — to be very careful with something), of historical elements (*ижица* — in the idiom *прописать ижицу* — to teach a good lesson, punish: *izhitsa* is the name of the last, the 43rd letter of the Church Slavonic alphabet, reminding the Roman figure «five» in form).

The **myth** is an ancient form of knowledge that is expressed in national legends about gods and legendary heroes, about the origin of life on the Earth. The most important part of the myth is the mythologeme which is the major character or situation, «the protagonist of the myth» which is passed on from myth to myth. Archetypes are the core of mythological consciousness. The archetype is the stable image which arises in consciousness of the individual of a certain lingual society and which is kept in culture. For example, the basis of phraseological units with component *bread* is the archetype of bread as a symbol of life, wellbeing and material prosperity. For example, in Russian — *есть чужой хлеб* (to live off somebody), *жить на хлебах у кого-либо* (to receive housing and food in another family as payment, to live in dependence on somebody), *зарабатывать на хлеб* (to make for a living), *хлебом не корми* (about strong enthusiasm for something); and in English *someone's bread and butter* — livelihood, *bread is the staff of life* — there's no life without bread.

Some phraseological units reflect the remains of the last generations' world view. They are ancient *popular beliefs and legends*. In Russian *чертова дюжина* (a baker's dozen) means number thirteen — according to popular beliefs the number thirteen is considered unlucky, bringing misfortune; *благую часть избирать / избрать* (to choose a good part) — it stems from the evangelical legend about two sisters — Marfa and Maria who were visited by Jesus. Marfa was preparing food, and Maria, who had chosen a good part, was listening to Jesus' sermon. In English *a black sheep* is a person who is regarded as a disgrace or failure by his family or peer group (according to an ancient belief the black sheep is marked by the devil); *lick into shape* is to bring into satisfactory condition or appearance; *an unlicked cub* is a rude uncouth young fellow (both idioms are connected with a medieval belief according to which bear cubs are born shapeless, and a she-bear, licking them, gives them a due look), *halcyon days* — quiet, peace days (according to the ancient legend, the halcyon hatches baby birds in a nest, floating by sea, in a winter solstice and during this period, for about two weeks, the sea is absolutely quiet).

It is important to describe **symbols, stereotypes, standards and rituals** to reveal the cultural content of idioms.

The **symbol** in linguistics is a thing, object or phenomena endowed with a sense. In the structure of idioms separate components develop a symbolical meaning: for example, in Russian *отбиться от рук* (the same in English *to get out of hand*) — when it is impossible to control something or someone. In these phraseological units a component *hand* develops a symbolical meaning «power». *Быть чьей-либо правой рукой* (the same in English *to be somebody's right-hand man/woman*) — someone who helps you with your work and who you depend upon, *протянуть руку помощи* (the same in English *give somebody a hand*) — to help someone. In these phraseological units a component *hand* develops a symbolical meaning «help», etc.

Unlike the proper symbol the role of the language symbol is concluded in the change of meaning of a language essence to a symbolical function. According to V.N.Teliya, «the word meaning in this case is endowed with a sense which doesn't indicate the proper referent of the word, but associatively «replaces» some idea». It is important to note that a material exhibitor of this replacement is not the reality itself, but the name. For example, in the Russian idiom *сердце кровью обливается* (the same in English *a bleeding heart*) it is not the reality *heart* that is a symbolical carrier, but the name the proper meaning of which is replaced with a symbolical interpretation: heart is an organ of feelings. Therefore, the cultural symbols embodied in a language body, are always the word meanings which carry out the function of symbols: lexical units are endowed with the meanings that are steadily associated with them. They point out the concepts which are not their proper lingual meanings. For example, in a Russian phraseological unit with semantics of fear *душа в пятки ушла* (to be scared) the meaning of the word *душа* (soul) maintains its symbolical interpretation as the organ of vital activity.

The important sources of cultural interpretation are the images of Christianity, theosophy and moral attitudes corresponding to them. Some phraseological units are connected with the biblical myths about the creation of the world, a deluge and the life of saints. The phraseological units that stem from religious dis-

courses can be different types of citation: a direct citation or an allusion to religious texts. For example, in Russian there is a phraseological unit *быть на седьмом небе от радости* (to be on cloud nine, to be very happy) the origin of which is in the Bible where various spheres of heaven are allocated. On the seventh sphere there is heaven. That's why this image is connected with the meaning of joy. *Нести крест* (the same in English *to bear/carry one's cross*) — to handle or cope with one's burden; to endure one's difficulties; where cross is the symbol of suffering. This image stems from the evangelical story about Jesus carrying a cross to the place of his crucifixion.

The **standard** is a stable comparison of qualities of the person or a subject with properties of the reality. Standards usually exist in the language in the form of figurative comparisons: in Russian *злой, как собака* (literally: as angry as a dog; very angry); *глуп, как пробка* (literally: as silly as a cork; very silly); *здоров, как бык* (literally: as strong as a bull; very strong); *тонкий, как былинка* (literally: as thin as a blade of grass; very thin); *толстый, как бочка* (literally: as fat as a barrel; very fat); *работать, как негр* (literally: to work like a Negro; to work very hard); *пьяный, как сапожник* (literally: as drunk as a shoemaker; someone who has drunk very much); in English *as hungry as a bear/a wolf*; *as big as an elephant*; *as white as snow*; *as tall as a giraffe*; *as strong as an ox*, etc. The standard comparisons, which are reproduced from generation to generation, are connected with the world outlook because they are «the result of the comparison of the proper human qualities with the «inhuman» qualities the carriers of which are perceived as standards of person's qualities». The basis of a standard may be a person or natural object, a thing which from the point of view of everyday cultural experience are the signs of quality dominating in them. For example, for the Russian the ram is silly (*глупый, как баран*), the bear is clumsy (*неуклюжий, как медведь*), the hare is cowardly (*трусливый, как заяц*), the fox is cunning (*хитрый, как лиса*), etc.; for the English the beaver is hardworking (*as busy as a beaver*), the lamb is gentle (*as gentle as a lamb*), the rabbit is timid (*as timid as a rabbit*) [9]. The bases of such steady comparisons make up one of the most important cultural codes in a certain cultural society and traditionally are reproduced in each generation.

The **stereotype**, unlike a standard, is the type existing in the world. It measures activity, behavior, etc. Behavior stereotypes being the most important among all the stereotypes can turn into rituals. The difference between them is that when there is a realization of stereotypes people may not realize the purposes of the actions. The ritual, however, always assumes an introspection concerning the meaning of its realization. The ritual is conditional and conventional. The sociological understanding of the ritual has more generalized character. According to V. Fuchs ritual is «a socially adjustable, collectively carried out sequence of actions which do not generate new concreteness and do not measure a situation in a physical sense, but process symbols and lead to a symbolical change of situations». By means of rituals the general cultural norms and values of the people are maintained. For example, some rituals are fixed in phraseological units: in Russian *преподнести хлеб-соль кому-либо* (literally, to give bread and salt to someone) — «to honour guests». In this phraseological unit the ritual ceremony is fixed: when meeting the guests of honour the Russians give them «bread and salt» — a loaf of bread and a saltcellar with salt. Another example is *класть в гроб (могилу)* (to bury a dead person). The meaning of the phraseological unit is accounted for a ceremony of the burial of the dead men. The **ceremony** thus is understood as the certain actions established by a custom or a ritual and embodying religious beliefs, household traditions, etc: for example, a phraseological unit *пойти под венец* (literally, to go under a wreath; to get married). The meaning of the phraseological unit is explained by the existence of the church ceremony of laying a wreath on the head of the groom and the bride [7].

One of the most important sources of cultural interpretation is the images from fiction, philosophy and history, i.e. from those forms of activity which embody an intellectual heritage of the nation and mankind as a whole. These sources belonging to different epochs and genres let us understand the meaning of phraseological units better [10]. For example, in Russian *положить, класть под сукно* (literally, to put under the cloth) — to postpone the solution of the case, not to pay attention to the request (it goes back to the system of jurisprudence of old Russia when the cases were tried with big delays. The papers were usually stored under the red cloth); *Потемкинские деревни* (literally, Potyomkin's villages) — eyewash (Potyomkin who made a trip to the Crimea with Catherine II ordered to build ostentatious settlements with painted log huts on the way of the empress, expose festively dressed people in order to show the prosperity of the new territory to the empress); in English *as well be hanged (or hung) for a sheep as a lamb* is something that you say when you are going to be punished for something so you decide to do something worse because your punishment will not be any more severe (in the past, people who stole lambs were killed, so it was worth stealing something more because there was no worse punishment); *the curse of Scotland* (cards) is the nine of diamonds (the card is called so because of the similarity to the coat of arms of the earl Dalrymple Stair who caused ha-

tred in Scotland because of his pro-English policy); *Admirable Crichton* is the scientist, the educated person, the man of science (James Crichton is the well-known Scottish scientist of the XVI century); *a Sally Lunn* is a sweet roll (by the name of the female confectioner of the XVIII century); *a Florence Nightingale* is a nurse (the English nurse, the organizer and the head of the group of nurses during the Crimean war of 1853–1856).

So, the source of the analysis of the cultural content of phraseological units is the interpretation of myths, mythologemes, archetypes, symbols, stereotypes, standards, rituals, and the nation's views, the life-style of the common people of the lingual society and the interpretation of the key universals [7].

Thus, we have come to the conclusion that phraseological units directly (in denotation) or indirectly (through the correlation of the associative and figurative basis to standards, symbols, stereotypes of national culture) bear cultural information about society and the world. Therefore phraseological units are fairly considered to be some kind of «the fount of wisdom» of the people, storing and reproducing mentality and culture from generation to generation.

References

- 1 Maslova V.A. Linguocultural studies: the course book for university students. — Moscow: Academy, 2010. — 208 p.
- 2 lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2007/10/Simonova.pdf.
- 3 Ter-Minasova S.G. Language and intercultural communication. — Moscow: Moscow State University, 2008. — 352 p.
- 4 dic.academic.ru/dic.nsf/michelson_old/3167/from
- 5 ru.wiktionary.org/wiki.
- 6 Kunin A.V. The course of modern English phraseology: the course book for the students of foreign languages department. — Moscow: Phoenix, 1996. — 381 p.
- 7 Potapushkin N.A. Russian phraseological units in a linguocultural aspect. — Moscow: RUDN, 2000. <http://www.web-local.rudn.ru/web-local/uem/gumsoc/1/Html/.../potapushkin.doc>.
- 8 idioms.thefreedictionary.com.
- 9 en.wikipedia.org/wiki/Simile
- 10 Belaya E.N. Theory and practice of intercultural communication. — Moscow: FORUM, 2011. — P. 71,72.

Ү.И.Көпжасарова, А.Т.Қықымова

Тілдің фразеологиялық қоры халықтың мәдениетін көрсететін құрал ретінде

Мақалада тіл мен мәдениеттің ара-қатынасы мәселелері қарастырылып, тіл халықтың ділі мен мәдениетінің көрінісі екендігі дәлелденді. Тілдің фразеологиялық қоры ақпараттық мәдениеттің өте құнды дерегі болып табылады. Мәдениет коннотациясының негізгі түсінігі белгіленіп, фразеологизмдердің мәдени интерпретациясы берілген. Авторлар тіл мәдениетінің фразеологизмдерден көрінетінін анықтаған. Орыс және ағылшын фразеологизмдерінің ұлттық-мәдени компоненттеріне талдаулар жасалған. Фразеологизмдер ұлттың мәдениетін қалыптастыратын аңыздар, әпсаналар, дәстүрлер мен әдет-ғұрыптарға байланысты пайда болады деген қорытындыға келді.

У.И.Копжасарова, А.Т.Кикимова

Фразеологический фонд языка как средство отражения культуры народа

В статье рассмотрена проблема взаимосвязи языка и культуры, отмечено, что язык — отражение культуры и менталитета народа. Особенно ценным источником культурной информации является фразеологический фонд языка. В статье определена сущность понятия культурной коннотации и выделены источники культурно-значимой интерпретации фразеологизмов. Авторами определен механизм отражения культуры в языке, в частности во фразеологизмах. Проведен анализ русских и английских фразеологизмов с национально-культурным компонентом. На основе данного анализа авторы пришли к мнению, что фразеологизмы отражают культуру народа через соотнесенность со стереотипами, мифами, легендами, преданиями, эталонами, ритуалами и т.д.

G.K.Maldybaeva, M.B.Amalbekova

L.N.Gumilyov Eurasian National University, Astana (E-mail: Uchkuduk85@mail.ru)

The comparative analysis of Robert Burn's poems in Russian and Kazakh languages (based on the poem «McPherson's Farewell»)

This article runs about translation of poems written by famous Scottish poet Robert Burns into Russian and Kazakh languages. The author has done comparative analysis on basis of peculiarities of translation the poem «McPherson's Farewell». During the analysis she found up what kind of changes caused the origin by every translator as they used various methods of translation in poetry. The author also expressed her own point of view due to the some theories known in the theory and practice of translation dealing with poetry. She tried to clarify whether it's effective the usage of translation methods in giving the full meaning of origin.

Key words: translation, poems, comparative analysis, various methods of translation, Russian language, Kazakh language.

Burn's poems are still attractive for many readers over the world that's why they have been translated into many languages. First of all his individual style and original manner of writing poems and natural talent made him famous not only in Scotland and England but abroad. There was an opinion of impossibility to translate Burn's poems from the side of some literature critics. Despite that fact translators try to give opportunity in making adequate translation of origin in order to make available that for foreign readers (Kazakh, Russian people and etc).

Burn's poems were translated into Russian language professionally by S.Y.Marshak while Kazakh poets Kuandyk Shangytbayev, Mukagaly Makatayev and Kalkaman Saryn translated them from Russian versions into Kazakh language. This method of translation is known as «ladder translation» and during this translation literary image created in initial poem might be changed. Every author tries to use his own style and various methods of translation for making appropriate equivalent of origin. Now we are going to compare the poem «McPherson's Farewell» with its translation in Russian by Marshak by every stanza.

Farewell, ye dungeons dark and strong, The wretch's destinie! McPherson's time will not be long, On yonder gallows-tree. Sae rantingly, sae wantonly, Sae dauntingly gae'd he: He play'd a spring, and danc'd it round Below the gallows-tree [1;219].	Так весело, Отчаянно Шел к виселице он. В последний час, В последний пляс Пустился Макферсон, - Привет вам, тюрьмы короля, Где жизнь влачат рабы! Меня сегодня ждет петля И гладкие столбы
--	--

As we see there are no words describing McPherson's coming up to gallows in origin here an information of his already being there. According to the following verses Marshak made rearrangement and replacement of words: McPherson's address «farewell, ye dungeons dark and strong./ The wretch's destinie!» is given as the second verse and also the primary metaphor has been changed because Burns wrote he said *good bye* while Marshak translated as *hello*. The word combination «**тюрьмы короля**» mean *king's prison*, «**рабы**» stands for *slave*, and also «**петля**» — *rope*, «**гладкие столбы**» — *flat post* were added by author. On third line Burn's character is more passive *McPherson's time will not be long* while he addressed himself from the first person in Russian variant «Меня сегодня ждет **петля**» which means *I will be punished on gallows*, that is the another thing which points to the differences between origin and translation. Author also missed repetitions such as *Sae* however he used the same beginning on 4th and 5th lines «**В последний час,**

В последний пляс» *that mean he started dancing before dying* the same way we come across the method compensation which is often used in translation of poems. According to the verse measure Marshak's the first stanza is suspended one and consists of 6 lines instead of 4.

Now we'll analyze the Kazakh version of this verse offered by Saryn: «Макферсон өлім жазасы алдында».

*Ең соңғы рет сүйіп тұрса да өмірді,
Алғаш рет көріп тұрса да өлімді.
Қорқынышты сездірместен,
Дар ағашты көзге ілместен,
Макферсон бүгін өте көңілді.
- Сәлем, сендерге –
Құлдары тіршілік ететін,
Құлазып, күрсініп өтетін,
Патшаның абақтылары.
Бүгін менің өліміме,
Жауларым сүйсініп қарап тұрады [1; 157]*

Author used paraphrases than equivalents of the word of origin. The first line «Ең соңғы рет сүйіп тұрса да өмірді» means *despite the fact how strongly he loves the life»* and the second line «Алғаш рет көріп тұрса да өлімді» means *how he faced the death for the first time*. Saryn used the method generalization by using one word «өте көңілді» (merry) instead of the words «play'd a spring» and «danced». As we mentioned already Saryn refers Marshak's version. The first line of the second stanza started with the word «Сәлем» that stands for «hello». That's why according to the different structure of the Kazakh language verses have been alerted. To create emotional reaction to readers author used such repetition and comparison: сүйіп тұрса да (despite he loves); көріп тұрса да (even he sees for the first time). Saryn made 11 verses instead of 8 verses given in origin. Consequently he changed the poem measure by the usage of translation methods have already mentioned above. The 9th line which begins with the word combination «Патшаның абақтылары» (*king's prisons*), the following lines «Бүгін менің өліміме» (*Today for my death*) and «Жауларым сүйсініп қарап тұрады» (*my enemies will be witnesses of this event*) are added and made the translation more dramatic.

Further we return to Marshak's version again the 3rd and 4th verses of the poem «McPherson's Farewell». O what is death but parting breath? On many a bloody plain I've dar'd his face, and in this place I scorn him yet again! Sae rantingly, and c. Untie these bands from off my hands, And bring to me my sword; And there is no a man in Scotland, But I'll brave him at a word. Sae rantingly, and c.	В полях войны среди мечей Встречал я смерть не раз, Но не дрожал я перед ней — Не дрогну и сейчас! Разбейте сталь моих оков, Верните мой доспех. Пусть выйдет десять смельчаков, Я одолею всех.
---	--

Author didn't give an equivalent of the adjective *bloody* but he used the nouns *мечей* (swords) which is not mentioned in origin. On the following verses by using the verb *дрожал* with meaning *trembled* as the equivalent of verb *scorn*, *сталь моих оков* which mean *fetters' steel*, *доспех* — *armour* instead of *sword* and *десять смельчаков* which mean *ten brave men* author exaggerated McPherson's image obviously. He missed also the name of the country — *Scotland* as it's not less important element that points to some key meaning in the poem. There are no repetitions «Sae rantingly» at the end of the every verses which is an obligatory character of Scottish poetry.

The same verses offered by Saryn and we can observe the following changes:

Талай соғыс алаңында

Ажалменен ұшырасқам бетпе-бет.
 Бүгін тағы да дар алдында,
 Шықтым онымен жекпе-жек.
 ...Қорқыныш менде жоқ, демек.

Сендік намыс өшті, сөнді,
 Қолымдағы шеш, кісенді!
 Қайда сауыт-сайманым?
 Талай-талай қол жапырған,
 Сен сүйенген он батырдан
 Асып түсер абырой мен айбарым!

The poet used such word combinations: *бетпе-бет* (face to face), *жекпе-жек* (contest of two men), *жоқ, демек* (there is nothing) to make lines rhymed. As we see here the author tried to make adequate translation of Russian version that is why he exaggerated the meaning of the some word combinations by these words *талай-талай* (many times); *қол жапырған* (who was the bravest one); *сен сүйенген* (ten brave men you believe in); *өкініш өрмеді* (it's so pity) also he repeated Marshak's addition *он батырдан* (ten heroes) and *кісенді* (*fetters*) by himself. He has not also mentioned of Scotland but he made up 11 lines instead of 10 by making explanation *Асып түсер абырой мен айбарым* (authority and strength). Nevertheless the primary meaning of the verses remained without changes.

I've liv'd a life of sturt and strife; I die by treacherie: It burns my heart I must depart And not avenged be. Sae rantingly, and c. Now farewell, light, thou sunshine bright, And all beneath the sky! May coward shame distain his name, The wretch that dares not die! Sae rantingly, and c.	Я жизнь свою повел в бою, Умру не от меча. Изменник предал жизнь мою Вережке палача. И перед смертью об одном Душа моя грустит, Что за меня в краю родном, Никто не отомстит. Прости, мой край! Весь мир, прощай! Меня поймали в сеть, Но жалок тот, кто смерти ждет, Не смея умереть. Так весело, Отчаянно Шел к виселице он. В последний час, В последний пляс Пустился Макферсон.
---	---

In order to keep rhymes Marshak reaches one verse by giving two verses to make more precise he writes *И перед смертью* which means **before to die** and *Душа моя грустит* with equivalent **I grieve** instead of *It burns my heart*. Perhaps the matter lies on national mentality because Russian people used to say about soul when they have bad mood or sorrow of something. On the table the first line made up through generalization because author didn't translate: light, sunshine bright, sky separately as they are presented in origin. The words *Меня поймали в сеть* is added by author that is **I was caught in net**. Author also finishes poem with the same verse as the first one thus it differs with origin manner as well.

As for Saryn who suggested these verses in this way the McPherson's image of brave man is more emotional through the usage of underlined words those describe heroes from folklore. Author finds adequate equivalents of origin words: *burns my heart, must depart, not avenged be* in the verse given below:

*Осы бір өлімнің алдында,
Өкініш өртеді мені алғаш.
Туып-өскен өлкемде
Бүгін, тіпті ертең де,
Мен үшін ешкім кек алмас.*

*Кешір Отан, Қош бол, әлем!
Торға түстім, ойрандалды ой сана
...демім біткен,
Өлгісі жоқ, өлім күткен,
Мен бір бейбақ, бейшара!*

However the words of the second line *ойрандалды ой сана* (depressed), and the words *бейбақ, бейшара* (unhappy) which are synonyms seems to be extra one and have high expressiveness. At the end of the poem Saryn finishes that the same way as Marshak just by repeating the very first verse.

*Ең соңғы рет сүйіп тұрса да өмірді,
Алғаш рет көріп тұрса да өлімді.
Қорқынышты сездірместен,
Дар ағашты көзге ілместен,
Макферсон бүгін **оте көңілді**.*

All verses are rhymed and can be read as easy as origin. That was one of the translation principles offered by Englishman A.Tytler (1790) in his book «Translation principles «who confirmed an ideal translation should meet three requires:

- 1) translation should give a full idea of origin;
- 2) the style and manner of telling must be the same (origin and translation);
- 3) the translation should be read as easy as origin.

I agree with the saying of Tytler but since a lot of theories due to the translation principles have been appeared in the theory and practice of translation. There are many debates around the concepts like equivalent and adequate translation or simply «right translation». One thing is clear any translation can be done on any degree of equivalent but not any translation can be adequate. It goes without saying poetry translation is more difficult than prose because translator should find so-called gold medium when either the meaning of origin and poem measure (rhyme, rhythm, intonation, verse) are appropriate. For instance Kazakh translator and poet S.Abdrakhmanov in his book «Translation and poetry, Poetry and translation» says: «During the building lexical and semantical system of poem translator is attentive with rhyme. Perhaps everyone knows about its influence to voice writing, poem melody and of course that Kazakh language is enriched by rhymes thus we do not interpret poem created without them at all» [2].

As the conclusion we consider the most important thing is the inner idea or metaphor of poem which is not different. Nevertheless in translation the power of words on describing hero somewhere more energetic, persistent than in origin. Marshak made some additions and rearrangement while Saryn's version turned out not further than Russian variant by the usage of those transformations and as the result was been created poem which is alike origin.

References

- 1 *Левидова И.М.* Robert Burn. Стихотворения. Сборник. — М.: Радуга, 1982. — 705 с.
- 2 *Сарин К.А.* Арманымның бейнесі. Өлеңдер жинағы. — Астана: Нұр Астана, 2011. — С. 422.
- 3 *Виноградов В.В.* О теории художественной речи. — М.: Высш. шк., 2005. — 287 с.
- 4 *Абдрахманов С.* Перевод поэзии и поэзия перевода. — Астана: Аударма, 2008. — 472 с.

Г.К.Малдыбаева, М.Б.Амалбекова

Роберт Бернстың өлеңінің орыс және қазақ тілдеріндегі салыстырмалы талдауы («Макферсон өлім жазасы алдында» өлеңінің мысалында)

Мақалада шотланд халқының белгілі ақыны Роберт Бернстың «Макферсон өлім жазасы алдында» атты өлеңінің орыс және қазақ тілдеріндегі аудармаларына салыстырмалы талдау жасалды. Аударма барысында түпнұсқа мағынасы, құрылымы қандай өзгерістерге ұшырағаны, сондай-ақ аудармашылар өз тарапынан қандай әдістер қолданғаны баяндалды. Талдау үш тілдегі өлеңнің әрбір қатарына синхронды түрде жүргізілді. Авторлар өлең аудармаларының негізінде аударма теориясы мен тәжірибесінде жиі қолданылатын баламалылық пен балама аударма деген негізгі түсініктерге тоқталды.

Г.К.Малдыбаева, М.Б.Амалбекова

Сравнительный анализ стихотворения Роберта Бернса на русский и казахский языки (на примере стихотворения «Макферсон перед казнью»)

В статье авторы проведен сравнительно-сопоставительный анализ перевода стихотворения известного шотландского поэта Роберта Бернса «Макферсон перед казнью» на два языка — русский и казахский. В ходе анализа выявлена, каким изменениям подвергается подлинник за счет методов перевода, используемых каждым переводчиком, когда речь идет о переводе не с оригинала, а при ступенчатом переводе. Авторы статьи на примере перевода стихотворения проанализировали такие ключевые понятия в теории и практике перевода, как эквивалентность и адекватный перевод.

«ФИЛОЛОГИЯ ЖӘНЕ ҚАЗІРГІ ГУМАНИТАРЛЫҚ БІЛІМ» КОНФЕРЕНЦИЯСЫНЫҢ МАТЕРИАЛДАРЫ
МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ «ФИЛОЛОГИЯ И СОВРЕМЕННОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ»

Секция 1 Көркемдіктің қазіргі парадигмалары
Современные парадигмы художественности

УДК 398

С.Ж.Бралина, М.С.Девянина

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова

Имя как феномен традиционной культуры

В статье рассмотрены имена собственные и связанные с ними ритуалы имянаращения. Актуальность данной проблемы заключается в том, что изучение имен позволяет не только глубже проникнуть в языковую систему, но и ближе ознакомиться с мифологией, бытом, мировоззрением и системой жизненных ценностей народа. В этой связи особую значимость приобретает культурно-историческая основа имен собственных, которая восходит у многих народов к древним обрядам имянаращения, носящим магический характер. В культурах разных народов имя было наделено сакральностью. Оно являлось ценным оберегом, поэтому с именем связывали жизнь человека, его судьбу и характер.

Ключевые слова: имя собственное, обряд имянаращения, анимистическое мышление, традиции имянаращения славян, русских, казахов; магические функции имен, имена-обереги, табуирование имен, сакральные имена, обряды окликания, переименования, сокрытия имен.

Имя и связанные с ним ритуалы имянаращения являются неотъемлемой частью культуры многих народов. Уже на ранних ступенях развития человечества имени приписывалась магическая сила и сакральность. Оно определяло судьбу человека, его дальнейший жизненный путь, положение в обществе.

Имена людей несут в себе значимую часть культуры и традиции всего народа. В России с приходом христианства славянские имена почти полностью ушли в небытие. Существовали списки славянских имен, запрещенных церковью. Одна часть имен (Лада, Ярило) была именами славянских богов, обладателями второй части были люди, которые и после христианизации Руси пытались восстановить культ и традиции язычества (волхвы, богатыри).

До принятия христианства у славян имена выбирались родителями. Они имели определенное смысловое значение: *Светлана, Людмила, Красава, Любава, Милонег, Добронрава, Забава, Милуша, Всеволод, Владимир, Добромисл, Добрыня, Ярослав, Мстислав, Святослав, Ярополк, Святополк и т.д.*

Называли детей и по времени и обстоятельствам появления их на свет. В старинных рукописях можно встретить имена: *Зима, Дорога, Полетко, Суббота, Мороз, Подосен*; называли по профессиям людей: *Кожемяка, Быкодер*; по именам разных животных, птиц, рыб: *Заяц, Линь, Сом, Гусь, Соловей, Баран, Кот*; по народностям, жившим возле места рождения: *Татарин, Мордвин*.

Кроме выбора, существовал обычай выходить за ворота и спрашивать имя первого встречного или встречной. Какое имя называлось, такое и давали новорожденному. Считалось, что это принесет ребенку счастье.

Для полного исчезновения этих имен понадобилось почти шесть столетий, и дольше всего сопротивлялась введению нового имянаращения северо-западная часть Руси, которая еще ряд столетий после принятия христианства оставалась языческой.

Древние истоки ритуала имянаращения восходят к анимистическим представлениям людей, согласно которым имя воплощает в себе рождение новой души. До тех пор, пока у ребенка не было имени, он находился как бы на грани двух миров: земного мира и мира «иного», поэтому до крещения его называли просто «новым человеком», или «куколкой».

Например, у восточнославянских народов мать и отец новорожденного не присутствовали на крестинах. Они не должны были смотреть, как крестные родители уносят ребенка в церковь. В связи с этим В.И.Еремина приводит такой пример: «У прибалтийских народов, латышей в частности, был известен обычай, согласно которому мать не должна смотреть, как носильщица уносит ее ребенка в церковь, и после ухода участников церемонии она должна лечь спать. По возвращении из церкви крестные просили отгадать имя ребенка или объявляли у входа в комнату: «Куколку увезли, Аннушку привезли!» [1; 210].

Согласно общеславянским представлениям, если дети умирали до крещения, то они превращались в демонов, поэтому их не отпевали, не оплакивали, погребали голыми, не хоронили на кладбище, не поминали. Считалось, что души этих детей не успокаиваются и скитаются по свету, пока их не нарекут. Поэтому в Полесье некрещеным «мальчикам обычно давали имя Иван, а девочкам — Мария, в России мальчиков часто называли Богданами, т.е. данными от Бога. <...> По полесскому обычаю, услышав их плач, надо назвать мужское и женское имя: Адам и Ева, Иван и Мария» [2; 65].

В традиционной культуре многих народов антропонимам приписывались магические функции. Так, общераспространенной была вера, что имя может оказать на человека благоприятное воздействие или навредить ему.

С этой целью в русской традиции ребенку очень часто давали имя какого-либо христианского святого, которому посвящен ближайший ко дню рождения ребенка праздник. Считалось, что это имя будет способствовать росту новорожденного и наоборот, если дать имя святого по календарю «назад», то ребенок не будет расти [3; 601].

Об этом писал в свое время ученый-богослов П.А.Флоренский: «Имена распределяются в народном сознании на группы. Если священник даст крещаемому имя преподобного — это обещает ему счастливую жизнь, а если имя мученика — жизнь сойдет на одно сплошное мучение» [4].

Традиция наречения ребенка благозвучным именем, приносящем счастливую судьбу, была широко распространена у многих народов. Так, например, в арабской культуре популярными были «говорящие» имена, изначально наделяющие ребенка тем или иным качеством. Например: *Джамиля* (красивая), *Карим* (щедрый), *Амин* (честный) и т.д.

Согласно другим представлениям, имя человека обладало способностью останавливать смерть детей в семье. В этой связи в славянской традиции было широко распространено наречение именами родителей или деда и бабушки.

Но данный обычай противоречил запрету повторения имени в одной и той же семье и роде, поскольку бытовало поверье, что, если один из тезок умрет, смерть ожидала и другого. Поэтому имена родителей давались только в особых случаях, таких как частая смертность детей в одной семье.

Иногда детей в семье специально называли одинаковыми именами, также в магических целях. Например, если у женщины рождаются одни девочки, она должна дать последней свое имя, чтобы следующим родился мальчик.

Подобный принцип «ономастической магии» был распространен не только у славянских народов, но и у казахов. По этому поводу Ч.Ч.Валиханов в свое время писал: «Ырым <...> называются <...> обряды, исполняемые в виде предзнаменования. Например, те, у кого нет сыновей, а родятся девочки, дают последней из своих дочерей имя *Ұлтуған* «сын родился», чтобы оно было предзнаменованием для рождения сына» [5].

Действительно, труды Т.Джанузакова — одного из авторитетных исследователей казахской ономастики, подтверждают, что казахи в прошлом верили в то, что удачный выбор имени ребенка может защитить его в жизни от различных бедствий, от преждевременной смерти. Поэтому стали появляться так называемые «защитные» или «охранительные» имена: *Мыңжасар* — тысячелетний, *Өмірзақ* — долгожитель и др.

В этой связи в казахской антропонимике широко распространен ряд имен, обозначающих пожелания ребенку долгой жизни, счастья и т.д.: *Ораз* — счастье, *Жылқыбай* — богатый лошадьми; имена описательные, включающие физические особенности ребенка: *Сарыбас* — рыжеголовый, *Қарақөз* — черноглазая и т.д.; день и место рождения: *Дүйсенбі* — понедельник, *Еділ* — родившийся на берегу Волги; выражающие чувства родителей, например, *Қуаныш* — радость [6].

Современные исследования подтверждают устойчивость названных представлений среди казахов и в наши дни. Так, А.М.Танабаева, Ф.Ш.Оразгалиева отмечают: «По традиции в тех семьях, в которых часто умирали дети, новорожденных сыновей называли: *Тұрар*, *Тұрсын*, *Тоқтасын* (пусть останется, будет жить), *Өтеміс*, *Төлеген* (возмещенный, возвращенный, восстановленный). Если

рождались одни девочки, чтобы следующий ребенок был мальчиком, давали имена: *Ұлтуар, Ұлтусын, Ұлболсын, Ұлжан, Ұлмекен* (да будет сын, родится сын, а не мальчик ли?)» [7].

Существовали и другие способы предотвращения смерти и болезней новорожденного. Так, если в семье умирали дети, то последующего ребенка называли именем птицы или дикого животного, например: *Сокол, Волк, Медведь, Заяц* и т.д. Полагали, что таким образом они обманут злых духов, ребенок не умрет, и род сохранится. Видимо, от этих имен потом произошли многие фамилии: *Соколов, Волков, Медведев, Зайцев* и т.д.

Кроме этого считалось, что святой, по имени которого назван ребенок, будет хранить его всю жизнь или младенца называли каким-нибудь редким именем. Сербы Косова ребенка, родившегося в семье, где умирали дети, называли именем самого старого человека во всей округе, чтобы жизнь его была такой же долгой.

Южные славяне широко использовали так называемые «останавливающие» имена, например, *Стана, Стоян* и др.; с этой же целью полешуки нарекали младенца именем *Адам* или *Ева*. Чтобы до поры обмануть болезнь, приставшую к ребенку, надо временно назвать мальчика именем девочки, и наоборот.

Имя считалось одним из распространенных оберегов, поэтому у многих народов принято было скрывать имя, данное ребенку при рождении. В этой связи В.И.Еремина, исследуя традиции восточнославянских народов, отмечает: «... официальное имя скрывалось, утаивалось, а объявлялось совсем другое имя. <...> Если ребенок рождался хилым, имя выкрикивали в печную трубу: кричали разные имена, а называли тем, при котором ребенок переставал плакать» [1; 72].

«У болгар не разрешается называть ребенка по имени до крещения, иначе он вырастет несчастливым. После церковного обряда в течение 40 дней также не упоминают детское имя, чтобы «сохранить сон младенца» и «уберечь его от нечистой силы». Имеются сведения, что крестильное имя скрывается вплоть до венчания. И, наоборот, при лечении заболевшего младенца, читая заговор, трижды громко произносили имя младенца, как бы возвращая ему жизненную силу» [8; 315].

На Руси ребенку давали два имени: одно — «настоящее», а другое «ложное», которое использовалось в повседневной жизни, оберегая его от грозящих ему опасностей. В этой связи особое место в древнерусской культуре занимали так называемые имена-обереги: *Бессон, Болван, Горе, Грязной, Гнилозуб, Кручина, Лихой, Мертвой, Невзор, Негодяй, Некрас, Нелюб, Крив, Угрюм, Упырь* и т.д. Подобные имена больше напоминали оскорбительные прозвища, однако своей неблагозвучностью они были призваны уберечь ребенка от порчи и сглаза.

В казахской традиции долгое время оберегами были не только неблагозвучные имена, но и имена представителей других наций или нарицательные имена: *Көтібар* (Задница), *Итбай* (Собака), *Мыржықбай* (Сморчок), *Шарлес* (Чарлз), *Шапай* (Чапай), *Пишат* (печать), *Моряк, Социал* и др.

Обычай сокрытия истинного имени ребенка был широко распространен у многих народов, особенно в семьях, где часто умирали дети. Данное при крещении имя скрывалось в течение определенного срока — от нескольких дней до многих лет, иногда имя не раскрывалось до самой смерти. «В Западной Сибири, в Ужицком крае были случаи, когда в селе умирал старый человек и никто не знал его настоящего имени, потому что те, кто его знал (кум и родители), давно умерли» [3; 608].

У южных славян был распространен следующий обычай: ребенка клали на дороге, и первый, кто наткнется на него, должен дать ему имя, обычно: *Найден, Найда* и т.п. [9].

Одна из магических функций ритуала имянаречения была связана с верой людей, что с именем передается характер или судьба. Поэтому в русской традиции новорожденных не называли именами, которые носят или носили слабоумные, пьяницы, сумасшедшие, трусы и т.п. Считалось, что нельзя давать новорожденному имя умершего ребенка, но можно было назвать ребенка именем деда или бабки, если они долго жили и были счастливы. В наше время этот обычай распространяется на более близких людей: отца, мать, дядю, тетю [10].

Между тем, в казахской культуре и сегодня считается непозволительным называть детей именами предков и родителей в силу опасности в будущем «подвести», опозорить священное имя.

В то же время до сих пор широко распространен другой ритуал: нарекая ребенка тем же именем, какое носит ребенок родственника или друга, необходимо спросить у него «разрешения», а затем пригласить в гости и одарить. Конечно, во многом этот ритуал носит сегодня игровой характер, однако игнорирование его может привести новоиспеченного родителя к шутливому публичному осмеянию и подозрению в скупости.

Одним из видов «ономастической магии» являются окликание и переименование. В ряде славянских обрядов произнесению имени, его выкликанию придавалось значение воссоздания первородной сущности и воплощения желаемого.

В русской свадебной обрядности особое место занимал ритуал величания жениха и невесты, т.е. называния их по имени-отчеству, что означало их признание, узнавание, переход в новый социальный статус. Для сравнения — до венчания молодые были безымянными: жених — чуженин, а невеста — (не ведать) — неизвестная.

Кроме этого, получение молодоженами права называться по имени-отчеству закреплялось в особом обряде — «выюнишнике», или «окликании молодых», проводившемся ежегодно в первое воскресенье после Пасхи. Во время этого обряда молодоженам пели песни, в которых их величали.

В свою очередь «у восточных славян, чтобы поскорее забыть покойного мужа, вдова громко выкрикивает его имя в печную трубу», чтобы оно улетело вместе с дымом [9].

Людей, вступивших в брак в глубокой старости (т.е. как бы начавших вторую жизнь) или женившихся в четвертый раз (т.е. превысивших количество браков, допустимых для одной человеческой жизни), обязательно переименовывали.

При болезни человека также прибегали к перемене имени как к средству «перерождения» человека, расторжения его связи с болезнью и обмана демонических сил, насылающих болезнь.

Южные славяне использовали переименование как защитное средство, например, при переезде из одной местности в другую для того, чтобы оставить старую жизнь, в том числе и грехи, вместе с именем в прошлом.

Переименование также могло применяться в инициальных ритуалах. Например, украинские ремесленники-гончары совершали обряд переименования при посвящении в подмастерья молодых работников (по аналогии с переименованием при пострижении в монахи).

Ономастические обряды переименования и окликания широко применялись и в славянской скотоводческой магии. Так, для защиты коров от нечистой силы в купальскую ночь крестьяне их переименовывали: «Выкликая поименно чужих коров, молочные ведьмы водят по росе цедилкою <...> Для предупреждения такого чаровства нужно переименовывать коровьи клички при утреннем выгоне скота в поле накануне Купалы ... » [1; 118].

Кроме этого широко был распространен обычай, по которому хозяйка поутру в Великий четверг «в дымное окошко «кличет скот» во двор свойственной каждой породе кличкой до тех пор, пока какое-нибудь животное случайно не подаст своего голоса, пока, например, корова не смычит ..., что принимается за верный признак, что в наступающем году не падет ни одно животное той породы» [8; 175].

Для ономастической культуры многих народов до сих пор характерно табуирование имен единственных детей, любимых внуков, близких родственников и т.д. С этой целью активно используются «домашние», сокращенные, ласкательные или «другие» имена, выполняющие охранительные функции.

Существует ряд ономастических табу, связанных с браком и семьей. Генетически эти запреты восходят к родоплеменным отношениям людей. С этой точки зрения молодая невестка, пришедшая в дом мужа, воспринималась как «чужая», потому что пришла из другого рода. Поэтому при именовании невестки или при обращении ее к кому-либо использовались табуированные имена.

Как отмечает М.Фасмер, «табуистическое название должно было защитить женщину, вступающую в чужой для нее дом, дом ее жениха, от злых духов; этим же объясняется и наличие у нее свадебного покрывала» [11].

У казахов долгое время сохранялся обычай, по которому невестка должна была называть родителей мужа и всех домочадцев не их прямыми именами, а придуманными ею, сакральными.

Отсюда сохранившееся у многих народов до настоящего времени табуирование имен супругов: «мой», «он», «хозяйка», «сам», «шал» (старик), «кемпір» (старуха) и т.д. Безусловно, магическая функция подобных имен не воспринимается самими носителя речи и используется ими, как правило, по привычке.

Как мы уже отмечали, с точки зрения анимистического мышления, имя считалось неотъемлемой частью человека, как и любая часть его тела. Со смертью человека оно должно было уйти вместе с ним. Поскольку душа человека приравнивалась к его имени, имя покойника или умирающего старались не упоминать, опасаясь вызвать покойника обратно.

Так, в Западной Сербии умирающего не смели называть по имени, чтобы душа его не «раздвоилась» при выходе из тела. Не произносили имя покойника и в поминальных ритуалах, а также в период соблюдения траура.

В Верхнем Полесье имя покойника заменяли на *он (она), несчастный, бедняга, мертвец* или же просто *покойник (покойница)*. Если же в каком-нибудь доме был ребенок, носивший то же имя, что и умерший, то некоторое время этого ребенка называли каким-либо прозвищем, чтобы произнесением имени покойника не навредить его ближайшим родственникам.

Имена умерших не только табуировались, но и обладали защитной магической силой. «По полесским представлениям, при встрече с волком надо назвать имя трех (или девяти) умерших родственников, и тогда волк не тронет. В случае пожара надо трижды обежать дом, выкрикивая имена двенадцати утопленников, тогда огонь не распространится, а пойдет столбом вверх» [3; 614–615].

Имена собственные имеют огромное значение в межкультурном общении. Знание имен собственных способствует более успешному межкультурному взаимодействию. Но очевиден и тот факт, что ни одна культура не может полноценно развиваться, не взаимодействуя с культурой других народов. В результате межкультурных взаимодействий происходят заимствования одной культурой элементов другой культуры, что сказывается в языке того или иного народа, в том числе и в именном составе.

Г.Б.Мадиева в статье «Имя собственное в контексте межкультурной коммуникации» рассматривает имя собственное как концепт, который представляет собой «совокупность собственных имен и все представления, стоящие за ними» [12]. По ее мнению, данная категория имеет универсальный характер, т.е. обладает всеобщим значением для всех народов. Но при этом важно учитывать, что каждый народ имеет свою специфическую систему именования, обусловленную национальной культурой.

«Имя рождалось как словесное отражение обычаев, нравов, религиозных ритуалов и их предметных атрибутов. Имя не только имеет функцию обозначения индивидов для удовлетворения практической необходимости общения в пределах определенных социумов, но и сложным образом отражает, фиксирует состояние их культуры» [13].

Как видим, постигая менталитет какого-либо народа, следует обратиться к именам собственным, так как имена собственные позволяют выявить особенности культурных традиций данного народа: «Личные имена людей — знаки и символы, которые могут быть расшифрованы и описаны.

Семантическое пространство личного имени, являясь значимым элементом в системе языка и культуры, способствует выявлению ментальных, национально-культурных особенностей этноса. Раскрыть содержание антропонима можно, опираясь на общезыковые и культурно-психологические коннотации антропонимов в сознании (менталитете) народа (фоновые знания, вертикальный контекст, культурные традиции). Семантика антропонимов является потенциально важной областью исследования как с лингвистической точки зрения, так и с точки зрения межкультурной коммуникации» [14].

Имена собственные обладают яркой национально-культурной семантикой, поскольку их значения прямо произвольны от истории и культуры народа — носителя языка. В именах отражаются генетические, исторические и культурные особенности формирования этноса, его художественное наследие. Знание имен, фамилий позволяет расширить наши представления о прошлом, осознать неразрывную связь между языком и народом.

Таким образом, имена собственные, отразившие традиционные представления, верования, знания народа об окружающем мире, его богатый жизненный опыт, являются ярким показателем истории национальной и общечеловеческой культуры.

Список литературы

- 1 Еремина В.И. Ритуал и фольклор. — Л.: Наука, 1991. — 280 с.
- 2 Славянский и балканский фольклор: Этнолингвистическое изучение Полесья. — М.: Индрик, 1995. — С. 65.
- 3 Толстой Н.И., Толстая С.М. Имя в контексте народной культуры // Язык о языке. — М.: Наука, 2000. — 703 с.
- 4 Флоренский П.А. Имена. — М.: Купина, 1993. — С. 16.
- 5 Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений: В 5 т. — Т. 1. — Алма-Ата: Глав. ред. казах. сов. энцикл., 1984. — С. 209.
- 6 Джанузаков Т. Очерки казахской ономастики. — Алма-Ата: Наука, 1982. — С. 10–26.

- 7 Танабаева А.М., Оразгалиева Ф.Ш. Лексика и фразеология как источник этнокультурной информации. — Караганда: Изд-во КарГУ, 2001. — С. 91.
- 8 Славянский вестник. — М.: МАКС Пресс, 2004. — 189 с.
- 9 Словарь языческой мифологии славян // [http. www. yandex. ru](http://www.yandex.ru).
- 10 Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. — М.: Индрик, 2001. — С. 204.
- 11 Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-т. — Т. 3. — М.: Прогресс, 1987. — С. 54.
- 12 Мадиева Г.Б. Имя собственное в контексте межкультурной коммуникации // Вестн. КазНУ. — 2001. — № 16 (50). — С. 88.
- 13 Грошев В.Д. Календарь российского земледельца (народные обычаи и приметы). — М.: Просвещение, 1991. — С. 8.
- 14 Алешина Л.Н. Отражение ментальных особенностей в национальных антропонимических системах // Вестн. ЦМО МГУ. — 2009. — № 1. Лингвокультурология. — С. 62.

С.Ж.Бралина, М.С.Девянина

Есім дәстүр мәдениетінің феномені ретінде

Мақалада жалқы есімдер және олармен байланысты ат қою әдет-ғұрыптары қарастырылды. Аталмыш мәселенің өзектілігі жалқы есімдердің зерделену жағдайы тек тіл жүйесін терең түсінуге ғана емес, сонымен қатар халық мифологиясымен, тұрмыс-тіршілігімен, дүниетанымымен және жалпы өмір құндылықтарымен жақынырақ танысуға мүмкіндік береді. Осыған байланысты көптеген халықтардың магиялық сипаттағы ат қою әдет-ғұрыптарынан барып шығатын жалқы есімдердің мәдени-тарихи негізі ерекше маңызға ие болады. Әр түрлі халықтардың мәдениетінде жалқы есім құпия сипатта көрінеді. Авторлар адам есімімен оның өмірі, тағдыры және мінезі-құлқы байланыстырылған деген қорытынды жасады.

S.Zh.Bralina, M.S.Devianina

Name as phenomenon of traditional culture

In the article proper names and rituals connected with them are examined by us. The urgency of this problem is that the study of the names allows not only to penetrate more deeply into language system, but allows to become acquainted more closely with mythology, with mode of life, with world out-look and with system of life value of people. In this regard the cultural and historical basis of proper names acquires particular meaning which ascends to the ancient ritual of names of many people, which have magical character. In cultures of different people name was allocated sacrality. It was valuable talisman, therefore the life of man, his destiny and character were connected with the name.

Т.Т.Савченко, Е.А.Абдрахманова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова (E-mail: jul_art@mail.ru)

Интерпретация образа князя Мышкина в современном литературоведении: к постановке проблемы

В статье рассмотрена интерпретация образа князя Мышкина в современном литературоведении. Авторами выделены три основных направления в истолковании главного героя романа «Идиот». Особый акцент сделан на новом направлении в изучении творчества Ф.М.Достоевского, связанном с христианством. В работе осмыслен образ Мышкина в контексте евангельской парадигмы. Сделаны первые шаги в анализе любовного сюжета, который предстает в романе в христианском освещении.

Ключевые слова: интерпретация, герой, положительный герой, традиционалистские концепции, евангельский текст, евангельская парадигма, христианское литературоведение.

Роману Ф.М.Достоевского «Идиот» посвящено немало исследовательских работ. Процесс формирования различных интерпретаций романа, прежде всего, связан с характеристикой главного героя. Обычно достоеведы дают оценку главного героя, опираясь на высказанную писателем в подготовительных материалах к роману цель — изобразить «положительно прекрасного человека». Речь идет о знаменитых строчках из письма писателя С.А.Ивановой от 1(13) января 1868 года: «Главная мысль романа — изобразить положительно прекрасного человека. Труднее этого нет ничего на свете, а особенно теперь. Все писатели, не только наши, но даже все европейские, кто только ни брался за изображение положительно прекрасного, — всегда пасовал. Потому что это задача безмерная. Прекрасное есть идеал, а идеал — ни наш, — ни цивилизованной Европы еще далеко не выработался. На свете есть одно только положительно прекрасное лицо — Христос, так что явление этого безмерно, бесконечно прекрасного лица уж конечно есть бесконечное чудо. (Все Евангелие от Иоанна в этом смысле; он все чудо находит в одном воплощении, в одном проявлении прекрасного). Но я слишком далеко зашел» [1; 51]. Отсюда и традиционалистские концепции в интерпретации образа как «положительно прекрасного человека», как аллюзии на образ Дон Кихота и Христа: «Он идиот — дурак — дурачок, уродик, юродивый, больной человек, человек странный, чудака, безответственный, пентюх, овца, агнец, младенец, дитя, — пишет Ю.Селезнев. — Он же — утопист, идеолог, славянофил, — рыцарь бедный, — Дон-Кихот, Христос» [2].

Достоевский был убежден в том, что идеалом человека на земле является Иисус Христос, о чем он пишет в одном из своих писем: «Я скажу Вам про себя, что я — дитя века, дитя неверия и сомнения до сих пор и даже (я знаю это) до гробовой крышки. Каких страшных мучений стоила и стоит мне теперь эта жажда верить, которая тем сильнее в душе моей, чем более во мне доводов противных. И, однако же, бог посылает мне иногда минуты, в которые я совершенно спокоен; в эти минуты я люблю и нахожу, что другими любим, и в такие-то минуты я сложил в себе символ веры, в котором все для меня ясно и свято. Этот символ очень прост, вот он: верить, что нет ничего прекраснее, глубже, симпатичнее, разумнее, мужественнее и совершеннее Христа, и не только нет, но с ревнивою любовью говорю себе, что и не может быть. Мало того, если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной» [1; 176].

Однако большинство современников писателя не находили в образе Мышкина сходства с Христом и советские литературоведы не уделяли внимания черновым пометам Достоевского о «князе Христе». Зачастую изображение главного героя изучалось в качестве творческого эксперимента писателя в создании им абсолютно положительного человека. Глубинный нравственный образ главного героя, его гуманизм, тяготение к всеобщей гармонии рассматривались исследователями как естественные составляющие при типичном изображении идеального героя. Противопоставленность остальным героям, противостояние всему окружающему обществу, контраст, на котором зиждется образ князя Мышкина, — все это, по мнению советских исследователей, следствие романтической обрисовки главного героя. Таким образом, долгое время Мышкин рассматривался в качестве идеального романтического героя, мечтающего изменить мир людей, несущего свет и смирение, но совершенно

потерявшегося в том лицемерии, поклонении материальным ценностям, лжи, неверии, которые присутствуют повсюду.

В 80–90 гг. XX века укрепляется концепция интерпретации князя Мышкина не только в качестве «положительно прекрасного человека», а как аллюзии на Дон Кихота и бедного рыцаря. Так, советская идеология препятствовала объективному восприятию и научной оценке мировоззренческих позиций писателя, что является ошибочным при изучении творчества Достоевского, так как очевидна необходимость акцентирования внимания на неразрывной связи человека с Богом, отраженной в произведениях писателя.

Позднее, к концу XX века, исследователи стали обращаться к религиозной тематике в романе в контексте христианства. При тщательном изучении черновых записей писателя, подробном анализе главного героя, многие литературоведы стали проводить параллель между Христом и князем Мышкиным, который становится теперь аллюзией на образ Иисуса Христа. Возникли новые направления в исследовании творчества Достоевского, которое стало изучаться в контексте христианской морали. Оно было названо «религиозной филологией», или «религиозным литературоведением».

В XXI веке наряду с религиозным подходом появляется новое направление в интерпретации князя Мышкина, отрицающее связь главного героя с Иисусом Христом, а также оспаривающее изображение Мышкина как «положительно прекрасного человека». Это так называемые «постмодернистские» версии в трактовке князя Мышкина, которые приводятся в двух сборниках, выпущенных в Москве [3] и Иваново [4]: «материалист и безбожник» (Е.Трофимов), «суррогат Христа» (О.Меерсон), «самозванец» (К.Степанян), «лицемер» (А.Мановцев). Существующие в романе противоречия многими исследователями понимаются буквально. Так, Т.А.Касаткина в статье «Роль художественной детали и особенности функционирования слова в романе Ф.М.Достоевского «Идиот»» обвиняет князя Мышкина в том, что он переносит смертельный удар Рогожина с себя на Настасью Филипповну своим криком «Парфен, не верю!...» [3; 82–96]. Другим примером интерпретации главного героя является позиция Е.Местергази в статье «Князь Мышкин и проблема веры в романе «Идиот», согласно которой имя Мышкина во французской версии звучит как Leon, при чтении наоборот получается Noël, т.е. Рождество. Таким образом, Мышкин несет в себе Рождество наоборот, а это значит смерть. Автор статьи утверждает, что «ложью оказалось то духовное основание, которое сформулировало личность князя». «Для Лебедева князь — человек, «сам себя обокравший» своим неверием в бога и наказанный им за это безумием» [3; 309]. Несколько некорректно и даже странно приписывать Достоевскому подобную тайнопись и игривость ума. Однако в том же сборнике приводится несколько статей, авторы которых обстоятельно рассматривают несовпадение замысла и исполнения, нестыковки и ошибки, допущенные Достоевским в произведении. Так, Гэри Сол Морсон в статье «Идиот», поступательная (процессуальная) литература и темпикс» изучает герменевтику изъяснов романа, называя свой подход термином «темпикс», и, в конечном счете, приходит к выводу, что Достоевский действительно изображает «положительно прекрасного человека», но это, по его словам, еще не говорит о том, что Мышкин и есть Христос. Карен Степанян в статье «Юродство и безумие, смерть и воскресение, бытие и небытие в романе «Идиот»» говорит об эволюции князя Мышкина от юродивого к безумцу, приводя доводы в пользу того, что весь роман есть лишь доказательство от противного ложности концепции Христа-человека: «Для Достоевского объяснение безумия (возвращения в состояние клинического идиотизма) Мышкина заключается именно в том, что Христом-Победителем и Спасителем мира может быть только Богочеловек» [3; 162]. Статья А.Мановцева «Свет и соблазн» посвящена мысли о том, что Достоевский не считал Мышкина «положительным примером», даже напротив, князь представляет собой сатану, принимающего вид Ангела, несущего тьму, а не свет, и вводящего таким образом и героев романа, и читателей, и даже некоторых исследователей в заблуждение относительно своей нравственной природы [3; 256–285]. Немалое удивление вызывает попытка В.П.Океанского в работе «Локус Идиота: введение в культуруфонии равнины» связать образ главного героя не с христианской традицией, а с буддийской и мусульманской мистикой. Тихий, кроткий, голубоглазый, белокурый герой с белой бородкой предстает здесь в роли «блаженного гуру»: «Перед нами мистик-суфий, наделенный глубокой апофатической интуицией» [4; 184]. По мысли автора, Мышкин проходит «инициастическое приобщение русскому долу через причастие символической чаши-равнины, бесповоротно приобщающей его к Бездне» [4; 183].

Немало современных исследователей творчества Достоевского подвергли критике изложенные выше трактовки образа главного героя, продолжая и развивая христианскую концепцию, связанную именно с православным подтекстом в осмыслении образа князя Мышкина. Среди них

Н.А.Арсентьева, которая в статье «Крик осла» и «локус идиота»: размышления над межвузовским сборником научных трудов «Роман Достоевского «Идиот»: Раздумья, проблемы» рассматривает появившуюся в последние годы постмодернистскую нетрадиционную методологию, которая получила название «дионисийство». По мнению автора, данное направление совершенно не имеет под собой научного обоснования, объективности, а строится лишь на домыслах, догадках, мистических и интуитивных предположениях. Таким образом, достоверность подобных исследований снижена и не представляет собой филологической ценности [5].

Как одно из свидетельств христоподобия видит Н.Н.Соломина-Минихен в статье «Я с человеком прошусь. (К вопросу о влиянии Нового Завета на роман «Идиот»)» эпилептическую болезнь Мышкина, называя ее «священной болезнью»: «по идеалистическому взгляду, получившему глубокое отражение в «Идиоте», аура, непосредственно предшествующая припадку, — знак посещения Божия» [4; 353]. О символичности болезни героя говорит и Григорий Померанц: «В болезни Мышкина, как и в распятии, есть что-то очень глубокое и неустрашимое, относящееся не только к форме романа, но и к праформам самого бытия. «В страдании есть идея», есть, может быть, обнаружение Бога, страдающего вместе с миром, и не единожды на Голгофе, а каждый миг, в каждой твари» [6; 277].

Близкое к православному сознанию объяснение образа главного героя дает профессор Московской духовной академии М.М.Дунаев: «Путь к обретению красоты Христовой лежит именно через обожение — конечную цель земного бытия, как понимает это Православие. Достоевский выводит в мир человека необоженного. И такой человек не может не потерпеть конечного поражения в соприкосновении со злом мира» [7].

Исследователь романа «Идиот» А.Е.Кунильский в работе «Опыт истолкования литературного героя (роман Ф.М.Достоевского «Идиот»)» пишет об особом принципе создания и изображения образов положительных героев — принципе «снижения» [8; 5]. Если следовать данной теории, то невозможно говорить о неких случайностях и ошибках со стороны писателя при создании им образа Мышкина, так как принцип «снижения» умышленно использовался Достоевским в целях изображения целостного, живого и последовательного героя. Н.М.Чирков также считал, что неоднозначность главного героя полностью соответствует авторской установке: «В образе Мышкина снова возвращается коренная для Достоевского проблема многосторонности ощущений, совмещения противоположностей... Достоевский явно сознавал, что в современном ему мире этот человек не может быть полностью гармоничным, известная ущербность является для него неизбежной» [9].

Рассуждения в контексте принципа «снижения» позволяют понять, отчего Достоевский зачастую допускает противоречие в изображении Мышкина: «Глаза его были большие, голубые и пристальные; во взгляде их было что-то тихое, но тяжелое...» [10]. Писатель наделяет главного героя не «чистой» родословной: отец Мышкина был обвинен. Вспомним высказывание князя по поводу проданной им торговцу бриллиантовой булавки: «Он дал мне восемь франков, а она стоила верных сорок» [10; 60]. По мнению А.Е.Кунильского, данный прием потребовался Достоевскому «для того, чтобы углубить представление о герое, не вызвать в сознании читателя плоский, одномерный образ существа «не от мира сего» [8; 14]. Поэтому «положительно прекрасным человеком» для Достоевского становится именно князь Мышкин, так как образ его эстетически не завершен и морально не самодостаточен, ведь прекрасное в представлении писателя — это категория не статическая, а динамическая. Для Достоевского важно, чтобы главный герой нес в себе заветные, общие для всего человечества нравственные ценности, но при этом не был схематичен, ведь писатель не дает готовых рецептов для счастья, так как уверен, что человек должен самостоятельно прийти к основам счастливого бытия. Познание истины есть процесс длительный и опосредствованный, нельзя требовать от искусства прямого воздействия на читателя.

В главе «О христианском контексте в романе Ф.М.Достоевского «Идиот» А.Е.Кунильский размышляет о распространенной у некоторых литературоведов попытке отвергнуть версию о Мышкине как о «Князе Христе». Происходит это, по мнению ученого, на основании безрезультатного и даже пагубного участия главного героя в жизни всех остальных участников произведения. Однако автор статьи проводит параллель с Иисусом Христом, которому также не удалось исправить судьбы людей и изменить их к лучшему, доказывая, таким образом, некоторую несостоятельность подобных опровержений: «если оставаться в рамках религиозного сознания, то следует признать, что потерять жизнь — не самое страшное <...>. И Мышкин все-таки способствовал возрождению Настасьи Филипповны. Не случайными оказываются ее имя (Анастасия — воскресение) и фамилия Барашкова (напоминание о жертвенном агнце, т.е. и о Христе)» [8; 76]. И далее автор статьи говорит о преобра-

жени Настасьи Филипповны, ее воскрешении и очищении. Также, по его мнению, заметно положительное влияние Мышкина и на представителей молодого поколения — Колю Иволгина и Веру Лебедеву, автор называет это «цепной реакцией добра». О влиянии имени А.Е.Кунильский говорит еще не раз в своей статье. Так, он обращает внимание на оксюморон в полном имени главного героя — Лев Николаевич Мышкин: «Имя «Лев» содержит представление о силе, царственном и даже божественном могуществе (примем также во внимание, что «лев» становится эмблемой Иисуса Христа), фамилия «Мышкин» — о слабости, отчество «Николаевич» — о победительности (Николай — побеждающий народ). Получается — победительная сила слабости» [8; 74]. Ху Сун Вха в статье «Положительно прекрасный человек. (Тайна князя Мышкина)» также обращает внимание на странное сочетание льва и мыши в имени главного героя, считая это прямым доказательством евангельской трактовки героя. Автор считает Мышкина «Адамом до его грехопадения в современной насквозь греховой действительности... Герой — человек в чистом, первоначальном состоянии, человек, чью красоту не затмила грязь греха» [11].

Помимо имени особое внимание А.Е.Кунильский уделяет немаловажному значению самого названия романа. Приведя несколько толкований слова «идиот», автор приходит к выводу, что оно полно тайного смысла. Презрительное значение слабоумия пришло с Запада в эпоху восстания против христианства и разрушения христианских ценностей. Основное же значение данного слова — «мирянин» — впоследствии совершенно забытое. Именно в таком значении употребляет его апостол Павел в 1-м Послании к Коринфянам, т.е. в значении «рядовой, не облеченный духовным саном, член христианской церкви». Таким образом, «слово «идиот», со всем множеством значений и историей его восприятия, поразительно соответствует христианской природе образа Мышкина и поэтики Достоевского» [8; 85]. В заключение автор пишет, что Достоевский и не пытался изобразить пришествие Христа в образе Мышкина, поэтому «бестактным выглядит заявление, что «Христос из Мышкина не получился» [8; 84].

Проблема образа князя Мышкина в евангельском контексте и по сей день остается неоднозначно решаемой. Растет интерес к ней в современном литературоведении. Известны высказывания Достоевского о том, что прежде, чем проповедовать религию голодным и измученным скитальцам, уж лучше сначала накормить и согреть их. Известно и его презрительное отношение ко всякого рода канонам и общепринятым в религии догмам, неприятие и осуждение им католицизма. Г.С.Померанц в работе «Открытость бездне. Встречи с Достоевским» пишет: «Мышкин ставит нам вопрос <...>: как войти в незримую церковь, без окон и дверей, без правил приема <...>, не признающую никаких постановлений, никаких справок? Как избежать общей, соборной гордыни, гордыни вероисповедания, зачеркивающей самое искреннее личное смирение? Мышкин говорит о Боге, не повторяя ни одной затверженной формулы, возрождая только общий склад того языка притч, на котором говорил Христос (тоже не повторявший Писания). Ничего от горы или от храма — все только от Духа и Истины. И Дух веет, где хочет, и вера живет по ту сторону вероисповеданий... Мышкин не от церкви, а прямо от Бога, от ангельской красоты мира, вошедшей в больную душу и отразившейся в ней (может быть, именно благодаря молчанию разума) Божьим ликом» [6; 287–301]. Возможно, посредством изображения князя Мышкина великий писатель пытается помочь каждому раскрыть в себе часть Христа, т.е. то доброе и прекрасное, которое человек привык прятать, натягивая ежедневно маску неверия, страха, черствости и озлобленности по отношению ко всему окружающему миру.

Наше понимание образа князя Мышкина обращено к выявлению и анализу главного, на наш взгляд, в его характере и поведении. Рассматривая связь князя Мышкина с Иисусом Христом, мы обращаем внимание на общее между великим пророком человечества и болезненным героем Достоевского. Совершенно очевидно, что образ Мышкина сложен, полон нравственной силы, которая неустанно привлекает исследователей. Эта великая и могучая сила есть особый дар Мышкина, то общее, что позволяет сравнивать его с Христом, — Божественная любовь. Любовь, которая является сущностью учения Иисуса Христа. Иисус сказал: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всем разумением твоим». Сия есть первая и наибольшая заповедь; вторая же подобная ей: «Возлюби ближнего твоего, как самого себя»; на сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки» (Евангелие от Матфея 22:37–40). При всем том противоречии, которое можно отыскать во внешности, поведении, речи князя, он умеет любить всепрощающей, смиренной, истинной, христианской любовью, всегда готовой прийти на помощь даже творящему зло, принимающей в сердце свое убогих, жертвующей, приносящей себя в забвение ради спасения пусть не целого мира, но хоть ближних своих. О такой любви говорит апостол Павел в 1-м Послании к Коринфянам (13:4–

5): «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает...».

В записных книжках, которые представляют собой наброски ко второй редакции 12 марта 1868 г., Ф.М.Достоевский сформулировал мысль о том, что в романе «Идиот» три любви: страстно-непосредственная любовь — Рогожин; любовь из тщеславия — Ганя; любовь христианская — Князь. Именно христианское, а не привычное земное чувство испытывает князь Мышкин к героиням романа. Он пытается воскресить падшую Настасью Филипповну, в ходе развития сюжета оказывает влияние на каждого из героев, и влияние значительное, направленное в сторону человечности. Отсюда и нерешительность его, страх обидеть, желание поступать таким образом, чтобы всем бытием и сущностью своей приносить людям добро и покой. Князь жертвует собой, своим счастьем ради счастья окружающих, пытаясь спасти Настасью Филипповну от насмешек общества, женившись на ней и дав ей свое честное имя. Он оправдывает безнравственные поступки героев романа, искренне убежден в доброте окружающих. Это делает его в глазах общества странным, чудачком, юродивым. Но эта особенность героя обнаруживает сходство его с Иисусом Христом. Внешний облик героя тоже напоминает Христа: Мышкин бледный, с впалыми щеками, с легонькой, востренькой бородкой, большими и пристальными глазами. Его бедность и болезненность несут в себе оттенки пережитых страданий, родственных христианскому идеалу. Мышкин не просто приезжает в Россию, он будто снизошел к людям с горных вершин Швейцарии. История Мари, побиенной камнями односельчан, которую он рассказывает уже в петербургском салоне, напоминает евангельскую историю о Марии Магдалине, смысл которой — сострадание к согрешившей. Также, подобно своему евангельскому прообразу, Мышкин погибает в современном мире страстей и равнодушия, не сумевшем принять его чистую, детскую душу с трогательными и хрупкими мечтами — преобразить этот мир и облегчить страдания окружающих людей.

Среди представленных на сегодняшний день исследований, посвященных интерпретации образа князя Мышкина, много противоречий, но, тем не менее, становится неоспоримой тенденция рассматривать главного героя в контексте евангельской парадигмы. Данный аспект является актуальным и недостаточно изученным, так как влияние Библии на творчество Достоевского только начинает формироваться в предмет специального рассмотрения в литературоведении, ввиду несомненного факта взаимодействия сакрального текста и творчества великого писателя. Значительный шаг в данном направлении сделан современными достоеведами Ю.Карякиным [12] и В.Ляху [13], которые посвятили долгие годы изучению формирования религиозно-философских и эстетических взглядов Ф.М.Достоевского. Библейский подход к осмыслению образа главного героя требует привлечения широкого контекста и погружения в сложную систему текста и его вариантов.

Список литературы

- 1 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. — Т. 28. — Кн. 1, 2. — Л., 1985.
- 2 Селезнёв Ю.И. В мире Достоевского. — М.: Современник, 1980. — С. 228.
- 3 Роман Ф.М.Достоевского «Идиот». Современное состояние изучения: Сб. работ отечественных и зарубежных ученых / Под ред. Т.А.Касаткиной. — М., 2001. — 560 с.
- 4 Роман Ф.М.Достоевского «Идиот»: Раздумья, проблемы: Межвуз. сб. науч. тр. — Иваново, 1999. — 169 с.
- 5 Арсентьева Н.А. «Крик осла» и «локус идиота»: размышления над межвузовским сборником научных трудов «Роман Достоевского «Идиот»: Раздумья, проблемы» // Достоевский: Материалы и исследования. — № 17. — СПб., 2005. — С. 376.
- 6 Померанц Г.С. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. — М.: Сов. писатель, 1990. — 384 с.
- 7 Дунаев М.М. Православие и русская литература. — Т. 3. — М., 1997. — С. 389.
- 8 Кунильский А.Е. Опыт истолкования литературного героя (роман Ф.М.Достоевского «Идиот»): Учеб. пособие. — Петрозаводск, 2003. — 96 с.
- 9 Чирков Н.М. О стиле Достоевского. Проблематика, идеи, образы. — М.: Наука, 1967. — С. 142–144.
- 10 Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30-ти т. — Т. 8. — Л., 1985. — С. 6.
- 11 Ху Сун Вха. Положительно прекрасный человек. (Тайна князя Мышкина) // Русская литература. — № 2. — СПб., 2001. — С. 138.
- 12 Карякин Ю.Ф. Достоевский и Апокалипсис. — М.: Фолио, 2009. — 700 с.
- 13 Ляху В. Люциферов бунт Ивана Карамазова. Судьба героя в зеркале библийских аллюзий / Сер. Богословские исследования. — М.: Библийско-богословский ин-т Св. апостола Андрея, 2011. — 282 с.

Т.Т.Савченко, Е.А.Әбдірахманова

Қазіргі әдебиеттанудағы князь Мышкиннің бейнесін талдау: мәселенің қойылуы

Мақалада қазіргі әдебиеттанудағы князь Мышкиннің бейнесі талданды. Авторлар «Идиот» («Нақұрыс») романының бас кейіпкерін талдаудағы үш негізгі бағытты айқындаған. Ф.М.Достоевский шығармашылығын зерттеудегі христиандықпен байланысты жаңа бағытқа ерекше назар аударған. Мышкин бейнесі інжілдік парадигма мәнінде зерделенді. Романда христиандық тұрғыдан көрінетін махаббат сюжетін талдаудағы алғашқы қадамдар жасалған.

T.T.Savchenko, E.A.Abdrakhmanova

Interpretation of an image of prince Myshkin in modern literary criticism: to problem statement

The article considers the interpretation of the image of Prince Myshkin in modern literary studies. The author identifies three main areas in the interpretation of the main character of the novel «Idiot». Particular emphasis is placed on a new direction in the study of creative work of Dostoyevsky F.M. that is associated with Christianity. In the work the image of Myshkin is comprehended in the context of evangelical paradigm. The first steps in the analysis of a love story are made, which appears in the novel in a Christian presentation.

УДК 82.02

О.Ю.Загинайко

*Институт магистратуры и докторантуры PhD
Казахского национального университета им. Абая, Алматы (E-mail: olga_zaginaiko@mail.ru)*

Поэтика речевого поведения персонажа в военной прозе XX века

В статье рассмотрена история развития темы войны в литературе от мифологии до современности. Представлены четыре компонента изучения речевого поведения персонажа: нарративный дискурс, внешняя речь персонажа, внутренняя речь персонажа и тезаурус речевого портрета персонажа. Материал сопровождается примерами из произведений о Великой Отечественной войне (В.Некрасов, Б.Момышулы, К.Воробьев) и о локальных конфликтах в Афганистане и Чечне (З.Прилепин, А.Проханов).

Ключевые слова: речевое поведение, военная проза, нарративный дискурс, внешняя и внутренняя речь персонажа.

Тема войны является одной из вечных тем в искусстве и в литературе. Её истоки мы находим в мифах о героях, которые выделяются в любой национальной мифологии. Дальнейшее своё развитие эта тема получает в фольклоре. Героический эпос, былины, легенды и сказания, исторические песни и волшебные сказки по-разному разрабатывают сюжеты о военных походах и битвах.

В начальный период развития литературы, которая получает название «древняя литература», формируется новая жанровая система, в которой особое место занимают рыцарские романы и повести, воинские повести, повести об осаде городов и междоусобных войнах. Повествование в воинских повестях было очень лаконично, использовалась «прямая речь героев, отражающая различные сферы разговорного языка, в том числе и выработавшие определенную устойчивую традицию, например, речи послов, княжеские речи к воинам перед битвой, речи на пирах» [1].

Н.И.Прокофьев выделил ряд признаков воинской повести древнерусской литературы: эпичность жанра, историзм событий и персонажей, построение на основе логико-художественной обусловленности или по хронологии, включение внутрь повести других литературных форм, преимущественное внимание к событиям, а не к их участникам, реально-правдивый способ изображения [2]. Как допол-

нительные признаки отмечены особый тип повествователя и язык произведений. Воинская повесть выделяется из круга исторических важнейшим жанрообразующим признаком — объектом повествования, которым служат сражение, поход, осада города.

В художественной прозе литературы эпохи романтизма и реализма появляются и активно развиваются повести и романы, посвященные теме войны. Война как конкретно-историческая реальность нашла свое глубокое и разностороннее изображение в искусстве реализма. «Как особое состояние общества, война представляет собой сложное специфическое, общественно-политическое явление, подчиняющееся своим законам. Она требует огромного напряжения материальных и духовных сил государства. Война имеет две диалектически связанные стороны — социально-политическую и военно-техническую. Первая выражает отношение войны к основным тенденциям исторического развития, к основному содержанию эпохи. <...> Военно-техническая сторона войны отражает те материальные средства, военную технику и людские массы, которые используются в вооруженной борьбе, а также формы и способы ведения военных действий» [3; 151].

Поведение и взаимоотношения людей в условиях военного времени изучают разные науки. Так, социальная психология представляет разделение общества в этот период на людей военнообязанных и остальных. В военной психологии и социологии сформированы основные представления о поведении кадровых военных и их лидирующей роли в военный период жизни общества и государства. Воинская деятельность имеет особую социальную значимость. Процесс труда Вооруженных Сил в мирное время обозначается как воинская деятельность, а в военное время — как боевая деятельность.

Искусство слова, как один из видов искусства, представляет художественную панорамную картину жизни общества и человека в условиях военного времени. Художественная литература XX века отразила картины Первой мировой войны, гражданской войны, Великой Отечественной войны и локальные войны конца века.

В процессе чтения и отбора художественных произведений мы столкнулись с интересным фактом: лучшие произведения, написанные на военную тему, созданы авторами, которые сами в той или иной мере принимали участие в военных действиях. Несколько причин объясняет приверженность военной теме: желание высказать и осмыслить пережитое; рассказать об этом другим; представить рецепцию пережитого, сопроводив её идейным пафосом — трагическим, героическим, пацифистским, пафосом исповедальности, отчаяния или лирического сопереживания. Автор во многих эпических произведениях тесно связан со своими персонажами, которым он доверяет свои мысли и чувства. Некоторые из них имеют прообразы или автобиографичны. Компоненты речевого поведения персонажа рассматривались нами на материале произведений о ВОВ, таких как «В окопах Сталинграда» В.Некрасова, «За нами Москва» Б.Момышулы, «Убиты под Москвой» К.Воробьева, и произведений о локальных военных конфликтах в Афганистане и Чечне: «Асан» В.Маканина, «Патологии» З.Прилепина, «Знак Девы» А.Проханова.

Изучение поэтики речевого поведения главных персонажей произведений должно учитывать соотнесенность речевых зон речи изображающей и изображенной и должно быть направлено на выявление всех конкретных композиционных форм речевого поведения. Ведь в художественном тексте речь персонажа не спонтанна, а контролируется автором-создателем образа. И с точки зрения поэтики важно начать её анализ с общих моментов структурной организации, а завершить изучение рассмотрением лексического компонента. В.Е.Хализев отмечает: «Литература постигает человека как носителя речи. Персонажи неизменно проявляют себя в словах, произнесенных вслух или про себя» [4]. Речевой портрет персонажа — это конкретное соотнесение всех компонентов речевого поведения в определенном тексте по отношению к определенному персонажу. С этой позиции речевой портрет является частью общего портрета персонажа и относится к его динамическому компоненту. Представим основные компоненты изучения речевого поведения персонажа на примере военной прозы.

Первый компонент. Прежде всего, необходимо рассмотреть объемное соотношение речи изображающей и речи изображенной. Речь изображающая может быть представлена как нарратив, который включает в себя повествование о событиях, разные виды описаний и рассуждения. Речь изображенная — это все виды речевых зон персонажей. Чем большее место отведено в тексте произведения речи изображенной, тем менее зависим персонаж от автора, тем обособленней его позиция в поэтике текста, тем большее значение имеет его речь в поэтике образа.

По определению Н.Д.Тамарченко, понятие повествования в поэтике — это «общение некоего рассказывающего о событиях субъекта с читателем» [5; 223]. И далее, ссылаясь на работы М.М.Бахтина и статью В.А.Сапагова, он пишет о включении в повествование «изображения действий

и событий во времени, описание, рассуждение и несобственно-прямую речь героев» [5; 227]. В строгом смысле повествователь не должен выступать участником событий, а все иные формы с использованием первого лица обычно называют рассказчиком. Но в произведениях «В окопах Сталинграда», «За нами Москва», «Патологии» трудно назвать субъекта, от лица которого идет «Я-повествование» (термин Н.Д.Тамарченко), рассказчиком. Это именно «персонифицированный повествователь» или «рассказывающий персонаж» (термин Н.Д.Тамарченко), который соединяет в своем речевом дискурсе повествование о событиях, описание и рассуждение. При этом всегда вербально выражена через личные местоимения его субъективность и участие в описываемых событиях.

Сочетание нарративного и разговорного дискурсов определяет особенности стиля повествования повести. В речевой манере автора сохраняются непринужденность, четко проявляется личная позиция повествователя-рассказчика, который одновременно является и главным персонажем повести. Вот фрагмент начала повести «В окопах Сталинграда»: «Хуже нет — лежать в обороне. Каждую ночь поверяющий. И у каждого свой вкус. Это уж обязательно. Тому окопы слишком узки, раненых трудно выносить и пулеметы таскать. Тому — слишком широки, осколком заденет. Третьему брустверы низки: надо ноль сорок, а у вас, видите, и двадцати нет. Четвертый приказывает совсем их скрыть — демаскируют, мол. Вот и угоди им всем. А дивизионный инженер и бровью не поводит. За две недели один раз только был, и то галопом по передовой пробежал, ни черта толком не сказал. А я каждый раз заново начинай и выслушивай — руки по швам — нотации командира полка: «Когда же вы, уважаемый товарищ инженер, научитесь по-человечески окопы рыть?..» [6; 11]. В этом фрагменте отражены все особенности речевой стратегии персонифицированного повествователя: присутствие Я-персонажа, фактография событий с элементами описания и рассуждения, сочетание эпического рассказывания с субъективной оценочностью, включение в свою речь косвенной речи других персонажей.

В повести «В окопах Сталинграда» Юрий Керженцев является одновременно и повествующим персонажем, изображающим события и сюжетным персонажем, который принимает в них участие и общается с другими персонажами. В образе Юрия Керженцева явно присутствуют автобиографические черты. Так, писатель В.Некрасов родился в Киеве и в 1936 году закончил архитектурный факультет Киевского строительного института, и герой его повести Юрий Керженцев вспоминает о Киеве, о годах учебы на архитектурном. Это проявление скрытого автобиографизма образа. Но тождества между литературным образом и автором нет. Например, в 22 главе второй части описывается день рождения персонажа и называется дата 19 ноября, а день рождения самого В.Некрасова — 17 июня.

Повесть «За нами Москва» имеет подзаголовок «Записки офицера», что прямо указывает на его документально-историческую достоверность. Б.Момышулы выступает в нем как писатель и участник событий, поэтому сохраняет свое имя. Но поэтика его речевого поведения включает две стратегии: он выступает как рассказчик, носитель речи изображающей и повествующей, и одновременно он как персонаж обладает своей речевой манерой, которая раскрывается в процессе развития сюжета.

Повесть Б.Момышулы отчасти продолжает традиции мемуарной военной прозы. Особенность жанра проявляется в датировки описываемых событий, в тексте встречаются документально точные даты — «утро 28 октября 1941 года» и художественно оформленные — «печальное утро 20 ноября 1941 года». Фактографическая точность выдерживается на протяжении всего повествования. Например, в девятой главе «Горюны» автор-рассказчик иллюстрирует свое повествование боевым графическим документом — топографической картой с условными обозначениями дорог, расположений противника, позиций огневых средств своих войск, но сопровождает ее художественным описанием: «Если смотреть на карту, то Горюны лежат на ней маленьким черным паучком, от которого паутиной расходятся во все стороны тонкие линии дорог» [7; 298].

При изучении нарратива повести В.Маканина «Асан» трудно говорить о нейтральном повествователе. Авторский дискурс представлен в двух проявлениях: как слово повествователя, рассказывающего о событиях, и как слово субъективно-оценочное. Эти два проявления авторского «я» можно определить и охарактеризовать с точки зрения коммуникативной стратегии так: 1) регистр нейтрального повествования нацелен на изображение картин и передачу информации о героях; 2) регистр субъективного повествования нацелен на соучастие в судьбе персонажа. Можно говорить о мнимо эпическом характере авторского повествования.

Второй компонент речевого поведения персонажа состоит в рассмотрении особенностей внешней речи главного персонажа. Она может быть представлена в разных композиционных формах (диа-

логи, монологи, полилоги), которые выполняют разные коммуникативные функции. Диалог является особо важной композиционной формой проявления персонажа говорящего. При анализе художественных произведений диалоги характеризуются с нескольких точек зрения и классифицируются по теме, по объему, по адресату (участнику диалога), по коммуникативной значимости и целеполаганию. Среди разных форм диалога специфически значимыми для военной прозы будет деление диалогов на уставные, неуставные и смешанные.

При анализе внешней речи важным моментом являются сопровождающие её повествовательные или описательные ремарки. Ремарки позволяют не только сделать речевой портрет визуальным, но и передают сенсорные и эмоциональные реакции участников речевого общения, а также помогают услышать речь. Анализ разнохарактерных ремарок очень важен для понимания поэтики речевого поведения персонажа, который находится в экстремальных ситуациях боевых действий, в моменты принятия жизненно важных решений, кардинального выбора, в стрессовой ситуации, в условиях, когда персонаж испытывает сильную физическую или душевную боль, в условиях состояния агрессии, отчаяния или радости.

Приведем примеры диалогической и монологической речи персонажа, несобственно-прямой речи героя в авторском повествовании и роли невербального компонента в общем речевом портрете. В повести «За нами Москва» Бауыржан Момышулы является не только повествователем, но и говорящим персонажем. Он беседует с вышестоящим командованием: генералом Панфиловым, подполковником Кургановым, майором Елиным. Тематика бесед не ограничивается введением в боевую ситуацию, чаще всего это назидательные, поучительные беседы, в которых более опытные командиры делятся с главным персонажем Момышулы опытом взаимоотношений с подчиненными бойцами и учат приемам речевого поведения в боевых ситуациях. Например, в главе «Подполковник Курганов» Момышулы в ярости обрушивается на командира взвода связи Степанова за прерванный из-за обстрела телефонный разговор с генералом и в грубой форме требует срочно восстановить связь. Невольным свидетелем этой сцены становится подполковник Курганов, который и преподает ему урок военной этики и риторики: «Он впился в меня воспаленными глазами и еще строже повторил: — Так нельзя, товарищ старший лейтенант, командовать! Нельзя давать волю своим нервишкам. Вы эти нервы извольте-ка попридержать, извольте-ка командовать спокойно, а не швыряться трубкой, не угрожать ни в чем не повинным людям. Надо командовать не гневом, а умом» [7; 317].

Последний абзац повести представляет собой эмоционально сдержанный монолог автора-рассказчика и персонажа одновременно, голоса которых на уровне внутренней речи неразделимы: «Суровыми были те дни. Суровыми были люди тех дней. За честь и свободу нашей Родины, за великие завоевания Октября шла битва с сильным и коварным врагом. Это была битва не на жизнь, а на смерть. Мы все осознали: за нами — Москва» [7; 464].

Речевая поэтика повести «Убиты под Москвой» построена по-иному. Исследователи творчества К.Воробьева отмечают автобиографизм и конкретный историзм произведения. Методика анализа художественного произведения разграничивает разные формы проявления авторского начала в тексте. При этом «автор должен быть отграничен, с одной стороны, от писателя как исторического и частного лица, с другой — от различных «изображающих субъектов» внутри произведения (образ автора, повествователь, рассказчик)» [8; 17].

Естественно, что положение автора и персонажей в художественном мире произведения неравноправны. «Автор может всё, он создает своих героев, поэтому видит их насквозь; он может занимать любую пространственную и временную позицию; он может находиться в одном времени и пространстве с героями или выходить за пределы изображаемого мира. Герой же живет своей жизнью внутри художественного времени и пространства, и его поле зрения ограничено» [9; 56].

Речь изображающая в повести «Убиты под Москвой» принадлежит повествователю, рассказывающему о событиях от третьего лица, но одновременно в её зону попадает значительный объем несобственно-прямой речи главного героя Алексея Ястребова. Повествователь описывает натуралистическую картину боя, гибель курсантов, увиденную с двух точек зрения (повествователя и персонажа): «Ни тогда, ни позже Алексей не мог понять, почему сапог желтый, короткий, с широким раструбом голенища стоял? Не лежал, не просто валялся, а стоял посередине двора? Сахарно-бело и невинно-жутко из него высывалась тонкая, с округлой конечностью кость. Он не разглядывал это, а лишь скользнул по сапогу краем глаз и понял все, кроме самого главного для него в ту минуту — почему сапог стоит?!» [10; 441]. Их взгляды на происходящее совпадают, но Алексей видит и переживает это впервые. Реплики повествователя сохраняют правильную грамматическую структуру предложения

(«Ни тогда, ни позже Алексей не мог понять... Он не разглядывал это, а лишь скользнул по сапогу краем глаз и понял все, кроме самого главного для него в ту минуту»). Элементы внутренней речи Алексея, напротив, сбивчивы, представлены усеченными и неполными предложениями с обилием пунктуационных знаков («...почему сапог желтый, короткий, с широким раструбом голенища стоял?...»). Можно говорить о моментах речевого слияния или близкого речевого контакта между двумя речевыми зонами. Это позволяет высказать мысль, что повествователь в повести К.Воробьева — это тот же Ястребов, но уже дистанцированный от него во времени и пространстве в структуре текста.

В нарративе текста рассказа «Знак Девы» А.Проханова преобладают компоненты повествования и описания, а диалогическая речь занимает одну треть текста. В завязке рассказа значительное место занимают диалоги между персонажами: полковником, отдающим приказ, майором, лейтенантом. Их можно охарактеризовать как инструментальные типы диалогов, для которых характерны определенные отношения адресата и адресанта. Адресант получает приказ, и согласно законам уставных диалогов, относящихся к инструментальному типу, должен ответить односложным согласием и выполнить распоряжение точно по инструкции. В тексте рассказа речь полковника не по-уставному многословна и пространна. Командир вспоминает, что вынужден был отстранить майора Грачева от награждения, сравнивает сложившуюся у них боевую ситуацию с Вьетнамом и Сайгоном, призывает действовать аккуратно: «- Только, Грачев, по-умному! Мне гробы не нужны! Вы мне в Союзе живыми нужны, а не в цинке! Реализацию дай, но сам живой возвращайся! Тебя, а не кого-то другого посылаю на засадные действия! Ты «зеленку» знаешь — делай по-умному, без глупостей! Ты меня понял, Грачев?... Ты понял, Грачев? Без глупостей! — Так точно, товарищ полковник! — Майор подтянулся, распрямил сутулые плечи» [11; 352]. Вербальный ответ подчиненного майора Грачева соответствует нормам уставного диалога, но невербальный компонент (пантомимика) позволяют передать скрытое недовольство, что подтверждается после отъезда полковника: «Майор Грачев повернулся спиной к шлагбауму, за которым исчез командирский уазик. Его лицо, мгновение назад тупое, исполненное покорного согласия, преобразилось. Стало живым, подвижным. Глаза остро, зло заблестели. Усы взъерошились, распушились. На теле распустились недвижные, твердые бугры, заиграли гибкие мышцы. — Пусть мозги-то не пудрит, шкура-мать! Знаем его политику! Реализацию ему подавай, но чтоб на теле ни царапины. А так не бывает, товарищ полковник! Чтоб «духа» поцарапать, надо и самим поцарапаться!..» [11; 352]. Развивающейся запоздалой диалогической ситуации (реплика подчиненного произносится в отсутствие адресата) свойственна внутренняя напряженность и нарастание конфликта. Но здесь инструментальный диалог пока не перерастает в конфликтный диалог.

Третий компонент речевого поведения персонажа касается изучения внутренней речи персонажа. Анализ военной прозы убеждает, что общий объем фрагментов внутренней речи значительно меньше, чем речи нарративной и внешней. Это естественно, ведь военная проза требует описания внешних событий в пространстве и непосредственного общения людей в условиях трагических и драматических обстоятельств военного времени. Для внутренней речи в военной прозе характерна и некоторая дистанцированность от сиюминутных событий: например, уход в воспоминания о прежней мирной жизни.

Определяя роль внутренней речи в поэтике речевого портрета персонажа, можно указать на то, что она тематически связана с самими сокровенными для персонажа переживаниями. Анализ фрагментов позволяет утверждать, что в лексике и синтаксисе внутренней речи персонажа нет кардинальных отличий от речи нарратива повести. «Не неся глобальных отличий от обычной, канонической развернутой дискурсивной речи, внутренняя речь, тем не менее, имеет собственную языковую специфику. Своеобразие внутренней речи заключается в наличии лексических единиц, которые демонстрируют дополнительную семантическую индивидуализацию, связанную с эмоциональным состоянием человека, его прошлым опытом и накопленными знаниями» [12; 20]. По определению И.В.Артюшкова: «Внутренняя речь служит для имитации процесса размышлений и переживаний героя, отражая его содержание и ход вербальными средствами. Она выступает как важное художественное средство, позволяющее писателю прямо и непосредственно раскрывать мысли и чувства персонажа и показывать те особенности его личности, которые не находят выражения во внешней речи» [13; 79–80].

Например, лирический субъективный дискурс в повести В.Некрасова «В окопах Сталинграда» представлен двояко. С одной стороны, он проявляется в рассуждениях, с другой — во введении в повествовательный нарратив внутренней речи, которая обладает повышенной экспрессивностью и часто обращена к конкретному адресату. В тексте развернутый внутренний монолог главного персонажа

Керженцева адресован своему ординарцу Валеге. Начинается и заканчивается эта речь внутренним обращением к спящему Валеге: «Маленький, круглоголовый мой Валега! Сколько исходили мы с тобой за эти месяцы, сколько каши съели из одного котелка, сколько ночей провели, завернувшись в одну плащ-палатку...» [6; 74] и «Спи, спи, лопоухий... Скоро опять окопы, опять бессонные ночи. Валега туда! Валега — сюда! Дрыхни пока. А кончится война, останемся живы, придумаем что-нибудь» [6; 75]. Внутренняя речь Керженцева характеризуется большой степенью открытости в выражении своих чувств и мыслей по отношению к окружающим его людям. Его внешне сдержанное отношение с ординарцем и редкие неразвернутые диалоги на уровне внутренней речи выливается в теплый лирический монолог. Повествователь вспоминает прошедшие события и мысленно воссоздает предполагаемую речь Валеги: «Тебе стыдно было от своих ребят уходить... На теплое местечко. Воевать я, что ли, не умею, хуже других?» [6; 74].

В повести В.Некрасова часто речь рассказчика, повествующего о военной обстановке, перемежается внутренними диалогами с самим собой: «А где фронт? Спереди, сзади, справа, слева? Существует ли он? На карте его обычно обозначают жирной красной линией; противника — синей. Вчера вся эта синяя линия была по ту сторону Оскола. А сейчас?» [6; 41]. Внутренние диалоги повествователя с самим собой во время боевых действий рассчитаны на то, чтобы читатель узнавал морально-психологическое состояние командира и знакомился с военной стратегией ведения боя.

В военной прозе есть композиционные фрагменты наложения и сближения речи внутренней и внешней, это особенно характерно для ситуаций, когда персонаж находится в стрессовой ситуации или в ситуации измененного состояния сознания. Такие смешанные речевые ситуации встречаются в произведениях В.Некрасова, К.Воробьева, З.Прилепина.

Четвертый компонент касается анализа тезауруса речевого портрета персонажа. Выбор вербальных-семантических единиц является важной частью речевого поведения персонажа. В риторике и лингвистике с этого компонента начинается анализ речевого поведения. А.К.Михальская в книге «Основы риторики» отмечает, что речевое поведение человека складывается из нескольких компонентов: вербального, акустического, жестово-мимического и пространственного поведения [14; 52]. В лингвистике речевой портрет — это «функциональная модель языковой личности», в которой выделяются: лексикон языковой личности (владение лексико-грамматическим фондом языка), тезаурус (активный словарь) и прагматика, которая учитывает владение коммуникативными ролями личности в процессе коммуникации [15], [16].

Военный тезаурус в речевой зоне художественных произведений о Великой Отечественной войне изучался на примере трех вышеуказанных повестей В.Некрасова, Б.Момышулы, К.Воробьева. В ходе работы отбирались слова, непосредственно связанные с военными реалиями (например, «портянки», «минометы», «армия», «окопы»), а также слова, которые имеют несколько семантик, но из текста произведения понятно, что они употребляются в военно-профессиональном значении («сапоги», «пилотка», «плащ-палатка»). Отобранную лексику сгруппировали в тематические группы: оружие; воинские формирования; воинские звания, должности; военные действия; фортификационные сооружения; одежда, обмундирование. Статистические данные показали следующие результаты. В повести В. Некрасова военная лексика относительно равномерно распределена по всем тематическим группам. Автор более подробно описывает вооружение, часто упоминает воинские формирования и звания персонажей, но не обходит внимание и военный быт, упоминая одежду и обмундирования солдат того периода.

В повести Б. Момышулы военно-коллективный аспект доминирует над индивидуальным, что и подтверждается значительным количественным преобладанием слов в группе воинские звания. Военный тезаурус произведения выдает, что его автор не просто участник описываемых событий, а командующий, который фиксирует в повествовании в первую очередь военные части, вооружение и передвижения войск.

В отличие от документального стиля произведения Б. Момышулы для повести К. Воробьева характерен психологический, экзистенциальный стиль. Автор использует военную лексику для правдоподобности, реалистичности, для него не столь важно разнообразие упоминаемых военных терминов, отсюда и небольшие количественные показания во всех тематических группах.

В эпической художественной прозе речь персонажа обретает свое звучание и наполнение в воображении читателя, а тезаурус проявляется в процессе сюжетно-композиционного построения текста. И поэтому анализ тезауруса завершает изучение речевого поведения персонажа. Специфика речевого поведения персонажа в военной прозе определяется темой. Поскольку главные персонажи,

которые стали объектом рассмотрения, являются людьми военными, то для нас был важен компонент профессиональной лексики. Вербальный компонент речевого портрета в военной прозе придает персонажам историческую достоверность, делает их реалистичными, узнаваемыми и подчеркивает типологическое сходство.

Список литературы

- 1 Трофимова Н.В. Поэтика и эволюция жанра древнерусской воинской повести: Дисс...д-ра филол. наук. — М., 2002. — С. 21.
- 2 Прокофьев Н.И. О мировоззрении русского средневековья и системе жанров русской литературы XI–XVI вв. // Литература Древней Руси. — Вып. 1. — М.: Изд-во МГПИ им. В.И.Ленина, 1975. — С. 32.
- 3 Военный энциклопедический словарь (ВЭС). — М., 1984. — 863 с.
- 4 Хализев В.Е. Теория литературы: Учебник. — 4-е изд. — М.: Высш.шк., 2004. — С. 194.
- 5 Тамарченко Н.Д. Литература как род деятельности: теоретическая поэтика // Тамарченко Н.Д., Тюпа В.И., Бройтман С.Н. Теория литературы. — Т. 1. Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. — М.: Издт.цент «Академия», 2010. — 512 с.
- 6 Некрасов В. В окопах Сталинграда. — Волгоград, 1971.
- 7 Момышулы Б. За нами Москва. Записки офицера. — Алма-Ата: Жазушы, 1970. — 526 с.
- 8 Тамарченко Н.Д. Автор // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Глав. редактор и сост. А.Н.Николюкин. — М.: НПК «Интелвак», 2001. — С. 17.
- 9 Онипенко Н.К., Никитина Е.Н. Автор и герой в художественном тексте. Субъектная перспектива высказывания и текста // Русская словесность. — 2004. — № 8. — С. 56.
- 10 Воробьев К.Д. Убиты под Москвой // Военная проза. — М.: АСТ: Астрель, 2006. — С. 441.
- 11 Проханов А. Знак Девы / Война: рассказы // Сост. З.Прилепин. — М., 2008. — С. 20.
- 12 Кириллова Т.В. Внутренняя речь в аспекте интраперсональной коммуникации (на материале англоязычной художественной прозы): Автореф. канд. дис. — Самара, 2011. — 24 с.
- 13 Артюшков И.В. Внутренняя речь и ее изображение в художественной литературе (на материале романов Ф.М.Достоевского и Л.Н.Толстого): Дисс... д-ра филол. наук. — М., 2004. — С. 79–80.
- 14 Михальская А.К. Основы риторики. — М., 2001. — С. 52.
- 15 Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Русский речевой портрет: Фонохрестоматия. — М., 1995.
- 16 Крысин Л.П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. — Вып. 1. — М., 2001. — С. 90–106.

О.Ю.Загинайко

XX ғасыр соғыс прозасындағы кейіпкердің тіл ерекшелігі поэтикасы

Мақалада әдебиеттегі мифтердің жиынтығынан бастап қазіргі заманға дейінгі соғыс тақырыбы қарастырылды. Кейіпкердің тіл ерекшелігін зерттеудің төрт түрі көрсетілді: нарративтік дискурс, кейіпкердің сыртқы және ішкі тілі, тіл ерекшелігінің тезаурусы. Мақала Ұлы Отан соғысы (В.Некрасов, Б.Момышулы, К.Воробьев), Ауғанстан мен Шешенстандағы (З.Прилепин, А.Проханов) жергілікті шиеленіс туралы соғыс әдебиетінен алынған мысалдармен толықтырылған.

O.Yu.Zaginayko

Poetics of speech behavior of the character in military prose of the XX century

The present article considers the development of the topic «war» in literature from ancient mythology until modern times. In the article presents four basic components of studying speech behavior of characters: narrative discourse, inner speech of characters, outer speech of characters and thesaurus speech portrait of characters. The material is accompanied by samples of works devoted to the Great Patriotic War (В.Некрасов, Б.Момышулы, К.Воробьев) and local conflicts in Afghanistan and Chechnya (З.Прилепин, А.Проханов).

З.Н.Поляк

*Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы (E-mail: zinaida-polyak@yandex.ru)***Спор «души» и «тела»: современное прочтение стихотворения А.Тарковского**

В статье дан комментарий к стихотворению А.Тарковского «Эвридика» и приведена авторская трактовка текста. Проанализированы единство и противоположность образов «души» и «тела» в античной и христианской традиции. Предложено определение основных поэтических категорий и принципов художественного мира А.Тарковского.

Ключевые слова: поэзия А.Тарковского, «персонажи стихотворения», «тело» и «душа», строфа, образ, мотив, рифма, художественный метод.

Арсений Александрович Тарковский (1907–1989) — выдающийся русский поэт и переводчик XX века. Выход его первого поэтического сборника «Перед снегом» в 1962 году Анна Ахматова оценила как «драгоценный подарок современному читателю». Важнейшими поэтическими категориями в его творчестве стали «память» и «судьба», «природа» и «слово». А.Тарковский — продолжатель традиций «серебряного века», по-своему преломивший их в своей поэзии.

В программе 11 класса творчество поэта изучается в разделе «Литература 1955–1985 гг.», в Хрестоматию [1] включены два его стихотворения. Одно из них — «Эвридика». Прочитаем его вместе с юными любителями поэзии*.

ЭВРИДИКА

*У человека тело
Одно, как одиночка,
Душе осточертела
Сплошная оболочка
С ушами и глазами
Величиной в пятак
И кожей — шрам на шраме,
Надетой на костяк.*

*Летит сквозь роговицу
В небесную криницу,
На ледяную спицу,
На птичью колесницу
И слышит сквозь решетку
Живой тюрьмы своей
Лесов и нив трещотку,
Трубу семи морей.*

*Душе грешно без тела,
Как телу без сорочки, -
Ни помысла, ни дела,
Ни замысла, ни строчки.
Загадка без разгадки:
Кто возвратится вспять,
Сплясав на той площадке,
Где некому плясать?*

* В фильме Андрея Тарковского «Зеркало» это стихотворение его отца, Арсения Тарковского, звучит за кадром в авторском исполнении. Неповторимое чтение поэта можно послушать на уроке. Режим доступа: <http://predanie.ru/audio/audioknigi/Tarkovsky/>.

*И снится мне другая
 Душа, в другой одежде:
 Горит, перебегая
 От робости к надежде,
 Огнем, как спирт, без тени
 Уходит по земле,
 На память гроздь сирени
 Оставив на столе.*

*Дитя, беги, не сетуй
 Над Эвридикой бедной
 И палочкой по свету
 Гони свой обруч медный,
 Пока хоть в четверть слуха
 В ответ на каждый шаг
 И весело и сухо
 Земля шумит в ушах.*

В ответ на вопрос «Увлекла ли вас мелодия стиха, его музыка, захватил ли вас его ритм?» — мы получим положительный ответ. Если же спросим: «Всё ли вы поняли в этом стихотворении?» — ответ будет не столь единодушным. В самом деле, загадки начинаются с заглавия. Читательское ожидание оказывается обманутым — перед нами вовсе не поэтическое изложение знаменитого мифа об Орфее и Эвридике, как можно было предположить по названию. Однако сюжет мифа нам пригодится. Вспомним его.

У Орфея была жена — прекрасная и юная нимфа-дриада Эвридика, которую он любил больше своей жизни, и она так же сильно любила его. Но судьба жестоко обоилась с возлюбленными. Однажды Эвридика собирала весенние цветы и не заметила, как подползла ядовитая змея и ужалила ее в ногу. Вскрикнула Эвридика, побледнела и, упав на руки подбежавшим подругам, тихо умерла. Долго оплакивал Орфей тяжёлую утрату. Не смог певец смириться с потерей любимой жены и решил спуститься в подземное царство, чтобы просить Аида — бога подземного мира — и его жену Персефону вернуть ему любимую. Орфей взял свою кифару, стал играть на ней, и разлились в тишине по берегу Стикса звуки музыки, перед чарами которых не смогли устоять ни мрачный Харон, ни хозяйка подземного царства. Покоренный пением Орфея, Аид решает вернуть ему его Эвридику, но при этом Орфей должен выполнить одно условие. Поведёт его по подземному царству бог Гермес, следом за ними будет идти Эвридика и во время их пути не должен Орфей оглядываться назад, не то покинет его Эвридика и навсегда останется в царстве Аида. И вот обратный путь. Спешит Орфей, поскорей бы выйти из царства Аида. Его охватывает беспокойство: идет ли Эвридика за ним, не осталась ли во мраке подземного царства, не отстала ли она, ведь путь кажется бесконечным! Забыв обо всем на свете, поддавшись порыву безмерной любви, останавливается Орфей, оборачивается... Совсем рядом видит тень Эвридики, протянул он к ней свои руки, но тень медленно стала растворяться во мраке, пока не исчезла совсем.

*У человека тело
 Одно, как одиночка,
 Душе осточертела
 Сплошная оболочка
 С ушами и глазами
 Величиной в пятак
 И кожей — шрам на шраме,
 Надетой на костяк.*

Уже в трех первых стихах появляются главные образы или, если можно так сказать, «персонажи» стихотворения — *тело* и *душа*. Их единство и противоположность с древности волнуют человечество. Ближайший поэтический предшественник А.Тарковского О.Мандельштам восклицал:

*Дано мне тело — что мне делать с ним,
 Таким единым и таким моим?*

Однако у Тарковского вовсе не чувствуется того благоговения, с которым Мандельштам размышляет о чудесном подарке — живом дыхании своего тела. В описании того, что является вместилищем души, явственно проступает пренебрежение. Снижающие определения и детали передают это ощущение: тело — всего лишь «оболочка» для души, уши и глаза — «величиной с пятак», кожа изуродована шрамами прошлых испытаний и надета на «костяк», как на манекен или марионетку. Поэт заставляет нас взглянуть на своё тело как будто впервые и увидеть его по-новому. Смысл этого приема остранения — «вывод вещи из автоматизма восприятия» (В.Шкловский). Вместе с поэтом читатель делает открытие: оказывается, привычные, с детства знакомые понятия могут обернуться чем-то странным, необычным.

Не удивительно, что такая жалкая оболочка «осточертела» вольной душе. Экспрессивность этого «непоэтического» глагола подчеркивает внутреннее раздражение, недовольство «неправильным устройством» человеческого существа.

*Летит сквозь роговицу
В небесную криницу,
На ледяную спицу,
На птичью колесницу
И слышит сквозь решетку
Живой тюрьмы своей
Лесов и нив трещотку,
Трубу семи морей.*

Душа жаждет вырваться из несовершенного тела. Единственный путь на волю — через зрение и слух. Во второй строфе глаза (прозрачное выпуклое окно в передней части глаза — это и есть роговица) приобретают уже иную, более высокую функцию: через них на свободу летит душа. В этой строфе четыре строки объединены сквозной рифмой. «Небесная криница», «ледяная спица», «птичья колесница» — рифма подчеркивает, что всё это явления одного ряда — сказочные, мифологические, устремленные вверх, в небесные сферы. Во второй части строфы зрение уступает место слуху. На память приходят строки пушкинского «Пророка»:

*Моих зениц коснулся он.
Отверзлись веющие зеницы,
Как у испуганной орлицы.
Моих ушей коснулся он, —
И их наполнил шум и звон...*

Звуки, которые воспринимает душа из стихотворения Тарковского, — «лесов и нив трещотка», «труба семи морей». Образы лесов и нив неизбежно ассоциируются с образами из русской классической поэзии, прежде всего — из Лермонтова: «Ее лесов безбрежных колыханье»; «И на холме средь желтой нивы»; «Когда волнуется желтеющая нива, / И свежий лес шумит при звуке ветерка». Эти ассоциации обогащают восприятие стихотворения Тарковского: читатель угадывает в нём мотивы родины и природы. Причем, природы, красота и совершенство которой открывают человеку загадки мироздания, примиряют душу и тело, как это происходит у Лермонтова:

*Тогда смирятся души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе, —
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу бога...*

Однако звучание лесов и нив у Тарковского — стрекот птиц, шелест колосьев, треск сухих сучьев — напоминает трещотку, детскую игрушку, издающую громкие весёлые звуки. Впрочем, может быть, поэт имел в виду птицу? Трещотка, или пеночка-желтобровка, как сообщают справочники, — одна из наиболее интересных пеночек средневропейского леса. В любом случае, — «шум и звон», наполнивший читательские уши, — это звуки жизни, мелодии природы, позволяющие услышать звучание всего живого на земле.

Леса и нивы — земная стихия. Водный мир входит в стихотворение через «трубу семи морей». Выражение «**семь морей**» восходит к далекому прошлому. Это моря, которые были известны до XV в.: Средиземное, Красное, Восточно-Африканское, Западно-Африканское, Китайское, Персидский залив и Индийский океан. В более близкие нам времена это выражение вновь сделалось популярным благодаря Р.Киплингу: так он озаглавил сборник своих стихотворений. **Это выражение на**

протяжении истории было много разных трактовок. Сейчас так иногда называют весь мировой океан.

Труба — не просто духовой инструмент. С ним связаны и библейские ассоциации (семь печатей, семь труб и семь чаш являются тремя последовательными сериями Божьих судов последнего времени; вспомним также трубы Иерихона и др.), и литературные (к примеру, в державинском «На тленность» — «Чрез звуки лиры и трубы»). Исследователи отмечают, что исключительное предпочтение в оркестре музыкального контекста Тарковского отдается духовым инструментам. «Метонимическое название духовых инструментов становится предметным, связанным с вполне конкретной сферой духовной потенции человека» [2].

Так, с «трубой семи морей» в стихотворение врываются ветры дальних странствий, в которые стремится отправиться наше брненное тело, и дуновение вечности, которое способна ощутить наша душа.

Все эти звуки душа слышит «сквозь решетку / Живой тюрьмы своей», т.е. сквозь ребра и «костяк» своего тела. Такая трактовка взаимоотношений тела и души, разделяющая и противопоставляющая их, идет из античной философии. В трактате Платона «Федон» читаем: «Душа туго-натуго связана в теле и прикреплена к нему, она вынуждена рассматривать и постигать сущее не сама по себе, но через тело, словно бы через решетки тюрьмы...» [3]. Подобные суждения можно найти во многих сочинениях платоновской школы: «Мы — это душа, бессмертное существо, запертое в подверженном гибели узилище... Душа страстно стремится к небесному, родственному ей эфиру и жаждет тамошнего образа жизни, небесных хороводов» [4].

Содержание следующей строфы вступает в полемику с этой точкой зрения.

*Душе грешно без тела,
Как телу без сорочки, -
Ни помысла, ни дела,
Ни замысла, ни строчки.
Загадка без разгадки:
Кто возвратится вспять,
Сплясав на той площадке,
Где некому плясать?*

Душа жаждет вырваться на свободу. Но может ли она существовать без тела? Обнаженная, незащищенная, беспомощная, как «тело без сорочки»? Без тела душа не способна ни мыслить, ни творить.

Не случайно здесь употребление слова «грешно». Признание нераздельности души и тела согласуется с христианской традицией, для которой не характерно понимание тела как данной нам в наказание «тюрьмы». «Христианство видит в теле не оковы, а храм Божий», — писал С.Н.Булгаков [5]. Так на протяжении лирического сюжета одного произведения поэт проходит тот же путь, что прошла философская мысль на рубеже двух эпох: от античности, утверждавшей дуализм души и тела, — к христианскому пониманию человека как существа воплощенного, цельной личности, соединяющей плоть и дух [6].

О своеобразной эволюции поэтики А.Тарковского говорит и критик Сергей Чупринин: «Поэту <...> все понятнее таинственная, словно из полутонов сотканная библейская символика, несколько оттесняющая в сторону соблазнительно яркие, скульптурные образы античных мифов» [7].

Вторая часть этой строфы — самое таинственное место стихотворения. Как расшифровать эти строчки? Гипотезы могут возникнуть разные. Но общее ощущение можно сформулировать так: поэт говорит здесь о загадке жизни и смерти. Строка «Кто возвратится вспять» вновь отсылает нас к мифу об Орфее и Эвридике. Можно ли вернуться из мира мёртвых? Есть ли жизнь в пустоте — «на той площадке, / Где некому плясать»? На площадке меж двух миров — между светом и тьмой, жизнью и смертью? На эти вопросы поэт не находит однозначного ответа, потому и определяет их как «загадку без разгадки».

Об этой особенности лирики поэта точно сказала его ученица и младший друг, талантливый поэт Лариса Миллер: «Поэзия Тарковского — постоянное утаивание, ускользание, о котором хочется говорить его же собственными словами: «Чуть подойду — стоит в семи шагах, / Рукою манит, подойду — стоит / В семи шагах, рукою манит... / И улетела...». Кажется, вот-вот коснешься болевой точки, оголенного нерва, нащупаешь жизнь во всех ее разнообразных проявлениях — ан нет. Вместо «земного ширпотреба» опять — «птицы, звезды и трава», кузнечики и дудка, душа и флейта. А тот пред-

метный мир, который появляется, — претерпевает ряд удивительных превращений, меняет масштаб и приобретает символические черты...» [8].

*И снится мне другая
 Душа, в другой одежде:
 Горит, перебегая
 От робости к надежде,
 Огнем, как спирт, без тени
 Уходит по земле,
 На память гроздь сирени
 Оставив на столе.*

Во сне к лирическому герою стихотворения приходит мечта о другом — гармоничном — соотношении души и тела. Новая душа, с одной стороны — явление небесное, эфирное: известно, что чистый спирт горит практически невидимым пламенем, а значит — без тени, как нечто мистическое, потустороннее. С другой стороны, «другая душа» — воплощение земного начала. «К знакам категории «земное» в поэзии А.Тарковского принадлежат понятия, обозначающие объекты «растительного ряда» (трава, деревья, цветы)» [9]. Душа у Тарковского «уходит по земле» и оставляет на память о себе «гроздь сирени» — олицетворение свежести и чистоты земной природы. Вместе с тем, образ сирени в лирике А.Тарковского амбивалентен, в стихотворении «Первые свидания», например, сирень объединяет в себе небесное и земное: «И тронуть веки синевой вселенной / К тебе сирень тянулась со стола».

*Дитя, беги, не сетуй
 Над Эвридикой бедной
 И палочкой по свету
 Гони свой обруч медный,
 Пока хоть в четверть слуха
 В ответ на каждый шаг
 И весело и сухо
 Земля шумит в ушах.*

В последней строфе стихотворения появляется адресат. Лирический герой обращается к ребенку, который, возможно, впервые услышал трагическую историю Орфея и Эвридики и сопереживает её героям. В поэзии А.Тарковского мир детства является «райским пространством», а ребенок [10] — носитель другой идеологии, «языка Бытия», ощущения целостности мира, что, по мнению О.А.Седаковой, характерно для поэзии XX века, и является иной «семантической системой»: «Среди многого другого, эту, иную систему отличает субъектно-объектная нерасчлененность восприятия и понимания; переживание собственной пассивности и активной одушевленности окружающего; нераздельность языка и мира, имен и именуемых вещей; особое близкое тактильное восприятие пространства» [11]. Это явственно осязаемое пространство приходит в стихотворение через забытую ныне детскую забаву. Поэт обращается памятью к своему детству, когда у каждого мальчишки был металлический обруч. Эта подвижная игра уже несколько столетий привлекает мальчишек Европы и Азии. На картине Питера Брейгеля «Детские игры» (1560) мальчик бежит за обручем, управляя-подталкивая его специальной палочкой-погонялкой. В повести К.Г.Паустовского «Черное море» читаем: «Дети гоняли по крутым спускам железные обручи. Громкая эта игра свойственна всем широтам земного шара. Она осталась в наследство, вероятно, от доисторических времен, существовала с первых дней изобретения колеса». А вот воспоминания нашего современника: «В дни моего детства все ребята гоняли обручи. Иногда это были обручи, купленные в магазинах, но часто для этой цели использовались кольца, скрепляющие клепку бочек (ведь деревянные бочки были очень распространенным предметом обихода в те времена). И вот при помощи палочки или специально сделанного самодельного поводка мы часами гоняли наши обручи по дорожкам. Диву даешься, какие расстояния мы пробегали (да, именно пробегали, ведь обруч катится быстро). Вряд ли кто-нибудь из нас мог бы бежать так долго и много, если бы перед ним не маячило колесико, которому ни в каком случае нельзя было позволить упасть. В этом ведь и заключался смысл этой незамысловатой игры» [12].

«Предмет в руках — индекс рая с главным, по Тарковскому, качеством: возможностью вербальной и невербальной коммуникации с миром: ребенок находится в синхронии («абсолютном времени», движение времени отсутствует), что мотивируется и углом зрения лирического субъекта («взгляд в прошлое»))» [13].

Детство — эпоха человеческой жизни, отрицающая «бег времени», а значит — не признающая конечность существования, смерть. Ветер, шумящий в ушах беззаботно бегущего за обручем ребенка, — это звучание самой земли, свидетельство единения человека и природы. Жизнь продолжается, пока мы «хоть в четверть слуха» воспринимаем окружающий мир.

«Центральным принципом художественного метода А.Тарковского, обуславливающего способ трансформации действительности в реальность текста, является принцип преображения. Сквозь вещи и явления обыденного мира в поэзии А.Тарковского просвечивает иное, священное измерение бытия, а человек в его поэзии находится в постоянном поиске этой священной реальности» [9; 23]. «Одним из главных «каналов», посредством которых вечность входит во время, является имя собственное» [9; 30].

Имя мифологической Эвридики становится символом души человека, души мира. Она бессмертна, хотя она и умирает: история любви, оказавшейся сильнее смерти, по-прежнему живет в памяти людей.

Удалось ли нам разгадать все загадки стихотворения А.Тарковского? Конечно, нет! Мы лишь попытались хотя бы на шаг приблизиться к пониманию его секретов и тайны Поэзии вообще. Впрочем, не стоит рассчитывать на какое-либо «окончательное», «самое правильное» прочтение. Каждое поколение читателей поэзии, каждый читатель заново и по-своему открывают для себя это стихотворение.

Список литературы

- 1 Абишева С.Д. и др. Русская литература XX века. Художественный мир эпохи: Хрестоматия. — Алматы: Жазушы, 2011. — С. 239,240.
- 2 Лысенко Е.В. Звук и звучание в лирике А.А.Тарковского: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. — Саратов, 2008. — С. 14.
- 3 Платон. Собрание сочинений: В 4 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1993. — С. 39.
- 4 Платон. Собрание сочинений: В 4 т. — Т. 4. — М.: Мысль, 1994. — С. 604, 605.
- 5 Булгаков С.Н. Свет невечерний: Созерцания и умозрения. — М., 1994. — С. 215.
- 6 Павловская Е.Н. Христианские идеи в поэзии А.А.Тарковского // Русская культура на пороге третьего тысячелетия: Христианство и культура. — Вологда: Легия, 2001.
- 7 Чупринин С. Арсений Тарковский: Путь и мир // Тарковский А. Избранное: Стихотворения. Поэмы. Переводы. — М.: Худ. лит., 1982. — С. 12.
- 8 Миллер Л. Стихи о стихах. — М.: Глас, 1996. — С. 78.
- 9 Кекова С.В. Метаморфозы христианского кода в поэзии Н.Заболоцкого и А.Тарковского: Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. — Саратов, 2009. — 18 с.
- 10 Джанджакова Е.В. Семантика слова в поэтической речи: Анализ словоупотребления А.Тарковского и А.Вознесенского: Автореф. дис. канд. филол. наук. — М., 1974. — С. 9.
- 11 Седакова О.А. Вакансия поэта: к поэтологии Пастернака // Быть знаменитым некрасиво... Пастернаковские чтения. — Вып. I. — М.: Наследие, 1992. — С. 28.
- 12 Штерн Л.Н. Острова моего детства [ЭР]. Режим доступа: http://www.pchela.ru/podshiv/28_29/ostrova.htm
- 13 Мансков С.А. Предметный мир поэзии А.Тарковского // Вестн. Барнауль. гос. пед. ун-та. — Сер. Гуманитарные науки. — Вып. I. — Барнаул, 2001. — С. 64.

З.Н.Поляк

«Жан» мен «тән» таласы: А.Тарковский өлеңінің қазіргі оқылуы

Мақалада А.Тарковскийдің «Эвридика» өлеңіне түсініктеме беріліп, өлең мәтініне интерпретация жасалған. Антика және христиан дәстүрлеріндегі «жан» мен «тән» бейнелерінің тұтастығы мен карама-қайшылығы талданды. А.Тарковскийдің көркемдік әлеміндегі негізгі поэзиялық категориялар мен ұстанымдарға анықтама берілді.

«Soul» and «body» dispute: modern reading of the poem of A.Tarkovsky

The article provides a commentary to the poem «Eurydice» by A.Tarkovsky and an interpretation of its text. We analyze the unity and contrast of the images of *soul* and *body* in the antique and Christian traditions. We suggest a definition of the main poetical categories and principles of Tarkovsky's imaginative world.

УДК 821.161.1

Д.К.Токмагамбетова

*Карагандинский государственный технический университет (e-mail: filologi-kargu@mail.ru)***Пространственно-временная организация романа-коллажа
«Ключарев-роман» В.С.Маканина**

В статье рассмотрена пространственно-временная организация циклического единства романа-коллажа В.С.Маканина. В каждом произведении выявляются несколько хронотопов, которые являются указанием на многомерность пространства и времени в данном романе-коллаже. Хронотоп в произведениях играет важную роль в развертывании авторской концепции и линии повествования в романе. Обнаружение в произведениях разнообразных хронотопов позволяет выявить средства передачи точки зрения автора и позиции.

Ключевые слова: хронотоп, роман-коллаж, эпический цикл, сюжетно-композиционная организация.

Человек в своей познавательной деятельности осваивает реально существующий объемный мир. Время и пространство — формы бытия, выражающие сосуществование вещей и смену событий. «В более широком смысле время и пространство являются описаниями структуры бытия, зафиксированной во времени как длительность, сменяемость объектов, их стадий и состояний, в пространстве — как форма их взаимодействия, сочетания, со-бытия» [1].

Для выражения единства времени и пространства современная наука обращается к категории «хронотопа». В философском словаре «хронотоп» — это «взаимосвязь художественных пространственных и временных характеристик историко-культурных, жанрово-стилевых общностей искусства или же отдельного произведения» [2]. Ю.М.Лотман дает определение понятию «хронотоп» в жанровом аспекте — это «структурный закон жанра, в соответствии с которым естественное время-пространство деформируется в художественное» [3]. Хронотоп можно охарактеризовать как художественный образ места и времени.

В работах М.М.Бахтина, который перенес это понятие из математического естествознания в литературоведение, хронотоп — это культурно обработанная устойчивая позиция, из которой или сквозь которую человек осваивает пространство топографически объемного мира или художественного пространства произведения. М.М.Бахтин выделяет несколько хронотопов пространства: циклический хронотоп, линейный, хронотоп вечности. «Циклический хронотоп (идея повторности и круговорота). Символы: картина природных циклов», «линейный (эволюция, художественная перспектива, пространство, настоящее и будущее)», «хронотоп вечности создает в художественном мире ситуацию застывшего пространства и остановившегося времени. Художественное пространство в таком случае может быть рассмотрено как состояние, в котором одновременно потенциально слиты все пространства, но не вычленено ни одно из них» [4].

Хронотоп принципиально не может быть единым и единственным (т.е. монологическим): многомерность художественного пространства ускользает от статичного взгляда, фиксирующего какую-либо одну, застывшую и абсолютизированную его сторону. Художественное пространство можно охарактеризовать как свойственную произведению искусства глубинную связь его содержательных частей, придающую произведению особое внутреннее единство и наделяющую его в конечном счете характером эстетического явления.

Художественное время может быть прерывным, дискретным, многомерным, обратимым в прошлое (инверсия), неравномерным в течении. Также и художественное пространство обычно дискретно, многомерно.

В литературно-художественном хронотопе имеет место слияние пространственных и временных примет в осмысленном и конкретном целом. Время здесь сгущается, уплотняется, становится художественно-зримым; пространство же интенсифицируется, втягивается в движение времени, сюжета, истории. Приметы времени раскрываются в пространстве, и пространство осмысливается и измеряется временем.

Современная литература активно изучается исследователями с точки зрения хронотопа. Исследователи отмечают, что хронотоп обуславливает жанровую принадлежность произведений некоторых писателей, например Л.Улицкой. «В рассказах Л.Улицкая идет от частных вопросов к вневременным, вечным, с циклическим хронотопом, поэтому зачастую одни и те же произведения исследователи относят то к повестям, то к рассказам» [5].

«Ключарев-роман» является предметом постоянного исследования многих ученых в аспекте хронотопической организации. Хронотоп в произведениях В.С.Маканина вычленяется разнообразный по своему содержанию: «подземный хронотоп» (В.В.Иванцов), хронотоп лаза (М.Н.Липовецкий). В диссертации В.В.Иванцова рассматривается «подземный» хронотоп в повести «Лаз», который открывает новый — «вертикальный» — план постижения бытия писателем. В.В.Иванцов пишет, что «он соответствует повышению внимания к проблеме экзистенциальной самоидентификации человека в пространстве и времени, пространство и время как сущностные категории человеческой жизни становятся в изученных текстах центральной темой и непосредственным объектом переживания автора, героя и читателя» [6].

Пространственно-временные категории являются актуальными в произведениях В.С.Маканина и существуют как концептуально значимые. Т.Н.Маркова рассматривает хронотоп в повести «Лаз» и трактует его как метафизическое время и пространство [7], несущее символические смыслы. В свою очередь В.В.Иванцов пишет, что в «Повести о Старом Поселке» «подземное» пространство-время позволило В.С.Маканину последовательно открыть в герое экзистенциальную тоску по пространству-времени его индивидуального прошлого, связующего человека с его корнями — родом, предками [6].

Таким образом, проза В.С.Маканина активно исследуется учеными-литературоведами, произведения рассматриваются с разных аспектов, и в частности с точки зрения хронотопа. Исследователи описывают хронотоп в автономных произведениях, но никто не говорит о пространственно-временной организации в рамках циклических объединений. Особый интерес с точки зрения хронотопа вызывает произведение В.С.Маканина «Ключарев-роман», которое является циклическим объединением и состоит из одного рассказа «Ключарев и Алимускин» и четырех повестей «Голубое и красное», «Повесть о старом поселке», «Лаз» и «Стол, покрытый сукном и с графином посередине». Исследуя данный роман в аспекте хронотопической организации, мы рассматриваем все произведения цикла в их последовательности.

В первом произведении «Ключарев-романа» «Ключарев и Алимускин» два хронотопических плана: первый план — притча, которая рассказана в самом начале произведения: «Человек заметил вдруг, что чем более везет в жизни ему, тем менее везет некоему другому человеку, — заметил он это случайно и даже неожиданно». Это притча характеризуется константными ценностными координатами, которые сохраняются с течением времени. Чтобы появилась притча, должно произойти «частное открытие общезначимого» [8]. Писатель должен подать частным образом то, к чему он пришел, и указать на это как на что-то общезначимое.

Притча В.С.Маканина — это история о человеке, который обеспокоен тем, что ему везет в жизни, а другому человеку не везет, он находит это несправедливым и хочет разобраться в этой ситуации. Чувства простого человека по отношению к другому человеку и разговор с Богом на эту тему — это ситуация вневременная и внепространственная, это онтологические вопросы, которые тревожат писателя. Эта притча тесно связана с последующим рассказом о Ключареве, он является своеобразным продолжением этой истории, когда эта абстрактная ситуация переносится в наши дни и подтверждается примером из жизни современного человека. Она становится посредством такой интерпретации ближе читателю и не такой абстрактной и далекой.

Второй хронотоп демонстрируется во второй части рассказа — это бытовой хронотоп, который содержит повествование о математике Ключареве. Он живет обычной жизнью, у него обычная семья: жена, дети, обычная работа. Хронотоп в этой части также обычен: герой живет в своем мире, где сво-

бодно перемещается в пространстве и во времени. Он передвигается по городу: ходит на работу, приходит в гости к Коле Крымову, отправляется к Алимускину. Сюжетная линия последовательно демонстрирует события, но в третьей главе случается сбой во временной последовательности — ретроспекция, повествователь возвращается назад, к разговору Ключарева и Алимускина: «Случилась там и такая минута — это была минута особенная. В одну из тягостных пауз Ключарев подумал: как же это так вышло, что жизнь человеческая пошла под откос ни с того ни с сего?.. Ключарев был неглуп и понимал, что случившееся с одним может случиться и с другим» [9; 16]. Этот главный, семантически значимый период их беседы, становится началом третьей главы. Сбой временной последовательности становится функционально значимым для сюжета рассказа. Таким образом, автор актуализирует, подчеркивает важность и значение этого отрезка разговора. Вопрос героя отсылает нас к притче в начале рассказа, когда абстрактный человек задается таким же вопросом по отношению к другому.

В рассказе «Ключарев и Алимускин» существует два хронотопа, которые на первый взгляд не связаны друг с другом. Но они имеют соотношение в смысловом плане. Первый хронотоп бытийный, хронотоп вечности — притча, которая демонстрирует абстрактную ситуацию в жизни отвлеченного человека. Второй хронотоп — бытовой, он представляет собой обычную историю из жизни обыкновенного человека, математика Ключарева. Развитие авторской мысли идет от вечных, бытийных к бытовым вопросам, к обычной жизни человека.

В следующей повести «Ключарев-романа» «Голубое и красное» изображен Ключарев-мальчик, он гостит в деревне у бабушки Матрены. Когда Ключарев говорит об этой поездке, то он указывает время, «позднее, а впрочем и тогда тоже, он называл это время — летом, когда он жил у матери матери, потому что бабка Матрена была именно мать матери, а только потом к ним приехала бабка Наталья». Эта неделя оказывается очень важной в жизни мальчика, он обнаруживает разность своих бабушек, их индивидуальность, неспособность быть вместе, и их богатый внутренний мир.

Мальчик приезжает в деревню к бабушке Матрене: «Он приехал один, приглядываемый каким-то бородатым дядькой, а бабка Матрена встретила его на станции, усадила в телегу, и они ехали и ехали, — в телеге же он заснул, ничего не помнил...» [9; 35]. В этот период происходит смена тесного, привычного пространства бараков на простор и необъятность деревенского пространства. Это становится важным шагом для мальчика, которому все приходилось делить с братьями, даже место в доме и на улице.

Затем в деревню бабушке Матрене приезжает бабушка Наталья. Приезд «бабки» Натальи в деревню является значимым для мальчика, потому что он видит сразу двух своих бабушек. Видит он их в последний раз, и эта неделя становится главной в жизни мальчика, в дальнейшем именно этот маленький промежуток времени будет играть важную роль в жизни героя.

Последние страницы повести — это дорога, по которой навсегда уезжает от маленького Ключарева его бабушка Наталья: «Теперь мальчик стоял на чистой, не пылящей дороге, а пыль клубилась за ними, уезжающими далеко. Он видел только пыль и лошадь, совсем маленькую» [9; 90]. Дорога является важным местом и временем, по дороге маленький Ключарев приезжает в деревню к бабушке Матрене, по дороге приезжает бабушка Наталья и Мари, в конце произведения по этой же дороге уезжает Наталья из деревни, и он никогда не увидит больше свою бабушку.

В повести «Голубое и красное» присутствуют и временные перемещения. Автор повести демонстрирует события, которые еще не произошли, и никто не может о них знать, он устремляется в будущее и показывает, что ждет на жизненном пути старушек, как они умрут, где будут похоронены: «Бабку Наталью он видел до этого дважды, в ее наезды, а теперь видел ее в третий раз и — забегая вперед, — можно сказать, в последний» [9; 53], «Бабку Матрену он тоже видел в третий — и тоже в последний раз» [9; 54], «...год жизни (чуть более) оставался бабке Матрене: в следующую зиму она умрет» [9; 54]. Предсказывая смерть бабушек, повествователь обращает внимание на то, что мальчик больше никогда их не увидит, и таким образом эта последняя встреча становится значимой.

Пространство, в которое переместился Ключарев из бараков, оказывается для деревни малое: «Узнать, большая ли эта деревня (в двадцать дворов) или же маленькая, он не умел, однако и не узнавая, чувствовал, что деревня мала...» [9; 36], но для мальчика, который вырос в тесноте бараков, это было огромное пространство, которое принадлежало только ему. Он не общался с деревенскими мальчишками, и его «одиночество замкнулось...». Это дало ему возможность побыть наедине с собой, почувствовать простор, который был недоступен ему в бараках.

Таким образом, в повести «Голубое и красное» активно функционируют разные хронотопы, давая возможность лучше понять ощущения мальчика, потому что когда он попадает в деревню, мир

двух бабушек оказывается сплетенным в одной точке пространства, и становится значимой ограниченность времени пребывания с ними, их последняя встреча. Разные хронотопы позволяют глубже войти в мир маленького Ключарева, где он мечтает о примирении бабушек, и полнее осмыслить безграничную любовь бабушек к внуку.

В третьем произведении романа-коллажа «Повести о старом поселке» также наблюдаются два различных пространственно-временных измерения. Герой существует в двух хронотопах: настоящее время и его прошлое.

Первый хронотоп, который разворачивается в настоящем времени, — это когда он с семьей находится в Москве, где живет и работает, его обычное утро начинается так: «Ключарев бреется. Утро ни то ни се — будто бы солнечное, но поминутно набегают тень. Блики.

— Мы пошли, — говорит жена. Это значит, что жена и дети уже оделись, готовы и стоят у самых дверей» [9; 96].

Потом он переносится мыслями в другое время и пространство, второй хронотоп — это его прошлое, это Старый Поселок, куда герой возвращается при воспоминании о прошедшем детстве: «Было воскресенье в Старом Поселке, светлое воскресенье и не жаркое.

— Мужики!.. А мужики! Этот крик (или зов) как бы висел в бараке» [9; 93]. Сюжет повести выстроен на перемещении Ключарева из одного хронотопа в другой.

Внутренний мир героя оказывается тесно связанным с Поселком, с детством, когда формируется личность, закладывается в человека все то, что будет значимым во взрослой жизни. В детстве Ключарев в Старом Поселке видит настоящие отношения, настоящую любовь и дружбу. А потом в городе он тоскует по поселку, потому что все, что было настоящим и важным, осталось там, в детстве, в поселке. Герой пытается перенести ценности, которые были заложены в него в детстве, в свою московскую жизнь.

Обращение повествователя именно к детству обусловлено резким контрастом прошлой жизни и жизни сегодняшней. В его жизни настал момент, когда он видит, что жизнь фальшива, лжива и не соответствует тем установкам и идеалам, которые он сохранил с детства. В душе Ключарева живет память его детства, его Старого Поселка, тех отношений и тех людей. Герой старается не растерять ценности и ориентиры, которые были получены им в детстве, поэтому мысленно он постоянно возвращается именно в то время.

Старый Поселок разрушен, кладбище, где похоронен брат главного героя, заросло травой. Онтологическая связь с предками, с истоками постепенно теряется, разрушаются деревни, сравниваются с землей кладбища, последний приют людей. О старом кладбище пишет А.Станкевич: «Родовое кладбище — при всей печальности этого локуса — было знаком памяти, символом корней, преемственности поколений» [10]. Там обычно хоронили старых людей, тех, кто уже прожил свой век. В поселке, по мнению А.Станкевич, кладбище становится последним приютом для рано умерших детей или трагически погибших молодых людей. Функциональная роль кладбища изменяется, а со временем и совсем утрачивается его место в жизни человека. Потребность героя в восстановлении этой сакральной связи не может быть удовлетворена, потому что не осталось уже ничего, что связывает его с прошлым.

Главный герой переключается с одного хронотопа на другой на протяжении всего произведения. То он живет в Москве с женой Майей и детьми Денисом и Тонечкой, то становится маленьким мальчиком и снова переживает события своего детства в Старом Поселке. Эти два хронотопа существуют параллельно друг другу, и главный герой может быть одновременно только в одном из них.

Итак, соединение двух хронотопов, первый из которых разворачивается в настоящем времени, а второй в прошлом, становится одним из основных способов раскрытия внутреннего мира Ключарева. В конце повести Ключарев попадает в Старый Поселок и два хронотопа соединяются, герой попадает в Старый Поселок, но уже не находит того, что искал. Автор таким образом выражает свое отношение к проблеме преемственности поколений, почитания памяти предков и тяги человека к истокам, к родной земле. Также становится значимой пора детства героя, где происходило формирование его личности, откуда Ключарев несет жизненные ценности и идеалы, которых он не обнаруживает в своей московской жизни.

В повести «Стол, покрытый сукном и с графином посередине» так же, как и в других произведениях цикла В.Маканина, два хронотопа. Одно пространство, внешнее — это квартира Ключарева, где он бродит ночью, второе пространство — это судилище в разное время и с разными участниками.

Кроме внешнего хронотопа в произведении имеется и внутренний, интроспективный хронотоп рефлексии Ключарева. Внутренний хронотоп характеризуется наличием воспоминаний героя, его мыслей по поводу судилища, представления и соотнесения судилища с разными судами в истории человечества. Время также меняется: объективное время всей повести — это вечер одного дня и ночь этого дня: «Садимся ужинать. Зовем дочь. Мне не хочется признать (совестно), что мои нервы и мой испуг — в связи с завтрашним вызовом, и вот я что-то придумываю, плету насчет усложнившейся работы» [9; 271]. А время судилища все время разное, это, может быть, и то время, когда в составе комиссии был сам Ключарев, и то время, когда он сидел как спрашиваемый: «В тот же день попался хитрован-сибиряк, окал, акал, никак не могли за столом к нему подступиться. Я был, видно, в тот день в ударе: заметил его уязвимое место, но пока молчал» [9; 316], «- Сколько лет вашей маме? Растерянность была такова, что даже тут я запнулся. Сбил. Сказал, конечно, какого мама года рождения, но зачем-то после этого начал считать годы вслух» [9; 279]. Так, Ключарев меняет роли: то он МОЛОДОЙ ВОЛК, то он спрашиваемый, загнанный, обессиливший.

Сюжет строится на перемещении героя из одного пространства и времени в другое, это происходит в его сознании. Второй хронотоп — это его воспоминания, в которые вклиниваются размышления о жизни, об истоках «стола», о параллельных существованиях стола и подвала. Заканчивается все тем, что герой идет ночью к столу, т.е. приближается к предмету своих размышлений и воспоминаний, и умирает на нем, пораженный инсультом. Два хронотопа в этой точке сходятся, и происходит наложение одного на другой, в итоге герой умирает в этом сплетенном времени-пространстве.

Итак, мир повести многомерен, нет одного объективно существующего пространства и времени. В человеке сосуществуют несколько измерений: его настоящее, его прошлое, предыдущий опыт. У каждого человека, как и у героя повести «Стол, покрытый сукном и с графином посередине», есть внутренние страхи, воспоминания, внутренняя боль, которые у каждого выражаются по-разному. Есть еще и врожденное чувство, «зов предков», которое дает о себе знать, когда человек находится в нестабильной жизненной ситуации или есть глубокая, подсознательная потребность в сохранении корней.

В повести появляется мир, в котором «верх» и «низ» перепутан, смещены нравственные координаты, перевернулись традиционные устои. Изображен мир, который находится вне традиционных ценностей, вне веры в Бога, и вследствие этого — неустроенность, потеря человеком правильной ориентации и направления движения.

Эти два мира существуют в одном времени, параллельно. «Верх» и «низ» становятся противоположенными сущностями: на улицах темно, нет людей, все прячутся по углам, царит страх: «Ни души. Одинокий прохожий возник, но и он, увидев другого человека, шмыгает куда-то за угол дома и там ждет», «ПО ПУСТЫННОЙ УЛИЦЕ — К АВТОБУСУ № 28, что делать, если весь остальной транспорт не работает и если в их районе ходит единственный автобус». Иначе обстоит ситуация в городе под землей: там обилие света, много людей, которые не боятся ходить по улицам: «Вдвоем Ключарев и Никодимов идут меж столиков через весь этот погребок-ресторан и выходят, сворачивая в длинный коридор с великолепным мягким освещением» [9; 187]. Здесь царит атмосфера спокойствия, духовного общения, культурного согласия.

Эти два мира, так непохожие друг на друга, являются незримо связанными, зеркальность двух миров демонстрируется в эпизоде, когда Ключарев заблудился в подземном мире. Параллельно он вспоминает, как заблудился на станции. Здесь он плутает между магазинами и киосками, а там — между темными вагонами: «Ключарев идет сейчас словно бы сразу в двух пространствах, но ведь один народ, одна земля, что ж удивительного, если оба пространства совпадают и географией, — ведь Ключарев идет и там и тут» [9; 253]. В обоих случаях правильную дорогу ему подсказывает добрый человек: в темноте — железнодорожный рабочий, на сверкающих улицах — солидный человек с газетой. Параллельность пространств оказывается очевидной и подсказывает идею — это не разные миры, а части одного раздробленного мира.

Действие повести происходит в «каком-то фантастически затянувшемся мгновении» [7; 226], в начале рассказывания только наступают сумерки, и в конце повести «еще не ночь». Это подтверждается в тексте повести: Вечереет. Но еще не ночь; Небо темнеет. Сумерки; Вокруг тот же вечер. Смеркается; Еще не ночь, еще вполне видно; Сумерки как сумерки. По мнению Т.Марковой, в произведении представлен условный мир, который представляет собой песочные часы: два соотносимых пространства соединены узким ходом — лазом. Ключарев перемещается между этими мирами сквозь этот лаз, становясь связующим звеном, песчинкой, которая функционирует в двух местах сразу.

Таким образом, в «Ключарев-романе» В.С.Маканина, в каждой из составляющих его повестей, одновременно существуют нескольких разных хронотопов, которые обретают полноценный художественный смысл только в единстве циклической структуры. Разные хронотопы характеризуют героя как деятельного и ответственного человека, раскрывается его внутренний мир, актуализируется сфера внутренней жизни Ключарева. Обращение к прошлому героя позволяет выявить идейную основу романа и нравственные ценности его создателя.

Список литературы

- 1 Философский словарь / Под ред. И.Т.Фролова. — М., 1991. — С. 75.
- 2 Волкова Е.В. Хронотоп // Словарь философских терминов / Науч. ред. проф. В.Г.Кузнецова. — М.: Инфра - М., 2005. — С. 654.
- 3 Лотман Ю.М. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин. Лермонтов. Гоголь. — М.: Просвещение, 1988. — С. 325.
- 4 Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. — М., 1975. — С. 122.
- 5 Губанова Т.В. Хронотоп как способ реализации авторской интенции в рассказах Людмилы Улицкой // Вопросы современной науки и практики. — 2010. — № 1–3(28). — С. 227.
- 6 Иванцов В.В. Пространственно-временная организация художественного мира В.С.Маканина: Дисс.... канд. филол. наук: 10.01.01: СПб., 2007. — С. 239.
- 7 Маркова Т.Н. Современная проза: конструкция и смысл (В.Маканин, Л.Петрушевская, В.Пелевин): Монография. — М.: Изд-во Моск. гос. обл. ун-та, 2003. — С. 226.
- 8 Кукулин И.В. «И говорил с ними...» Три интервью о возрождении жанра притчи в современной литературе // <http://www.vavilon.ru/textonly/issue2/parables.htm> (дата обращения 29.03.2010)
- 9 Маканин В.С. Линия судьбы и линия жизни: Романы. — М.: Изд-во «Центрполиграф», 2001. — 601 с.
- 10 Станкевич А.И. Художественный мир «Ключарев-романа» В.Маканина (Латвия, Даугавпилс)// Материалы междунар. науч.-практ. конф. «Современная русская литература: проблемы изучения и преподавания»// http://oldwww.pspu.ru/sci_liter2005_stankevic.shtml (дата обращения 15.03.2010)

Д.К.Тоқмағамбетова

В.С.Маканиннің «Ключарев-роман» роман-коллажының уақыт-кеңістік тұрғыдан ұйымдастырылуы

Мақалада В.С.Маканиннің роман-коллажының уақыт-кеңістік циклдік бірлік тұрғысынан ұйымдастырылуы қарастырылды. Әрбір шығармада бірнеше хронотоптар анықталады, олар роман-коллажда уақыт пен кеңістіктің көпқырлылығын көрсетеді. Шығармаларда әр түрлі хронотоптардың қолданылуы автордың қазқарасы мен позициясын анықтауда таптырмас құрал болып табылады.

D.K.Tokmagambetova

Existential organization of the novel collage «Klyucharev-roman» of V.S.Makanin

In this article examined the space-temporary organization of V.S.Makanin's novel-collage cyclic unity. In each work cleared out several chronotops, which indicates multidimensionality of space and time in this novel-collage. Chronotop plays an important role in the author's concept and in the narration of the novel. Finding out different chronotops lets to clear out author's points of view and his position.

С.Д.Абишева¹, М.С.Асылбекова²

¹Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы;

²Специализированная школа-лицей № 165 для одаренных детей, Алматы

Топос города в поэзии А.Кушнера

В поэзии А.Кушнера город становится своеобразным текстом, он несет в себе семантическое и символическое сознание лирического героя. Модель мира А.Кушнера складывается из системы художественного образа города, описание пространства которого позволяет выразить отношение поэта к городскому локусу и его восприятие жизни.

Ключевые слова: город, пространство и время, лирический герой, топоним, Ленинград.

Исследователи отмечают, что в современной поэзии «А.Кушнер, пожалуй, самый «петербургский» автор — и по тематике стихов, и по литературным привязанностям, и по особому петербургскому «менталитету». Естественно, сам город является постоянным героем его поэзии» [1; 297]. Современный поэт на своем юбилейном творческом вечере, посвященном 75-летию со дня рождения и проходившем в мемориальной квартире И.Бродского в Санкт-Петербурге 17 ноября 2011 года, признавался, что ему «необычайно повезло и с родителями, и с городом. Модерн чрезвычайно воспитывал».

Стихотворениям А.Кушнера свойственна скромность и близость к прозаической речи. Возможно, именно по этой причине, мастерство поэта в своем полном масштабе предстает только при неторопливом и вдумчивом чтении его стихотворений, когда окружающий мир перед читателем раскрывается в соответствии с представлениями самого автора.

Кушнер получил широкое признание среди современников. Так, И.Бродский, называя его одним из лучших лирических поэтов XX века, говорил: «Это человек, который начал с поэтического консерватизма формы и остался в высшей степени равен себе. <...> На мой взгляд, Кушнер — один из самых глубоких авторов. Он чрезвычайно традиционен по форме, но абсолютно не традиционен, я бы даже сказал, весьма и весьма авангарден по содержанию. Творчество Кушнера до известной степени характерно для ленинградской школы, именно эта контрастная комбинация консервативной формы и содержания. Когда вы привыкли к размеру, которым писали — ну, не знаю — Пушкин, Анненский, Блок и т.д., когда ухо и глаз к нему привычны, и вы вдруг видите в этом размере современную психологию — возникает колоссальное противопоставление, поэтический оксюморон, если угодно, ощущение колоссального противоречия формы и содержания» [2].

Кушнер — коренной ленинградец, творивший в родном городе и посвящавшем ему стихи. «Питерский воздух и невская вода отравлены среди прочих токсинов неким ядом, вызывающим неодолимую жажду стихотворчества. Жажда эта неизлечима, кончается вместе с кончиной стихотворца», — заметил В.Уфлянд [3].

Говоря о творчестве А.Кушнера, нельзя не обратить внимание на тесную связь поэта с родным городом. Не случайно Кушнер позиционирует себя как «городского обычного жителя» [4; 115]. Ленинград является постоянным героем его поэзии.

*Пойдем же вдоль Мойки, вдоль Мойки,
У стриженных лип на виду,
Глотая туманный и стойкий
Бензинный угар на ходу [5].*

В поэтическом сознании Кушнера город представлен в разных ипостасях. Он универсален и способствует осознанию человеком своего места в мире, участвует в нравственно-ценностном определении бытия. Можно условно выделить два представления о Ленинграде Кушнера: это наполненный памятниками архитектуры культурный город и современный индустриальный центр.

Изображая город как крупнейшее достижение культуры, поэт непременно отмечает его величие и блистанье: «Петропавловская крепость, / золотое острие! / Дождь запнётся на Рыбацкой / И проходит стороной, / За зеленой Петроградской / Самой светлой стороной» [4; 19]; «Петропавловские пушки, / Гроза крепостей, / Под дождиком мокнут, / На солнышке сохнут / У Кронверки-речки / При вхо-

де в музей» [4; 113]; «Пойдем мимо пушкинских окон, / Музейных подобранных штор, / минуем Капеллы широкой / Овальный, с афишами, двор» [4; 32].

Культурные достопримечательности города Кушнер также связывает с историей: «И памятник опалубки следы / Хранит, пугая грубой прямотой, / Как будто он хранит следы беды, / И доблести, и вздыбленности той <...> И каждая былинка так стоит, / Как будто заслоняет Ленинград» [4; 21]. Благодаря подобной связи в его поэзии присутствует культурное наследие разных эпох и народов, культурная память города. Город вступает в глубинное соприкосновение с внутренним миром лирического героя, создает своеобразный автобиографический миф. Поэтические метафоры рождаются мгновенно. А.Кушнер вспоминает, что однажды, гуляя зимним утром по парку, он увидел статую Аполлона, занесенную снегом. Появилась удивительная метафора в стихотворении «Аполлон в снегу». Бог поэзии пришел на север:

*В белых иглах мерцает душа,
В ее трещинах сумрак и лед.
Небожитель, морозом дыша,
Пальму первенства нам отдает,
Эта пальма, наверное, ель,
Обметенная инеем сплошь.
Это — мужество, это — метель,
Это — песня, одетая в дрожь [6].*

Описывая Ленинград как современный индустриальный город, поэт уделяет внимание промышленному центру, отмечает, что прогресс прочно вошел в жизнь города: «А погляжу в окно — и снова / Увижу кран, увижу дым, / Завод «Кинап», завод «Свердлова» / И «Красный выборжец» за ним» [4; 15]; «Сколько раз на повороте / У ремонтных мастерских / я терялся в переплете / Редких молний заводских! / И кирпич фабричный голый / Всех строений и цехов / В том числе вечерней школы, / Поражал — так был багров» [4; 16]; «Текстильных фабрик мягкий шорох / Запутан в здешних разговорах» [4; 12]; «Вдали от музык и пароходов, / На петроградском рубеже, / Паренье первых аппаратов!» [4; 23].

Но эти два города — культурный и индустриальный — не существуют отдельно друг от друга. Они причудливо переплетаются в пространстве единого города, создавая образ современного Ленинграда:

*Глотая туманный и стойкий
Бензинный угар на ходу,
Меж Марсовым полем и садом
Михайловским, мимо былых
Конюшен, широким обхватом
Державших лошадок лихих [5].*

В восприятии Кушнером Петербурга — Ленинграда есть одна характерная закономерность. Взгляд поэта на город всегда очень точен, имеет конкретную топографическую привязку:

*И плачет он меж Невкой и Невой,
Вблизи трамвайных линий и мечети,
Но не отдаст недуг сердечный свой,
Зарю и рельсы блестящие эти
За те края, где льется ровный свет,
Где не стареют в горестях и зимах.
Он и не мыслит счастья без примет
Топографических, неотразимых.*

Здесь очень легко узнается место на петроградской стороне города недалеко от Троицкого моста. И мечеть, и трамвайные пути, идущие от моста, а затем сворачивающие налево на Кронверкский

проспект, узнаются в стихотворении. Без таких точных топографических примет немислима поэзия Кушнера.

Кушнер предельно детализирует город. Замечая все нюансы, он реалистично и, вместе с тем, особому свежо раскрывает действительность Ленинграда. А.Кулагин замечает: «Одну из своих статей о поэзии Кушнер озаглавил пастернаковской строкой: «всесильный бог деталей». Он и сам любит поэтическую точность, конкретность, которой учился у петербургских поэтов — у Ахматовой, Мандельштама... К тому же он родился под знаком Девы, а «Девы» вообще внимательны к тонкостям, нюансам. Счастливое совпадение в том, что поэт такого склада родился именно в этом городе с его столь много говорящей топографией и призван судьбой воспеть его» [1; 300].

Важной приметой городской лирики Кушнера являются конкретные топографические приметы: «А в Мойке, рядом с замком Инженерным...», «Вблизи Обводного, среди фабричных стен, прижатых тесно...», «У моста Тучкова, / среди яркого льда, / зимуют, как звери, речные суда» [8; 18], «Чугунные пушки, / старинные пушки, / петровские пушки — / Гроза крепостей — Под дождем мокнут, / На солнышке сохнут / у Кронверки-речки / при входе в музей» [8; 21]. Такие конкретные указания формируют поэтический взгляд на город, делают его очень точным.

Сам Кушнер, кажется, не мыслит поэзии без этой характерной закономерности: «Пойдем же! Чем больше названий, / Тем стих достоверней звучит, / На нем от решеток и зданий / Тень так безупречно лежит» [4; 32]. Но порой поэт нарушает городскую топографию. Это происходит в тех стихотворениях, где он стремится создать ощущение городского сновидения, фантасмагории:

*Я ли свой не знаю город?
Дождь пошел. Я поднял ворот.
Сел в трамвай полупустой.
От дороги Турухтанной
По Кронштадской... вид туманный...
Стачек, Трефолева... стой! [9; 92]*

А.Кулагин заметил, что в 1-ой строфе стихотворения «Сон» поэт чрезвычайно точен в описании трамвайного маршрута. В действительности существовал трамвайный маршрут № 35. Его конечная остановка «Турухтанные ворота» находилась почти на взморье, в юго-западной части города. Оттуда трамвай выезжал на Кронштадскую, в районе Кировского завода пересекал проспект Стачек, шел по улице Трефолева [1; 299]. Но во 2-ой и 3-ей строфах стихотворения он превращается в «заблудившийся трамвай» Н.Гумилева.

*Как по плоскости наклонной,
Мимо темной Оборонной.
Все смешалось... не понять...
Вдруг трамвай свернул куда-то,
Мост, канал, большого сада
Темень, мост, канал опять.*

*Ничего не понимаю!
Слева тучу обгоняю,
Справа в тень ее вхожу,
Вижу пасмурную воду,
Зелень, темную с исподу,
Возвращаюсь и кружу [9; 92].*

В 1-й строфе лирический герой уверенно заявлял: «Я ли свой не знаю город?». Теперь он рассеян: «Ничего не понимаю!», «Возвращаюсь и кружу». И дальше упоминаются две знаменитые реки: «Чья ловушка и причуда? / Мне не выбраться отсюда! / Где Фонтанка? Где Нева?» [9; 92]. Кушнер выстраивает лирический сюжет стихотворения на читательском ожидании: трамвай должен выехать от окраинных Турухтанских островов в центр города с хорошо известными всем топонимами — реками Фонтанкой и Невой. Но трамвай увозит лирического героя в непонятный, призрачный Петер-

бург окраин. В одном из интервью А.Кушнер сказал, что «не надо ничего выдумывать, жизнь сама по себе фантастична». Трамвай отвозит лирического героя туда, куда надо:

*Вровень с нами мчатся рядом
Все, кому мы были рады
В прежней жизни дорогой.
Блещут слезы их живые,
Словно капли дождевые.
Плачут, машут нам рукой.*

*Им не видно за дождями,
Сколько встало между нами
Улиц, улочек и рек.
Так привозят в парк трамвайный
Не заснувшего случайно,
А уснувшего навек [9; 93].*

Кушнер создает ирреальный образ города, выводит лирический сюжет стихотворения из конкретики к обобщению, универсальности.

В городе Кушнера привлекает внимание не только топография как таковая, но и «культурная топография». Это культурное наследие, культурная память города, ставшего огромным музеем под открытым небом и хранящим в своих музеях уже в буквальном смысле слова культурное наследие разных эпох и народов.

*Если камешки на две кучки спорных
Мы разложим по разному их цвету.
Белых больше окажется, чем черных.
Марциал, унывать нам смысла нету.
Если так у вас было в жестком Риме,
То, поверь, точно так и в Ленинграде,
Где весь день под ветрами ледяными
Камни в мокром красуются наряде.*

*Слышен шелест чужого разговора.
Колоннада изогнута, как в Риме.
Здесь цветут у Казанского собора
Трагедийные розы в жирном гриме.
Счастье — вот оно! Театральным жестом
Тень скользнет по бутонам и сплетеньям.
Марциал, пусть другие ездят в Пестум,
Знаменитый двукратным роз цветеньем [9; 196].*

Стихотворение наполнено культурно-историческими аллюзиями. Кушнер не только говорит о событиях прошлого, обращается к Марциалу как к старому знакомому — он переживает древнюю культуру. В стихотворении ощущается не только пространство античности, но и пространство лирического героя. Кушнер вольно или невольно воспринимает биографию Марциала, античного поэта, мастера эпиграммы, как петербуржец, «удваивает» лирическое пространство стихотворения. Классические сюжеты никогда не бывают для поэта самоцелью, они созвучны настроению лирического героя. Потому и стихи становятся не просто фиксацией жизненного впечатления, но обретают философское звучание. Знаменитые храмы Пестума (храм Афины, храм Геры, храм Мира) сравниваются со знаменитым Казанским собором, рядом с которым «цветут... трагедийные розы». Пестум был в 274 г. до н.э. колонизирован латинянами и с тех пор потерял свое значение. Единственное, чем он был известен в позднейшее время, — это розы, в обилии покрывавшие его поверхности. Лирический герой стихотворения чувствует свою сохранность, силу в этом мире. Архитектура, мощная, скрывающая

человека за незыблемыми стенами, в то же время является гармоничным сооружением. Связь времен существует, существует гармония и красота для человека.

Участвуют в создании облика Ленинграда и конструировании его пространства реки, без которых город немислим. Его можно представить зрительно:

*Привели меня к дому сперва,
Где жил Пушкин. Сказали: «Постой-ка».
Я спросил: «Эта речка — Нева?»
Мне сказали: «Ты что, это ж Мойка!»*

*А потом вроде узкого рва
Видел речку свинцового цвета.
Я спросил: «Неужели Нева?» —
«Нет, канал Грибоедова это».*

*А потом шелестела листва.
Сколько статуй! Какая прохлада!
Я спросил: «Эта речка — Нева?» —
«Нет, Фонтанка у Летнего сада».*

*А потом — синева, синева,
Шпиль, и солнце, и волны, и ветер.
Я не спрашивал: «Это Нева?»
Я и сам бы любому ответил! [7; 17].*

В городе Кушнера важное место занимает природа. Она не просто является фоном, на котором протекает жизнь города. «В тени петербургских садов» [4; 27] живет, чувствует и мыслит сам поэт, переполненный радостью бытия. По мнению М.Эпштейна «природа в стихах А.Кушнера — это спасительное откровение человеку о чистой и счастливой сущности бытия, которая забывается им за страданиями и невзгодами повседневной жизни...» [10].

Поэт описывает с восхищением и огромной любовью городскую природу: «Финских туманных лесов за Невою / Мне бы хватило вот так, с головою» [4; 10]; «В обстоятельствах грустных / Нашей жизни дневной / Помогает стоустый / Шорох сада ночной» [4; 91]; «Как легок сад, и как он зелен / И свеж в углах своих сырых» [4; 89]; «Чего действительно хотелось, / так это зелени густой» [4; 36].

Не обходит поэт стороной и будничным, повседневный город, серый и тоскливый: «паровозный крик невнятный / В лужах пестрая вода / И суровый смысл понятный / Ежедневного труда!» [4; 17]; «Окинешь город долгим взглядом: / какие черные дома! / Блестит фонарь заиндевший, / и пешеход» [4; 20]; «В окно влетал бензинный перегар» [4; 40].

Но каким бы прозаичным и будничным не предстал порой Ленинград в поэзии Кушнера, он всегда остается городом, в который нужно верить. Кушнер любит родной город и умеет видеть его красоту во всех проявлениях. С точки зрения поэта, человек, способный замечать те детали, которые не бросаются в глаза, видеть и чувствовать глубже других, обязательно откроет для себя город как подарок: «Ты тоже, хмурый и унылый, / Наставив ворот, смотришь вниз. / Не привередничай, мой милый, / побойся бога, оглянись! / Полузаметен и неяркий, / Как бы увиденный сквозь сон, / таится город, как подарок, / Что неспроста преподнесен. <...> И болью в сердце отдается / Сырая эта красота» [4; 20]; «И я усилием привычным / Вернуть стараюсь красоту / Домам и скверам безразличным, / И пешеходу на мосту <...> Но жить, покуда этот фокус / мне не удался, не могу» [4; 25]; «Но так прекрасен дом, канал, / Край неба дымно-алый, / Как будто все сбылось, что ждал, / И сверх того, пожалуй» [4; 30]; «И было грустно оттого, / Что этот город был под боком / И лишь не верилось в него» [4; 36].

Размышляя о чувствах, испытываемых в пространстве любимого города, Кушнер приходит к тому, что они неразрывно связаны с красотой окружающей действительности: «И может быть, это сверканье / Листвы, и дворцов, и реки / Возможно лишь в силу страданья / И счастья, ему вопреки!» [4; 35].

Собственная жизнь поэта, коренного ленинградца, находит отражение в стихах. Кушнер с легкой ностальгией вспоминает события былых дней: «Сколько раз не повороте / У ремонтных мастерских / Я терялся в переплете / Резких молний заводских!» [4; 16]; «Ветра неевского свирепость, / детство ясное мое!» [4; 19]; «И дом, где на лестнице робко / Я дергал висячий звонок. / И дом, где однажды до часу / В квартире чужой танцевал. / И дом, где я не был ни разу, / А кажется, жил и бывал» [4; 35]. Стоит отметить, что важное место в городской лирике поэт отводит не любви, а дружбе: «Вот Грибоедовский канал, / Удобный для знакомства, / Где старый друг меня снимал / Для славы и потомства» [4; 30]; «Бог с ней, с любовью, лишь бы снова / В саду тенистом и сыром, / Вблизи сверкающего голубого / Нам очутиться вчетвером» [4; 89]; «Приятель жил на набережной. Дом / Стоял, облитый серебром, / Напротив Петропавловки высокой» [4; 39].

Город играет важную роль в поэзии Кушнера, является неотъемлемой частью творческой жизни поэта. Е.Евтушенко так писал о связи Кушнера с городом: «Не написав ни одной поэмы, он практически стал автором огромной поэмы о своем любовном романе с Ленинградом, в которой соединились все его стихи» [11].

Список литературы

- 1 Кулагин А. Я ли свой не знаю город? // Нева. — 1994. — № 12. — С. 297–300.
- 2 Бродский И. Беседу вела А.Эпельбаум // Странник. — 1991. — № 1 // <http://josephbrodsky.narod.ru/attachment81.html>
- 3 Уфлянд В. Могучая питерская хворь // Звезда. — 1990. — № 1. — С. 179–184.
- 4 Кушнер А. Город в подарок. Стихи. — Л.: Детская лит., 1976. — 127 с.
- 5 Кушнер А. Стихотворения. — Л.: Худ. лит., 1986. — С. 268.
- 6 Кушнер А. Пятая стихия. Стихи и проза. — М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. — 384 с.
- 7 Кушнер А. // <http://kushner.poet-premium.ru/semidesyatye.html>
- 8 Кушнер А. Веселая прогулка стихи. — СПб.: Азбука-Аттикус, 2011. — 48 с.
- 9 Эштейн М.М. Природа, мир, тайник вселенной... Система пейзажных образов в русской поэзии. — М., 1990 // <http://www.nvkz.net/dworecki/other/e/4/kushner.htm>
- 10 Кушнер А.С. Канва. — Л.: Сов. писатель, 1981. — 208 с.
- 11 Евтушенко Е. Строфы века. Антология русской поэзии. — Минск—М., 1995 // <http://kushner.ouc.ru/strofu-veka.html>

С.Д.Әбішева, М.С.Асылбекова

А.Кушнер поэзиясындағы қала топосы

А.Кушнер поэзиясында лирикалық кейіпкері бейнеленген қала өзінше бөлек мәтінге айналды. Кушнердің әлем үлгісін тануы қаланың көркем образын жүйелеу, ақын мен қаланың қарым-қатынасындағы кеңістік және оның тіршілікті ұғынуынан құралады.

S.D.Abisheva, M.S.Asylbekova

Top wasps of the city in A.Kouchner poetry

The city becomes a peculiar text, it bears semantic and symbolic awareness of A Kushner's lyrical character. Kushner's modal of the world consists of a system of artistic image of the city; the description of its space allows expressing the poet's attitude to city locus as well as his perception of the life.

Г.З.Горбунова, Т.М.Мамедова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова (zoticvera@mail.ru, tanya-2006-m@mail.ru)

Мир растений в прозе А.Платонова

В статье рассмотрены особенности изображения растений в произведениях Платонова. Растения в художественной картине мира писателя анализируются в тесной связи с изображением социальной действительности и мировоззренческими позициями писателя. Подчеркнуто единство в изображении растительного мира и человека, которые уподоблены по внешнему сходству, а также на эмоциональном и на бытийном уровнях. Проблемы фитопсихологии рассмотрены в контексте персонификации, присущей человеку еще с древних времен.

Ключевые слова: олицетворение, персонификация, фитопсихология, растения, художественная картина мира, Платонов, экзистенциализм.

Изучение художественной картины мира Андрея Платонова не раз становилось предметом исследования. М.Эпштейн связывает философию Платонова с хайдеггеровской экзистенциальной онтологией бытия [1]. Н.Малыгина в своей книге «Художественный мир Андрея Платонова» отмечает серьезное влияние на писателя философии «всеединства» основоположника эстетики русского символизма Вл. Соловьева [2]. К.Баршт обнаруживает сходство между антропософской философией Р.Штайнера и смысловыми элементами произведений Платонова [3]. Исследователь отмечает, что основной принцип, распространяющийся на произведения Платонова, — это «восприятие мира как сокровенного, живого и одушевленного», в этом мире «недопонятое человеком «вещество» таит в себе то, что на первый взгляд нельзя увидеть и предположить существующим» [4; 62–63]. Н.И.Дужина также указывает на важную черту платоновского мира — «единство всего: все во всем взаимообращаемо и взаимопроницаемо» [5].

В общей картине художественного мира Платонова важное место занимает не только человек, погруженный в эпоху коллективизации, индустриализации, но и растения с их переживаниями и эмоциями. Растения у Платонова наделяются свойствами равноправного с человеком субъекта, они выступают не как пассивный предмет описания, а становятся действующими лицами, героями произведений. Так, в рассказе «Цветок на земле» высказана мысль о житнетворческом содержании цветка, который «мертвую сыпучую землю обращает в живое тело», «из смерти работает жизнь» [6; 281]. Образ «цветка на земле» — поэтическое выражение платоновской идеи воскрешения: обращения сил смерти в силы жизни. В сказке-были «Неизвестный цветок» жизнь цветка подобна жизни человека, который переносит тяжелые испытания, с трудом добывая себе пищу: «Днем цветок сторожил ветер, а ночью росу. Он трудился день и ночь, чтобы жить и не умереть» [6; 317]. Погруженный в сложные для выживания условия, цветок не только преодолевает «терпеньем свою боль от голода и усталости», но и проявляет психические реакции, стараясь преодолеть грусть и тоску: он «не хотел жить печально; поэтому, когда ему бывало совсем горестно, он дремал». Цветок даже наделен возможностью говорить, однако эта способность проявляется в нем лишь тогда, когда девочка Даша обращается к нему с вопросами. Цветок «впервые так близко слышал голос человека, впервые кто-то смотрел на него, и он не хотел обидеть Дашу молчанием» [6; 318].

Автор уподобляет отдельные части растений частям тела человека: «Из трубы этой хаты вырос наружу подсолнух — он уже возмужал и склонился на восход солнца зреющей головой... Сломленный ногою Чепурного стебель положил свою умирающую голову на листовное плечо живого соседа... Дванов наклонился, сорвал былинку и оглядел ее робкое тело» [7; 202, 410, 554]. Платонов рассматривает каждое растение, каждую травинку как живое существо, наделенное телом, подобным телу человека.

У Платонова одушевление неодушевленного происходит путем придания растениям статуса субъектности и вытекающей из этого способности к человеческим чувствам и переживаниям: в платоновском мире растения воспринимаются как живые, «одухотворенные» существа, способные мыслить, страдать, чувствовать боль, радость и т.д. В повести «Котлован» деревья имеют «одинаковый вид грусти» [7; 140]. Обычно грусть возникает в случае неудовлетворенности в каких-либо аспектах жизни как реакция на происходящее. В романе «Чевенгур» пахнет «грустью ветхих трав» [7; 559],

когда Саша Дванов уходит в то самое озеро, где его отец пытался «пожить в смерти». Особенно удивительно приписывание растениям чувства стыда, которое связано, прежде всего, с этической стороной поведения человека. В повести «Котлован» старое дерево, одиноко растущее на бугре возле пивной, является свидетелем того, как люди предаются забвению своего несчастья: «Дерево... качалось от непогоды, и с тайным стыдом заворачивались его листья» [7; 83]. Не просто стыд, а тайный стыд, самый глубокий, тонкий, жгучий. Наделяя дерево способностью стыдиться, Платонов ставит растения на один уровень с человеком, даже выше, поскольку оно, дерево, глубже чувствует и понимает катастрофу, губительное саморазрушение человека.

Подобный метафорический перенос «состояние человека — состояние природы» не случаен: такое восприятие действительности является одним из качеств человеческого сознания, появившегося еще в древности, в эпоху мифологических представлений о мире, когда многие качества человека легко приписывались неодушевленным существам. Древний человек считал, что вся природа — мир живых существ, а ее жизнь подобна жизни людей. Психические способности растений были известны в далеком прошлом: люди верили, что растения обладают душой. Так, в древних писаниях утверждается, что душа странствует по вселенной, рождаясь в различных телах. Она воплощается не только в человеческой оболочке, но даже в телах животных и растений.

Именно такое мифологическое представление об общности всего сущего и стало основой для возникновения многочисленных олицетворяющих метафор. С помощью персонификации авторы художественных произведений наделяют растения человеческими эмоциями, такими как грусть, страдание, печаль, тоска. Например: «Природа ... тихо рыдала и пела» (Н.Заболоцкий) [8], «Слышатся в лесу/Осин тоскливых /Стоны и молитвы» [9; 131], «Приуныли нынче подорожники» (Н.Рубцов) [9; 126], «Ель надломленная стонет, /Глухо шепчет темный лес» (Н.Некрасов) [10].

Обнаруживаем метафорические состояния, существование которых обусловлено восприятием окружающего мира по аналогии с физическим состоянием человеческого организма: больной, спящий, дремлющий, пробудившийся. Например: «Целый день спят ночные цветы» (А.Фет) [11], «Заколдован, невидимкой, /Дремлет лес под сказку сна» (С.Есенин) [12], «Вдруг, пробудясь, /По лесам зароптали березы» (Н.Рубцов) [9; 182–183].

Растения, наделенные способностью общаться, мыслить, мечтать изображены в рассказе В.Гаршина «*Attalea princeps*». Пальма *Attalea*, заключенная в оранжерею, тоскует, вспоминает родное небо и поэтому думает только о том, «как хорошо было бы постоять даже и под этим бледненьким небом» [13]. Но она одинока в своем стремлении к свободе: все цветы и деревья ненавидят пальму, завидуют ей, считают ее гордой. В этом произведении каждое растение имеет свою индивидуальность, проявляет различные психические реакции.

Платонов, безусловно, находится в ряду художников, которые наделяют растения сознанием, способностью реагировать на окружающий мир. Изображение растений в произведениях писателя позволяет ставить вопрос о художественной фитопсихологии Платонова.

Фитопсихология (от др. греч. *phyton* — «растение») — наука, которая изучает жизнь растений, их поведенческие реакции и формы проявления этих реакций. Предметом изучения фитопсихологии является способность растений принимать информацию, поступающую от окружающего мира и реагировать на нее. Датой рождения фитопсихологии можно считать 2 февраля 1966 года, когда американский исследователь Клив Бакстер подсоединил к листьям своего комнатного растения электроды детектора лжи. Детектор показывал положительную реакцию, когда цветок поливали, фиксировал тревогу, когда Бакстер захотел ткнуть растение спичкой. Даже просто мысль об ожоге вызвала ответную реакцию на экране осциллографа. Дальнейшие эксперименты показали, что растения испытывали стресс, когда под угрозой оказывалось другое растение или живое существо. Бакстер сделал вывод, что растения могут улавливать электромагнитные колебания и даже считывать и понимать мысли человека.

Впрочем, большинство приверженцев академической науки весьма скептически отнеслись к выводам исследователя. Однако у Бакстера оказалось довольно много последователей в разных странах, проводивших аналогичные опыты. Так, сотрудники кафедры физиологии растений при Московской сельскохозяйственной академии им. К.А.Тимирязева в 70-х годах XX века не только успешно повторили опыты американского первооткрывателя, но и пошли еще дальше, установив, что растения контактируют друг с другом и способны устанавливать связь с человеком. Английский учёный Антонио Хаксли, изучавший влияние музыки на растения, пришёл к выводу, что музыка имеет огромное значение для улучшения роста и жизненного тонуса растений.

Если в науке ученые все еще спорят, обладают ли растения психикой, то для Платонова этот вопрос решается однозначно. Писатель не только вводит в произведения описание растительного мира, он наделяет растения различными человеческими чувствами. Лексико-семантическим способом выражения фитопсихологии становится в первую очередь олицетворение (персонификация). Олицетворение — иносказательный образ, основанный на отождествлении явлений природы, растительного и животного мира с жизнью и деятельностью людей. С.А.Токарев определяет персонификацию (олицетворение) как «присущее мифологическому сознанию свойство перенесения на неодушевленные предметы и явления черт живых существ (антропоморфизм) или животных (зооморфизм), а также надделение животных качествами человека» [14; 252]. Вместе с тем, многие примеры олицетворения растительного мира у Платонова нельзя рассматривать лишь как стилистический прием, когда неодушевленные предметы наделяются качествами одушевленных.

Все живое в мире Платонова терпит боль, страдает, испытывая муки существования. Растения так же, как и человек, испытывают грусть и тоску жизни: «Пахло умершей травой и сыростью обнаженных мест, отчего яснее чувствовалась общая грусть жизни и тоска тщетности» [7; 95]. В чувстве грусти для Платонова, как отмечает С.Семенова, «большой залог и обещание, грустно — значит, нехорошо все происходит, не должно так быть» [15]. Тоска, возникающая как психическая реакция на утрату и потерю, приписывается растениям наравне с человеком: «Над всем Чевенгуром находилась беззащитная печаль — будто на дворе в доме отца, откуда недавно вынесли гроб с матерью, и по ней тоскуют, наравне с мальчиком-сиротой, заборы, лопухи и брошенные сени» [7; 419]. Писатель создает контраст между живой и чувствующей природой и мрачным и противоестественным существованием героев повести. Создается ощущение, что лишь то, что на первый взгляд лишено жизни, способно на истинные чувства, а человеческие чувства извращены.

Растительный мир является частью платоновского пейзажа, который, как отмечает В.Заманская, онтологичен по сути. Платоновский пейзаж — «внешнее выражение той глубинной жизни экзистенции природы, которую как первичную субстанцию включает в свои произведения писатель» [16]. Это своего рода «панэкзистенциализм». Одушевленность растений — «инвариант платоновского мира; но одушевляет их Платонов именно для того, чтобы сообщить их существованию экзистенциальную тоску, безысходность и сиротство» [17].

В художественном мире Платонова происходит уподобление растения и человека в рождении и смерти. Тесная связь между растением и человеком проявляется в растворении мертвого тела в живой природе, что и становится причиной возникновения новой субстанции. Платоновская идея перехода человека в другое «вещество существования» — растительную форму жизни — усматривается в разговоре двух крестьян, которые в смирении своем перед скорой смертью скромно мечтают о новой жизни в теле дерева: «...я, Елисей Саввич, под кленом дубравным у себя во дворе, под могучее дерево лягу... умру — пойдет моя кровь соком по стволу, высоко пойдет!» [14; 134].

Изображение растительного мира у Платонова связано с экзистенциальным восприятием действительности. Одним из главных утверждений экзистенциализма является предрасположенность всего живого к кризису, разрушению и смерти. Все в мире терпит крушение в силу конечности экзистенции: и человек, и животные, и растения заканчивают свое существование. Мотив смерти — один из основных мотивов в произведениях Платонова: «Синий лист дерева ... уже пожелтел, он отжил, умер и возвращался в покой земли» [7; 494]. «Умерший, палый лист лежал рядом с головою Вошева... и теперь этому листу предстояло смирение в земле» [7; 86]. Смерть, обладающая вечной роковой властью, подчиняет себе все живое, уравнивая страдания человека и растений. Не случайно у Платонова «умершие листья» падают на могилы похороненных людей, таким образом, в смерти уравнивается бытие человека и растения. Мы видим, что растения у Платонова не вянут, не сохнут, а умирают. Употребляя этот глагол, писатель подчеркивает, что растение живет такой же жизнью, что и человек, и, следовательно, имеет такое же право быть сохраненным. Однако герои Платонова живут трудно, их жизнь никто не бережет, и они точно так же не берегут жизнь растений: «Уже тысячи былинки, корешков и мелких почвенных приютов усердной твари он уничтожил навсегда и работал в теснинах тоскливой глины» [7; 96].

Мировоззрение Платонова складывалось в переломную эпоху, когда советский человек покушался не только на трансформацию мира социального, но и предполагал возможным кардинальное воздействие на мир природы. На фоне всеобщего созидания происходило разрушение сложившихся веками связей человека и природы. У Платонова человеческое существование немыслимо вне приро-

ды. Человек в мире Платонова — связующее звено между природой, обществом и Космосом. И эта связь должна быть естественной, жизнеутверждающей и созидательной.

Таким образом, художественный мир Платонова характеризуется единством в изображении растительного мира и человека, которые уподоблены по внешнему сходству, а также на эмоциональном и на бытийном уровнях. Растения у Платонова становятся не пассивным предметом описания, автор придает им статус субъектности, наделяя способностью проявлять человеческие чувства и переживания.

Список литературы

- 1 Эпштейн М. Язык бытия у Андрея Платонова // Вопросы литературы. — 2006. — № 2. — С. 146–164.
- 2 Малыгина Н.М. Художественный мир Андрея Платонова. — М.: Изд. МПУ, 1995. — 96с.
- 3 Барит К.А. Антропософия А.Платонова. Штайнеровский слой в романе «Котлован» // Начало века. — СПб.: Наука, 2000. — С. 154–190.
- 4 Барит К.А. Мотив телесности в прозе Андрея Платонова // Русская литература. — 2001. — № 3. — С. 53–70.
- 5 Дужина Н.И. Андрей Платонов: Поход на Тайны // Литературное обозрение. — 1998. — № 2. — С. 51.
- 6 Платонов А.П. Избранные произведения: Рассказы. Повести. — М.: Мысль, 1984. — 653 с.
- 7 Токарев С.А. Олицетворение // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2-х т. / Гл. ред. С.А.Токарев. — М.: Сов. энцикл., 1980–1982.
- 8 Заболоцкий Н. Избранные сочинения. — М.: Худ. лит., 1991. — С. 118.
- 9 Рубцов Н.М. Избранное. — М.: Худож. лит., 1982. — 319 с.
- 10 Некрасов Н.А. Собр. соч.: В 4-х т. — Т. 1. — М.: Современник, 1990. — С. 129.
- 11 Фет А.А. Сочинения: В 2-х т. — Т. 1. — М.: Худож. лит., 1982. — С. 137.
- 12 Есенин С.А. Собрание сочинений: В 6-ти т. — Т. 4. — М.: Худож. лит., 1978. — С. 47.
- 13 Гаршин В.М. Избранное. — М.: Правда, 1985. — С. 113.
- 14 Платонов А.П. Ювенильное море. Повести, роман. — Уфа: Башкир. книж. изд-во, 1990. — 560 с.
- 15 Семёнова С.Г. Преодоление трагедии: «Вечные вопросы» в литературе. — М., 1989. — С. 331.
- 16 Заманская В.В. Экзистенциальная традиция в русской литературе XX века. Диалоги на границах столетий. — М.: Флинта; Наука, 2002. — С. 204.
- 17 Левин Ю.И. От синтаксиса к смыслу и далее («Котлован» А.Платонова) // Избранные труды: Поэтика. Семиотика. — М.: Языки русской культуры, 1998. — С. 417.

Г.З.Горбунова, Т.М.Мамедова

А.Платонов прозасындағы өсімдіктер әлемі

Мақалада Платонов шығармаларындағы өсімдіктердің берілу ерекшеліктері қарастырылды. Жазушы әлемінің көркем суретіндегі өсімдіктер әлеуметтік ақиқат бейнесімен және жазушының дүниетанымдық ұстанымдарымен тығыз байланыста талданды. Сыртқы ұқсастықтары бойынша үйлестірілген өсімдіктер әлемі мен адамның бейнесіндегі тұтастыққа ерекше көңіл бөлінді. Фитопсихология проблемалары адамдарға ежелгі уақыттан бері таныс дербестендіру контекстінде қарастырылды.

G.Z.Gorbunova, T.M.Mamedova

Flora in A.Platonov's prose

The subject of this study is aspects of description of plants in the works of Platonov. In writer's artistic world view, plants are analyzed in close connection with the images of social reality and writer's world outlook. It emphasizes the unity in the image of plant world and man, which are assimilated in formal resemblance, as well as in emotional and existential levels. Phytopsychology problems are considered in the context of personalization inherent in man since ancient times.

Ю.Б.Мещерякова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова (E-mail: jul_art@mail.ru)

Семья в свете христианских ценностей (на материале романа П.И.Мельникова-Печерского «В лесах»)

В статье рассмотрены нравственные основы семейных отношений в свете христианских ценностей на материале первой части дилогии Андрея Печерского «В лесах». Проанализированы противоречивые пути воплощения в жизни персонажей романа христианского понимания брака. Выявлена сложная авторская позиция к традиционным основам русской семьи.

Ключевые слова: семья, образ, дилогия, нравственность, авторская позиция, дом, традиция, любовь, страсть.

Павел Иванович Мельников (Андрей Печерский) вошел в русскую литературу как самобытный писатель, этнограф и фольклорист, значение творчества которого отмечалось многими его современниками: Н.С.Лесковым, М.Е.Салтыковым-Щедриным, Н.А.Добролюбовым, Н.Г.Чернышевским, Н.А.Некрасовым и другими.

На рубеже XX–XXI веков выходит целый ряд исследований, посвященных литературной деятельности писателя, которые, на наш взгляд, вносят огромный вклад в изучение творчества Мельникова. Среди последних работ можно отметить статьи Е.В.Николаевой, Н.Н.Прокофьевой, Е.В.Храмовой-Гневковской, И.В.Кудряшова и Ю.В.Курдина [1].

В традициях отечественного литературоведения художественную прозу Мельникова-Печерского рассматривали с позиции содержания, поэтики, образов персонажей и т.д.

В связи с возвращением христианских ценностей, интереса к ним сегодня изучение творчества писателя приобретает новый смысл и глубину. М.М.Дунаев определяет романы Мельникова-Печерского «как обширную энциклопедию русской староверческой и сектантской жизни» [2; 312], замечая, что «отечественная литература была (воспользуемся гоголевским образом) «незримой ступенью» ко Христу, она преимущественно отразила то испытание веры, которое совершалось в жизни народа и отдельного человека, которое, собственно, и есть главное испытание, коему подвержены мы в земной жизни» [2; 4].

В нашей работе мы рассмотрим первую часть дилогии Андрея Печерского «В лесах», посвященную заволжским старообрядцам, в аспекте семейных отношений, проанализируем, каким образом в произведении отражается христианское понимание брака, на каких духовных ценностях основана традиционная русская семья и как они реализуются в тексте романа.

На значимость образа семьи всей дилогии впервые указала Л.М.Лотман: «Семейственность представлялась Мельникову-Печерскому ... главным элементом народной этики и основой русского быта. Отсюда особенность построения романов... Появление более или менее значительного лица неизменно влечет за собой рассказ о его семье» [3; 406].

С первых страниц романа мы знакомимся с семьей Патапа Максимыча Чапурина. С воодушевлением говорит Мельников-Печерский о моральных устоях семьи, возглавляемой Чапуриным, об отношениях, существующих между членами семьи, о старинных обрядах, которыми регламентируются эти отношения.

Семьи и сопровождающая ее любовная коллизия — неременная составляющая множества произведений русской художественной литературы. Древнерусская литература показывала любовь, семейные отношения, согласующиеся с христианской аксиологией. Такая любовь воплощена в XV веке в «Повести о Петре и Февронии». Позже в литературе XVII, XVIII–XIX веков обычно изображалась любовь-страсть и, как следствие, — распад семьи. В повести XVII века о Савве Грудцыне, которую исследователи считают «первым русским опытом романа» [4], изображена не христианская любовь, а любовная страсть, которая однозначно и прямолинейно связывается с дьявольскими кознями: «Ненавидя же добра супостат диавол, виде мужа добродетельное житие, и хотя возмутити дом его, и уязвляет жену его на юношу онаго Савву к скверному смешению блуда, растлити жену оную любовию к Савве» [5].

Со временем осмысление истоков любовной страсти с христианских позиций ушло за пределы художественного мира. Эстетически значимым стало изображение возникновения, развития любви. Жизнь вне христианских целей и смыслов проживают почти все герои произведений русских писателей как первого, так и второго ряда. Так, например, у Чернышевского в романе «Что делать?» строится такая система, которая неизбежно направлена на разрушение семьи. Вроде и семейные отношения сохраняются. Но рассматриваются они «новыми людьми» как источник удовлетворения, комфорта. Семьи этих людей неполноценны, то есть бездетны. У другого современника Мельникова-Печерского — Островского — в пьесе «Гроза» Катерина боится наказания за свою измену мужу, но не боится Божьей кары за самый тяжелый грех для верующего человека — за самоубийство. Мир большинства героев Н.Ф.Павлова также индифферентен к христианским ценностям. Его герои живут и действуют так, будто Бога нет. Писатель уловил важный симптом в русском сознании: Бог исчез из внешней и внутренней жизни персонажей, духовное поглотилось душевным, и страсти завладели человеком.

У Мельникова-Печерского же семья является абсолютной ценностью. Брачный союз, по христианским представлениям, свят и нерасторжим: «что Бог сочетал, того человек да не разлучает» (Мф. 19,6). И брак и совершается, и разрушается только по воле Бога, а не по воле людей. Когда на смену языческой культуре приходит христианская, то семья становится не просто «ячейкой общества», но таинством. По христианскому учению, семья есть малая церковь. А церковь строится не на время, а на века, поэтому никакая страсть, никакие испытания не могут разрушить ее. Все страдания переносятся супругами вместе, то есть не может один супруг страдать, а второй искать для себя выгоды и удобств.

Глава семейства Чапуриных — Патап Максимыч предстает в романе требовательным, властным и суровым хозяином, что особенно проявляется в его отношениях с женой и дочерьми: «Что сказал, то и сделаю, когда захочу... Перечить мне не смеет никто» [6; 29].

Его слово в семье всегда последнее, всю свою семью Чапурин держит в страхе. Но страх этот не животный, а благоговейный. По Евангелию: «Так каждый из вас да любит свою жену, как самого себя; а жена да боится своего мужа» (Еф. 5,33). Переводчик Послания св. ап. Павла к Ефессянам на славянский язык передал греч. *phobitai* словом «убоиться», которое имеет несколько смыслов, в том числе — *читать, уважать, заботиться*. Славянский глагол «бояться» также содержит эти значения. Мужу заповедано любить жену как самого себя. Такая любовь исключает отношения господства и страха. Апостол говорит о том, что христианский брак строится как образ отношений между Христом и Церковью: «Мужья, любите своих жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее» (Еф. 5.25).

Так и происходит в семье Чапуриных. Патап Максимыч не только вершит судьбу каждого члена семьи, но и в соответствии с Библией несет полную ответственность за них.

Он даже позволяет Аксинье Захаровне ворчать, поскольку понимает, что жена — хрупкий, немогущий сосуд. Апостол Павел говорит: «Носите бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов» (Галл. 6:1–10). То есть сильные должны носить немощи слабых. Но это не означает, что Аксинья Захаровна капризна. Почти всегда она в подчиненном положении, соглашается с супругом, с его мнением, хотя иногда и Чапурин спрашивает ее совета, прислушивается к ней. Так, когда речь заходит о брате Аксиньи Захаровны, Патап Максимыч интересуется и мнением жены: «А Никифор, как не пьет, золото. Так я и решил его в Узени. Что скажешь на это?» «Что тебе, Максимыч, слушать глупые речи мои? — молвила на то Аксинья Захаровна. — Ты голова. Ох, Патапушка, голубчик ты мой, кормилец ты наш, не кори за Микешку меня...» Но принятие решений всегда возлагается на мужа, поскольку муж фундамент семейной церкви. «Нишкни. Кто тебя, глупую, корит? — так заговорил Патап Максимыч... — Лишнего толковать нечего, пошлем его в Узени... и толковать про то больше не станем» [6; 31–32].

Отличает Патапа Максимыча и внимательное отношение к своей приемной дочери Груне: ему нет никакого различия между нею и родными его дочерьми. Такое же отношение к ней завещает он и своим близким, своей жене: «Слушай, что приказывать стану... Бог даст, женихи станут к Груне свататься и к дочерям — приданое все поровну. Что Настасье, то Прасковье, то и Груне... А помрем мы с тобой, весь дом и все добро, что останется, тоже на три доли всем поровну... Не будет Настасье с Прасковьей родительского моего благословения, коли поровну они с Груней не поделятся. Не мое и не ихнее добро, что мы нажили: его Бог ради Груни послал» [6; 124]. Впоследствии юная Груня, не

забывшая свое кратковременное сиротство, по доброй воле идет замуж за пожилого купца Заплатаина, жалея его осиротевших детей.

Любовь в этой семье — это не страсть, это, прежде всего, забота мужа о данной ему Богом семье, умение делать жизнь своих домочадцев счастливой.

Отсюда складывается и отношение детей к родителям. Дочери Чапуриных, как и приемная их дочь, воспитаны в духе христианского благочестия, в почитании родителей и подчинении им. Так, в вечер крещенского сочельника Настя с Парашей просят у Аксины Захаровны «снежок пополоть», «с девушками посмеяться, на морозце поиграть», на что мать отвечает категорическим отказом: «Худой славы, что ль, захотели?.. дочери отецкие, след ли вам по ночам хвосты мочить?.. Сядьте-ка лучше да псылтырь ради праздника Христова почитайте» ... «Помялись девушки и со слезами пошли в моленную» [6; 23–24].

Дом Чапурина изображается как прибежище «древлего благочестия» [7]. Каждое дело Патап Максимыч начинает с молитвы, с просьбы ниспослать Божье благословение на все его начинания. Он неукоснительно соблюдает все религиозные обряды, традиции, все законы старообрядческой веры. Неоднократно автором несколько раз на протяжении романа упоминается обычай ставить столы народу по поводу какого-то значительного события или большого праздника. Для подготовки столов даже призывают специальную стряпуху — Никитишну, которая хорошо знает толк в еде: перечисление всех блюд поражает своим обилием и многообразием. Сам процесс еды проходит по древнему порядку: обед, чай, заедки. «Заедки» — лакомства, которые готовились на большие праздники. «Этот обычай еще сохранился по городам в купеческих домах, куда не совсем еще проникли нововводные обычаи, по скитам, у тысячников и вообще сколько-нибудь у зажиточных простолудинов. Заедки были разложены на тарелках и расставлены по столу. Тут были разные сласти: конфеты, пастила, разные пряники, орехи грецкие, американские, волошские и миндальные, фисташки, изюм, урюк, винные ягоды, киевское варенье, финики, яблоки свежие и моченые с брусникой, и вместе с тем икра салфеточная прямо из Астрахани, донской балык, провесная шема, белорыбица, ветчина, грибы в уксусе и, среди серебряных, золоченых чарочек разной величины и рюмок бемского хрусталя, графины с разноцветными водками и непременно бутылка мадеры» [6; 134].

Особое место в романе занимает мотив семейного счастья. Ворчливая Аксины Захаровна живет в ладу с суровым Патапом Максимычем, Аграфена Петровна — со своим немолодым мужем. Несмотря на разногласия, которые время от времени обязательно возникают между супругами, этим героям удается сохранить свои семьи. Ведь их жизнь подчинена христианским ценностям. Этому в дальнейшем пытается следовать и юная Дуня Смолокурова, высказывая свои сокровенные думы о будущей семейной жизни: «замуж пойду за того, кого полюблю... Кого по мысли найду, за того и пойду, и буду любить его до веку, до последнего вздоха, — одна сыра земля остудит любовь мою... А разлюбит, покинет, на другую сменяет — суди его Бог, а жена мужу не судья. И хотя б разлюбил он меня, никому бы я не пожаловилась... А что буду делать я замужем, как стану с мужем жить — того я не знаю. Знаю одно — где муж и жена в любви да совете, по добру да по правде живет, в той семье Сам Господь живет. Он и научит меня, как поступать...» [8]. Так, словами Дуни проявляется позиция и самого Мельникова. Подлинно, в жертвенной любви и взаимном смирении супругов друг перед другом — залог прочности семьи. И в такой семье, действительно, «Сам Господь живет».

С другой стороны, герои романа «В лесах» нередко воспринимают любовь и страсть как близкие, синонимичные состояния души и сердца. В словаре В.Даля эти понятия почти так и трактуются: «Любовь — привязанность, начиная от склонности до страсти; сильное желание, хотение; избранье и предпочтенье кого или чего по воле, иногда и вовсе безотчетно и безрассудно» [9]. «Страсть — душевный порыв, нравственная жажда, безотчетное влечение, необузданное, неразумное хотение... страсти человека отделены от разумного начала, подчинены ему, но вечно с ним враждуют и никакой меры не знают» [10]. Однако мы придерживаемся толкование любви, которое, на наш взгляд, наиболее полное и глубокое, принадлежащее апостолу Павлу: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (Первое послание к Коринфянам апостола Павла: 13, 4–8).

Захвачены и поглощены переживанием, которое и может быть истолковано как страсть, Настя Чапурина и Марья Гавриловна. Их судьбами Мельников-Печерский показывает, сколь губительна страсть для души, тела, жизни героев романа.

Настя Чапурина под стать своему отцу — гордая и своевольная, несмотря на то, что воспитание получила в патриархальном духе, в строгости. Но парадокс в том, что плохое человек делает легко, грех сам навязывается в жизни. Каким бы ни было воспитание, надо постоянно прилагать усилия, чтобы не оступиться. На протяжении всей жизни человек должен сдерживать себя, помнить, что хорошо, а что плохо. Настю воспитывали в духе христианского благочестия, но не научили узнавать себя, быть целостным и уметь управлять своим внутренним миром. Потому она, страстно полюбив Алексея, растворяется в этом чувстве, готовая отстать от него и даже сыграть свадьбу «уходом». Она мысли не допускает о замужестве силой, высказывая решительный протест насилью собственной воле: «...вздумают силой замуж отдавать, свяжусь с самым лядящим из тятиных работников... Сама навяжусь, забуду стыд девичий... Не он меня выкрадет, я его уходом к попу сведу...». Чувства Насти и Алексея поначалу яркие, сильные, но все проходит, как только Настя сблизается с Алексеем, а после этого узнает и другую его сторону. «Не чаяла она, что в возлюбленном ее нет ни удалства молодецкого, ни смелой отваги. Гадала сокола поймать, поймала серу утицу. Дивом казалось ей, понять не могла, как это она вдруг с Алексеем поладила... Думала прежде Настя, что Алеша ее ровно сказочный богатырь: и телом силен, и душою могуч, и что на целом свете нет человека ему по плечу... И вдруг он плачет, рыдает и, еще ничего не видя, трусит Патапа Максимыча, как старая баба домового... Где же удал молодецкая, где сила богатырская?.. Видно, у него только обличье соколье, а душа-то воронья... Упал в Настиных глазах Алексей!.. Жаль ей парня, но жаль как беззащитного ребенка, как калеку старика... Плох он, думает Настя, как же за таким замужем жить?.. Только жизнь волочить да маяться до гробовой доски».

Так же и Алексей: если в начале развития отношений с Настей он восторгается красотой девушки, боится поднять на нее глаза, то постепенно, получив желаемое, он все чаще думает о богатстве Чапурина, о том, как жениться на Настасье, о «приданных денежках». Таким образом, молодым приказчиком овладевает страсть к наживе. За столом Патапа Максимыча среди друзей и родственников хозяина Алексей впервые слышит о «ветлужском золоте», о россыпях, открыв которые можно легко и быстро разбогатеть. Страсть к золоту, к быстрой наживе передается всем участникам беседы, в том числе и Алексею. Мечты о богатстве и о том, чтобы стать «хозяином» приводят Алексея к измене Насте, браку с Марьей Гавриловной, основанному на расчете. Все это завершается тем, что Алексей отказывается от своей семьи, своих родителей, обирает жену, порочит память Насти.

Страсть охватывает и Марью Гавриловну. Она переживает чувство любви дважды и дважды разочаровывается. Первый раз жениха Марьи Гавриловны губят ее отец и несостоявшийся свекор, который, несмотря на разницу в пятьдесят лет, впоследствии сам и женится на ней. Пережив смерть любимого человека и восемь лет брака с мужем-самодуром, Марья Гавриловна ведет затворническую жизнь в скиту, пока не появляется Алексей. И если Настя, хоть и поздно, но понимает сущность Алексея Лохматого, то Марья Гавриловна и замуж за него выходит, и унижения от него терпит, а в итоге он ее оставляет и лишает всех денег.

В итоге авторская оценка страсти несет в себе греховное начало в отличие от любви, которую автор трактует как глубоко чувство. «Палящий бог» — Ярило, «который разжигает кровь парней и девушек» и призывает их «любить», выступает в романе символом стихийной власти любви. «Безжалостность» природы, — пишет Л.М.Лотман, — вечно живой и равнодушной, заключающей единство жизни и смерти, Мельников пытается уподобить безжалостной жестокости современного ему общества» [3; 220].

В святоотеческой аскетической литературе страсть определяется как гипертрофическое, уродливое расширение естественной потребности, удовлетворение которой властно подчиняет человека, деформируя весь строй эмоциональной, интеллектуальной и духовной жизни. Воля оказывается не только искаженной, но фактически плененной. Страсть напоминает жестокого тирана, который вселился в человека и мучает его. На это указывает и этимология слова страсть (от славянского глагола страдать). Человек, одержимый страстью, страдает, потому что его естественные потребности болезненно и противоестественно расширены. Так происходит и в романе: злом являются не чувства, а блуд, не деньги, а сребролюбие.

Духовные писатели-аскеты выделяют восемь главных страстей, которые называют смертными, потому что они разрушительно действуют на весь строй духовной жизни. Страсть Насти — плотская (блуд), страсть же Алексея — душевная (сребролюбие). Но и та и другая приводят героев к смерти: Настя успевает принести покаяние, и мы видим лишь ее физическую смерть, а у Алексея смерть нравственная, связанная с его моральным «падением».

Промысл Божий в романе герои воспринимают как истинно верующие люди. Святитель Филарет определяет Промысел Божий как «непрестанное действие всемогущества, премудрости и благодати Божией, которым Бог сохраняет бытие и силы тварей, направляет их к благим целям, всякому добру способствует, а возникающее чрез удаление от добра зло пресекает, или исправляет и обращает к добрым последствиям» [11]. Настя, Патап Максимыч, Алексей получают от Бога именно то, что они заслуживают по своим делам, или же то, что является для них наилучшим разрешением их стремлений и проблем. Так, посмотрев на «житье-быть» Марьи Гавриловны с Алексеем Лохматым, Чапурин размышляет о судьбе своей дочери Насти, любившей Алексея: «Господь знает, что делает... Раннюю кончину сердечной послал, избавил от тяжелой доли, от мужа лиходея». Настя умирает с покаянием, прощенная родителями, не познав горечи семейной жизни с прежде любимым ею Алексеем. Смерть любимой дочери смиряет гордого и честолюбивого Патапа Чапурина. Бесславно, без покаяния погибает окончательно потерявший стыд и совесть Алексей Лохматов. То есть этические нормы патриархального быта, религиозные устои спасают для жизни вечной Настю и ее отца, а отказ от этических норм губит Алексея.

Так, в первой части дилогии П.И.Мельникова-Печерского «В лесах» писатель изображает семью как абсолютную ценность, воссоздает традиционный для русского человека уклад семейной жизни, рисует бытовые картины, раскрывает жизнь старообрядчества с ее традициями, устоями. Кроме того, Андрей Печерский показывает, сколь губительна страсть для души, тела, земной и горней судьбы персонажей.

П.Мельников-Печерский не только образом жизни своих героев, но и собственной авторской позицией, воплощенной в романе, стоит в ряду тех немногих писателей, которые продолжают традиции древней литературы в ее отношении к семейным ценностям.

Список литературы

- 1 Николаева Е.В. Перечитывая эпопею Мельникова-Печерского // Литература в школе. — 1999. — № 7. — С. 26–35.
- 2 Прокофьева Н.Н. Мельников-Печерский // Литература в школе. — 1999. — № 7. — С. 21–26.
- 3 Храмова-Гневковская Е.В. Некоторые особенности поэтики романа П.И.Мельникова — Андрея Печерского «В лесах» (Структура повествования) // Грехневские чтения: Сб. науч. труд. — Н.Новгород, 2001. — С. 53–56.
- 4 Кудряшов И.В., Курдин Ю.А. Эстетика и поэтика народной поэзии в портретных описаниях персонажей дилогии П.И.Мельникова-Печерского «В лесах» и «На горах» // Аркадий Гайдар и круг детского и юношеского чтения. — Арзамас, 2001. — С. 130–139.
- 5 Дунаев М.М. Вера в горниле сомнений: Православие и русская литература в XVII–XX веках. — М., 2003. — 1056 с.
- 6 Лотман Л.М. Роман из народной жизни. Этнографический роман // История русского романа: В 2-т. — М.–Л., 1964. — С. 405–415.
- 7 Бударagina В.П. Комментарии // Памятники литературы Древней Руси / XVII век. Кн. первая. — М., 1988. — С. 606.
- 8 Повесть о Савве Грудцыне // Памятники литературы Древней Руси / XVII век. Кн. первая. — М., 1988 — С. 40.
- 9 Мельников-Печерский П.И. В лесах: В 2 кн. — Кн. 1. — М., 1958. — 616 с.
- 10 Лотман Л.М. Мельников-Печерский // История русской литературы: В 10 т. — Т. IX. — М.; Л., 1941–1956. — Литература 70–80-х годов. Ч. 2. — 1956. — С. 216.
- 11 Мельников-Печерский П.И. В лесах: В 2 кн. — М., 1958. — Кн. 2. — С. 449.
- 12 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 2. — М., 1981. — С. 282.
- 13 Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — Т. 4. — С. 336.
- 14 Пространный катехизис. Сост. Митроп. Московским Филаретом // <http://www.novm.ru/katehizis.html>

Ю.Б.Мещерякова

**Христиан отбасының құндылығы
(П.И.Мельников-Печерскийдың «Тоғайда» романының материалы бойынша)**

Мақалада өнегелі отбасының негізгі қарым-қатынастары Андрей Печерскийдың «Тоғайда» романының бірінші бөлімі материалының негізінде қарастырылды. Романдағы кейіпкерлердің христиандық неке туралы қарама-қайшы көзқарастары сараланды. Орыс отбасының дәстүрлі негіздеріне қатысты автордың позициясы айқындалды.

Y.B.Mesheriakova

**Family in the light of Christian values
(on a material of the novel of P.I.Melnikova-Pecherskogo «In the woods»)**

In the article the moral root of family relations in the light of Christian values are covered and considered on the material of the first part of Andrey Pecherskiys novel «In the woods». Inconsistent ways of the embodiment of Christian understanding of marriage to lives of the characters of the novel are analyzed. The difficult author's position to traditional bases of the Russian family comes to light.

СЕКЦИЯ 2 ОРЫС ТІЛІНІҢ СИНХРОНИЯСЫ МЕН ДИАХРОНИЯСЫ РУССКИЙ ЯЗЫК В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ

УДК 81'

Т.В.Фурсанова

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова (E-mail: tvfursanova@mail.ru)

Концепт «время» как фактор манипуляции в политическом дискурсе

В статье рассмотрены прагматические основания манипулятивности политического дискурса. Как ресурс манипулятивного воздействия проанализирован макроконцепт «время» в системе его микроконцептов «прошлое», «настоящее», «будущее».

Ключевые слова: дискурс, политический дискурс, концепт, манипуляция, общение, институциональный дискурс.

В современной теории дискурса принято различать персональный (личностно-ориентированный) и институциональный (статусно-ориентированный) дискурс. Персональный дискурс, представленный двумя видами общения: бытовым и бытийным, подразумевает, что говорящий выступает как личность, со всеми присущими ей личностными характеристиками и особенностями. В бытийном дискурсе общение преимущественно монологично и представлено произведениями художественной литературы.

Институциональный дискурс характеризуется тем, что говорящий выступает как представитель определенного социального института в рамках установленных статусно-ролевых и ситуационно-коммуникативных норм. Коммуниканты в институциональном дискурсе предстают не столько как личности, индивиды, сколько как носители определенного социального статуса, то есть ядром институционального дискурса является общение базовой пары участников коммуникации — учителя и ученика, ученого и коллеги, журналиста и читателя и т.д. Одним из примеров институционального типа общения служит политический дискурс [1].

Несмотря на то, что теория политического дискурса активно разрабатывается мировой лингвистикой с 50-х годов XX в., общепринятого толкования термина «политический дискурс» до сих пор не сложилось. Не углубляясь в суть разночтений, отметим, что в научной литературе наметилось два подхода к определению его содержательных границ: узкий и широкий.

В первом случае понятие «политический дискурс» соотносится с ситуациями собственно политического общения, такими как парламентские дебаты, законодательные акты, речь президента, других политических деятелей на заседаниях властных структур, в предвыборной кампании и т.п.

Во втором — в этот перечень включают и проблемную статью, и интервью с политиком, и обзор политической, экономической, социальной обстановки в стране, подаваемый журналистом в политическом ключе. Другими словами, содержание термина в широком смысле составляют все речевые образования участников официального общения, так или иначе затрагивающие политику.

Ролевая структура политического дискурса, по описанию Е.И.Шейгал, предполагает разграничение профессионалов/агентов и непрофессионалов/клиентов. В качестве агентов выступают имеющие в любом обществе политические институты: парламент, правительство и другие институты, конкретизирующиеся в социальных ролях их представителей, наделенных правовыми полномочиями. Дальнейшая дифференциация институциональных ролей политического лидера связана с исполнением конкретных официальных должностей во властных структурах (глава государства (монарх, король, царь, президент), премьер-министр, спикер, лидер партии или парламентской фракции). Главная задача агентов в самом общем виде — борьба за власть (овладение властью, ее сохранение, осуществление, стабилизация или перераспределение).

В качестве клиента политического дискурса выступает все население, прибегающее к услугам политических институтов [2].

Можно отметить, что принятая автором терминология отражает специфику моделей поведения коммуникантов: агент (субъект действия, агенс, деятель) — инициатор общения, активная сторона дискурса. Клиенту же (преимущественно массовому) отводится пассивная роль ведомого. Это изначальное неравенство позиций участников коммуникации (в каком бы дискурсе оно ни имело место), на наш взгляд, неизбежно приводит к применению непаритетных способов общения, в том числе манипуляции одних сознанием других: родители манипулируют детьми, учителя — учениками, политик — электоратом и т.д.

К жанрам политической коммуникации с групповым субъектом относятся обращения, листовки, выступления на митингах. В политическом дискурсе Казахстана особое место занимает жанр послания, реализующий одну из основных функций политической коммуникации — функцию ориентации, суть которой сводится к формированию в сознании социума, через формулирование целей и проблем, картины политической реальности.

Разъяснение и оценка политической ситуации в обществе, формирование нужного мировоззрения и убеждения, всяческое препятствие деятельности политических противников — таковы задачи агентов политдискурса на каждом этапе его реализации. Агентам дискурса не столь важно знать мнение клиентов, важнее информировать о собственных взглядах и ценностях, пропагандировать и внедрять их в сознание граждан.

Кстати сказать, если в каких-то иных типах дискурса ценности могут быть скрытыми, подразумеваемыми, то суть политического дискурса состоит в открытом утверждении ценностей, поскольку именно они заявляются как объект желания, цель достижения. Более того, важность этих ценностей постоянно подчеркивается, на них ссылаются политики, журналисты, регулярно «напоминая», что в основе их деятельности лежит неустанная забота о созидании и укреплении этих ценностей как жизненно необходимых для процветания самого общества.

Как отмечает В.З.Демьянков, эффективность политического дискурса в большой степени зависит от того, насколько символы, концепты, которыми оперирует агент (политик, журналист), близки массовому сознанию: его образ мыслей, высказывания, должны «укладываться во «вселенную» мнений и оценок» клиентов (граждан, читателей). Или сделать так, продолжим мы, чтобы клиент поверил, что пропагандируемые агентом концепты и ценности соответствуют его (клиента) собственным предпочтениям. Другими словами, стратегическая цель политического дискурса — не просто «описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию», «внушить гражданам необходимость «политически правильных» действий и оценок» [3], то есть таких, которые соответствуют взглядам идеологического принципа. Прагматическая установка на убеждение на уровне реализации часто подменяется внушением, то есть фидеистическим воздействием, а это прямой путь к манипулированию общественным сознанием.

Манипулятивное воздействие в политическом дискурсе направлено не на отдельных индивидов, а на общество в целом (клиент дискурса), оно ставит своей задачей изменение мнений, побуждений и целей людей в нужном манипуляторам направлении. Манипуляцию общественным мнением можно рассматривать как комплексную стратегию убеждения с целью навязывания коллективных ценностей и преобразования ментальности определенной группы людей для поддержания власти правящей элиты, а шире — для «воспроизводства сложившегося статус-кво в социальной структуре» [4].

Чтобы привлечь массового клиента на свою сторону, политический агент рисует картину реальности, которая непременно наступит с его приходом к власти и будет ценностно несравненно лучше той, которая существовала до него. Ценности, делающие картину мира привлекательной для клиентов политического дискурса, содержательно соотносятся с «опорными» концептами дискурса, «топиками дискурса» (по Демьянкову) [5], образующими его концептосферу. В этом смысле сам «дискурс может рассматриваться ... как совокупность апелляций к концептам» [6; 38].

Свое понимание концепта мы соотносим со следующим рассуждением В.А.Масловой: «Концепт... это тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово и выражаемое им понятие. Концепты — предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений различных мнений... Концептом становятся только те явления действительности, которые актуальны и ценны для данной культуры, имеют большое количество языковых единиц для своей фиксации, являются темой пословиц и поговорок, поэтических и прозаических текстов» [6; 28].

Концепты, обладая свойством изменчивости, непрерывно модифицируются и уточняются человеком, сообразно его опыту, миропониманию и прагматическим целям. Именно поэтому апелляция к

концепту, на наш взгляд, может стать фактором манипуляции. Эту свою мысль мы и пытаемся обосновать на примере реализации концепта «время» в политическом дискурсе Казахстана (языковой материал извлечен из Послания Президента Н.А.Назарбаева народу Казахстана от 29.01.2010 (ПП) и областной газеты «Индустриальная Караганда» (ИК) за 2007–2009 гг).

Когнитивная лингвистика определяет «время» как важнейший концепт культуры, наряду с концептами «пространство» и число образующий концептосферу мир. Эти концепты носят универсальный характер, поскольку служат «системой координат», при помощи которых люди, принадлежащие к той или иной культуре, воспринимают мир и создают его [6; 71].

Как универсальный, общечеловеческий феномен культуры и категория многих наук, концепт «время» имеет сложное, «многослойное» содержание. В политическом дискурсе актуален социальный аспект времени. Социальное время — это форма общественного бытия, которая характеризует становление человеческой деятельности и последовательность различных стадий в историческом развитии. Говоря о социальном времени, выделяют время индивида (жизненный путь конкретного человека), время поколения (длительность актуальной жизнедеятельности современников) и время истории — качественно высший уровень социального времени. С этим концептом связано мироощущение эпохи, поведение людей, их сознание, ритм жизни, отношение к вещам.

В сознании людей время может быть прошедшим, настоящим и будущим. Каждый из этих видов времени становится микроконцептом — «прошлое», «настоящее», «будущее» — в концептуальной системе, которую озаглавливает макроконцепт «время». В политическом дискурсе время — базовая категория, «опорный» концепт, поскольку интерпретация его смысла помогает агентам дискурса осуществлять свои прагматические интенции: формировать у клиентов «правильное» отношение к прошлому, объяснять настоящее и прогнозировать будущее.

Так, например, политиками по-разному интерпретируется прошедшее время, концепт «прошлое», в котором наука выделяет три вида времени: историческое, периферийное (термин М.И.Стеблин-Каменского) и мифическое. Историческое время — это прошлое, о котором народ сохранил относительно достоверные сведения; периферийное время — это прошлое на краю общественной памяти, воспоминания о нем смутны, последовательность и связь событий люди уже плохо представляют. Мифическое время — это время, лежащее за пределами народной памяти, здесь трудно сказать, какое событие произошло раньше другого; события плавают как в плазме, то есть вне всякого времени [6; 76].

В политическом дискурсе актуально прошлое историческое. Этот концепт наполняется разным содержанием в зависимости от интенций агентов дискурса. Для придания большей привлекательности рисуемой ими реальности своего пребывания у власти намеренно снижается значимость «фона» — предшествующей эпохи, прошлого, которое характеризуется как сложный, в целом негативный период истории страны, время ошибок и нерешенных проблем. Груз прошлого осложняет жизнь в настоящем и служит препятствием на пути к заветному будущему. Но это временные и вполне преодолимые трудности: агенты дискурса ясно видят цель и знают средства достижения ее — надо только приложить совместные с клиентами усилия, и трудности будут преодолены:

«Всего несколько лет назад мы были слабым государством, с неразвитой инфраструктурой, но мы нашли в себе силы преодолеть все это, и вывести страну из застоя» (ИК. № 148. 2007);

«Совсем недавно нас не воспринимали как самостоятельное государство, не верили в наши возможности» (ИК. № 148. 2007);

«Затевать внутренние конфликты в условиях, когда государство находится в очень хрупком и нестабильном окружении, это именно дорога в ад. Кто хочет это понять, может взглянуть на трагический опыт соседей. Или посмотреть в прошлое — примеров национального раскола более чем достаточно. Таких ошибок мы не повторим» [ПП];

«Да, времена были, что даже вспоминать не хочется»! (ИК. № 129. 2007);

«Кризис — это не самое страшное, что пришлось перенести нашему государству. Антикризисная программа выстроила перед нами довольно радужные перспективы, и у нас нет повода в этом сомневаться» (ИК. № 14. 2009).

В ситуации же необходимости мобилизовать народ на борьбу с проблемами, активизировать его самосознание, подчеркнуть общность исторической судьбы как залог единства народа и власти агенты политдискурса характеризуют прошлое как время славное, героическое:

«Трудные и героические годы войны сплотили наш народ, сделали нас сильнее» (ИК. № 112. 2007).

Однако такая романтизированная интерпретация прошлого носит, на наш взгляд, скорее ритуальный характер, поскольку имеет место чаще всего в речах по поводу исторических дат, связанных с Великой Отечественной войной, или используется в качестве эмоционального фона в ситуациях мобилизации сил, сплочения и единения клиентов и агентов.

В политическом дискурсе время настоящее — «сегодня» — это время преодоления ошибок и недостатков прошлого и становления новой, лучшей реальности. Это некий мост в будущее: совместными усилиями народа и власти сегодня закладывается фундамент будущего демократически развитого, конкурентоспособного государства:

*«Мы живем во **время преодоления кризисной ситуации**, сложившейся в стране» (ИК. № 13. 2008);*

*«Сегодня — это **время становления конкурентоспособного государства**» (ИК. № 112. 2008);*

*«Сегодня — это **время становления демократически развитого государства**» (ИК. № 13. 2008);*

«Казахстан — сегодня — страна с устойчивым экономическим ростом, стабильной политической ситуацией и межнациональным согласием» (ИК — № 132 — 2008);

«Отрасль здравоохранения в настоящее время переживает возрождение. Происходят значительные изменения в лучшую сторону, в том числе и в нашей области. Ежегодно выделяются значительные финансовые средства для приобретения нового медицинского оборудования» (ИК. № 131. 2008).

Сложности настоящего времени трактуются как явления кратковременные и, безусловно, успешно преодолимые:

*«Сейчас на дворе не 90-е кризисные годы, в данный момент страна переживает сложный экономический период, но который продлится **недолго**». «Тема кризиса волнует сегодня всех. Очень важно, что именно в этот момент прозвучали обнадеживающие слова в Послании народу о том, что казахстанское общество достойно преодолеет **временные трудности**. Особенно запал в душу призыв Президента не только противостоять кризису, но и готовиться, приблизить этап грядущего экономического роста» (ИК. № 169. 2008);*

*«Кризис — это **не самое страшное, что пришлось перенести** нашему государству. Антикризисная программа выстроила перед нами довольно радужные перспективы, и у нас нет повода в этом сомневаться» (ИК. № 14. 2009);*

«Мы воочию убеждаемся, что становимся частью мировой экономики и неизбежно входим в русло глобальной конкуренции» (ПП).

Констатирующий характер высказываний, номинализация, преобладание однотипных предложений, описывающих пропозиции качественной характеристики, порождающие своеобразные идеологические формулы — идеологемы (*время преодоления кризисной ситуации, время становления конкурентоспособного государства*), устойчивые словосочетания с семантически размытыми определениями (*сложный период, временные трудности, значительные изменения, значительные средства*), придают дискурсу характер увещаний, рассчитанных, конечно же, не столько на рациональное, сколько на эмоциональное восприятие, на веру.

Центральное место в концептуальной системе «время», интерпретируемой агентами политического дискурса, занимает микроконцепт «будущее». Используя вечную веру человека в светлое будущее («завтра будет лучше, чем вчера»), политики направляют все усилия на словесное моделирование «прекрасного далека» с целью увлечь за собой как можно больше сторонников. Осуществляется такое прогнозирование в программных документах (в нашем случае — в жанре Послания) властных структур, затем журналисты, как проводники идеологии власти, распространяют в широких массах убеждения и мнения политического принципа. При этом и клиенты-политики, и клиенты-журналисты стремятся сделать так, чтобы массы воспринимали эти мнения и убеждения как соответствующие их интересам. Привлекательнее окажется та картина будущего, параметры которой в большей степени совпадут с ценностями клиентов дискурса. Поэтому политиками эксплуатируются бесспорные для народа ценности, такие как свобода, независимость, безопасность, социальное благополучие, экономическая стабильность, здоровье.

В целом любое прогнозирование будущего утопично, что само по себе служит поводом для манипуляции. Но если вербализацию ближайшего будущего (как и тенденциозное описание прошлого и настоящего) так или иначе сопровождают логические аргументы убеждения (факты, статистика, например):

«Средний размер пенсий будет увеличен в 2010 году на 25 процентов, и на 30 процентов в 2011 году» (ПП);

«Как и было запланировано, в 2010 году зарплата бюджетников и стипендии будут увеличены на 25 процентов, а в 2011 году — еще на 30 процентов» (ПП),

то описание отдаленного будущего чаще всего носит характер констатаций-обещаний (преобладание морфологической формы сложного будущего времени), предписаний (модальность долженствования), перформативов-призывов, заверений в незыблемости заявленных ценностей (употребление форм настоящего времени в значении будущего), то есть рассчитано на фидеистическое воздействие:

«Качественное образование от детского сада до университета **будет доступным** по всей стране в каждой семье» (ПП);

«Повышение качества жизни наших аулов и сёл будет оставаться приоритетным направлением государственной политики» (ПП);

«К 2014 году более 80 % внутреннего рынка продовольственных товаров **должны составлять** отечественные продукты питания» (ПП);

«Важный вопрос нашей стратегии — достойное обеспечение жизни незащищённых членов общества — это дети, их матери и старшее поколение. Государство не будет жалеть средств на решение этих вопросов. Мы приняли и **будем реализовывать** конкретные меры по обеспечению лекарствами детей и беременных женщин» (ПП);

«Но **я призываю** всех казахстанцев, все политические объединения **сплотиться** ради общего прогресса, будущего нашей страны» (ПП);

«**Я призываю** регионы **стать** экономически амбициозными» (ПП);

«Главное — **дальнейшее развитие** гарантий прав и свобод граждан Казахстана, свободы слова, объединений и политического волеизъявления» (ПП);

«Наши независимость, национальная идея, благополучие будущих поколений **остаются незыблемыми на века**» (ПП);

«Программа развития до 2020 года будет вам роздана и опубликована в печати. Мы практически по месяцам знаем, что, где и как **будет сделано и построено**» (ПП).

Таким образом, в целях решения собственных прагматических задач агенты политического дискурса моделируют картину мира, используя иллюкативный ресурс концепта время в системе его микроконцептов: прошлое, настоящее, будущее, политический смысл которых нашел точное выражение в следующем фрагменте Послания: «Прошлое преподало нам немало суровых уроков. Народ сполна испил их горечь. Но сегодня казахстанцы сами хозяева своей судьбы. Новый век настанет. У меня есть уверенность, что это будет лучший век в истории Казахстана. Век, который войдет в нашу историю как столетие созидания и мира».

Эмоциональная приподнятость речи, идеологическая декларативность, призывность, модус долженствования и необходимости, обрамляющий семантические ситуации борьбы и преодоления, — признаки романтического пафоса, коннотативно соотнесенного с семантикой самой номинации программного жанра дискурса — «послание». Классическая риторика знает, что романтический пафос наилучшим образом способствует восприятию внушаемых идей и ценностей, побуждает к принятию сильных решений, свершению неординарных действий и поступков. Клиенты политического дискурса используют силу пафоса в своих прагматических целях.

Список литературы

- 1 Карасик В.И. О типах дискурса // <http://www.rusland.com/education/discipline/philology/discurs/material/material2>.
- 2 Шейгал Е.И. Структура и границы политического дискурса // Филология — Philologica. № 14. — Краснодар, 1998. — С. 22–29.
- 3 Демьянков В.З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // <http://www.infolex.ru>
- 4 Методы манипулятивного воздействия телевидения на общественное сознание. <http://www.library.ru/help/guest.php?RubricID=10&PageNum=63&hv=7&lv=2>
- 5 Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // ВЯ. — 1994. — № 4. — С. 17–33.
- 6 Маслова В.А. Когнитивная лингвистика: Учеб. пособие / В.А.Маслова. — Мн.: ТетраСистемс, 2004. — 256 с.

Т.В.Фурсанова

Саяси дискурстағы «шақ» концептісі манипуляция факторы ретінде

Мақалада саяси дискурстың манипулятивтіліктің прагматикалық негізде қарастырылды. «Шақ» макроконцептісі жүйесіндегі оның «өткен», «келер», «осы» микроконцептері манипулятивтік әрекет ресурсы ретінде сарапталды.

T.V.Fursanova

Concept «time» as a manipulation factor in a political discourse

This article discusses the pragmatic basis of the manipulative political discourse. As a resource makrokoncept is analyzed effects of manipulative «time» in his mikrokonceptov «the past, present, future».

УДК 81'

М.К.Пак, Т.Н.Витковская

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова (E-mail: vitkovskya_tania@mail.ru)

Лингвокультурологические особенности номинаций контаминированных праздников в диалектной системе

В статье рассматриваются место и роль праздников в духовной жизни русского народа. Праздники, по мнению авторов, являются одной из наиболее устойчивых форм культуры и истории с ее богатыми традициями. В настоящее время актуальными являются вопросы формирования и сохранения самобытности русского народа и для того, чтобы реконструировать праздники, необходимо обратиться к языковому материалу. Авторы анализируют уникальный источник для восстановления особенностей картины досуга и быта древних славян, который может прояснить, какое место занимают в истории культуры русского народа праздники.

Ключевые слова: контаминированный праздник, диалектная система, православно-языческий синкретизм, лингвокультурологический компонент, двоеверие.

В духовной жизни русского народа большое место занимают праздники, являющиеся одной из наиболее устойчивых форм культуры и истории народа с его богатыми традициями. В разные исторические эпохи появлялись новые праздники. Большинство из них исчезли, но некоторые вошли в нашу жизнь на многие века. В диалектной системе зафиксирована богатая система номинаций, связанная с понятием праздник. В сознании носителей диалекта сохранились языческие, религиозные праздники, со временем уходящие в историю. В картотеке Архангельского областного словаря зафиксированы лексемы, обозначающие общее название праздника: *годовой праздник* («большой религиозный праздник годового круга христианской православной церкви»), *вековой праздник* («древний праздник»), *крестовой праздник*, *престольной праздник*, *двенадесятой (двунадесятой) праздник* («каждый из двенадцати главных православных праздников»), *большой, маленькой праздник, съезжой праздник, гостебна (я) неделя* («праздничная неделя, в течение которой гости остаются жить в деревне, где отмечается престольный праздник»). Материалы картотеки указанного выше словаря свидетельствуют о широкой распространенности сочетания *съезжой праздник*, в котором отражена такая важная черта празднества, как соборность, общественный характер, восходящий к эпохе языческого развития, когда на праздники сходились люди сел и совершали обряды вместе. Следует отметить, что каждый населенный пункт Архангельской области имел свой праздник, на который съезжались люди из других деревень: *Петров день* — Лебское, Кеврола, Тавреньга; *Егорей праздник* — Спицыно, Часовенская; *Троица* — Шеино, Прилуки; *Ильин день* — Шегмас; *Спас* — Лебское; *Мокола* — Кеба и др. Отдельные праздники были съезжими для нескольких деревень. Некоторые населенные

пункты имели по два праздника: *Шереньга* — Ильин день, *Варлам день*. Имеющий значение для конкретной местности праздник передается лексемой *домашний*.

Традиционная крестьянская жизнь включала несколько составляющих: ритм повседневной жизни определялся чередованием будней и праздников. Хозяйственная и бытовая деятельность крестьянина неразрывно была связана с датами в церковном календаре (святцами). По святцам определялось время постов, свадеб, начала различных сельскохозяйственных работ. Составлявшие годовой круг праздники служили точками отсчета, круг праздников повторялся из года в год. Каждый день посвящался памяти определенного святого или событию из библейской истории. Вместе с тем сохранялся повторяющийся круг праздников, связанных с циклическим развитием природы, когда с языческих времен годовой ритм жизни подчинялся земледельческому календарю. Совместившись, народный и христианский календари своеобразно дополнили друг друга. С христианскими названиями тех или иных дней стали связывать начало различных сельскохозяйственных работ [1]. Эта особенность номинаций праздников прослеживается в собранной нами картотеке, например: праздник пророка *Иеремии*, к которому приурочивали начало весеннего сева, получил народное название *Еремий-запрягальник*, праздник святой великомученицы *Ирины*, отмечавшийся 5 мая, в народе назывался праздник *Ирины-рассадицы*, потому что в это время начинается высадка на гряды рассады огородных культур. Праздник, посвященный памяти святого *Никиты*, отмечавшийся 15 сентября, получил народное название *репореца*, поскольку с этого дня начинали убирать репу. Святые *Косма и Дамиан*, в народе именовавшиеся как *Кузьма и Демьян*, считались целителями скота, врачами людей, покровителями брака. Православная церковь стремилась преобразовать языческую сущность праздников, наложив на народный календарь церковный месяцеслов, или святцы. В результате подобного наложения возникли своеобразные производственно-бытовые святцы — народный месяцеслов. Все 365 дней в году оказались посвященными какому-либо святому угоднику, а чаще даже нескольким, или некоему важному евангельскому эпизоду, то есть каждый день в году стал праздником, большим (нерабочим) или малым (рабочим). Из народного календаря исчезли имена всех языческих богов, их заменили имена христианских святых, но при всех этих изменениях сохранилось главное дохристианское мировоззрение крестьянства, придавшее образам святых функцию божеств плодородия. Так возникло особое, бытовое православие, при котором святые превратились в добрых помощников в сельском труде, в семейной жизни [2].

Древние славяне, рассчитывая дни и распределяя занятия по святцам, непонятные для них по происхождению имена святых и названия церковных праздников сближали с созвучными выражениями родного языка, насколько эти выражения могли определять характер данного времени и имели отношение к разным сельскохозяйственным занятиям и работам, состоянию времени года, погоды и тому подобным обстоятельствам. При этом нельзя не заметить, что самой любимой формой для выражения связи представлений и понятий была пословица или поговорка, связанная с известным именем святого звуковым сходством слов или рифмой [3]. Подтверждение данного факта мы находим в таких названиях праздников как, например, св. Наум — *наставит на ум*, св. Афанасий — *Афанасий Ломонос береги уши и нос*, св. Феодора — *на Федору не метут из избы сора*, преп. Прохор — *на Прохора зимушка-зима заохает* и др.

Точками и ориентирами отсчета годового времени служили христианские праздники. Их названия обычно представляли собой интерпретацию церковных названий на местный лад [4]. Примерами данного явления могут послужить праздники, посвященные памяти св. *Евдокии*, получивший название праздника *Авдотьи-плющихи*; св. *Ксении* — *Аксинья-полузимница, полухлебница*; праздник св. *Ирины* — *Арина-рассадица, разрой берега, урви снега*; св. *Петра* — *Петр-поворот, капустаник*; св. *Мамонта* — *Мамонт овчарник*; св. *Гликерии* — *Лукерья комарница*; св. *Агрипины* — *Аграфена-купальница* и др.

Продолжительное время духовная жизнь на Руси определялась явлением, которое принято обозначать как *православно-языческий синкретизм*. Под *синкретизмом* принято понимать соединение разнородных вероучительных и культовых положений в процессе взаимовлияния религий в их историческом развитии. Православно-языческий синкретизм оказал влияние на все уровни общественного сознания, культуру, поведение, ценностную ориентацию и практические стороны деятельности людей. В названиях праздников отчетливо виден феномен народной культуры, который называют двоеверием. После крещения Руси, в соответствии с новыми условиями создается своеобразный сплав старых и новых форм, названный двоеверием. *Двоеверие* — это система религиозных представлений, в которых языческие и христианские верования пересекались, взаимодействовали и проникали друг в

друга. Влияние синкретизма и двоеверия четко просматривается в номинации праздников и отождествляются нами в понятие *контаминированный праздник*. Исходя из семантики термина *контаминация*, обозначающего «объединение в речевом потоке структурных элементов двух языковых единиц на базе их структурного подобия или тождества, функциональной или семантической близости. В результате происходит «обмен» компонентами таких единиц» [5]. Таким образом, можно определить *контаминированные праздники* как праздники, особенностью которых является наложение христианского религиозного содержания на языческую культуру в процессе исторического развития.

В представленной работе мы разграничиваем контаминированные праздники на основании семантического признака на несколько подгрупп, в каждой из которых имя того или иного святого (святой) связана с определенным событием, относящимся к важным моментам практической жизни сельского человека (ростом и созреванием растений, с началом пахоты, сева, жатвы, первым выгоном скота, началом охоты, наступлением заморозков, прилетом птиц и т.д.):

1. Названия праздников со значением быта мы классифицируем, опираясь на семантический принцип на: 1) приготовление пищи: *Лука* «пекут пирожки с луком. На Луку полуденный ветер — к урожаю яровых»; 2) работа в доме и во дворе: *Федора* «на Федору не метут из избы сора. Под веником всегда живет домовая»; *Емельян* «говорили в народе: «Емельян — серпу дает «роздых». Топят бани, парят веники из травы и цветов, смывают страдную усталость»; *Домна* «на Домну бабы собирали в дом всякую рухлядь, чтобы приобрести благополучие на осень»; *Яков* «Яков-древопилец заготавливает дрова для русской печи. Яков — брат божий, крупицу (град, крупу) пошлет» и т.д.

2. Названия праздников, связанных со значением времен года: *Сергий зимний* — «с Сергия зима начинается. Если Сергей снежком покроется, то с ноябрьской Матрены зима встает на ноги»; *Тимофей-полужимник* — «половина зимы уже прошла. Сильные морозы, бывающие в этот день, называются тимофеевскими. Тимофеевские морозы — позимы. Не диво, что Афанасий ломонос морозит нос, подожди тимофеевских морозов»; *Василий-капельник, дроворуб* — «с крыш начинает капать, солнце заметно пригревает. Полагают, что в этот день всегда бывает оттепель. Василий-капельник — капли даст, капли уж будут к доброму году. Длинные сосульки — долгий лен» и т.д.

3. Названия праздников со значением природных явлений: *Спиридон-солнцеворот* — «от Спиридона солнце на лето, зима на мороз. После Спиридона хоть на воробыный скок да прибудет денек. В самый короткий день — спиридоновские морозы»; *Прокл-великие росы* — «на Прокла поле от росы промокло. Большие росы — загноившееся сено. Крестьяне спешат до Прокла высушить сено»; *Ирина (Арина)-разрой берега, урви снега* «около 29 апреля лед в реках и озерах начинал таять у берегов» и т.д.

4. Названия праздников, в которых упоминается растительный мир: *Акулина-гречишница* «начинают в эти дни сеять гречиху, смотря по погоде. Гречиху сей либо за неделю до Акулины, либо неделю спустя. «Гречневая каша — матушка наша, а хлебец ржаной — отец наш родной», — уважительно говорили крестьяне; *Глафира-горошница* — «заговаривали горох, чтобы уродился на славу. Копали гряды в огороде. Начинали раннюю посадку картофеля»; *Петр и Павел-рябинники* — «в этот день срывали ягоды рябины и кистями вешали под крышу. Часть рябины оставляли на дереве дроздам-рябинникам и другой птице. Осеннее равноденствие. По народному поверью, с этого дня солнце умирает. И тогда зовут Петра и Павла-рябинников отвесть рябины да впрок запасти» и т.д.

5. Названия праздников, связанных со значением животного мира: *Мартын-лисогон* «день 14 апреля: на лисиц, по поверью, нападает курячья слепота; лиса кочует, переселяется в новую нору»; *Федор-скотник* — «на это весеннее время приходится линька скотины. Обновляется волосая покров у лошадей, коров. Выводили во двор скотину, чистили, заговаривали от дурного глаза»; *Агафья-коровница* — «Агафья коровница береги коров. Агафья коров оберегает от болезней. Была бы корова, найдем и подойник» и т.д.

6. Названия праздников, в которых упоминается о птицах: *Мефодий-препелятник* — «на Мефодия праздник препелятников. Со дня Мефодия охотники живут в предвкушении скорой легкой охоты на перепелов»; *Герасим-грачевник* — «прилетает первая весенняя птица — грач. Герасим-грачевник грачей пригнал. В день Герасима-грачевника пекут хлеб в виде грачей»; *Зиновий-синичник* — «синичкин день: прилетают птицы-зимники — синицы, снегири и др. Развешивают кормушки для птиц. Зиновий — праздник охотников, выезжающих в этот день на первую порошу. По первой пороше надо затравить хотя бы одного зайца, который называется «именинным» и т.д.

Совпадение некоторых языческих и религиозных праздников в календаре, смысловое наполнение в их содержании, звуковое созвучие отмечаются специалистами. Исследователи народных, рели-

гиозных праздников считают, что для мифологического сознания присуща тесная связь и влияние вещей, носящих одинаковые и сходные имена. А.Н.Афанасьев пишет, что «рассчитывая время и распределяя работы по святцам, поселянин непонятные для него, по их чужеземному лингвистическому образованию, названия месяцев и имена святых сближает с разными выражениями родного языка, сколько эти последние могут определить характер данного времени, соединенных с ним деревенских работ и состояния природы — теплой или холодной. Чуткое ухо русского человека инстинктивно ищет в своем отечественном языке объяснения для чуждых ему выражений» [6]. Непонятное, неизвестное переосмысливается на базе различных ассоциаций (звуковые, зрительные), сходстве значений, в результате появляется народноэтимологическое толкование: 1) звуковое сходство: *Маковейев день раньше был, мак вейут*. КОТЛ. Фдт.* *Здвижэньё здвигает, Покров покрывает*. ХОЛМ. Чкл. *Купальница-то 6-го июня, нельзя купаца до нейю*. ЛЕН. Тхт. *Здвижэньё, земля, говорят, мати здвинеця, после этого не копали, землю большэ не тревожат*. ЛЕШ. Рдм. 2) внешнее сходство: *Маковейа празднуют на песку*. КАРГ. Ух. Данные примеры народной этимологии, в основе которой лежит принцип семантического притяжения созвучных слов, представляют мотивировку, видения носителей диалекта.

С религиозными праздниками связаны природные, сельскохозяйственные приметы, народные поверья, что нашло отражение в устойчивых выражениях (*микольна погода, ильинская туча, егорьевская тучка, егорьевская вода* — «речная вода в праздник святого Георгия в мае месяце», *петров корень* — «луговая герань», *егорьевское копьё, казанской горох, казанская гроза, казанская сирота, христовская скатерть* — «скатерть, которую стлали в Христов день», *петровские, прокопьевские, ивановские грибы*). Зафиксированы лексемы, производные от названий религиозных праздников: *петровка* — «репа», *успеньевка* — «мошкара», *петровщина* — «плата крестьян пастуху в Петров день» и др. Преимущественно анализируемые языковые единицы обозначают названия растений, используемых для приготовления пищи, явления природы. Внутренняя форма таких названий прозрачна: явление, отмеченное в день того или иного праздника; растение, созревание которого совпадает с тем или иным праздником. В картотеке отмечено большое количество мотивированных названий грибов: созревание грибов совпадает со временем того или иного религиозного праздника — *ильинской груздь, ивановский груздь, спасовский грузель, богородская губа, здвиженская губа, успенская губа, семеновская губа*. Широкое функционирование устойчивых сочетаний, в составе которых лексемы, указывающие на названия христианских праздников, позволяет утверждать, что в сознании носителей зафиксирована религиозная праздничная система, тесно связанная с этнографическими реалиями определенной территории.

Весь круг проанализированных обозначений дает яркую лингвокультурологическую картину, которая может быть описана с различных позиций. Праздничный календарь русского народа на протяжении его многовековой истории не был стабильным. Каждая историческая эпоха накладывала на него свой отпечаток, внося в праздничный быт народа что-то новое. Наиболее заметные изменения он претерпел трижды: после крещения Руси, в период петровских преобразований и после крушения самодержавия, т.е. в переломные периоды в истории русского народа.

Таким образом, история изучения праздников показывает, что они всегда были тесно связаны с условиями жизни людей, с формированием и развитием мировосприятия и верований. Наличие большого количества групп контаминированных праздников, сформировавшихся в результате длительного исторического развития, позволяет говорить об их значимости. Процесс формирования контаминированных праздников был сложным, протяженным во времени и синкретичным по своей сути. Слитые воедино, праздники оказывали друг на друга влияние на протяжении веков, и это соединение народного и православного начал сформировало определенную специфичную систему верований. Поэтому актуальным и необходимым остаётся изучение самого праздника, его современного состояния и процессов трансформации в нем.

Список литературы

- 1 *Катица Ф.С.* Тайны славянских богов. — М.: РИПОЛ классик, 2008. — С. 340–345.
- 2 Народный месяцеслов: Пословицы, поговорки, приметы, присловья о временах года и о погоде / Сост. Г.Д.Рыженкова. — М.: Современник, 1992. — 127 с.
- 3 *Калинский И.П.* Церковно-народный месяцеслов на Руси. — М.: Худ. лит., 1990. — 239 с.

* *Примечание.* Примеры даны в транскрипции, принятой в Архангельском областном словаре.

- 4 *Шангина И.И.* Русские праздники. От святок до святок. — СПб: Азбука-классика, 2004. — 270 с.
- 5 *Лингвистический энциклопедический словарь* / Под ред. В.Н.Ярцева. — М.: Сов. энцикл., 1990. — С. 288.
- 6 *Афанасьев А.Н.* Происхождение мифа. Статьи по фольклору, этнографии и мифологии. — М., 1996. — С. 202.
- 7 *Словарь русских народных говоров* / Под ред. Ф.П.Филина. — М., 1965–2008.
- 8 *Архангельский областной словарь* / Под ред. О.Г.Гецовой. — М., 1980–2010.

М.К.Пак, Т.Н.Витковская

Орыс тілінің диалект жүйесіндегі контоминативті мерекелердің лингвомәдениеттілік ерекшеліктерінің номинациясы

Мақалада мерекенің орыс халқының рухани өмірінде алатын орны мен маңызы көрсетіледі. Авторлардың айтуынша, мереке орыс халқының бай дәстүрлерге толы мәдениеті мен тарихының көрінісі. Қазіргі кезде орыс халқының өзіндік ерекшеліктерін сақтау мәселесі көкейкесті мәселе болғандықтан, мерекелердің тарихын қайта құру үшін тілдік мәліметтерді зерттеу қажеттілігі туындап тұр. Авторлар тілдік мәліметтер ретінде ежелгі славяндардың тұрмыс-салты мен мәдени тарихының ерекшеліктерін көрсететін мерекелердің орны бөлек болғанын көрсете алатын қайнар көздерінің бірі болып табыладынақты мысалдармен дәлелдейді.

M.K.Pak, T.N.Vitkovskaya

Lingvokulturologichesky features of the nominations of kontaminirovanny holidays in dialect system

In the spiritual life of the Russian people occupy a large place holidays, which are one of the most stable forms of culture and history and its rich traditions. Today is a very urgent questions of the formation and preservation of the identity of the Russian people, and in order to reconstruct the holidays, details please refer to linguistic material, which is a unique source for the restoration pattern of leisure and everyday life of the ancient Slavs, who can clarify what place in the cultural history of the Russian people's holidays.

УДК 81'37+811.581

А.Е.Агманова, Д.С.Кульмаганбетова

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана (E-mail: agmanova@mail.ru, bizhanova-85@mail.ru)

Универсальные и идиоспецифические формы репрезентации согласия/несогласия в разноструктурных языках

Статья посвящена коммуникативно-прагматическому описанию основных вербальных и невербальных средств выражения согласия/несогласия в разноструктурных языках на примере русского, казахского и китайского языков. Рассмотрены общие, универсальные и идиоспецифические формы репрезентации согласия/несогласия в рассматриваемых языках.

Ключевые слова: согласие/несогласие, вербальные средства, лексические и грамматические средства, невербальные средства.

В настоящее время в связи с развитием информационных технологий и расширением границ коммуникативного пространства, все больше возрастает роль исследований моделей общения и коммуникативно-прагматического потенциала языковых средств, репрезентирующих те или иные интенции говорящего. Одним из фундаментальных коммуникативных категорий, имеющих универсальный характер, является интенция *согласие/несогласие*. Сущность данной интенции определяется ее значимостью в концептуальной картине мира человека и ролью в организации речевого общения.

Специфика функционирования средств выражения согласия/несогласия в процессе речевого взаимодействия связана с отражением авторской позиции говорящего, установлением коммуникативно-прагматических отношений между собеседниками и их корректировкой в зависимости от прагматического контекста. Прагматический контекст выражения речевых намерений во многом определяется экстралингвистическими факторами, такими как формальность/неформальность ситуации общения, статус и возраст коммуникантов, внутреннее состояние говорящего и др. Речевые акты, реализующие интенцию *согласие/несогласие*, характеризуются многообразием, обусловленным особенностями каждой конкретной коммуникативной ситуации. Позиция языковых средств выражения согласия/несогласия в речевом акте функционально значима, их реализация определяется структурно-семантическими разновидностями в разных типах речи.

Каждый язык мира немыслим без эмоциональной окраски речи, без выражения различных оттенков чувств, при выражении согласия/несогласия в частности. Языковые модели согласия/несогласия воплощают в себе концептуальную картину мира, выражают отношение к нему, отображают фрагменты деятельности человека и многоаспектность действительности.

В жизни людей важное место занимает культура общения, определяющая некоторые правила, которые должны быть соблюдены для успешного проведения коммуникативных актов. Составной частью культуры общения, культуры речевого поведения, является речевой этикет — «правила общения людей друг с другом, воплощённые в речи» [1]. Речевой этикет — важная составляющая любой национальной культуры. Специфика речевого этикета в каждом языке неповторима. Например, под влиянием национальной культуры и традиций китайский язык в основном склонен к мотивированному, лаконичному и конкретному выражению лексического значения, не поощряется выражение значения в непривычной или непонятной для данного языка форме [2].

В данной статье рассматриваются некоторые общие, универсальные и идиоспецифические формы выражения согласия/несогласия в разноструктурных языках: русском (флективном), казахском (агглютинативном) и китайском (изолирующем). Актуальность данной проблемы возрастает в связи с изучением ее в контексте усвоения рассматриваемых языков инофонами.

Как отмечает И.Г.Жуламанова, вербальные формы выражения интенций в разноструктурных языках содержат показатели иллокутивного предназначения, которые, несмотря на различия в грамматической структуре исследуемых языков, обладают сходными семантико-синтаксическими характеристиками [3]. Исследуемые языки имеют разнообразную систему вербальных и невербальных способов репрезентации согласия/несогласия, обнаруживающих как универсальные для трех языков, так и идиоспецифические функции, обусловленные их типологическими особенностями, а также спецификой моделей коммуникативного поведения народа. Необходимо отметить, что прагматическая нагрузка разнообразных форм репрезентации согласия/несогласия в рассматриваемых языках не всегда идентична.

Наблюдаются сходства в содержании, способах и средствах выражения согласия/несогласия в русском, казахском и китайском языках, обусловленные универсальностью данной коммуникативной категории, что, несомненно, служит надежной базой при усвоении данных языков в качестве неродных (иностраных):

1. Вербальные средства:

1.1 Лексические средства

- слова-предложения «да»/ «нет», выражающие согласие говорящего;
- слова, выражающие предикат высказывания (глагольные и именные лексемы, употребленные в функции предиката);
- слова, уточняющие и конкретизирующие согласие/несогласие (модификаторы), модальность высказывания.

1.2 Грамматические средства — синтаксические структуры, монопропозициональные и полипропозициональные модели предложений, обладающие иллокутивным предназначением выражать согласие/несогласие:

- простые предложения (односоставные и двусоставные);
- сложносочиненные предложения;
- сложноподчиненные предложения;
- бессоюзные предложения.

2. Невербальные средства:

- кивок головой;
- улыбка;
- рукопожатие.

Всем языкам свойственны прямые, косвенные, конвенциональные способы выражения согласия/несогласия. Универсальным средством выражения согласия/несогласия во всех рассматриваемых языках являются слова-предложения *Да/Нет*, которые очень часто употребляются вместе с модификаторами — словами, усиливающими и конкретизирующими речевое намерение: в русском языке — *да + ладно, пожалуй, конечно, хорошо, несомненно*; в казахском языке — *иә + әрине солай, жарайды, жақсы, дұрыс*; в китайском языке — 是, (да) + 当然 (конечно), 好(хорошо), 可以 (можно), 行 (ладно), 了(верно).

Прямыми показателями согласия/несогласия являются предложения, предикат которых выражен перформативными глаголами (согласусь/ не согласусь, келісемін/келіспеймін, 同意/不同意), а в русском языке еще и краткими прилагательными с данной семантикой (согласен/не согласен): я согласен с вами, не могу с вами согласиться, сізбен келісемін, сізбен келісе алмаймын, 我同意你的看法, 我不同意你.

Косвенно-конвенциональные способы выражения данной интенции во всех рассматриваемых языках имеют аналогичную репрезентацию: ты права, пусть будет так, пусть будет по-вашему, разумеется, запросто, с легкостью, ни в коем случае, извините, не могу, вы ошибаетесь, позвольте вам возразить; сіздікі дұрыс, қарсы емеспін, жарайды, солай болсын, қарсылығым жоқ, мүмкін емес, тырысып көремін, сіз кәтелесесіз, рұқсатымды бере алмаймын; 我 很高兴, 当然是的, 可以, 你完全正确. 完全正确. 定了, 非常好, 我想不行, 恐怕不行, 不是 样, 我反 , 没 , 当然不是, 我不能, 不起, 我不能.

Система синтаксических средств репрезентирует многообразие выражения ситуаций согласия и несогласия. Предложение реализует речевое намерение говорящего. Формальные средства используются для выражения типичных смыслов. Категория согласия/несогласия структурируется разнообразно: как при помощи монопропозициональных, так и полипропозициональных моделей, реализующих модальности возможности, долженствования, желательности, сослагательности.

М.К.Любимова, рассматривая интенцию *согласие* в русском языке, выделяет полное и неполное согласие [4]. Полное согласие — это такое согласие, когда мнение, намерение, желание коммуниканта полностью совпадают с мнением, намерением, желанием коммуникатора, что выражается в реплике-реакции. Неполное согласие — это такое согласие, когда мнение, намерение, желание коммуниканта совпадают с мнением, намерением, желанием коммуникатора, но коммуникант в реплике-реакции высказывает определенное условие, при котором он согласится с коммуникатором, или в согласии коммуниканта присутствует неуверенность с мнением коммуникатора.

Вместе со словом «да» мы наблюдаем частое употребление вводных слов *конечно, разумеется*, которые интенсифицируют согласие, подчеркивают его полноту:

- *Вы хотели бы жениться на красивой и умной девушке?*
- *Да, конечно.*

Наряду со словом *да* в китайском языке, так же, как в русском и казахском языках, могут использоваться наречия *хорошо, понятно, ладно*, выражающие согласие:

- *Когда у вас будет время? Я хочу еще раз сдать тест.*
- *Вы приходите завтра в 14.00.*
- *Хорошо, я завтра подойду.*

Нередко в ответных репликах, помимо слова *да* и модификаторов, используются те же предикаты, которые были употреблены в вопросе. Такой ответ является бесспорным утверждением, убеждает собеседника в точности и достоверности ответа:

- *Вы сдали домашнее задание?*
- *Да, конечно сдал.*

Вместе с тем, при наличии рассмотренных выше общих черт, что, несомненно, служит надежной базой при усвоении второго языка, представляется необходимым обратить внимание на функционально-семантические особенности и прагматический потенциал средств выражения согла-

сия/несогласия в русском, казахском и китайском языках, что и составляет национально-специфическое в реализации данной коммуникативной категории в рассматриваемых языках [5].

Китайский язык как язык аналитического строя и русский язык как язык синтетического строя отличаются друг от друга формально-структурными характеристиками, которые предопределяют типологически значимые различия в лексике, представляющие собой одну из главных причин отсутствия полной эквивалентности в лексической системе двух языков [6].

В языке находит отражение история народа, его ментальность, своеобразие видения мира. В современной лингвистической науке признанным является тот факт, что язык выступает в качестве зеркала национальной культуры, её хранителя. В любом языке важна и интересна так называемая национально-культурная семантика языка, т.е. языковые значения, которые отражают, фиксируют и передают из поколения в поколение особенности жизни и быта, окружающей среды, культуры и истории народа.

В разных лингвокультурах, в зависимости от особенностей общественного уклада в процессе исторического развития общества и традиций, существуют разные культурные сценарии и нормы поведения, а также сложившиеся формы выражения тех или иных интенций. Это касается и способов выражения согласия/несогласия. В каждом языке есть особые способы репрезентации согласия/несогласия, которые являются выразителями различных эмоциональных состояний. Знание национально-специфических способов выражения согласия/несогласия в разных языках необходимо не только для расширения культурного кругозора, но и для грамотного и адекватного употребления этих форм в процессе межкультурной коммуникации.

Так, например, в китайском языке выражение согласия часто сопровождается похвалой, которая особенно важна в процессе коммуникации:

«你 的建 非常有 意，我百分之百的同意你 ！（我十分 意！）» / *Ваше предложение имеет творческое значение. Я на сто процентов согласен с вами или Я очень доволен.*

В данном случае слова «百分之百 — сто процентов» или «十分 — очень» подчеркивают степень согласия, то, что сделанное предложение весьма удовлетворяет говорящего.

В случае несогласия, отказа в китайской культуре обычно наблюдается стремление щадить самолюбие собеседника, «сохранить лицо собеседника». Согласно «Учению о лице» (面子学 — мянь цзы сюе), человек боится «потерять лицо» («面子» — дю мянь цзы), и все должны заботиться о «сохранении лица» («留面子» — лю мянь цзы) другого человека. Для смягчения отказа в китайском этикете существует несколько тактик поведения:

- юмор, который всегда облегчает неловкую ситуацию и является высшей степенью искусства общения;
- способ «эвфемизма» используется в ситуации, когда предлагаются слишком трудные обязанности; при этом выражается благодарность и высказывается другое предложение;
- способ «буфер», если необходимо отложить решение дела, с предложением вернуться к вопросу спустя некоторое время;
- способ «компенсации», при котором выражается намерение компенсировать собеседнику неприятность, сделать ему приятный сюрприз [7].

Речевые акты, реализующие интенцию согласия/несогласия, зачастую характеризуются комплексной репрезентацией вербальных и невербальных средств. С утвердительным словом «да» в китайском языке часто используются следующие невербальные средства: улыбка, темп голоса, кивок головой, движение глаз. Рассматриваемые ниже примеры представляют собой фрагменты устного речевого общения со студентами-китайцами, изучающими русский язык.

– *Вы выполнили задание Б19?*

– *Да (улыбается).*

В данном примере отвечая утвердительно, говорящий улыбается. Улыбка является показателем разных эмоций, здесь студент улыбается преподавателю, чтобы усилить согласие: он точно сделал упражнение.

– *Когда она будет, через час?*

– *Да (девушка не смотрела на собеседника, когда они разговаривали, но утвердительно кивнула головой).*

В приведенном диалоге вместе со словом *да* партнер по коммуникации использует невербальное средство «кивок головой». Он старается убедить собеседника словами, и в то же время жестом, показывая, что это действительно так.

- *Да Вей, где вы были?*
- *Я болел.*
- *Чем?*
- *Просто...* (указывает на голову пальцами).
- *Наверное, вы не выучили урок, поэтому не пришли? Да?*
- *Да* (глаза быстро двигаются).

В данном случае невербальный показатель (быстрое движение глаз партнера по коммуникации) может быть признаком того, что отвечающий говорит неправду, а его ложь раскрыта собеседником и от этого он чувствует себя неловко. Другой аналогичный пример:

- *Лиана, ты уже сказала?*
- *Да* (другие студенты тихо констатируют: «Нет, она не сказала.»)
- *Точно?*
- *Да, уже сказала* (ее глаза двигаются очень быстро.)

В данном примере отвечающий говорит *да*, но невербальный компонент поведения показывает, что говорящий отвечает неуверенно, при этом не может прямо смотреть на собеседника.

Невербальные компоненты могут сопровождать не только односложные слова-предложения *да/нет*, но и наречия, которые используются в значении согласия, например «хорошо».

- *Можно позвонить попозже?*
- *Да, во сколько?*
- *После девяти можно?*
- *Хорошо* (улыбается).

В данном примере собеседник соглашается, используя наречие *хорошо*, и при этом улыбается, демонстрируя свою расположенность к собеседнику.

На основе анализа фактического материала установлено также следующее комплексное использование вербального и невербального компонентов выражения согласия. Для усиления согласия говорящий может повторять слово *да* и при этом кивать головой.

- *Она ведь уже приехала?*
- *Да, да, да. Подожди, скоро придет* (утвердительно кивает головой).

В данном диалоге говорящий повторяет слово *да* и кивает головой, демонстрируя согласие с партнером.

- *Тебе понятно?*
- *Да, да. Я понимаю* (утвердительно кивает головой).

В приведенном диалоге в ответной реплике говорящий повторяет слово *да* с целью убедить партнера по коммуникации в том, что ей действительно понятна сообщаемая информация. Невербальное средство используется с целью усиления утверждения.

Одной из форм выражения согласия в китайском языке является использование в ответе глагольной формы, которая использовалась спрашивающим в вопросе. На наш взгляд, это самое простое средство выражения согласия для китайских студентов, поскольку в данном случае нужно просто услышать и повторить часть вопроса.

- *Зина, вы Екатерину Юрьевну не видели?*
- *Видели.*

В данном примере в ответной реплике используется перенос глагольной формы из вопроса, чтобы утвердительно ответить на него.

- *Наверное, у вас есть такие фотографии?*
- *Есть* (кивок головой).
- *Эдик, надо еще раз послушать?*
- *Надо* (кивок головой).

Специфичным и довольно частотным способом выражения согласия, характерного для китайского языка в ситуации ответа на вопрос, является использование тонированных звуков. Четыре тона в китайском языке выполняют разные функции: первый тон — выражение сомнения, размышления;

второй — появление вопроса; четвертый — выражение согласия. Звуки «м» и «э» в третьем тоне не используются. В данном случае четвертый тон, т.е. падающий, выражает согласие. Это один из самых распространенных способов выражения согласия среди китайских студентов.

– Лариса, ты согласна с Леной?

– М (четвертый тон в китайском языке).

В данных репликах отвечающий использует четвертый тон звука «м», хотя это не конкретное слово, как «да» или «хорошо», но оно выражает согласие. Вместе со звуком «м» в четвертом тоне, китайские студенты часто используют невербальное средство «кивок головой». Данная комбинация средств демонстрирует согласие.

Таким образом, для китайского языка характерны следующие наиболее частотные способы выражения согласия: использование утвердительного слова «да»; слова «да» и наречия «понятно», «хорошо», «конечно»; употребление вербального и невербального средства в комплексе «да»+кивок головой; повтор слова из вопроса; использование китайских тонов со звуками «м» и «э».

Как уже отмечалось, в диалогах часто употребляются в качестве реакции на речь собеседника так называемые слова-предложения, которые выражают согласие/несогласие:

– Пойдешь в кино? — Да.

– 你去看电影 ? - 好去.

Однако, от слова-предложения «Нет», выражающего отрицание или несогласие, следует отличать «нет» — сказуемое безличных предложений, выражающее отсутствие чего-либо (ср.: *У него нет денег* — 他没有).

Так же, как и от слова-предложения «Да» следует отличать соединительный союз «да» и частицу «да», употребляемую нередко в сочетании с другими словами: да ну, да ладно, да хорошо, да нет. Такое «да» произносится безударно, например: — Поедешь на дачу? — Да нет: я сестру жду.

Одна из задач современной лингвистики — поиск культурологических компонентов в значении лексических единиц. Исследования показывают, что различия в культурных нормах отражаются в языке.

Китайская норма предполагает свободное выражение согласия или несогласия и вообще своего мнения. Однако при деловых переговорах используется равновесие между свободой выражения несогласия и поиском согласия, и это отражается в частом использовании наречий с разной полярностью [6;30]: *好hao*, (хорошо), (верно).

Таким образом, под влиянием национальной культуры и традиций китайский язык в основном склонен к мотивированному, лаконичному и конкретному выражению лексического значения. Наиболее частые ответы при выражении согласия/несогласия в китайском языке являются слова *好hao*, (хорошо), (верно), *行(ladno)*, Нет –(*bushi*), *不是 не верно 不*, не иметь (*budui*), нет *没有*.

В казахском языке имеются формулы и способы выражения согласия/несогласия, употребление которых зависит от таких характеристик коммуникантов, как социальный статус, возраст, пол. Например, речевые модели *қарсы емеспін; жарайды, солай болсын; рұқсатымды беремін; қарсылығым жоқ* употребляются преимущественно в сфере делового общения. В ситуации выражения согласия/несогласия в казахском языке прагматический контекст определяется подчеркиванием статуса и возраста партнеров коммуникации. Для казахской лингвокультуры очень характерны формы обращения типа *жерлес, қарындас, апай, ағай, әжесі* (земляк, сестренка, *апай* — обращение к старшей по возрасту женщине, *ағай* — обращение к старшему по возрасту мужчине, бабушка), причем употребляются они как по отношению к знакомому адресату, так и по отношению к незнакомому. В целом, при выражении согласия/несогласия в процессе общения с незнакомым собеседником для казахской культуры характерно использование вежливых, более мягких слов и выражений.

При выражении согласия/несогласия для русской лингвокультуры характерно обращение к собеседнику по имени и отчеству. В то же время отличительной особенностью русских формул адресации является сокращение имени-отчества: *Саныч, Петровна, Николаевна* и т.д. Кроме того, при обращении к знакомому адресату с какой-либо просьбой часто употребляются имена в уменьшительно-ласкательной форме: *Танечка, Сашенька, Ленусик* и т.д. Специфическими формами выражения согласия в русском языке является употребление идиом, например: *сказано — сделано, приму за честь, для вас всегда пожалуйста* и т.д.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Категория согласия/несогласия отражает концептуальное мировосприятие человеком реальной действительности, является одним из фундаментальных коммуникативных категорий, функциональная значимость которой в речевом взаимодействии довольно велика. Потребности современной лингвистики в развитии прагматической теории обуславливают актуальность контрастивного описания вербальных и невербальных средств репрезентации согласия/несогласия в коммуникативно-прагматическом аспекте на примере разноструктурных языков.

Список литературы

- 1 Свиридова Т.М. Согласие-несогласие как фрагмент языковой картины мира [ЭР] / Т.М.Свиридова. — Елец: ЕГУ им. И.А.Бунина, 2002. — С. 5. — Режим доступа: <http://www.russian.slavica.org/article68.html>
- 2 Сюй Гаоюй. Сопоставительные исследования лексики русского и китайского языков // Сб. ст. — № 1. — Ханчжоу, 1997. — С. 48.
- 3 Жуламанова И.Г. Коммуникативно-семантические группы в разноструктурных языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. — Алматы, 1999. — С. 3.
- 4 Любимова М.К. Интенциональные смыслы согласия и несогласия в русских и немецких дискурсах совещаний и переговоров / М.К.Любимова — [ЭР] Режим доступа: <http://www.russian.slavica.org/article2369.html> — С. 65.
- 5 Агманова А.Е. К проблеме общего и идиоспецифического в процессе формирования знаний инофона // Русская диалектология: традиционные подходы и инновационные технологии: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 100-летию со дня рождения д-ра филол. наук, проф. Л.М.Орлова. — Волгоград: Изд-во «Перемена», 2012. — С. 218.
- 6 Ли Сяндун. Языковые различия и их отражение в лексической семантике китайского и русского языков // Вопросы филологии. — № 2 (14). — М., 2003. — С. 32.
- 7 Тан Хань. Особенности коммуникативного поведения китайцев в сфере делового общения // Русский язык за рубежом. — № 6. — М., 2010. — С. 14.

А.Е.Ағманова, Д.С.Күлмағанбетова

Түрлі құрылымды тілдердегі келісу/келіспеушілік репрезентациясының эмбебаптық және идиоерекшелік түрлері

Мақалада орыс, қазақ және қытай тілдерінің негізінде түрлі құрылымды тілдердегі келісу/келіспеушілікті білдіретін вербалды және бейвербалды құралдардың коммуникативтік-прагматикалық ерекшеліктері қарастырылады. Аталған тілдердегі келісу/келіспеушілік репрезентациясының эмбебаптық және идиоерекшеліктік түрлері көрсетілген.

A.E.Agmanova, D.S.Kulmaganbetova

Universal and idiospetsificheskyy forms of representation of consent/disagreement in raznostrukturnyy languages

This article devoted to the communicative-pragmatic description of the basic verbal and non-verbal expressions of agreement / disagreement of different structural languages on the example of the Russian, Kazakh and Chinese. The general, universal and idio-specific forms of representation agreement / disagreement in these languages are described in the article.

М.К.Пак, А.М.Мудровская

Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова (E-mail: miss_nastena@list.ru)

Языковая модель пространства в заговорных текстах

Заговорный текст, имеющий долгую устную традицию в культуре русского народа, включает в себе большой объем культурной информации о развитии русского языка. В статье рассмотрена особая лексика с локальным значением, выделенная авторами в русских заговорных текстах, образующая своеобразную картину мира. Данный комплекс лексики позволяет проследить динамику заговорного текста, его специфические черты.

Ключевые слова: заговор, заговорный текст, языковая картина мира, лексика с локальным значением, Алатырь-камень, остров Буян.

В контексте современной научной антропоцентрической парадигмы проблема наивной картины мира является актуальной. По мнению многих исследователей (Ф.И.Буслаева, А.Н.Афанасьева, А.А.Потебни и др.), «заговоры суть обломки древних языческих молитв и заклинаний» [1], где «отдельные элементы первобытного мировоззрения в виде языковых особенностей могут в нем сохраниться» [2, 442] и потому представляют один из наиболее важных и интересных материалов для исследователя доисторической старины. Заговорный текст несет в себе большой объем лингвокультурологической информации, которая позволяет создать определенную языковую модель мира русского человека.

В качестве объекта научного исследования заговоры рассматривались в работах И.П.Сахарова, Е.Н.Елеонской, В.В.Иванова, Н.Ф.Познанского, В.Н.Топорова. Уже с 30-х годов XIX в. русской лингвистике появляются работы по изучению языковых и структурных особенностей заговорных текстов.

Материалом для исследования в данной статье служат русские заговорные тексты из различных источников: заговорные формулы и описания магических действий, собранные П.Г.Богатыревым; сказания русского народа, зафиксированные И.П.Сахаровым, а также заговорные тексты из хрестоматий по славянскому фольклору. Общее количество заговорных текстов составляет 130 единиц. Описание материала целесообразно начать с общего употребления топонимов в заговорных текстах. Исходя из структуры заговорного текста выделяются место и роль пространственных обозначений в заговорной формуле, их функции в моделировании особой языковой картины мира.

Сюжетообразующим началом абсолютного большинства русских заговоров, имеющих в основе своей строгую структуру, выступает путь, пространственное перемещение героя, что может быть обусловлено, по мнению исследователей, несколькими причинами:

1. Заговорный текст, содержащий и описание обрядового действия, и сопровождающую его устойчивую заклиательную формулу, позволяет рассмотреть путь как движение к месту совершения ритуала.
2. Заговор, воплощая отдельные компоненты универсального семантического комплекса, «отражает идею посещения потустороннего мира с целью ликвидации исходной ущербности или достижения максимального осуществления новой ситуации» [3].
3. Образ пути мог актуализироваться вследствие присутствия в магической практике представления о тесной взаимосвязи события и возможности непосредственно воздействовать на жизнь индивидуума.

По мнению Е.Н.Елеонской, «дорога в заговоре — место всевозможных полезных и таинственных встреч. Отправление в дорогу — начало пути к новому, неизвестному» [4]. Сам путь в заговоре — определенная последовательность действий, перемещений заговаривающего от дома (профанического начала) к священному камню Алатырю, способному помочь.

Чаще всего заговорные тексты начинаются с указания места, откуда выходит заговаривающий. На основе проведенной статистической работы в зачине заговоров нами были выделены лексемы, обозначающие *реальные объекты мира русского человека*.

Наибольшую частотность (67 %) составляет лексема изба — пойду из избы в двери, из двора в ворота в чистое поле, в подвосточную сторону...; заговор на ловлю зверей: пойду из избы в двери, из

дверей в сени, из сеней на крылечко, с крылечка по лестнице в чистое поле, в твердые заводы, в восточную сторону, во темные леса...; заговор на поход: пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами, выйду в чистое поле, стану на восток лицом»; заговор от болезней: пойду...из избы дверьми, из ворот воротами, там есть огненная река...; от зубной боли: пойду... из избы дверьми, из двора воротами в чистое поле.

В 10 % исследуемых заговоров первый компонент *изба* отсутствует, и текст начинается с лексем *двери, ворота, сени*. Например, заговор от золотухи: *из дверей в двери, в чистое поле*; от болезней: *пошла я из дверей во двери, из ворот в ворота*; от лютой беды: *выхожу я в новы сени дубовые на широк двор заборчатый*; от недугов молодца: *иду я из ворот в чистое поле, в подвосточную сторону*. Употребление данных топонимов связано с необходимостью называния в начальной формуле заговоров места, откуда выходит заговаривающий.

Следующими по частотности топонимами, использующимися в заговорных формулах, являются: *бор, болота, зеленый луг, канава, канал, овраг, ручей, улица*. Данные топонимы используются в своем прямом значении: служат для номинации географических объектов, наиболее важных и пространственных в жизни крестьянина. Представленные лексемы чаще всего используются в заговорах, направленных на явления и объекты живой природы, — при выгоне скота, от укуса змеи, пастушьем заговоре.

В процессе исследования нами были выделены заговорные тексты, где начальная формула представлена предикатом в форме первого лица единственного числа, настоящего времени. Например, заговор от зубной скорби: *иду я ни улицею, ни дорогою, а по пустым переулкам, по оврагам, по каналам*; от лихого человека: *иду я по чистому полю, навстречу бегут семь духов с полудухами*; от лешего: *хожу я по лесам, по кустам, по мхам, по болотам*; на укрощение злобных сердец: *сажусь в сани, крытые бобрами, и соболями, и куницами*. Данная топонимическая организация, по замечанию В.Н.Топорова, «может рассматриваться как важнейший источник для реконструкции основополагающих координат мифопоэтического мира, хронотопа своего мира, т.е. присущего мифу способа освоения пространственно-временного единства» [5].

Вслед за заговаривающим, идущим по дороге, в заговорной формуле возникают ирреальные топонимы: *камень Латырь, море-окиян, остров Буян*. Данные топонимы употребляются в заговорных формулах достаточно часто, символизируя собой, по мнению Н.Ф.Познанского, «весь собор святителей, то место, где заговаривающий обнаруживает свою неотличимость от любого другого, оказавшегося на этом месте» [6; 39]. Рассмотрим на примерах особенности употребления данных топонимов.

Центральным локусом в заговорной формуле можно считать камень Алатырь. Камень Латырь в заговорной формуле олицетворяет собой центр мира и имеет следующие варианты: *камень Алтарь, камень Латарь, Алатырь камень*. В этимологическом словаре М.Фасмера приводится следующее толкование: «Алатырь — всем камням камень, близ которого упала Голубиная книга», «чудесный камень, который был возложен Спасителем в основание Сионского храма. Он был принесен с Синая и поставлен там, как Алтарь» [6]. В энциклопедическом словаре «Славянская мифология» отмечается, что «Латырь — всем камням отец, наделяемый сакральными и целебными свойствами» [7]. Анализ всех словоупотреблений со словом «Латырь» в заговорах дает следующие результаты. Среди названий с собственным именем наиболее частотное сочетание *бел-горюч камень Алатырь*. «Бел-горюч камень Алатырь в материальной белизне сосредотачивал отвлеченное выражение святости и силы. Слово «бел» часто в русском фольклоре выступало именно в этом значении» [8]. Именно данной коннотацией и объясняется преобладание данного сочетания. Следующим по частотности является сочетание *Алатырь-камень*: от скорой dospешки: *в океан-море есть Алатырь камень*; от укуса змеи: *на камни на Латыри стоит дуб кроповой*; от грыжи: *в море-окияне лежит камень Алатырь*; сохранить оружие от порчи: *во святом море-окияне есть камень Латырь*. В небольшом количестве в ходе анализа было выделено словоупотребление *камень*: заговор от злого духа: *на синем море камень*; на кровь: *на мори на окияне лежит камень*. Реже лексема «камень» может употребляться с определением *синий*: *на кровь на синем море на синем камне*; от болезней: *на синем море на синем камне*.

Именно на Алатыре и находится сила, способная помочь заговаривающему. Например, заговор на кровь: *на Алатыре сидит пресвятая Богородица, держит в руке иглу золотую, вдевает нитку шолковую, зашивает рану кровавую...*; от скорой dospешки: *...на Алатыре сидит человек, он стреляет по чисту полю, а убивает всякие боли*; от уроков: *на камне Латыре есть три брата родимые, три друга сердечные: один судит, другой дела отправляет, третий уроки заговаривает*; от пореза: *на том камне сидит красная девица, швея мастерица, держит иглу булатную, вдевает нитку шел-*

ковую, рудожелтую, зашивает раны кровавые. На камень Алатырь может вставать или находиться там и сам заговаривающий: на сбережение полубовного молодца: *на горюч камень Алатырь становилась, частыми звездами обтыкалась, темным облаком покрывалась*; заговор красной девицы от недугов молодца: *становлюсь я, девица, на бел-горюч камень Алатырь, опоясываюсь белой пеленой*. Вероятно, что «присутствие» заговаривающего на священном камне Алатыре придавало заговору особую магическую силу, усиливая его прагматический компонент.

В анализируемых заговорных текстах Алатырь-камень расположен «на море-окиане острове Буяне». Рассмотрим функциональные особенности словосочетания *море-окиан*. В заговорных формулах были выделены следующие варианты данного гидронима: *Каян, Кидань, Китай, Киян, Окиан*. Чаще всего именно с него начинаются заговоры в тех случаях, где отсутствует формула «из дверей в двери...». По замечанию исследователя О.Д.Кузнецовой, «в русском языке почти нет других слов для обозначения моря. Не только литературным, но и диалектным является употребление слова «море» для обозначения океана» [9]. В заговорах сочетание *море-окиан* употребляется в следующих вариантах: сохранить оружие: *«есть святое море-окиан»*; на остановление руды, от пореза, от ужаления змеи, от бешеной собаки, на любовь, от оборотня, от родимца: *«на море на окиане»*. Реже в заговорной формуле данный топоним может сопровождаться определениями: от пищалей и стрел: *окиан-море железное*; кровь заговаривать: *есть великий окиан-море*. Употребление данного топонима в заговорах настолько тесно связывается с другими мифическими реалиями, что оно может рассматриваться только в контексте, никакого реального прототипа здесь выявить не представляется возможным. Как отмечает В.Н.Топоров, «локализация здесь необходима как указание на ритуальную роль моря» [10].

Вслед за приложением «окиан-море» в заговорной формуле используется сочетание *остров Буян*. В этимологическом словаре М.Фасмера приводится следующая этимология данной лексемы: «буян — открытое со всех сторон возвышенное место; базарная площадь, амбар. Согласно теории А.А.Потебни, от корня «буй» — дикий, надменный; нечто возвышенное». В процессе анализа нами были выделены варианты номинации «чудесного» острова: *Белой остров, Божий остров, Златый остров, Святой Буй, Свят остров*.

В заговоре на острове на Буяне чаще всего *лежит камень Алатырь*, а также *стоит дуб; лежит доска, на той доске лежит тоска; стоит дуб ни наг, ни одет; стоит железный сундук, в железном сундуке лежат ножи булатные; стоит дом, а в том доме сидит старица, а держит она жало*. Именно на острове Буяне находятся сверхъестественные персоналии либо силы, способные оказать помощь заговаривающему. Именно на Алатыре *сидит пресвятая Богородица, зашивает раны иголкой*...

Следует заметить, что в заговорных формулах частотным является предикат «буйать», если речь идет о ветрах или болезнях, уроках, ссылаемых на мхи, на болота, на поганые воды, или в хорошие места — на перины и подушки. Например, заговор от грыжи: *там вам гуляць и буйаць, а на етыго раба божьего молодца пора забывать*. Как мы видим, в сознании человека остров Буян осмысливался как реальный объект действительности, обладающий сакральным смыслом. Реже остров получает номинацию «быстрый» — *на быстрым Буяни* или название осмысливается как относящееся к реке *на быстрой Бояне*.

Вслед за употреблением в заговорной формуле ирреальных топонимов — *моря-окиана, острова Буяна и камня Алатыря*, достаточно прочно закрепился и важнейший топоним, номинирующий явление реального мира — *восточная сторона*. В заговорных текстах нами были выделены следующие варианты употребления лексемы «восток» и образованных от нее прилагательных. *Восток*: от болезни молодца: *встала я в красную утреннюю зорю, пошла к Окиан морю, глядучи на восток*; на поход встану *на восток лицом, на запад хребтом*; на посадку пчел в улей: *стану я на восток, против дальней стороны*. *Восточная сторона*: от ноктя: *пойду в восточную сторону, в восточной стороне есть черно море*; от укуса змеи: *выйду со двора воротами, в чистое поле на восточную сторону*; на удачную ловлю: *пойду из избы в двери, из дверей в сени, из сеней на крылечко, с крылечка по лестнице в восточную сторону*. В сознании русского человека восточная сторона всегда ассоциируется с восходом солнца, символизирующего начало нового дня, новой жизни. Поэтому не случайно заговорный текст акцентирует именно восток, восточную сторону как место, где находятся целебные, магические силы, способные помочь заговаривающему.

В небольшом объеме заговорных текстов было выделено сочетание *западная сторона*, которое выступает в роли оппозитива восточной стороне: *Встану я, добрый молодец, и выйду не дверьми за*

новые ворота, в чистое поле, в западную сторону, в западной стороне стоят три беса... Данное словосочетание употреблено в так называемой «присушке», любовном заговоре. Очевидно, что употребление негативной лексики «западный» вместо сакральной «восточный» связано с архаичными представлениями и бинарной оппозицией «восточный-западный». По замечанию А.Н.Афанасьева, «с закатом дневного светила в западной стороне как бы приостанавливается вечная деятельность природы, приходят мрак и холод, просыпаются нечистые, злые и разрушительные силы...» [11]. Любовный заговор, направленный на человека, должен обладать большой магической силой, поэтому сознание человека требует привлечения всех возможных средств — как традиционных, закрепленных, так и обратных.

Выше мы рассмотрели движение заговаривающего от дома к сакральным топонимам: *дом → сени → двор → поле → море-океан → остров Буян → камень Латырь*, т.е. движение вовне. Заговорные тексты уникальны тем, что движение может направляться внутрь — при изгнании болезни у животных или из органов человеческого тела. Данное движение образует определенную синтаксическую структуру, которая рассматривается Т.В.Топоровой следующим образом: «Ядро такой структуры образуют названия частей тела, расположенные в определенной последовательности: А-В, В-С, С-Д» [12]. Например, заговор от отека: *отек, падай с моста на кость, с кости на мясо, с мяса на волос, с волоса на зеленую траву*; от ноктя у скотины: *голой зверь, рысь, побежи в чисто поле, из моей скотины вынимай ноктища, из туши в кожу, из кожи в шею, из шеи в голову вон*; от опоя скота: *опой опойный, выходи с головы, с головы в суставы, из суставов в ногу, из ноги в землю*.

Исходя из структурного комплекса лексем с локативным значением, представляется возможным выявить пространственную организацию заговорного текста, своеобразную наивную картину мира русского заговорного текста:

Кто-то
Едет куда-то (место),
Встречает сверхъестественное существо,
Которое сидит (стоит, лежит, идет).
Где-то (место)
Его просят о чем-то.
Оно выполняет заговор,
Заговаривающий закрепляет слова
И кладет что-то,
Куда-то (место).

Здесь обращает на себя внимание троекратная приуроченность: *заговаривающий — место, персонаж — место, закрепка — место*. Путем троекратной приуроченности лиц и их действий к определенному месту осуществляется пространственная организация заговорного универсума.

Таким образом, заговорный текст представляет собой особый, четко выстроенный порядок указания лексем с локативным значением (реальных и ирреальных), что придает ему своеобразную формульность и логическую завершенность.

Список литературы

- 1 Афанасьев А.Н. Происхождение мифа. — М., 1996.
- 2 Сперанский М. Русская устная словесность. — М., 1912–1913.
- 3 Шиндин С.Г. Пространственная организация русского заговорного универсума. Образ центра мира // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. — М.: Наука, 1993. — С. 108–121.
- 4 Елеонская Е.Н. Сказка, заговор и колдовство и колдовство в России: Сб. тр. — М.: Индрик, 1994. — С. 73.
- 5 Топоров В.Н. О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста. — М.: Наука, 1980. — С. 451.
- 6 Познанский Н.Ф. Заговоры. Опыт исследования происхождения и развития заговорных формул. — М.: Индрик, 1995. — 302 с.
- 7 Славянская мифология. Энцикл. словарь. 2-е изд. — М.: Междунар. отношения, 2002. — С. 19.
- 8 Богословская О.И. Язык фольклора и диалект // Живое слово в русской речи Прикамья. — Пермь, 1974. — С. 117.
- 9 Кузнецова О.Д. Морюшко, море синее // Русская речь. — 1982. — № 4. — С. 112.

- 10 Топоров В.Н. Об индоевропейской заговорной традиции // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Заговор. — М.: Наука, 1993. — С. 81.
11 Афанасьев А.Н. Древо жизни. Избр. Статьи — М.: Современник, 1982. — С. 47.
12 Топорова Т.В. Индоевропейские параллели древнегерманских заговоров // Вопросы языкознания. — 1997. — № 2. — С. 143.

М.К.Пак, А.М.Мудровская

Дуалау мәтіндеріндегі кеңістіктің тілдік үлгісі

Орыс халқының мәдени салтында, орыс тілінің дамуы мен мәдени ақпаратында ауызша дуалау мәтіні маңызды орын алады. Мақалада әлемнің тілдік бейнесін құрайтын орыс халқының дуалау мәтіндеріндегі ерекше лексиканың жергілікті мағынасы қарастырылады. Аталған лексикалық қабат дуалау мәтінінің дамуын қадағалауға, оның ерекше белгілерін анықтауға мүмкіндік береді.

М.К.Пак, А.М.Мудровская

Language model of space in zagovorny texts

The charmed text, having a long oral tradition in the culture of Russian people, considers a big amount of cultural information about development of the russian language. The special lexic with local meaning is analyzed in our article which makes special view of the world. This complex of the lexic helps to follow the dynamic of the charmed text, his special kind.

УДК 81' 23

Ж.Т.Ермекова

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана (E-mail: Zhannat2211@yandex.ru)

Парадигмы образов в художественном тексте Д.Накипова

В статье рассматриваются парадигмы образов с номинантой «человек», которые рождаются в сознании билингвальной творческой личности, воспитанной на казахской и русской культурах. Парадигмы образов формируются восприятием, памятью, воображением, накопленными впечатлениями, интуицией. Исследование языковых средств, к которым обращается казахский писатель при создании художественных образов на русском языке, свидетельствуют как об особенностях творчества билингвального писателя, так и о своеобразии обеих языковых культур.

Ключевые слова: билингвальная творческая личность, образ, парадигма, метафизичность.

Наиболее ярко образная система обнаруживает себя в поэтической и шире — в художественной речи: концентрированным выражением подчеркнутой семантической двуплановостью, очевидными проявлениями формульности и в то же время многообразием нестереотипных индивидуальных реализаций, различными семантико-эстетическими трансформациями конкретных образов, аллюзивностью и т.п. Изучение образного языка имеет большую традицию прежде всего в лингвистике художественного текста, в лингвопоэтике — при описании образной системы конкретного произведения, автора, литературного направления, поэтического языка в целом.

Образ несет и знание (информацию), и ценности, и нормативные предписания, но не прямо, а опосредованно, когда видимая незначительная часть «приглашает» почувствовать и пережить невидимое, но предполагаемое и в этом смысле почти реальное, основное содержание. И не только пережить, но и соотнести с идеалом через эстетическую оценку по шкале: от прекрасного до безобразного.

го. «Глаз скользит по вершине «айсберга», а мысль проникает в его подводную часть. Образ провоцирует диалог писателя и читателя, художника и зрителя, музыканта и слушателя» [1].

Согласно Н.В.Павлович, в человеческом сознании существует единый язык образов со своим «словарем» (парадигмами), «алфавитом» (тезаурусом понятий) и «грамматикой» (типовыми связями парадигм в тексте и варьированием их лексического наполнения) [2; 25]. Образы возникают как носители информации, гарантирующие относительную стабильность ценностного ядра культуры. Универсальный характер вечным образам придает единая природа психофизиологических качеств человека и принципиальное сходство стоящих перед ним проблем. Характеристики вечных образов: 1) относительная понятность для широкого круга носителей конкретной культуры; 2) уникальная емкость и практически неисчерпаемый запас смыслов, высокая степень поливалентности; 3) уникальная аксиологическая наполненность образа.

В последние десятилетия в социокультурном пространстве Казахстана «двуязычие (казахско-русское, русско-казахское) как яркий образец процессов межъязыкового взаимодействия» [3] продолжает активно развиваться. В художественном тексте двуязычной творческой личности проявляется мировидение того народа, к которому принадлежит писатель, отражаются взаимоотношения с теми представителями этносов, с которыми сосуществует бок о бок, особое восприятие мира, специфическая манера письма. Изучение такого явления в современной лингвистике представляет собой особый интерес и самостоятельное направление.

Известный казахский поэт, переводчик, кинорежиссер Б.Каирбеков отмечает, что «Это огромное богатство — чувствовать чужой язык и чужую культуру, как свою», и выделяет два процесса, происходящих с билингвальной творческой личностью. Первое — осознание глубинных корней своего языка через призму другого семиотического мира (русскую культуру), который всегда влиял на родной язык и явился благодатным семенем настолько, что стал его корневой системой. Второй процесс — это знание художественных ценностей другой, русской, культуры, другого языка и через это знание, «помогающее ему снять шелуху повседневной лексики, создать произведение, позволяющее по-новому засиять исконной светозарной этимологии слова, которое проявляется в остром восприятии казалось бы обыденных слов» [4].

«Исследование языковых средств, к которым обращается национальный писатель при создании художественного образа на русском языке, свидетельствует как об особенностях творческого билингвального поэта, писателя, так и своеобразии обеих языковых культур, рельефно проступающих на страницах их произведений» [5; 15].

Наша задача в данной статье показать, какими языковыми средствами пользуется казахстанский русскоязычный писатель Дюсенбек Накипов, создавая при этом в романе «Круг пепла» целую палитру образов [6]. Неординарное сознание билингвального автора, пишущего и думающего на русском языке, заключается в «соединении двух разных языковых систем в творческом процессе, в осмыслении способов мышления двух разных этносов. Пользуясь системой приобретенного языка как инструментом творчества, он воссоздает образы первичной культуры в рамках приобретенной» [5; 21]. Органическое соединение словесной оболочки с духовным ядром делает её предельно выразительной, поэтически осмысленной, приводит к появлению в структуре двух форм, внутренней и внешней. Внутренняя форма — это система образов, а внешняя форма — это организация языковой ткани, которая позволяет добиться активизации звуковой стороны текста, что и делает текст носителем новой, художественной информации, находящейся в подтексте произведения.

Д.Накипов, «обращаясь к русскому языку как к форме художественной практики, как к форме создания литературных произведений», развивает «не только традиции русской, но и своей национальной литературы и культуры. Это развитие выражается в отборе жизненного материала, в его освещении, в образной системе, в использовании фольклорных мотивов, в употреблении слов из своих родных языков» [5; 90]. Вот почему в данной статье делается попытка проанализировать парадигмы художественных образов, созданных творческой билингвальной личностью, ведь «суть ассоциативного мышления состоит не столько в способности видеть сходство между предметами, сколько в способности извлекать из подобия смысл» [7].

Парадигма образа — это инвариант ряда сходных с ним образов, который состоит из двух устойчивых смыслов, связанных отношением отождествления или сравнения, — левый член парадигмы и то, с чем происходит сравнение — правый член парадигмы [2; 14]. Чем больше членов парадигмы нами обнаруживается, тем глубже понимание образа. Основную функцию при создании образов выполняют уникальные лингвистические средства: фонетические, морфологические, лексические, син-

таксические. Важно было определить, в какую грамматическую форму ставит автор номинанту «человек» (грамматико-стилистический уровень), с каким словом сочетает ее (лексико-стилистический уровень), как располагает слова в предложении (синтаксико-стилистический уровень).

Лексический ряд левой парадигмы с номинантой «человек» объединяет существительные: *представитель власти, хиппи, балерина, актер, актриса, режиссер, художник*, отождествляется с лексическим рядом правой парадигмы с номинантами «животное» (*лани, олениха, львица, волчица, павиан, мамонт*), «птица» (*выпь, лебедь*), «рыба» (*мальки, кит, акула, рыба-меч*), «растение» (*подсолнух*), «мероприятие» (*праздник, карнавал*). В рамках этих базовых ассоциаций наблюдается наиболее широкий спектр актуализируемых смыслов, которые характеризуют человека с точки зрения его состояния, ощущений, психофизиологических свойств (характер, темперамент и т.д.), дается представление о том, как в том или ином живом существе человек пытается увидеть себя, свои пороки и добродетели.

Символы в различных культурах не всегда совпадают. Например, *лев* чаще является образом царственности, воплощением героического начала, а *львица* — священным символом богини-матери и в то же время символом скрытых страстей. В лингвокультуре кочевника символ *волка* издревле является тотемом и вбирает в себя много положительных качеств. *Волк* — это, в первую очередь, высший символ свободы, символ самостоятельности и бесстрашия. В парадигме созданных образов обнаруживается почтительное отношение к героине: *о! да! да! великую Алису-волшебницу — Фрейндлих! Ее улыбку — хищный оскал львицы, взгляд умный-умный — волчицы, стать-поступь царскосельская и куртизанская, если так можно-возможно сказать-написать...* [6; 69]. Автор создает красочный и притягательный образ А.Фрейндлих — волшебницы, львицы, волчицы, она же — героиня Царского села — волшебного местечка под Санкт-Петербургом и женственна, как куртизанка, европейская жрица любви эпохи Ренессанса. Такой же пиетет чувствует читатель при сравнении «мастера своего дела» с мамонтом: *в старом сером здании на Пушечной, в двух шагах от Большого: восседающий в кресле мамонт — Тарасов, одними жестами подающий-рассыпающий бриллианты — нюансы движений ...* [6; 89], мастерицу-балерину с ланью: *...агатовоглазая лань — Наташа Бессмертнова...* [6; 88–89].

Положительный образ «женщина-верблюдица», полагаем, в образной парадигме является этнокультурным маркером: *Казалось ей, что Аруана и не верблюдица горбая-гордая-горькая, а Лебедь Белый-Вольный, и Некто злобный и тайный крылья ее забрал, выпил озеро-море ее — Арал аруанный, дал воды ей потравной-дурманной-желчной и превратил в Аруану, но не смог красоты и стати ее убить, не укротил воли бежать-лететь над жесткой стерней, но уже уготовил-изрыл для нее огромный ров-капкан с рыхлыми сыпучими краями, дабы упала-сверглась и умерла навсегда душа ее аруанная-лебяжья-женская ...* [6; 162].

В то же время образ «человек-животное» может вызывать и насмешливо-скептическое отношение: *от мам и мамонтов-пап сбегавшие в свой неолит от палеоконтинентов обрыдлого быта советского...* [6; 46]; *спонтанное танго объединения танцуя-кучкуясь в прайды львов молодых и обособлен в них каждый, как супер-самец, и эго-повадки подруг-угрюмых пантер, презирующих призраки (этно), неся свой вулкан-«кракатау»* [6; 46], *Либо, если ты не природный иккар-рах, то будешь просто орать, как павиан.....* [6; 168].

Образ «человек-рыба», создаваемый сцеплением ряда существительных, либо сочетанием прилагательного с существительным, характеризует человека в зависимости от размера рыбы: *шла сюда молодь-млад-млекозубое племя мерзлотой пощажненное, юнцы-динозавры из айсберга-века вымороженные оттепелью, как если б в «канадах» где-то прет обреченно в верховья осетровое племя, дабы молокой-икрой густой-сметанной оросить камни на дне, рыбешки-мальки-пацаны городские* [6; 46]; *и это были не выходы в речку маленькой-меленькой рыбы, а выбросы лавы-кипящей энергии суверенных китов молодых...* [6; 46]; *На Старом Арбате...Вроде молчаливых быстрых акул-барракуд среди беспорядочно снующих стаек пестрых рыбешек, отравленных донными сероводородными выделениями, в результате каких-то тайных и пока невидимых и неосязаемых подвижек тектонических пород...* [6; 120]; *одетый в хэмовый-грубый-веревочный свитер, сам близнец-копия меч-рыба из степных-океанских глубин* [6; 63].

Богатый аллитерациями, ассоциативными рифмами текст говорит о своеобразии манеры письма Д.Накипова. В образе «человек — птица»: *Обычно, олимпийцы властной пирамиды, выпь-персоны (совы из леса) приходили в театр по торжественным датам, на помпезные салат-торт-кумыс-мясо-фрукт-водка-чай-концерты (в смысле репертуара)* [6; 53], игра слов *VIP* и *выпь* отождествляет

очень важные персоны с птицей, ведущей загадочный ночной образ жизни, за странные повадки которую считают символом безобразия. Нрав у выпы очень неуживчивый, злобный.

Однако чаще Д.Накипов создает птичий образ с положительным оттенком: ... юные балерины: очаровашка-прелесть Катя Максимова, салонно-точеная Наташа Макарова, лебедь-пава Лена Рябинкина... [6; 88–89]. Более частотна латентная передача образа: как **Балерина воспаряет** над пустынями одичания духом Жизели [6; 56]; А героиня (т.е. **Балерина**) летела над распластанными телами кордебалета [6; 48]; Затем легчайший *session*, **вспорхнула, взлетела**, а на лице ни кровинки [6; 57].

Легкость, нежность и восхищение сопровождают образ «человек — насекомое»: перевернулся и стал меж травами выглядывать мурашей и жучков, семенящих по делу своему насекомому, пока не увидел скачковый полет **бабочки** дивнокрылой... сине-красно-желтой, с подпалиной и черным узором по краю крыл... взвизгнул восторженно, прыгнул и погнался за нею — красоткой пушистой, повторяя замысловатый полет **крылосоздания** хрупкого, и снова... на мгновенье в полете-прыжке застыв, извергся в травы и замер — показалось будто ему... видел он в кроне широкой дриаду — **листоделую деву** [6; 44]; ... **грациозка-бабочка** Аллочка Сизова... [6; 88–89].

Ряд эпитетов ярко описывают образ «человек — мифическое существо, ментальное»: ...и лишь на миг, как озарение-обещание чуда показался всем **ангел** — Безымянная, до времени **сгоревшая-истаявшая балерина-мечта** ... [6; 88–89]; Потом требовалось несколько дней, чтобы Балерина вновь обрела самое себя, через многократное повторение классических вариаций, особенно вариации Машеньки из большого *pas-de-deux* последнего акта «Щелкунчика» **божественного Чайковского** [6; 49]; Режиссура **дьявола-искусителя Товстоногова**... [6; 69].

Образ «человек-растение»: смеясь коснулся травы и покатылся по ней, сладострастно касаясь гибких стеблей, **будто дриаду** невинную-юную ласкал и пластал, губами схватил **ириса темный сосок** и выпил запах летучий... [6; 44]; (о декабрьских событиях в Алматы) ...**дети** весны, **маки** мои... вы взошли преждевременно, в декабре на снегу... среди ночи **горят цветы крови** зимой... красный расцвет при луне белого снега... звезды падают... им не подняться назад... маки — цветы декабря... цветы крови и воли... [6; 121]; ...а одно из них (существо) улыбалось-манило и трансформировалось прямо на глазах в медузно-жемчужно-прозрачную эманацию танцующей **феи-пери-женицины-розы**, и тут же таяла-растворялась в инееподобном узоре-витраже, который неожиданно обозначился пепельным кругом, куда внезапно утягивалось все виденное еще секунду назад...» [6; 64], где пери в переводе с казахского — *фея*. Отождествление человека с растением подчеркивает его нежность и незащищенность, поэтому появляется чувство восхищения, с одной стороны, и сочувствия, сожаления к невинно погибшим молодым, с другой.

Интересен образ «человек — снедь (молоко, гриб, шампанское)»: **мамино млеко забывшие девчонки** **молокососовые** **пырили грудью** и **коленки-поганки** **мини-мини**ча [6; 47]. Причастный оборот определяет возраст девочек-малолеток, а образ «коленки-поганки», отождествление их коленок с бесполезными, более того, вредными грибами говорит об отношении автора к девушкам легкого поведения. И совсем отличное отождествление: Как забудешь и не вспомняешь?... «**Генрих IV**» с **Борисовым** и **шампанско-взрывным Фальстафом-Луспекаевым** [6; 69] объясняется неординарностью, поскольку шампанское — напиток празднично-торжественный, для утонченных натур.

Сарказм, игра слов, аллитерация помогли создать необыкновенный образ: **значит дядюшка Гоша-мусор, погонный-поганый** в белянкой форме «**фолит**» в горизонте [6; 47].

Образ «человек-вода» узнаваем любым читателем: **И все это вернули на их планету клонированные дети — земляне первой волны**... [6; 101]; ...и **волнами текут** — меняются поколения **человеков танцующих**... [6; 97]; ...драка распалась мгновенно и рассосалась, все **брызнули-прянули-схлынули к «стоку»**: одни в сквер у «Консы», другие на «Горку» в кусты у театра [6; 47].

Образ «человек-сосуд» передает смысл прямо и латентно: ...мелкая паутинка микротрецин появляется на стенках фарфорового сосуда, а **сосуд этот — он сам** ... [6; 76]; В эту последнюю минуту, Она!-Е-Во! на глазах, слушая-впитывая-наполняясь музыкой, из земной (конечно же) женицины совершала эту невероятную трансформацию и становилась высшей субстанцией, духом Жизели, таинственной, волшебной [6; 56].

Образ «человек-пространство» хорошо знаком и близок казахстанскому читателю: **Лунная Красавица** Калмыка сольется в незримом, но осязаемом интуицией, дуэте с духом Балерины, и сомкнутся в тот вечер круги условного и безусловного, минутного и вечного, совместятся в точке совершенства... [6; 171], отождествление красоты женщины с луной — типично для казахской поэзии, мифологии. Но обиду и работу мести своей не забыл **Осьмихорр** и продолжал охоту свою неустанную на светлых

потомков той Самки, ставшей... айя-умай... **луной** недостижной... **Умай ан-на**... черным семенем своим немым-немысленным, восхотел смех и мысль самионов застлать-перебить...уу-бб-ии-тть... [6; 128].

Образ «человек-природное явление»: *Жизель превращается в стремительный вихрь-вращение на месте в позе attitude-deme-plie?* [6; 57].

Образ «человек-вещество»: *...а две взрослые дочери вышли замуж и растворились в тумане, покинув круг их былой семьи ...* [6; 85].

Образ «человек-огонь»: *безвестные девочки, мальчики горели там протуберанцами — дети одной альма-матери, огненно-чистой материи танца ...* [6; 89].

Достаточно своеобразный образ, полный неотразимо-восхитительного обаяния, «человек (художник Калмык) — мероприятие (праздник, карнавал) — растение (подсолнух)»: *После серой скуки лагеря и параллелепипедов барачного сознания, Калмык казался невероятным праздником, как, скажем, подсолнух на асфальте, или бразильский карнавал в центре демонстрации 7-го ноября на площади (если такое вообще можно представить)* [6; 61]. В Калмыке привлекает его внутренняя раскованность, и бесконечное чувство юмора, независимость суждений и насмешливо-циничный ум в сочетании с тонким пониманием высокого искусства.

В словаре Д.Накипова обнаруживаются и сложные обратные парадигмы с латентным смыслом, например, «время — снедь — человек — пространство»: *ночь мед хайямно — янтарный лёт, гроздьями гнева звезды полярные* [6; 46], созданные на основе ассоциации времени с именем всемирно известного классика персидско-таджикской поэзии Омара Хайяма, наименованием романа «Гроздь гнева» Джона Стейнбека, а, возможно, и библейскими гроздьями гнева божьего, камнем-минералом.

Автор использует и более сложные модели образов, например, «человек — орган (сустав) — пространство (пустота, клуб) — птица»: *— Знали бы те вывихнутые от скуки хиппи, аристократы пустот и всякие мнимые «курандерос» вонючие, как Балерина воспаряет над пустынями одичания духом Жизели* [6; 56], где Курандерос — члены клуба, объединяющего путешественников и исследователей традиционных культур, религиозных верований, мифов, ритуалов и обычаев народов мира; хиппи — представители молодёжной субкультуры, популярной в 1960 и 1970-х годах. Причем следует заметить, что реализация словесных образов наблюдается прямая и латентная. Подобного рода смешение компетенций доказывает невероятную способность мирно сосуществовать в сознании одной креативной билингвальной личности.

Образ страстного зрителя, жертвовавшего дефицитным, ценным товаром, чтобы попасть в театр, создается автором описательно: *летом...в Оперном проходили гастролы легендарного БДТ, с Товстоноговым во главе.... Вся Алма-Ата ходила на ушах-бровях, на БДТ. Отменялись-корректировались отпуски, билеты шли влет-на-разлет-на «блат», и были ценной в банке красной икры и «Мальборо». Да, друг мой, зритель тех лет!...* [6; 68].

Художественный текст Д.Накипова отличает содержательное наполнение созданных образов, стилистико-тематическая маркированность. Изучение художественно-поэтических образов позволяет получить сведения об уникальном феномене — духе народа, его истории, о языковом сознании автора.

Особо хочется остановиться на уникальном свойстве художественного текста, обусловленного креативным билингвальным сознанием Д.Накипова, где так сильно чувствуется перо поэта. Текст изобилует цепочками эпитетов, определяющих лицо: *танцующей феи-пери-женичины-розы, молодь-младлекогубое племя, мерзлотой пощажённое, юнцы-динозавры, рыбешки-мальки-пацаны городские, верблюдица горбая-гордая-горькая, душа ее аруанная-лебяжья-женская, мусор, погонный-поганый, сгоревшая-истаявшая балерина-мечта, навигатор-гаргантюа-пантагрюэль-эпигон-троянец* и т.д., где происходит «столкновение схожих, порой полярных по значению слов, превращает их в мощную спайку — этимологический слиток — «ритмическую метафору» [цит. по 5; 82].

Это не просто игра слов. За фонетическим сходством слов писатель стремится увидеть внутреннюю связь — связь языка с историей, общностью интересов, ценностей.

Мы не исключаем вероятности, что источником появления таких «слитков» в тексте современных поэтов-писателей в родной казахской языковой системе, которой свойственен в препозиции бесконечно длинный лексический ряд определений.

Столкновение слов, разных по своей семантике, делает зримым и реально осязаемым восприятие тех оттенков, которые незаметны и привычны для нашего слуха в обычном употреблении этих же

слов. Неожиданная смена эмоционального тона, чередование слов внутри текста, выявляет основной семантический признак акцентируемого слова, сгущая его смысловую окраску [5; 83].

Такие образы, как Орнеллы Мути — «женщины — узор-орнек»: *Ореол что ли над нею?., выются переплетаются-вяжутся над нею что ли выюна цветы?., узоры лучей на пять сторон сразу тянутся что ли?., рисунком стовенным-сокровенным что ли проступает она? и ореол вокруг витражно-просветный что ли?., солнцелик на камне... огне-дива... плетенье-«орнек» ли? Орнелла!!!...*[6; 126], позволяют сделать предположение о том, что гипотеза Н.В.Павлович относительно общности в разных культурах больших парадигм, и идентичности на уровне малых парадигм видится нам вполне жизнеспособной.

Таким образом, художественный текст содержит большое количество средств речевой выразительности, причем, мы рассматривали парадигмы образов, созданные на основе троп, т.е. лексические средства, хотя текст изобилует и стилистическими, и синтаксическими фигурами. Д.Накипов, блестяще владея русским языком, его богатейшим арсеналом образности, метафоричности, создает и знакомые русскому читателю, и родные образы, выражающие национальное самосознание. Каждый художественно-поэтический образ существует не сам по себе, он не случаен, не обусловлен только данным контекстом, а реализует некоторую «вечную идею», модель, образец, инвариант, парадигму. Понять образ означает узнать эту «вечную идею», а точнее узнать некий смысловой закон, или парадигму.

Список литературы

- 1 Руснак Н.А. Социокультурные маркеры и особенности трансформации образа и знака в художественном творчестве: Дисс. ... канд. философ. наук. — Ставрополь, 2003. — 161 с.
- 2 Павлович Н.В. Язык образов. — М.: Азбуковник, 2004. — С. 71.
- 3 Амалбекова М.Б. Феномен билингвальной личности публициста (лингвокогнитивный и сопоставительный аспекты): Дис. ... д-ра филол. наук. — 10-02-20. — Астана, 2010. — С. 4.
- 4 Каирбеков Б. Два могучих крыла пегаса // Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы: материалы I Междунар. науч.-метод. конф. — М.: Изд-во РУДН, 2008. — С. 83.
- 5 Бахтикиреева У.М. Творческая билингвальная личность (особенности русского текста автора тюркского происхождения). — Астана: Изд-во «ЦБО и МИ», 2009. — 259 с.
- 6 Накипов Д. Круг пепла. Роман интенций. — Алматы, 2005. — 226 с.
- 7 Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. — Т. I–XV. — М.: Языки русской культуры, 1999. — С. 314.
- 8 Орел В.Е. Культура, символ и животный мир. — Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. — 584 с.

Ж.Т.Ермекова

Д.Накиповтің көркем мәтіндеріндегі образдар жүйесі

Мақалада қазақ және орыс мәдениеті ықпалында тәрбиеленген кәсіптік шығармашыл тұлға санасындағы «адам» номинантында қалыптасқан бейнелер парадигмалары қарастырылды. Бейне парадигмалары қабылдау, есте сақтау, қиялдау, жинақталған әсер, интуиция арқылы қалыптасады. Қазақ жазушысының орыс тілінде көркем образдар жасауда қолданатын тілдік құралдарын зерттеу кәсіптік жазушының шығармашылық ерекшелігін айшықтап қана қоймай, екі тілдің өзіндік өзгешелігін айқындайды.

Zh.T.Ermekova

Paradigms of images in D.Nakipov's art text

The article is offered to carry out supervision over paradigms of images with noun «person» who are born in consciousness of the bilingual creative person who has been brought up on the Kazakh and Russian cultures. Paradigms of images are formed by perception, memory, the imagination, the saved-up impressions, intuition. Research of language means to which the Kazakh writer addresses at creation of artistic images in Russian, testify about features of creativity of the bilingual writer and an originality of both language cultures.

СЕКЦИЯ 3

ЛИНГВИСТИКА МЕН ЛИНГВОДИДАКТИКАНЫҢ ӨЗЕКТІ МӘСЕЛЕЛЕРІ АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

УДК 811.161.1 (001)

Г.Ю.Аманбаева¹, А.А.Акынжанова²

¹Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова;

²Карагандинский государственный технический университет (E-mail: alma_akin@mail.ru)

Об особенностях языковой подготовки в микросоциальных группах

Статья посвящена процессу языковой подготовки в микросоциальных группах. Авторы статьи исходят из того, что обучение русскому языку в микросоциальных группах должно быть построено по принципам коммуникации. Цель статьи — показать специфику этой работы, где языковая подготовка направлена на систематизацию знаний грамматического материала, расширение рецептивного словаря за счет овладения новыми лексическими единицами, активизацию лексического запаса на базе разговорных тем и ситуаций общения.

Ключевые слова: русский язык, языковая подготовка, микросоциальные группы, технический вуз, коммуникативная компетенция.

«Государственная программа функционирования и развития языков на 2011–2020 годы» нацелена на реализацию развития лингвистического капитала казахстанцев. В программе предполагается организация системной работы по сохранению функционирования русского языка в коммуникативно-языковом пространстве Казахстана, создание благоприятных условий для изучения, сохранения и развития языков этносов, проживающих в Казахстане, а также оказание содействия в изучении английского и других иностранных языков как средств делового международного общения [1].

И действительно, знание русского языка в новых геополитических условиях является в нашем поликультурном государстве фактором личной конкурентноспособности специалиста в виду прохождения трудовой деятельности специалиста в условиях многонационального коллектива.

Широкое функционирование русского языка наряду с государственным казахским делает особенно актуальным сопоставление различных фактов этих языков. Это представляет, на наш взгляд, не только теоретический, но и практический интерес, стимулируя интерес к изучению названных языков, позволяя взглянуть на известные понятия через призму другого языка, помогая, таким образом, глубже понять свой язык, свою культуру. Сопоставление русского и родного языков ведет к установлению их сходства и различия, обусловленных различием духовной и материальной культуры народов — носителей языков. Это помогает также более адекватному восприятию и пониманию изучаемого языка и способствует формированию толерантной языковой личности, что особенно важно в таких полиэтнических государствах, как Республика Казахстан.

С целью стимулирования изучения русского языка мы считаем необходимым повышение социокультурной компетенции студентов-казахов на основе взаимосвязанного обучения языкам. Взаимосвязанное изучение языков предполагает проникновение в культуру народа, носителя данного языка. Родной язык, являясь сокровищницей национальной культуры, способствует, на наш взгляд, эффективному усвоению неродного языка. С этой целью считаем необходимым проводить на занятиях по русскому языку аналогии с казахским в тех случаях, когда это возможно.

Например, в сфере речевого этикета универсальной формой при официальном общении (в школе, вузе и других официальных учреждениях) принято обращение по имени-отчеству. В казахских школах дети называют учителей *мұғалім*, иногда *ағай*, *апай*, *тәте*. Эти обращения они переносят в вузовскую аудиторию на занятия по русскому языку. В этом случае уместно обращение преподавателя к особенностям речевого этикета в русском и казахском языках.

Автор многочисленных работ о современном русском речевом этикете Н.И.Формановская отмечает, что речевой этикет остается важной частью национального языка и культуры. Невозможно говорить о высоком уровне владения иностранным языком, если это владение не включает в себя

знание правил речевого общения и умение применять эти правила на практике. Особенно важно иметь представление о расхождениях в национальных речевых этикетах. В каждом языке существует своя, формировавшаяся веками система обращений [2].

Грамотное владение устной и письменной речью на родном и русском языках, хорошее владение как минимум одним иностранным языком позволяет рассматривать эти языковые компетенции как основные составляющие языкового образования в сфере высшего образования.

Процесс языковой подготовки обычно начинается с освоения обучающимся естественного языка, его норм, правил, грамматического строя, и только потом, на базе этих первоначальных знаний и навыков, происходит освоение культуры — истории, искусства и т.д.

Обучение русскому языку в микросоциальных группах базируется на языке «общего владения». Иначе говоря, обучение русскому языку строится на основе сходства и различия фонетических, морфологических, словообразовательных особенностей русского и казахского языков. Именно поэтому требования первого уровня включают способность реализовывать ряд необходимых в повседневной коммуникации интенций (вступать в коммуникацию, знакомиться, представляться, извиняться, вести беседу, запрашивать и сообщать информацию на основе аналогии данной ситуации в родном языке. И лишь затем мы переходим к отличительным особенностям русского языка, изучая лексику и грамматику одновременно. Как отмечает В.Н.Волошинов: «Для говорящего не существует отдельно лексики и отдельно грамматики с ее правилами. Оба типа знаний у говорящего слиты в единство, характеризующееся взаимопроникновением, синкретизмом грамматики и лексики, на основе которого и совершается его речевая деятельность» [3].

Студенты, получающие высшее, в том числе техническое, образование на государственном языке в обязательном порядке на 1 курсе продолжают изучение русского языка. В Карагандинском государственном техническом университете дисциплина называется «Русский язык». Ее целью является познание студентами общих и частных закономерностей использования языка в современном обществе, в повседневном речевом общении, овладение русским языком в его коммуникативной функции, совершенствование у студентов навыков практического владения им в различных ситуациях речевого общения. Навыки и умения, приобретаемые после изучения этого курса, — точное, грамотное, четкое изложение своих мыслей в устной и письменной форме; составление деловых документов личного и служебного характера; ведение деловых бесед, телефонных разговоров; владение различными методами изложения материала в устном публичном выступлении, приемами привлечения внимания слушателей.

Кроме того, в Карагандинском государственном техническом университете функционирует Центр «Триединство языков», при котором проводятся курсы русского языка для студентов-оралманов. Занятия проводятся в специально оборудованных аудиториях и мультимедийных классах, оснащенных современным оборудованием, лингафонными кабинетами и компьютерными классами, интерактивными досками. Слушатели зачисляются в группы соответствующего уровня. Количество студентов в группе — 10–12 человек. При этом сложность работы заключается в том, что уровень подготовки студентов различный. Поэтому преподавателю важно оказать индивидуальный подход к каждому студенту.

Обучение русскому языку в микросоциальных группах, на наш взгляд, нацелено на создание различного рода коммуникаций, построенных по принципам коммуникации. Коммуникативная направленность обучения выражается в развитии речевых навыков через общение (уже начиная с усвоения элементарного уровня языка), через насущные интенции, необходимые в повседневной жизни, через формирование интереса к выражению особенностей собственного восприятия мира, индивидуального у каждого человека, развитие механизмов языкового прогнозирования ситуации. Усвоение грамматики при этом становится более эффективным за счет того, что определенные формы слов включаются в коммуникативно-значимые (именно в этот момент) конструкции.

Можно сказать, что каждую микрогруппу, изучающую русский язык как иностранный, подстерегает ряд трудностей, связанных с особенностями языкового сознания. Дело в том, что язык, — это бесконечный и нерасчлененный поток языковых действий и связанных с ними мыслительных усилий, представлений, воспоминаний, переживаний, сопровождающих нас повсюду в качестве неотъемлемого аспекта нашего повседневного существования. Таким образом, для человека, изучающего неродной язык, сложно как раз то, что он уже имеет собственный языковой мир, способ языкового существования, тогда как его мыслительная и коммуникативная деятельность должна разворачиваться в пространстве другого языка, он уже живет уже в одном таком пространстве. Поэтому, имея возмож-

ность выразить в знакомой сфере, он должен отойти на несколько шагов назад и научиться выражать то же самое на другом языке не совсем идентичными конструкциями, словами, имеющими другую мотивацию по значению и словообразованию, он должен привыкнуть к тому, что его языковая действительность становится менее устойчивой и менее предсказуемой, чем та, к которой он привык.

Что может служить опорой при имеющихся задачах и реально существующих трудностях в усвоении неродного языка? Возможно, это мир языковой личности, обладающей определенными языковыми способностями, которые необходимо актуализировать. По мнению В.О.Макавичик и В.В.Максимовой, если в основе языковой способности личности лежит способ фиксации ассоциативно-вербальной сети, то возможно опираться именно на ассоциативный путь создания высказываний, который (будучи знакомым в сфере родного языка) должен постепенно развиваться в пространстве иностранного языка. Языковая способность, рассматриваемая именно в таком аспекте, — это постоянная готовность к созданию синтаксисом, каждая из которых стремится обрести более четкие очертания, став в перспективе частью заверченного синтаксического целого, найдя свое место в возможном будущем предложении [4].

Используя разного рода задания, можно мотивировать освоение русского языка как средства создания параллельного для самовыражения языкового мира. Студенты группы начинают собственный активный поиск средств, распространяющих высказывание, которое берет начало от одного слова. Прodelывая это много раз в устной форме на занятиях, где каждый из группы стремится сказать больше и правильнее другого, можно прийти к тому, что процесс создания высказывания на иностранном языке будет сравним с аналогичным процессом в пространстве родного языка. «Конечный результат этого процесса — получившееся высказывание — представляет собой компромисс между тем, что говорящий «намеревался» высказать (но само это намерение становится для него образно ощутимой действительностью лишь в ходе языкового воплощения), и тем, что «получилось» в силу свойств используемого языкового материала», — считает Б.М.Гаспаров [5].

В успешной организации учебного процесса большая роль принадлежит мотивации.

Мотивация — общее название для процессов, методов, средств побуждения обучаемого к продуктивной познавательной деятельности, активному освоению содержания образования.

Широкая социальная мотивация является основой для овладения русским языком. Активная работа в микросоциальных группах возможна только при наличии серьезной и устойчивой мотивации. Самый сильный мотивирующий фактор — подготовка к дальнейшей эффективной профессиональной деятельности.

Рассмотрим факторы, способствующие активизации языковой подготовки в микрогруппах. Среди них выделяются следующие:

1. Полезность выполняемой работы.

В рамках проблемного обучения при определении статуса русского языка в Казахстане и мировом сообществе студентам предлагается вопрос «Зачем нам изучать русский язык?» Обычно студенты сами в процессе обсуждения приводят следующие доводы:

1) недостаточная обеспеченность учебной литературой на государственном языке и необходимость обращения в связи с этим к литературе на русском языке, 2) более богатые и разнообразные Интернет-ресурсы на русском языке по сравнению с казахским, 3) ведение делопроизводства в Казахстане на двух языках, 4) перспектива дальнейшей жизни и деятельности работы в многонациональном коллективе, где языком межнационального общения традиционно является русский язык и др.

Если студент знает, что результаты его работы будут использованы в учебе и дальнейшей профессиональной деятельности, то отношение к изучению языка существенно меняется в лучшую сторону и качество выполняемой работы возрастает. При этом важно психологически настроить студента, показав ему, как необходима выполняемая работа.

2) Участие студентов в учебной деятельности. Это может быть участие в научно-исследовательской, воспитательной работе, проводимой на той или иной кафедре (подготовка студентами научных работ, участие в различных мероприятиях, посвященных Дню языков, официальным праздникам и т.д.).

3) Участие в олимпиадах по учебным дисциплинам, конкурсах научно-исследовательских работ и т.д.

4) Использование мотивирующих факторов контроля знаний (накопительные оценки, рейтинг, обучающие тесты, нестандартные экзаменационные процедуры). Эти факторы при определенных ус-

ловиях могут вызвать стремление к состязательности, что само по себе является сильным мотивационным фактором самосовершенствования студента.

5) Поощрение студентов за успехи в учебе и творческой деятельности (премирование, поощрительные баллы) и санкции за плохую учебу. Например, за работу, сданную раньше срока, можно предоставлять повышенную оценку, а в противном случае — ее снижать.

6) Индивидуализация заданий, выполняемых как в аудитории, так и вне ее, постоянное их обновление.

7) Мотивация языковой подготовки может быть усилена при использовании следующих форм организации учебного процесса:

- деловые игры;
- дебаты;
- увлеченное преподавание;
- новизна учебного материала;
- использование новых и нетрадиционных форм обучения;
- проблемное обучение;
- обучение с компьютерной поддержкой;
- применение мультимедиа-систем;
- использование интерактивных компьютерных средств;
- взаимообучение (в парах, микрогруппах);
- тестирование знаний, умений;
- показ достижений обучаемых;
- педагогический такт и мастерство педагога, отношение педагога к своему предмету, обучаемым.

Коммуникативный подход является важным видом мотивации, так как это естественная потребность изучающих любой язык. Обучаемые осознанно и единодушно формулируют свои потребности как коммуникативные, а именно: читать и писать с профессиональной целью и для расширения кругозора, использовать русский язык в устной форме официально-делового стиля, владеть методами изложения материала в устном публичном выступлении и др.

На первом году обучения перед студентом и соответственно перед преподавателем русского языка задачи стоят вполне конкретные и весьма серьезные. После года обучения студент-оралман должен воспринимать новый материал по дисциплинам выбранного профиля на русском языке. Все, прошедшие испытания первого курса вузовского обучения, знают, как нелегко даже русскому «настроить» себя на восприятие информации в новом мире научных знаний, где термины являются только базой для понимания сложных взаимосвязей и взаимозависимостей различного рода сущностей. Для наших студентов эта задача труднее в десятки раз: определенную трудность представляет собой освоение терминологии на русском языке (это в то время как, зачастую, на родном языке эти термины им неизвестны), освоение конструкций научного стиля — трудность едва ли не большая, чем терминологическая лексика: обилие деепричастных и причастных оборотов, специальных конструкций.

Языковая подготовка студентов в микрогруппах направлена на систематизацию знаний грамматического материала, повышение уровня практического владения грамматическими структурами и явлениями, расширение рецептивного словаря за счет овладения новыми лексическими единицами, активизацию лексического запаса на базе разговорных тем и ситуаций общения, предусмотренных программой.

Надо заметить, что сферы использования русского языка в Казахстане формируют собственную социофункциональную модель, то есть совокупность форм существования языка, в рамках которой реализуются речевые потребности данного социума во всех жизненных ситуациях и позволяют считать русский язык Казахстана одним из национальных вариантов. Вариант как форма приспособления структурно единого языка к потребностям коммуникации внутри отдельной национальной или государственной общности всегда характеризуется не только определенным количеством субстанциональных инноваций, в том числе иноязычного происхождения, но и заметным числом функциональных смещений общеязыковых единиц. По словам А.И.Чередниченко, указанные смещения могут быть тройного рода: 1) смещение во времени (или диахроническое), при котором языковой элемент, свойственный предшествующему состоянию языка в первичном ареале, сохраняется и ведет активное существование в его вторичном/ вторичных ареалах; 2) смещение в пространстве, вызываемое сняти-

ем территориальных ограничений с употребления языковых единиц во вторичном ареале, по сравнению с первичным; 3) смещение по стратам, выражающееся в повышении или понижении уровня функционирования той или иной единицы [6]. Данные процессы наблюдаются в русском языке Казахстана, что ярко выражено в насыщенности лексической системы единицами, отражающими реалии данного сообщества, и освоенной заимствованной лексикой из казахского языка. Эти проявления находят отражение в языке русского этноса и других этносов, проживающих в Казахстане.

Говоря об образовании, нельзя не учесть того, что оно тесно связано с воспитанием. Реализуя принцип воспитывающего обучения, преподаватели должны использовать специфику языковых дисциплин для воспитания студентов в контексте диалога культур. Важным компонентом воспитания студентов является в процессе языковой подготовки применение культурных материалов с целью формирования позитивного отношения к изучаемым языкам.

Выявление особенностей языковой ситуации в микросоциальных группах, отражающих национально-культурные особенности, свидетельствует, по мнению академика Д.С.Лихачева, о том, что «именно индивидуальные особенности народов связывают их друг с другом, заставляют нас любить народ, к которому мы даже не принадлежим, но с которым столкнула нас судьба. Следовательно, выявление национальных особенностей характера, знание их, размышления над историческими обстоятельствами, способствовавшими их созданию, помогают нам понять другие народы. Размышление над этими национальными особенностями имеет общественное значение. Оно очень важно» [7].

Список литературы

- 1 Государственная программа функционирования и развития языков на 2011–2020 годы. — Астана, 2011.
- 2 *Формановская Н.И.* Речевой этикет и культура общения. — М.: Высш. шк., 1989.
- 3 *Волошинов В.Н.* Марксизм и философия языка. Основные проблемы социологического метода в науке о языке // *Философия и социология гуманитарных наук.* — СПб.: Аста-Пресс LTD, 1995. — С. 216–380.
- 4 *Макавич В.О., Максимов В.В.* Языковая подготовка: коммуникативный подход // *Сибирь. Философия. Образование: Науч.-публ. альманах.* — 2002. — Вып. 6. — Новокузнецк: Институт повышения квалификации, 2003. — С. 47–59.
- 5 *Гаспаров Б.М.* Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. — М.: Новое литературное обозрение, 1996. — 352 с.
- 6 *Чередниченко А.И.* Методологические вопросы теории языкового варьирования // *Грамматические и лексические аспекты регионального варьирования полинациональных языков: Сб. науч. тр.* — Киев: КГПИИЯ, 1988. — С. 6–12.
- 7 *Лихачев Д.С.* Заметки о русском. — 2-е изд., доп. — М.: Сов. Россия, 1984. — 62 с.

Г.Ю.Аманбаева, А.А.Ақынжанова

Шағын әлеуметтік топтардағы тіл дайындығының ерекшеліктері туралы

Мақала шағын әлеуметтік топтардағы тілдік дайындық мәселесіне арналған. Авторлар шағын әлеуметтік топтарда орыс тілін оқыту коммуникация талаптары бойынша жүргізілуі керек дегенді айтады. Авторлар тілдік дайындық барысында грамматикалық материалды жүйеге келтіру, жаңа лексикалық бірліктерді меңгеру нәтижесінде рецептивтік сөздікті кеңейту, тілдесу, ситуация және ауызекі сөйлеу материалдары негізінде лексикалық қорды дамыту арқылы жүзеге асатынын дәлелдеуге талпыныс жасаған.

G.Y.Amanbaeva, A.A.Akynzhanova

About features of language preparation in microsocial groups

Article is devoted to process of language preparation in microsocial groups. The author of article recognizes that teaching to Russian in microsocial groups, should be constructed by communication principles. The author sets as the purpose to show specifics of this work where language preparation is directed on ordering of knowledge of a grammatical material, extension of the receptive dictionary at the expense of mastering by new lexical units, activization of a lexical stock on the basis of colloquial topic and communication situations.

Г.Ю.Аманбаева¹, Н.А.Касенова²¹Карагандинский государственный университет им. Е.Букетова;²Карагандинский государственный технический университет (E-mail: nursaman@mail.ru)**Развитие коммуникативной компетенции на занятиях русского языка**

Статья посвящена развитию коммуникативной компетенции студентов, которая занимает ведущее место в общекультурном и профессиональном становлении личности студента, и, являясь одной из приоритетных задач образования, представляется как важнейшая составляющая гуманитарного образования. По мнению авторов, именно коммуникативная компетенция может являться условием успешной адаптации личности студента к жизни в поликультурном обществе и поэтому заслуживает всестороннего изучения и анализа.

Ключевые слова: коммуникация, коммуникативная компетенция, коммуникативные умения и навыки, модель развития, методы коммуникативного обучения.

Изменения, происходящие в обществе на современном этапе жизни, требуют кардинальных реформ в сфере образования. Современное общество сегодня нуждается не только в специалистах-профессионалах своего дела, но прежде всего в коммуникабельных творческих личностях, стремящихся к гармоничному вхождению в поликультурное пространство, к межкультурной диалоговой форме общения. Для решения данной задачи необходима целостная инновационная система коммуникативного образования, которое строится на основе языковой подготовки студентов. В Государственной программе развития образования Республики Казахстан определена стратегия воспитания современной личности, владеющей как минимум тремя языками, уважающей культуру и традиции народов мира. В этой связи одной из приоритетных задач образования является направленность образовательного процесса на гуманистические ценности, которая, несомненно, способствует эффективно-му усвоению языкового материала через речевую деятельность, построение коммуникативной компетенции.

Исследованию коммуникативной компетентности посвящены работы многих ученых: И.А.Зимней, А.А.Леонтьева, Л.А.Петровской, Ю.Н.Емельянова, А.П.Панфиловой, Ю.М.Орлова, В.А.Кан-Калика, Т.Н.Щербаковой, Е.А.Быстровой, М.Н.Вятютнева, М.А.Василика, Д.И.Изаренкова, Е.В.Клюева, О.И.Матяш, А.П.Панфиловой, А.И.Сурыгина и мн. др. Однако, несмотря на накопленный в этой области теоретический и практический опыт, в научном изучении, в диагностике коммуникативной компетенции есть еще много нерешенных вопросов. В этой связи целью настоящей работы стало уточнение научного определения понятия «коммуникативная компетенция», изучение ее развития у студентов на занятиях русского языка. Соответственно, задачей дальнейшего изучения коммуникативной компетентности является:

- выяснение значения понятия коммуникативной компетентности;
- выяснение условий оптимального развития коммуникативной компетенции студентов;
- разработка модели развития коммуникативной компетенции (коммуникативных способностей) студентов.

Анализ теоретической литературы позволяет рассматривать коммуникативную компетенцию с различных точек зрения и определить следующие подходы к формулированию понятия «коммуникативная компетенция».

Данное понятие состоит из двух слов: коммуникация и компетенция. Слово «коммуникация» произошло от латинского «communicatio», что означает «сообщение, передача информации». По словам лингвиста А.Р.Арутюнова, это специфический вид деятельности, содержанием которого является обмен информацией между членами одного языкового сообщества для достижения взаимопонимания и взаимодействия. Однако, говоря об этом термине, нельзя не упомянуть тот факт, что впервые термин появился в научной литературе в начале XX века и рассматривался зарубежными исследователями в контексте двух основных направлений: 1) бихевиоризма (от англ. «behaviour» — поведение) — направления, согласно которому основой коммуникации является не язык как система, а непосредственные речевые сигналы, манипулируя которыми можно воспитать человека любого склада (представителем этого подхода является Д.Уотсон); 2) символического интеракционизма (персо-

нализма), видевшие коммуникацию как внутреннюю метафизическую способность личности открывать в себе чувства другого (Дж. Г.Мид). Чуть позже, после второй мировой войны, определились основные подходы к коммуникации: первый подход — информационный — заключался в рассматривании средств информации как единственного стимула и источника социального развития, а Второй подход исходил из утверждения того, что основным результатом коммуникации является понимание человека другим человеком, т.е. взаимное понимание [1].

Что подразумевается под данным термином сегодня? Рассмотрим значение слова «коммуникация» по словарю. В Словаре русского языка С.И.Ожегова слово имеет несколько значений: 1. Путь сообщения, линия связи. 2. Сообщение, общение (книжн.). В Словаре иностранных слов термин обозначает акт общения, связь между двумя или более индивидами, основанные на взаимопонимании; сообщение информации одним лицом другому или ряду лиц. В Словаре синонимов понятия «коммуникация», «связь», «сообщение», «общение» характеризуются как синонимы. Второе слово в понятии — компетенция. Слово произошло от латинского глагола «competere» — «соответствовать, подходить», его значение по Словарю русского языка С.И.Ожегова означает: 1. Круг вопросов, в которых кто-нибудь хорошо осведомлен. 2. Круг чьих-нибудь полномочий, прав. В Толковом словаре русского языка под ред. Д.Н.Ушакова термин «компетенция» определяется как круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, признанием, познанием, опытом. В Словаре иностранных слов «компетенция» означает круг полномочий какого-либо учреждения или лица; круг вопросов, в которых данное лицо обладает познаниями, опытом. В Словаре синонимов понятия «компетенция», «полномочия», «знание», «опыт», «осведомленность» синонимичны. Следовательно, компетенция — способность применять знания и умения, успешно действовать на основе практического опыта при решении задач общего рода, также, в определенной широкой области, подразумевая круг вопросов, в которых данное компетентное лицо осведомлено.

Суммируя сказанное выше, заключаем, что коммуникативная компетенция — способность личности выбирать адекватно реальной ситуации общения коммуникативное поведение, которое заключается в совокупности норм и традиций общения определенной группы людей. Иными словами, коммуникативная компетенция — знания, умения и навыки, необходимые для успешного процесса общения.

По мнению Г.М.Андреевой, суть коммуникативного процесса — не просто взаимное информирование, а совместное постижение предмета. Поэтому в каждом коммуникативном процессе деятельность, общение и познание должны быть в единстве. Г.М.Андреева выделяет в структуре общения три взаимосвязанные стороны: коммуникативную, интерактивную и перцептивную. Коммуникативная сторона общения состоит в обмене информацией между общающимися индивидами. Интерактивная сторона заключается в организации взаимодействия между общающимися индивидами, т.е. в обмене не только знаниями, идеями, но и действиями. Перцептивная сторона общения означает процесс восприятия и познания друг друга партнерами по общению и установления на этой основе взаимопонимания. Конечно, в реальной действительности каждая из этих сторон не существует изолированно от двух других и выявляется в условиях непосредственного контакта между людьми [2].

Способность человека к коммуникации определяется в психолого-педагогических исследованиях в общем как коммуникативность (Г.М.Андреева, А.Б.Добрович, Н.В.Кузьмина, А.Джекобе). Для того чтобы обладать коммуникативностью, человек должен овладеть определенными коммуникативными умениями. Если говорить о коммуникативных умениях, овладение которыми способствует развитию и формированию личности, то можно выделить следующие: умение выстраивать межличностную коммуникацию; умение межличностного взаимодействия; умение межличностного восприятия. Межличностная коммуникация включает в себя использование вербальных и невербальных средств общения, межличностное взаимодействие способствует установлению обратной связи, межличностное восприятие позволяет воспринимать позицию собеседника, включаться в общение. Владение комплексом умений обеспечивает коммуникативное общение [2].

Умение поддерживать процесс общения, взаимодействовать с партнерами, анализировать ситуацию определяется, на наш взгляд, как коммуникативная компетентность. По мнению некоторых ученых, коммуникативная компетентность представляет систему внутренних ресурсов, необходимых для построения коммуникативного воздействия в определенном круге ситуаций межличностных контактов [3].

Ученый А.Б.Добрович на основе работ Р.Якобсона, К.Бюлера, Э.Берне, Д.С.Парыгина рассматривает модели человеческих коммуникаций, наиболее полно освещая все аспекты общения. По сло-

вам исследователя, коммуникативная компетенция — это готовность к взаимодействию, контакту. Человек, обладающий сознанием, мыслит, и это означает, что он живет в режиме диалога, при этом он обязан постоянно учитывать изменчивую ситуацию в соответствии со своими интуитивными ожиданиями, а также с ожиданиями своего партнера [4].

Опираясь на психолого-педагогические исследования, заметим, что коммуникативная компетенция состоит из следующих частей: эмоциональной, когнитивной, поведенческой. Все перечисленные компоненты, несомненно, позволяют человеку создавать информационное, эмоциональное взаимодействие, в процессе которого реализуются его коммуникативные умения.

Общеизвестно, что существуют различные виды коммуникаций: педагогическая, деловая, массовая, межличностная, субъектная и т.д. В зависимости от вида коммуникаций определяются цели коммуникации, источник информации. Но, несмотря на перечисленные разновидности, в учебном процессе источником информации и организатором общения, взаимодействия коммуникантов, несомненно, является преподаватель, организующий учебный процесс в соответствии с коммуникативным подходом обучения, в основе которого должна лежать модель реального общения. Такое понимание коммуникативного подхода позволило выделить основные принципы обучения:

- использование на занятиях коммуникативных заданий, активизирующих деятельность студента;
- использование личностно-ориентированного подхода к обучению, включающего в себя учет индивидуальных интересов и возможностей студентов;
- использование методико-теоретической литературы и педагогического опыта в решении учебных задач.

Необходимо подчеркнуть, что успех обучения зависит не только от перечисленных принципов коммуникативного подхода, а, безусловно, от выбранной стратегии обучения, приемов, которые в конечном итоге способствуют развитию коммуникативной компетенции студентов и воспитанию самостоятельной творческой личности. В этой связи можно говорить о проведении нетрадиционных занятий (занятие-конференция, занятие-конкурс, занятие-исследование и т.п.), использовании игровой организации учебного процесса с использованием игровых заданий, создании всевозможных речевых ситуаций, дискуссий, применении современных технологий, благодаря которому процесс обучения становится интересным, эффективным и познавательным.

Исходя из сказанного выше, приходим к выводу, что современная концепция преподавания русского языка в аудитории с государственным языком обучения должна строиться на идеях и методах коммуникативного обучения, приводящего к развитию коммуникативной компетенции, и заключаться в вооружении студентов умениями и навыками свободного пользования устной и письменной речью на коммуникативной основе.

Учитывая коммуникативную направленность содержания обучения русскому языку, совершенствование методов обучения, оптимизацию познавательной деятельности студентов, следует отметить определенную переориентировку целей и задач обучения языку с точки зрения соотношения языка и речи. Это означает, что деятельность преподавателя русского языка должна быть переориентирована с языка на речь. Другими словами, больше учебного времени необходимо отводить работе по формированию умений и навыков практического владения языком в разных формах речевой деятельности. К примеру, работа над содержанием текста на занятиях русского языка: предварительная беседа, ответы на вопросы после прочтения текста, выводы, а также построение различных упражнений на текстовой основе — все это в конечном итоге способствует пониманию и восприятию новой информации, выработке коммуникативных умений и навыков. К тому же следует учесть, что текстовый материал является основой всех учебных дисциплин, будь то гуманитарная или техническая дисциплина. Следовательно, овладение навыками компрессии текста, умения отличать основное от несущественного способствует овладению учебным материалом, запоминанию содержания текста, что важно для каждой дисциплины. Помимо всего прочего текст выступает как образец культуры речевого, мыслительного национального поведения. На основе текстов различных жанров и стилей студенты знакомятся с культурой речевого этикета, культурой мышления, культурой языка и речи как способа выражения собственного мнения при общении. Без сомнения, работа над текстом направлена на развитие правильной, грамотной речи студентов, но для этого он должен быть интересным, связным, цельным, логически выстроенным, информативным, обеспечивающим совершенствование произносительных, мыслительных речевых навыков и умений. Так, работая на занятиях русского языка с текстами различных жанров, обучая студентов их анализу и синтезу, мы стараемся подобрать такой текстовый материал, на основе которых можно было бы не только провести воспита-

тельную беседу, но и организовать дискуссию, диспуты. Изучая тему «Публицистический стиль и его особенности», мы используем тексты типа: «Что значит быть воспитанным?», «Слова-назидания Абая», «Человек природе — друг или враг?» и др. Подобные тексты «заводят» практически всех студентов. Обсуждение классических проблем «быть или не быть»: Что такое воспитанность? Можно ли жить, обманываясь и обманывая других? Нужно ли покорять природу? — интересно студентам и поучительно. Таким образом, работа над содержанием текстов, участие в активном творческом поиске истины способствует обретению студентами навыков коммуникативной компетенции, развитию логического мышления, коммуникабельности, а также воспитанию уверенности в себе, справедливости, активной гражданской позиции.

В процессе языковой подготовки преподавателю важно развивать у студентов и способности научной коммуникативной компетенции, необходимой в дальнейшем в профессиональной деятельности. К сожалению, многолетний опыт педагогической деятельности свидетельствует о низком уровне сформированности у студентов навыков сравнения, сопоставления, противопоставления, обобщения. Студенты с государственным языком обучения с трудом умеют выражать свои научные рассуждения на родном языке. Поэтому развитие научной речи требует от преподавателя особых усилий и дополнительного времени. В этой связи необходимо подчеркнуть важность использования преподавателями инновационных методов, методов формирования интереса к обучению (защита творческих работ, проектов, создание проблемных моментов и поиск оптимальных решений, проведение научных конференций, дискуссий, связанных со специальностью, научной деятельностью и т.п.), методов стимулирования в обучении (поощрение, одобрение, порицание и др.), внедрение в образовательный процесс компьютерных технологий, активизирующих процесс языкового обучения. Помимо учебного процесса, несомненно, преподавателю важно уметь организовывать и внеучебные научные мероприятия, способствующие вовлечению студентов в научно-исследовательскую работу. Это организация и проведение конкурсов, фестивалей, а также выполнение студентами различных самостоятельных работ, которые, на наш взгляд, стимулируют научное творчество студентов и активизируют их научно-исследовательские способности.

К примеру, на кафедре русского языка и культуры в техническом университете ежегодно проводятся тематические фестивали, целью которых является выявление талантливых творческих личностей, отличающихся оригинальностью мышления, грамотностью, выразительностью и богатством речи. Безусловно, таких ребят немало, но самое главное, проведение такого рода мероприятий способствует не только достижению образовательных целей, но и расширению кругозора студентов, повышению уровня их общей культуры, а также культуры мышления, общения и речи, т.е. коммуникативной компетенции [5].

Таким образом, развитие коммуникативной компетенции студентов в процессе языкового обучения является приоритетным и проявляется в готовности студентов как будущих специалистов содействовать налаживанию межкультурных и научных связей, способности представлять свой вуз, страну на международном уровне, относиться с уважением к духовным ценностям своего и других народов. Однако заметим, что развитие коммуникативной компетенции на занятиях и во внеучебное время происходит не просто и сразу. Это поэтапный процесс, включающий в себя как организацию коммуникации, так и развитие коммуникативных способностей и коммуникативных умений студентов.

На первоначальном этапе, на наш взгляд, предполагается проведение диагностики реального уровня умений студентов, планирование преподавателем целей коммуникации, налаживание условий для полноценной коммуникативной среды. Второй этап заключается в осуществлении общения, использовании запланированных приемов и методик обучения и установлении тесного контакта и взаимодействия между коммуникантами. Все это, безусловно, предполагает изменения коммуникативных способностей студентов на основе усиления речевой практики. Заключительный этап представляет собой подведение итогов работы, когда сферы коммуникаций и речевая тематика расширяются, улучшаются коммуникативные способности и умения студентов. Представленная поэтапная модель процесса развития коммуникативной компетентности предполагает комплексную реализацию практической, воспитательной, образовательной и развивающей целей; при этом воспитательная, образовательная и развивающая цели достигаются в процессе практического овладения языком.

Следует подчеркнуть, что успех овладения неродным языком, развитие коммуникативной компетенции студентов зависят, прежде всего, от тесного сотрудничества преподавателя и студента, их терпения и творческого подхода к процессу изучения языка, мастерства преподавателя и целеустрем-

ленности студента, индивидуального подхода к студенту, использования инновационных технологий и методик.

Таким образом, одной из наиболее актуальных проблем современного образования, в частности сферы высшего образования, является проблема развития коммуникативной компетентности, которая проявляется в коммуникативных умениях студентов передать информацию разными речевыми средствами, выслушивать собеседника; в способности отстаивать свою точку зрения и приводить аргументы посредством содержательной, композиционно стройной, правильной и выразительной связной речи, освоения форм речевого этикета, адекватных различным ситуациям общения, а также постоянной возможности студента видеть себя со стороны в процессе общения с людьми и корректировать свое коммуникативное поведение. Немаловажную роль в развитии коммуникативной компетентности играет концентричность в организации и освоении учебного материала.

Анализ учебной деятельности свидетельствует о необходимости целенаправленной подготовки студентов в плане коммуникативной культуры, основой которой выступает коммуникативная компетентность, именно поэтому определение компетентности студентов — одна из важнейших задач обучения и воспитания в вузе, решение которой способствует становлению базовых компетентностей человека.

Обучение русскому языку на основе коммуникативного подхода, несомненно, направлено на решение задач, заключающихся в формировании коммуникативной, речевой и языковой компетенций студентов, характеризующихся наличием следующих критериев: желанием вступать в контакт с окружающими, умением оценивать ситуацию общения, способностью самостоятельно организовывать процесс коммуникации, проявлением эмпатии (сопереживании текущему эмоциональному состоянию другого человека), рефлексивного поведения.

Список литературы

- 1 Алифанова Е.М. Формирование коммуникативной компетенции детей дошкольного и младшего школьного возраста средствами театрализованных игр: Дис. ... канд. пед. наук. — Волгоград, 2001.
- 2 Андреева Г.М. Социальная психология. — М.: Аспект-пресс, 2004. — 366 с.
- 3 Общение и оптимизация совместной деятельности / Под ред. Г.М.Андреевой. — М.: Изд-во МГУ, 1987. — 297с.
- 4 Добрович А.Б. Общение — наука и искусство. — М.: Яуза, 1996.
- 5 Касенова Н.А., Алдыназарова Р.М. О некоторых приемах обучения русскому языку как иностранному студентов-репатриантов// Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2011. — № 12. — С. 182–185.

Г.Ю.Аманбаева, Н.А.Қасенова

Орыс тілі сабақтарында коммуникативтік құзыреттілікті дамыту

Мақала студенттің коммуникативтік құзыреттілігін дамытуға арналған. Студенттің жалпы мәдени және кәсіби тұлға болуы маңызды орын алады және де білім берудің басым мақсаты саналып, гуманитарлық білімнің маңыздылығы көрсетілді. Авторлардың пікірі бойынша, коммуникативтік құзыреттілік көпмәдениетті қоғамда студенттің өмірге бейімделуінің негізгі шарты болып табылады, сондықтан жан-жақты зерделеуді және талдауды қажет етеді.

G.Y.Amanbaeva, N.A.Kasenova

Development of communicative competence on Russian lessons

The article is sanctified to development of communicative competence of students, that occupies a leading place in the general cultural and professional becoming of personality of student, being one of priority tasks of education, and appears as a major constituent of liberal education. In opinion of author, exactly a communicative competence can be the condition of successful adaptation of personality of student to life in multicultural society and deserves an all-round study and analysis.

Ш.Мажитаева, А.Каппасова

*Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті***«Жақсылық» пен «жамандық» концептісінің тілдік репрезентациясы
(жыраулар поэзиясы негізінде)**

Жақсылық/жамандық тақырыбы өткен ғасырлардан-ақ ұлы ойшылдардың, жырау, ақын, жазушылардың шығармаларынан көрініс тапқан. Мақалада «жақсылық»/«жамандық» ұғымдарының лингвистикалық, философиялық мәні ашылды. Жыраулар поэзиясы негізінде жақсылық/жамандық концептілерінің репрезентациясы қарастырылды. Жақсылық/жамандық концептілеріне қарама-қарсы «адам» концептісі негізінде талдау жасалады.

Кілтші сөздер: когнитивтік лингвистика, «концепт» ұғымы, жақсы/жаман әйел, жақсы/жаман дос, жақсылық/жамандық, жыраулар поэзиясы, аллитерация, қайталау, теңеу, метафора, эпитет.

Бүгінгі таңда тіл білімінде тілді танымдық тұрғыда зерттеуді көздейтін когнитивтік лингвистика біршама нәтижелерге қол жеткізді. Тіл табиғатын когнитивтік негізде қарастыру үлгісі В.Гумбольдт, Э.Сепир, А.Потебня тәрізді ғалымдардың зерттеулерінен бастау алды. «В.Гумбольдт кезінде тілдің адам болмысы мен танымның барлық аясын қамтитын адами рухтың басты қызмет екендігін баса көрсеткен болатын» [1; 6]. Оның тілді халықтың, ұлттың рухымен, психикасымен байланыстыра зерттеу туралы концепциясын Ресейде А.А.Потебня жалғастырған. «Потебняның бірден-бір іргелі ғылыми тұжырымы тілдің адам қызметінің белгілі бір формасын бере алатындығы жөніндегі идеясы болып табылады. Гумбольдттың «тілдің үнемі қозғалыстағы табиғаты» туралы теориясын ілгері дамытуда Потебняның аталған ғылыми тұжырымдары айрықша рөл атқарады» [1; 30]. XX ғасырдың 70-ші жылдарында Еуропада кең таралған когнитивтік лингвистика қазақ тіл білімінде тек өткен ғасырдың 90-шы жылдарында алғаш рет зерттеу нысанына айналды. Еңбектерінде тілдің танымдық қызметі туралы алғашқы пікірлер көрініс тапқан А.Байтұрсыновтың, Қ.Жұбановтың іздерін жалғастырған қазақ ғалымдары Ә.Қайдар, Р.Сыздық, Ж.Манкеева, Е.Жанпейісов, Г.Смағұловалардың зерттеулері де тек этнолингвистика үшін ғана емес, когнитивтік зерттеулер үшін де құнды мазмұнға ие. Олардың ұлттың тарихи дамуының әр түрлі кезеңдеріндегі тұрмыс-тіршілігі, салт-дәстүрі, діни көзқарастары жөніндегі тарихи-этимологиялық, тарихи-лингвистикалық, этнолингвистикалық, этнографиялық, тілдік зерттеулері арқылы қазақ тілтанымның, лингвомәдениеттанымның негізі салынды. Қазақ тіл білімінде когнитивтік лингвистиканың ұлттық негізде қалыптасып, кең қанат жаюы Қ.Жаманбаеваның есімімен байланысты. «Тіл қолданысының когнитивтік негіздері: эмоция, символ, тілдік сана» деп аталатын еңбегінде ғалым қазақ тіл білімінде тұңғыш рет тілдік сана, тілдік модельдер жүйесі, дара тұлға, гештальт теориясы, мәтін құрылымы, көркем дискурс, мұң концептісі ұғымдарына түсінік беріп, жан-жақты талдау жасайды. Сол сияқты Г.Оразалиева, Г.Снасапова, М.Г.Күштаева, Г.Зайсанбаева, С.Жапақов, Ш.Мажитаева, А.Ислам, Б.Нұрдаулетова, Н.Уәли, А.Жуминова, А.Әмірбековалардың зерттеулері де жаңа ғылымның дамуына, тілдің когнитивтік бағытта зерттелуіне үлес қосқан үлкен еңбектер болып табылады.

Сондай-ақ қазіргі заманғы лингвистикада әр түрлі концептілердің табиғатын зерттеуге көп көңіл бөлінуде, оның мазмұндық қырын, қызметтерін тілдік жүйеде жан-жақты қарастырылуда. Концептілердің көрінісі арқылы, оларға талдау жасау арқылы әлемдік бейнелеуде адамның ішкі әлемін, оның әлеуметтік статусын, оның ділінің этикалық, моральдық, философиялық, культурологиялық жақтарын қарастыруда ойымыз кеңейе түседі. «... ұғымы — лингвистикада «адамның әлем туралы жинақталған мәдени түсініктері» (А.Вежицкая), «концепт — біздің сол нысан туралы білетініміздің барлық жиынтығы» (В.Н.Телия), «құдайлық ілімді танудың, сол арқылы, соны ұғыну арқылы халықтың рухын, ұлттың мәдени менталдығын танудың кілті» (Гумбольдт) тәрізді анықтамалармен беріліп жүр [1; 53]. Бүгінгі күнде концептінің теориясын лингвомәдениеттанудың бір элементі ретінде, лингвокогнитивистиканың зерттеу нысаны ретінде қарастыру зерттеушілерді қызықтырып отыр. Концептіге ғалым В.А.Маслова төмендегідей бірнеше анықтама береді: «концепт — біздің санамыздың ментальдік немесе психикалық ресурстарының бірліктерін және адамның білімі мен тәжірибесін бейнелейтін ақпараттық құрылымды түсіндіру қызметін атқаратын термин; концепт — есте сақтаудың, ментальдік лексиконның, концептуальдық жүйе мен

тілдің, ақыл-ойдың, адам жүйкесінде бейнеленген дүниенің бүкіл бейнесінің мазмұндық бірлігі; концепт — өзінің іске асырылатын бүтін бір тілдік тобымен берілетін, тиісті лексика-семантикалық парадигма жасайтын, мәдениеттің таңбаланған вербалды мағынасы».

Концепт дегеніміз — мәдениетке сіндірілген ұғым (Н.Д.Арутюнова, В.Н.Телия бойынша)... ол лингвомәдени ерекшелікті таңбалаған және белгілі бір тұрғыда этномәдениетті тасымалдаушыларды сипаттайтын семантикалық жасалым» [2]. Одан соң орыс мәдениетінің концептілік саласын қарастыра келіп, барлық концептілерді келесі топтарға бөлуді ұсынады: «1) дүние (әлем) — кеңістік, уақыт, сан, отан, тұманды таң, қысқы кеш; 2) табиғат және апат — су, от, ағаш, гүлдер; 3) адам туралы түсінік — жаңа орыс, зиялы қауым, данышпан, ақымақ, жиһанкез; 4) адамгершілік концептілері — ар, ұят, күнә, шындық, ақиқат, шынайылық; 5) әлеуметтік ұғымдар мен қатынастар — бостандық, ерік-жігер, достық, соғыс т.б.; 6) эмоциялық концептілер — бақыт, қуаныш; 7) артефактілер әлемі — ғибадатхана, үй т.б.; 8) ғылыми білімнің концептілік саласы — философия, филология, математика т.б.; 9) өнердің концептілік саласы — сәулет, кескіндеме, музыка, би т.б.» [3].

Лингвистиканың әр түрлі даму кезеңдерінде зерттеушілерді халықтың ішкі өміріне қатысты, оны анықтайтын этикалық, философиялық, культурологиялық доминант (басым) жақтарын зерделеу қызықтырды. Оларға өмір, өлім, ақиқат, сұлулық, махаббат, жақсылық, жамандық сияқты категориялар жатады. Осылардың басында қарама-қарсы мағына беретін, Т.И.Вендидің айтуынша, «ғаламдық антиномия», «әлемді танудың онтологиялық кілті» есептелетін жақсылық пен жамандық концептілері тұр [4].

Жақсылық пен жамандық тілдік әлем бейнесінде ең негізгі, орталық категория болып табылады. Этика мен философияда да осындай қызмет атқарады: оларда адамның өзіндік тұрмысының көрінісі бейнеленеді, сол арқылы адам өзінің осы өмірдегі тіршілігін анықтайды, олар барлық жағымды және жағымсыздықтың өлшеуіші болады. Осылар арқылы адам өзінің жасаған істеріне баға бере алады.

Философиялық сөздікте жақсылық пен жамандыққа адамдық қызметтің жағымды және жағымсыз аспектілерін білдіретін, бір-біріне қарама-қарсы ұғымдар деп жалпылай түсініктеме берілсе, қазақ тілінің түсіндірмелі сөздігінде бұл ұғымдарға мынадай анықтама келтірілген: «Жақсылық — 1. Қайырымдылық, рақымдылық, мейірімділік. 2. Белгілі бір заттың бойындағы тәуір қасиет, сапа. Жамандық — жағымсыз іс, оқиға, зұлымдық, қастық, жауыздық» [5]. Жалпы ғылыми танымда ақиқат, көркемдік танымда сұлулық қандай қызмет атқарса, әлемді моральдік игеру аясында жақсылық та сондай зор қызметке ие. Ал жамандыққа адамды бүлдіруге әсер ететіндердің барлығы жатады.

Н.А.Бердяев, И.А.Ильин, Н.О.Лосский, В.С.Соловьев, Л.М.Лопатин, Л.П.Карсавин сынды орыс ойшылдарының ойынша, жақсылық және одан ажырамайтын жамандық мәселесін шешпесе толыққанды этикалық жүйенің жұмысының жүруі мүмкін емес. Жақсылық пен жамандық ұғымының салыстырмалы сипатына қарамастан, көп зерттеушілер адамдық қызметтің позитивті бағыты жақсылық екенін баса айтады.

Әл-Фарабидің этика жөніндегі тұжырымдамаларында жақсылық, мейірбандық категориясы басты орын алады. Себебі ғалым этиканы, ең алдымен, жақсылық пен жамандықты ажыратуға мүмкіндік беретін ғылым деп қарады.

Философ В.А.Канкенің пайымдауынша: «Жақсылық — бұл істің, қимылдың дұрыс құндылығы. Жақсылық — бұл жауапкершілік. Ал жауапкершілік — жақсылықтың қазіргі ұғымы». «Жақсылық», «жамандық» — лингвистикалық құбылмалы сөздер. Жақсылық туралы былай дейді: *өте жақсы, ең үздік, теңдесі жоқ, баға жетпес, кемшілігі жоқ, керемет, аса маңызды т.б.* Сол сияқты жамандыққа да қарама-қарсы мағынадағы сөз тізбектерін келтіру қиын емес» [6; 150]. Одан соң ғалым «Жақсылықты өлшеуге бола ма?» деген сұраққа қайдағы бір құрылғының көмегімен емес, эстетикалық құндылықтармен өлшеуге болады деп жауап береді. Одан соң шындық, сұлулық, жақсылықтың бірлігін былай қарастырады: «Осы үш құндылық үндескенде ғана адам өмірі толық мәнге ие болады. Шындық, сұлулық, жақсылық — қастарында өмір бойы адасушылық, тұрпайылық, жамандық сияқты қарсы ұғымдар қатар жүретін идеалдар» [6; 224]. Сөз соңында философ: «Бізде жақсылықтың не екенін толық анықтай аламыз деген үміт бар. Негізі жақсылықтың не екенін білеміз, сонымен қатар оны қайта іздейміз. Бұл — өмір заңдылығы» [6; 152], — деген қорытындыға келеді.

Діни тұрғыдан алып қарасақ, жақсылық — адамгершілік пен имандылықты сипаттайтын жалпы ұғым. Ислам дінінде жақсылық пен жамандықтың адамның өз ниетіне байланыстылығы айтылады. Адамға жағымды нәрселердің бәрі жақсылық ұғымы арқылы жүзеге асады немесе қарама-қарсы мәндегі жамандық жаман пиғыл арқылы өз мақсатына жетеді. Жақсылық қасиеті арқылы адам баласы

өзінің мақсат-мүддесіне, арман-тілегіне, болашақтан үміттенуіне сенімін білдіреді. Жақсылық арқылы жеке адамдардың іс-әрекеттеріне, қоғамдық қатынастарына, адамаралық байланыстарына тиісті баға беріледі. Жақсылық әр түрлі деңгейде тұлғалық қасиеттердің ізгілігін айқындайды. Жамандық болса, керісінше, тек зұлымдық, өтірік, жауыздық сияқты жағымсыз істердің көрінісі.

Жақсылық пен жамандық лексемаларының лингвистикалық түсіндірілуіне келсек, жақсылық дегенде игілік, амандық, мейірімділік, адалдық, пайда, бақыт, сәттілік, парыз, жақсы, игі іс, жақсы қарым-қатынас, молшылық, келісу деген ұғымдармен нақтылана түсетін «бәрі жақсы, оң, адамгершілілік (жамандыққа қарама-қарсы)» сияқты жалпы компоненттер бөлініп шығады.

Ал жамандық лексемасының жалпы компоненті: «бәрі жаман, нашар, өнегесіз, адамгершілікке жатпайтын (жақсылыққа қарама-қарсы)». Және ол мына компоненттер арқылы нақтылана түседі: зиян, қырсық, бақытсыздық, кінә тағу, жағымсыздық, жаман сезім, ыза, ашу, өкініш, күнә, кек, өкпе, куланушылық. Байқағанымыздай, «жақсылық» пен «жамандық» концептілерінің өрісі кең және бұл пікірді көркем шығарма негізінде, соның ішінде жыраулар поэзиясы негізіне толықтырып, дәлелдей түсейік. Жалпы жыраулар шығармаларының тақырыптық аясы, шеңбері — Жақсылық пен Жамандық, Елдік пен Ерлік, Ізгілік пен Зұлымдық, Әділдік пен Әдептілік, Жастық пен Кәрілік, Татулық пен Араздық, Достық пен Дұшпандық, Адалдық пен Арамдық, Тектілік пен Азғындық, Тұтастық пен Бірлік. Соның ішінде «Жақсылық/жамандық» концептілері жыраулар поэзиясында толықтай көрініс тапқан. *Жақсы/жаман әйел, жақсы/жаман ұл, жақсы/жаман дос* сияқты сөз тіркестері жалынды жырларда жиі ұшырасады. Мысалы, жыраулардың жақсы, жаман әйелге қатысты айтқандары төмендегідей, Шалкиіз:

*Жақсыға қоссаң басыңды,
Отырар төрің төр болар.
Жаманға қоссаң басыңды,
Саз балишыққа аунаған,
Бөрімен орның тең болар [7; 280].*

Шал ақын:

*Жақсы қатын алсаңыз,
Жұмақтан шыққан қормен тең.
Жаманға басың қосылса,
Маңдайға біткен сормен тең [7; 398].*

Үзінділердегі жаман әйел бейнесі — «маңдайға біткен сормен тең», жақсы әйел бейнесі — «жұмақтан шыққан қормен тең». Әйел тақырыбында көп толғанған Шалкиіз жыраудың шығармаларында «жақсы қатын шығарар ердің атын, жаман болса еріне қалдырады жаман атын», «жаман қатын байының сөзін бөлер», «жақсы әйел бойын түзеп, сылақтайды, өз байынан басқаны ұнатпайды», «жақсы әйел дәулегіне жөн келтірер», «жақсы әйел айтқан сөзді кектей қоймас», «жаман әйел байымен ұрысады, мейман келсе, қабағы тырысады» сияқты жақсы/жаман әйел көрінісі шебер берілген сөз оралымдары өте көп.

*Алғаның жақсы болса — қара жердей,
Жақсыменен сырласаң — шыққан ердей [8; 97]*

немесе

Алғаның жақсы болса, қорғандай-ды [8; 97] деген өлеңдерінен жыраудың жақсы әйелді қара жерге, қорғанға теңеп, айтылған сөзге көрік қосып, пішінін ажарландыра, мазмұнын құнарландыра түсетін көркемдеу құралдарының бірі теңеуді қолданып, сөз шеберлігін шындай түскенін байқаймыз.

Жырау Бұдабай Қабылұлының жақсы/жаман әйел жайлы айтқан мына бір жырында бірыңғай қ дыбысын қайталайтын аллитерация бар.

*Қатыны жаман қандайды,
Қағып бір төске салмайды.
Қаттырақ бір ұрыссаң...
Қыр соңыннан қалмайды [7; 682]*

Поэзияда мұндай бір дыбыстың қайталануы сөздің эмоциялық бояуын күшейтеді. З.Қабдоловтың сөзімен айтсақ, «әдеби тілге дауыс ырғағы емес-ау, тіпті дыбыс қайталаулар арқылы да әжептәуір ажар бітіруге болады» [9; 213].

Келесі бір толғаудан Шал ақынның ж дыбысын қайталайтынын көреміз.

*Жақсы қатын алғанның жауы үйінде,
Жақсы қатын алғанның тойы үйінде,*

Жаман қатын алғанның соры үйінде [8; 96].

Сол сияқты сөз әсерін күшейте отырып, оқырман назарын айрықша аудару үшін бір сөзді бірнеше мәрте қайталайтын айшықтау түрі қайталаудың әдепкі және кезекті қайталау үлгісі толғауда көрініс тапқан. Яғни анафора мен өлеңнің аяқ жағындағы «үйінде» деген сөздің бірнеше мәрте қайталанып отыруы эпифораның нәтижесінде толғаудағы ой ағымы тереңдене түскен. Жыраулардағы қайталау жөнінде М.Мағауин былай дейді: «Көне жыраулар поэзиясының өзіндік ерекшеліктерінің бірі — өлең жолдарында алғашқы сөздердің, кейде тіпті сол алғашқы сөздердің басқы буындарының қайталануы. Бұл қайталаулар — толғаудың құлақ күйі» [10].

Ал Төле бидің мына керемет сөзінен әдеби тілдегі құбылтудың бір түрі метафораның үлгісін көруге болады.

*Атың жақсы болса, ер жігіттің пырағы,
Балаң жақсы болса, жан мен тәннің шырағы,
Қатының жақсы болса, бірінші — иманың,
екінші — жиганың,
үшінші — ырысыңның тұрағы [7; 320].*

Шешеннің мақсаты — жақсы атты «ер жігіттің пырағына», жақсы баланы «жан мен тәннің шырағына», жақсы әйелді болса «ырысыңның тұрағына» балап, ой ұғымын, мазмұнын тереңдету, әсерін күшейту, одан әрі ажарландыра түсу.

Шығармаларында жақсы мен жаман әйел, жақсы мен жаман жолдас бейнесін әртүрлі салыстырулар арқылы шебер бере білген жыраулар поэзиясының шоқтығы биік. Сөз қадірін жете түсінген қазақ халқы үшін бұл тұспалмен жеткен сөздердің беретін мағыналары зор. «Жақсы/жаман жолдас» тіркестеріне жыраулар шығармаларынан мысалдар келтірсек, Шалкиіз:

*Жауынды күні көп жүрме,
Жар жағасы тайғақ-ты.
Жаманға сырыңды қосып сөз айтпа,
Күндердің күні болғанда,
Сол жаман өз басыңа айғақ-ты.
Бір жақсымен дос болсаң,
Азбас-тозбас мүлкі етер.
Бір жаманмен дос болсаң,
Жімлә ғаламға күлкі етер [8; 30].*

Үзіндідегі жақсы дос пен күллі әлемге күлкі етер жаман досты салыстыра берген Шалкиіз жыраудың ойын кейінгі ғасыр тумасы Бұқар да дәл солай, тек өз сөз қолданыстарымен төмендегідей береді:

*Жар басына қонбаңыз,
Дауыл соқса үй кетер...
Жаманмен жолдас болсаңыз,
Көрінгенге күлкі етер.
Жақсымен жолдас болсаңыз,
Айрылмасқа серт етер [8; 72].*

Жыраулар троптардың сан түрін қолданды, бірақ бұлардың ішінен ең көп пайдаланғандары — параллелизмдер. Жыраулар поэзиясындағы достың жақсысы мен жаманын жарыстыра салыстырулары осы параллелизм әдісіне мысал болады. Шалкиіз жыраудың ойынша, жаманмен дос болу жауынды күнде тайғақ жардан құлаумен тең. Бұқар да, Шалкиіз де толғауларында жаман адамды табиғат құбылыстарымен салыстыра, қатарластыра, жанастыра бейнелейді. Екі ұғымды, екі сезімді қатар қойып, жұптап суреттеген бұл шығармалар — психологиялық параллелизмнің классикалық үлгілері.

*Жағаға жақын қонғанда,
Жайылып сулар алмас па?
Жаманға дос болғанда,
Жазымда басың қалмас па? [8; 33]. (Шалкиіз)*

Келтірілген үзіндіні оқи отырып, жырдың айшықтау тәсілінің бірі арнауға жататынын бірден білеміз. Жалпы арнау «ақынның өзіне не өзгеге, кейде тіпті жалпы жұртқа арнайы тіл қатуы, көпшілікке қайырыла сөйлеуі, олармен іштей кеңесуі. Арнауды Ахмет Байтұрсынов әуелден үш түрге бөлген: жарлай арнау, сұрай арнау және зарлай арнау» [9; 233].

*Жаманды құдай алар ма?
Жақсыны құдай қояр ма?
Жақсы алдында сөз айтсаң
Жақсылар сөзге тояр ма? [7; 280]. (Шалкиіз)*

Аталмыш екі жыр да — сұрай арнаудың үлгілері. Алғашқы жырда байқағанымыз, жырау арнауында қойылған сұрақтарына жауап күтпейді, себебі олар жауапсыз да түсінікті және сол жырдың бойында анықталып тұр. Ал соңғы жырда автор өз ойын сұрақ қою арқылы жеткізеді де, өзі сол сауалдарға жауап күтеді.

*Мінезді болса жолдасың,
Күнде сонар қызбен тең.
Жаман болса жолдасың,
Астыңнан өткен сызбен тең [7; 340], —*

деген толғауында Ақтамберді жырау жақсы жолдасты «күнде сонар қызға», жаман жолдасты «астыңнан өткен сызға» теңесе, Сүйінбай Аронұлы келесі өлеңінде жаман жолдасты «көкііп шекесінен қарайтын көкқұтанға» балайды:

*Жаман жолдас белгісі —
Көкқұтандай көкііп,
Шекесінен қарайды [8; 273].*

Адамның «жаманы» мен «жақсысын» ажырататын қасиеттердің бірі де осы досқа адал болу сияқты мінез-құлықтан келіп шығады. Шынайы достыққа негізделген, адал сырластықты аңсайтын дидактикалық сарында жазылған жыраулар поэзиясы үлгісіндегі мұндай ғибрат сөздер тек жақсылық жолдарын нұсқар өлең өрнектері болып табылмақ.

Жақсылық пен жамандық адамның іс-әрекеті арқылы өлшенетіні белгілі. Жақсы/жаман адам жайлы әр жырау әр түрлі жырлайды, толғауларында жаман/жақсы адам бейнесін өз сөз тіркестерімен, өз салыстыруларымен ерекше береді. Мысалы, Шалкиіз жырау былай дейді:

*Жақсының жақсылығы сол болар —
Жаманменен бас қосып,
Сөйлемекке ар етер.
Жаманның жамандығы сол болар —
Сөйлесе, дәйім бетін қара етер [8; 33].*

Жырдағы жақсының жақсылығы жаманмен бас қосып, сөйлесуді ар ететіндігі болса, жаманның жамандығы — сөйлесе қара бет болатындығы. Мұндағы *бетін қара етер* деген сөйлем *қара бет болу* фразеологиялық тіркесінен шыққан, бірақ сөздері ауысып инверсияланып тұр. Ел алдында ұятқа қалу, абыройын шашу деген мағынада айтылған.

Сүйінбай Аронұлы:

*Жақсы кісі көрінер жыл құсындай,
Жаман адам балтаның ұңғысындай [7; 585].
Жақсы менен жаманның
Шекарасын байқасаң,
Аспан мен жердей парқы бар [8; 273].*

Қашаған:

*Жақсының сөзі майдадай,
Жаманның сөзі найзадай,
Жақсыдай болу қайдағы-ай! [8; 300].*

Жоғарыда көрсетілген толғаулардан әдеби тілге үстеме мағына беріп, шығарма мазмұнын құнарландыра түске теңеудің үлгісін көреміз. Жырдағы *жыл құсындай, балтаның ұңғысындай, аспан мен жердей, сөзі майдадай, сөзі найзадай* сынды — *дай*, — дей жұрнақтары арқылы жасалған теңеулер суреттеліп отырған құбылысты көз алдымызға әкеліп, нақты ұғым қалыптастырып бергендей. Теңеудің де құндылығы сонда, «...ойламаған жерден өзгеше өрнектер жасап, құлпырып, ойнап тұруында, орнымен қолданылуында...» [9; 218].

*Жақсының айтқан ақылы,
Қазулы сара жолмен тең.
Жаманға айтқан ақылың,
Ағып кеткен селмен тең.
Қас жаманның орны бар —*

Кесек те болса көрмен тең [8; 92].

Жақсылық/жамандық жайлы жан-жақты айтып кеткен Шал ақынның толғауында жақсының айтқан ақылы мен жаманға айтқан ақыл сара жолмен, ағып кеткен селмен салыстырылады. Жай жолмен емес *қазулы сара жолмен*, жай селмен емес *ағып кеткен селмен*. Байқағанымыздай, жырау сөздерін айқындау үшін, ойдың ықпалын күшейту үшін эпитеттерді қолданған. Шал ақынның толғауларында «жақсы сол — істер ісін тамадаса, жаман сол — жақсы сөзді ұға алмаса», «жақсының жүрген жері той болады», «жамандар тыңдамайды жақсы сөзін», «жаманға дәулет бітсе — ауа айналар, жақсыға дәулет бітсе — бақ айналар» сияқты жақсы/жаман адамға арналған сөз тіркестері өте көп. Қайсы болсын, жақсы мен жаман парқын толығымен айқындап береді.

Шал ақын:

*Шешен сол — сөйлер сөзден жаңылмаса,
Жақсы сол — істер ісін тамадаса [7; 399]*

Мұрат:

*Жақсының сөзі кем емес,
Алуа, шекер, бал судан.
Жаманның сөзі кем емес,
Адам таппас зәр судан [7; 132].*

Әйтеке:

*Жақсылардың белгісі сол емес пе,
Қара қылды қақ жарған әділ болса [7; 330].*

Міне, әр жырау жақсы/жаман адамды өзінше жырға қосады. Біреудің жақсысы — істі тамам қылған адам, біреудің жақсысы — жыл құсы, біреудің жақсысы — қара қылды қақ жарған әділ, енді біреудің жақсысының — сөзі шекер, балдан кем емес. Мұндай «жыраулық афоризмдер қатарында... жалпы адами таным-түсінікке негізделген, автордың жеке субъективті бағалауына құрылған, мақсаттық жағынан жалпы адами ұстанымның дұрыс-бұрыс жақтарын меңзейтін, өсиет айтуға арналған немесе шешендік сөйлеудің екпіні туғызған, бір сөзбен айтқанда, мазмұндық, құрылымдық уәжділігі жағынан түрліше қырымен сипатталатын авторлық шешендік сөз саптаулар бар» [1; 186]. Шығармалары нақыл сөз, өсиет ретінде келгендіктен, жыраулардың жақсы мен жаман жайлы айтпай кетуі мүмкін емес. Олар шығармаларында жақсылық, жамандық деген не, неден туады, қайдан шығады деген мәселе төңірегінде көп сөз қозғайды. Жақсылықты жасайтын, жамандықтың да отын маздататын адам. Яғни шарапат та, кесапат та — адамнан. Сондықтан жамандыққа бармау, жақсылық жасау әр жанның парызы деп, жыраулар жырларында жақсылықты ту етіп көтеріп, мадақтап, керісінше, жамандықты сөге білді.

Сонымен жақсылық пен жамандық дегеніміз — жеке адамдар мен әр түрлі топтардың іс-әрекеттеріне, әлеуметтік құбылыстар мен қатынастарға адамгершілік тұрғысынан берілетін этикалық баға. Жақсылық деп белгілі бір қоғам (не белгілі бір топ) адамгершілік деп танып, жалпыға өнеге ететін іс-қимылдарды айтады. Жамандық, керісінше, адамгершілікке лайықсыз деп танылатын іс-әрекеттер. Жақсылық пен жамандықтың неғұрлым айқын да анық бағасы жақсылықтың — жағымды, жамандықтың — жағымсыз құбылыс екендігінде. Сондықтан жағымды жақсылыққа адам жаны әрдайым құштар. Қазақ халқының дәстүрлі дүниетанымында «Жақсылық пен жамандық» ұғымы мәңгілік тақырыпқа айналып, өнегелі іс пен өмірлік мәселелерде жақсылық алғы кезекке қойылады. Бұл туралы Майлықожа жырау мынадай керемет аталы сөз қалдырған:

*Жақсылық отқа күймес, суға батпас,
Гауһар тас жарық қылмай жерде жатпас,
Қолдан келсе етіңіз жақсылықты,
Жақсылықты еткендер жаман таппас [4].*

Қорыта айтқанда, көркем туындыларда, оның ішінде жыраулар поэзиясында «жақсылық/жамандық» концептілері әр түрлі тілдік амалдар арқылы көрініс табады. Соның ішінде теңеу, метафора, эпитет, параллелизмдер, қайталаулар арқылы жақсы/жаман әйел, жақсы/жаман дос, жақсы/жаман адам жайлы айтылған келелі ойлар әсерлі жеткізіледі. Келешекте жақсылық/жамандық ұғымдарын құрайтын тілдік бірліктерді одан әрі жинақтап, жүйелеп, оларды жан-жақты зерттеуді қолға алмақпыз.

Әдебиеттер тізімі

- 1 *Нұрдаулетова Б.И.* Когнитивная лингвистика: Оқулық. — Алматы: Қазақстан Республикасы Жоғары оқу орындарының қауымдастығы, 2011. — 312-б.
- 2 *Тілеубердиев Б.* Қазақ ономастикасының лингвоконцептологиялық негіздері. — Алматы: Арыс, 2007. — 90, 91-б.
- 3 *Маслова В.А.* Введение в когнитивную лингвистику: Учеб. пособие. — 4-е изд. — М.: Флинта: Наука, 2008. — С. 75.
- 4 <http://www.google.kz>.
- 5 *Қазақ тілінің сөздігі / Жалпы ред.басқ. Т.Жанұзақов.* — Алматы: Дайк-Пресс, 1998. — 324-б.
- 6 *Канке В.А.* Основы философии: Учеб. для студентов сред. спец. учеб. зав. — М.: Логос; Высш. шк., 1999. — 288 с.
- 7 *Сүйіншіліев Х.* Қазақ әдебиетінің тарихы. Оқулық. — Алматы: Санат, 1997. — 928 б.
- 8 *Нар заман мен зар заман поэзиясы: Асанқайғыдан Кердері Әбубәкірге дейін. Жыр-толғаулар / Құраст. Е.Дүйсенбайұлы.* — Алматы: Раритет, 2007. — 376-б.
- 9 *Қабдолов З.* Сөз өнері. — Алматы: Санат, 2002. — 360-б.
- 10 *Мағауин М.* Ғасырлар бедері: Әдеби зерттеулер. — Алматы: Жазушы, 1991. — 140-б.

Ш.Мажитаева, А.Каппасова

Языковая репрезентация концептов «добро и зло» (на материале поэзии жырау)

В статье раскрываются лингвистические и философские определения понятий добра и зла. Тема «добра/зла» с давних времен многократно освещалась великими мыслителями, сказителями-жырау, акынами, писателями. Поэтому авторами рассмотрена репрезентация концептов добра и зла на материале поэзии сказителей-жырау. Концепты добра и зла проанализированы на основе категориального концепта «человек».

Sh.Mazhitaeva, A.Kappasova

The representation of the concepts of good and evil (based on poetry of zhurau)

The article is devoted to the linguistic and philosophical definitions of the concepts of good and evil. The theme «good/ evil» was repeatedly elucidated by great thinkers, story tellers — zhurau, akyns-writers from the early times. The authors considered the representation of the concepts of good and evil on the material of the poetry of the tellers-zhurau. Concepts of good and evil are analyzed on the basis of categorical concept of a «man».

Ш.А.Токсанбаева

*Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова***Этносемантическое и стилистическое своеобразие в переводе**

В статье рассмотрены семантическое и стилистическое своеобразие казахского языка, обусловленное этническими особенностями, и возможности передачи его на русский язык. Такими особенностями в казахском языке в полной мере отличаются «шешендік сөздер» — красноречивые слова, характерные для речи биев-ораторов. Своеобразной этносемантической особенностью обладают сложные абстрактные имена существительные типа «сана-сезім». При переводе названных особенностей необходим подбор определенных грамматических форм, использование возможностей синонимического ряда.

Ключевые слова: этносемантика, шешендік сөз (красноречивые слова), слова биев, ораторское мастерство, особенности перевода, сложные слова, абстрактное значение, многофункциональность, ценностные ориентиры, импровизация.

Принадлежность человека к той или иной культуре, его ментальные представления выражаются прежде всего в слове, кроме характерных для многих языков таких единиц, как пословицы, поговорки, фразеологизмы и др., в которых выражается его этническая сущность, в языке того или иного народа существуют особые, специфические формы выражения его ментальных представлений. В казахском языке к таким единицам относятся «шешендік сөздер» — ораторские, красноречивые слова. Казахский язык в целом отличает яркая образность, метафоричность, наиболее полное выражение это свойство языка находит в ораторских словах. Безусловно, ораторское искусство известно с античных времен и представлено образцами политического и судебного красноречия — как искусство владения словом, зависит во многом от индивида, от способностей и мастерства отдельных личностей. Но должна быть среда, которая взрастила эту личность, которая внимала бы его словам. В традиционной казахской культуре значение слова, уважение к слову, восхищение словом, почитание тех, кто владеет словом, имело огромное значение. В казахском языке есть выражение «сөзге тоқтау» (букв. остановиться перед словом), которое имеет значение: прекращение спора — раздора в связи с веско сказанным словом устами авторитетного человека. Особенно ярко проявлялось такое отношение к слову, сказанному биями. Би — судья, разбиравший спорные вопросы по обычному праву. Как отмечают составители и авторы энциклопедии «Қаз дауысты Қазыбек би», би — это «структурный элемент в казахской культуре, идущий с давних времен, прошедший все ступени длительного развития и превратившийся в институт. В казахском обществе место, занимаемое биями, было огромно». В числе основных требований, предъявляемых к человеку, претендующему на должность бия, было: «знание традиций и обычаев народа, сведения из родословных, умеющего сказать магическое слово, он оратор, острый на язык, могущий извлечь из множества слов главную суть, он умеющий сказать веско (есть выражение «То, что говорит би, может сказать и раб, однако он не может сказать веско, т.е. не обладает магией»), он может в двух словах вынести решение» [1; 224]. Как видим, одно из основных требований, предъявляемых к бию, это владение словом, его ораторское мастерство. Ораторское мастерство биев, таким образом, надо характеризовать как относящееся к судебному красноречию. Но это было бы чисто условно, так как функции биев в казахском обществе намного шире традиционного европейского: это и советник хана, это и жырау (поэт), это и батыр при необходимости. В каждом случае и вне судебных обстоятельств, слово его значимо, весомо.

Итак, в содержательном отношении слова биев отличаются образностью, афористичностью в сжатой форме передаются глубокие мысли, не случайно многие слова биев, дошедшие до нашего времени в основном в устной форме, сохранились в памяти народа в виде афоризмов, пословиц, поговорок. М.О.Ауэзов оценивает слова биев как факт литературы, а С.Сейфуллин рассматривает их как особый жанр. Такая спаянность содержания и формы, усиление смысловой значимости через использование зачастую стихотворной формы со всеми ее характерными особенностями: повторением однокоренных слов с разными аффиксами, что позволяет заострить внимание на содержании этих слов, как правило, в дополнение к этому используется аллитерация. Если слова биев передаются в прозаической форме, то это обычно рифмованная проза. Дар импровизации очень ярко проявляется в

речи биев-ораторов, современные айтысы — это своего рода отголоски айтысов биев. Конечно, все эти этноспецифические особенности смысловой, стилистической организации ораторской речи представляют, с одной стороны, интерес, а, с другой — трудность при переводе. Приведем пример: в известном споре, обращенном к калмыкскому хану, Каз дауысты Казыбек би говорит:

*...Қазақ, қалмақ баласы,
Табысқалы келгенмін.
Табысуға келмесең
Тұрысатын жерінді айт.
Сен қабылан, мен арыстан,
Алысқалы келгенмін.*

Перевод:

*...Сын казаха, калмыка,
Пришел помириться.
Если не хочешь мириться,
Укажи место, где будем биться.
Ты кабылан, а я лев,
Пришел с тобою драться.*

Особый, отрывистый ритм отражает содержательную особенность: в данном случае — не дать опомниться врагу, напор и натиск. Нам представляется наиболее подходящей грамматической формой, передающей в определенной степени авторский замысел, является использование неопределенной формы глаголов взаимно-возвратного значения: инфинитив в полной мере выражает значение глагола, а взаимно-возвратный залог говорит о включенности в действие обоих субъектов.

На первый взгляд, не обладают особым семантическим своеобразием шежиры — родословные, знание которых, как мы отметили ранее, необходимо претендующему на звание бия. Однако они обладают особой ценностной характеристикой, это своего рода ценностные ориентиры в истории народа, поскольку казахи всегда исходили из того, что историю делают личности, поэтому шежиры — это не просто перечисление имен предков, это события, эпоха:

*Төрт арыс — Орта жүздің шын баласы,
Арқаның толған елге сары даласы.
Қарақожа бабамнан Арғын туып,
Дәулетке сонда толған айналасы.*

Мейрам сопының балалары бесеу болғандықтан, Бес Мейрам аталады.

*Онан соң Мейрам сопы бабам өткен,
Қуандық, Сүйіндік, Бөгендік, Шегендікпен.
Бес бала Мейрам сопыдан туған екен,
Қаракесек — анасы басқа тектен.*

(со слов Баттал аксакала).

Перевод:

*Четыре опоры — настоящие сыны Среднего жуза,
Широкая степь, что зовется Аркой наполнена народом:
От предка нашего Каракожи родился Арғын,
Вот тогда наполнилась счастьем степь.*

Поскольку у Мейрам суфия было пять детей, то их звали Пять Мейрамов.

*После них прошел мой предок Мейрам суфий,
А с ним Куандык, Суйиндик, Бегендик, Шегендик.
Пять детей родилось от Мейрама суфия,
Мать Каракесека из другого рода.*

Таким образом, шежиры — это историческая память народа, уважение к людям, которые создавали историю, культуру, оно само — памятник культуры. Бии прекрасно знали шежиры, не только свою родословную, но и хранили в памяти имена батыров, их подвиги, т.е. в широком смысле они знали родословную народа.

Названные нами ценностные ориентиры казахского народа: слова биев, шежиры, исходя из иерархии культурных ценностей, предложенных Г.Г.Молчановой [2; 13], можно отнести к культурно-специфическим, т.е. принадлежащим только конкретной культуре — культуре казахского народа. Собственно перевод имен в шежиры, которое передается прозой, иногда в стихотворной форме, ино-

гда идет совмещение, не представляет трудности, но чтобы понять смысл того, что скрывается за именами, необходим определенный лингвокультурологический комментарий, так как осознание ее культурной ценности остается вне понимания для представителя другой культуры: у него не возникает ценностных ассоциаций, связанных с тем или иным именем предка — батыра, бия, акына и т.д.

Импровизация — неотъемлемый дар биев. В статье, посвященной Бухар жырау, приведен пример испытания Каз даусты Казыбек бия Бухар жырауом: «Расскажи мне о значении чисел от одного до десяти», на что Казыбек би тут же ответил таким образом:

*Бір дегеніміз — бірлігі кеткен ел жаман.
Екі дегеніміз — егесіп өткен ер жаман.
Үш дегеніміз — үш бұтақты шідерден шошынған ат жаман.
Төрт дегеніміз — төскейге шығып алмаған кәрілік жаман.
Бес дегеніміз — білікті адамнан белгілі азамат тұмаған жаман.
Алты дегеніміз — аймағын билей алмаған хан жаман.
Жеті дегеніміз — жетем деген мақсатына жете алмаған жаман.
Сегіз дегеніміз — серкесіз бастаған қой жаман.
Тоғыз дегеніміз — толғанғаныңыз.
Он дегеніміз — өткеніңіз, о дүниеге жеткеніңіз.*

Перевод:

*Един говорим — плоха та страна, где нет единства,
Два говорим — плох тот мужчина, который постоянно враждует,
Три говорим — плох конь, испугавшийся трехножной треноги,
Четыре говорим — плоха старость, что не может взобраться на четверть горной возвышенности,
Пять говорим — плохо, когда от знающего человека не рождается известная личность,
Шесть говорим — плох тот хан, который не может руководить страной,
Семь говорим — плохо, когда не можешь достичь желаемой цели,
Восемь говорим — плох тот баран, который начинает без серке,
Девять говорим — долгое раздумье,
Десять говорим — значит отошел, дошел до того света.*

Как видим, импровизированный стиль изложения избегает сложного синтаксиса, слова словно льются один за другим, создавая некий поток. На русском языке передать эту особенность сложно. Смысл излагаемого предполагает использование сложноподчиненных предложений, причастных, деепричастных оборотов. «Из «коллекционности» словоформ агглютинативных (казахского) языков и «селекционности» флективных (русского) происходят различные способы описания действительности. «... для русского языка неудобны сюжеты, содержание которых трудно подвести под разряд развивающихся актуальных событий». ...эти формы (причастные, деепричастные обороты и др. — Ш.Т.) русской языковой системы можно характеризовать ... как возможность передать динамику и континуум развития действия. Они-то и наиболее приспособлены для выражения казахской «статики» и «расцветки», «фотогеничности» данного языка, как определяет ее Г.П.Мельников» [3: 56–57].

Би должен быть красноречив всегда, даже если речь не идет о решении спора. Часто люди приводили к ним детей для благословения. Бата биев — это тоже образцы красноречия, например, так благословил своего племянника Жанибека Каз даусты Казыбек би:

*Жол басқарсан, жолың киелі болсың,
Ел басқарсан, қолың киелі болсын.
Көк бөрің қолдасын.*

Перевод:

*Возглавишь вышедших на дорогу,
Пусть дорога твоя будет священной,
Возглавишь свой народ,
Пусть рука твоя будет священна.
Пусть поддержит тебя твой серый волк.*

Торжественный момент благословения в переводе передается аналитической формой повелительного наклонения глагола *пусть будет*. Здесь также отмечаются повторы для создания ритма.

Очень своеобразной этносемантической особенностью, на которую следует обратить внимание при переводе, являются сложные слова в казахском языке. Применительно к русскому языку — речь

идет о словах, образованных способом чистого сложения существительных, компоненты сложных слов объединяются без интерфикса: это слова типа *диван-кровать*. В казахском языке способ образования идентичный, однако компоненты этих слов в смысловом отношении совершенно отличные. Если в русском языке это в основном названия многофункциональных предметов, выражаемых конкретными именами существительными: *диван-кровать*, т.е. диван, который может служить и кроватью, *вагон-ресторан*, *платье-костюм* и т.д., то в казахском языке это в основном отвлеченные имена существительные синонимичные по своему значению: *сана-сезім*, *зейін-зерде*, *қадір-қасиет*, *күш-қайрат*, *күш-жігер*, *ар-ұят*, *ар-ождан*, *ар-иман*, *тәлім-тәрбие*, *ақыл-кеңес*, *әдет-ғұрып*, *дау-дамай*, *салт-дәстүр*, *бағыт-бағдар*, *өсиет-нақыл*, *сенім-таным*, *ел-жұрт*, *міңез-құлық*, *іс-әрекет*, *үлгі-өнеге*, *тыныс-тіршілік* и т.д. Например: *сана-сезім*. Компонент *сана* в казахско-русском словаре под редакцией Р.Т.Сыздыковой и К.Ш.Хусаина [4; 705] переведено как *сознание*, *сезім* — *чувство*, *сана-сезім* — *сознание*, *соображение* и второе значение как *самосознание*. *Қадір-қасиет*: *қадір* — *уважение*, *почет*, *авторитет*, *престиж*, *қасиет* — *хорошее свойство*, *качество*, *достоинство*, а *қадір-қасиет* с указанием на собирательность значения — *достоинство*, *репутация*, *престиж*.

Использование таких сложных слов частотно, это мы наблюдали при переводе энциклопедии «Қаз дауысты Қазыбек би», часть таких слов имеет устойчивый характер, например, *ел-жұрт*, *дам-тұз*, *жөн-жоба* и т.д., но многие из этих слов не обозначены в словаре, что говорит об особенностях индивидуального стиля автора статьи, который активно использует заданную в языке форму: *өсиет-нақыл*, *зейін-зерде*, *ықылас-пайым*, *ар-иман* и др. Причина использования таких слов может быть в недостаточной смысловой конкретике, по мнению автора, и полное выражение значения, которое вкладывает говорящий или пишущий, возможно при использовании синонимичных по значению слов, когда смысл одного слова дополняется значением другого, что возможно при использовании абстрактных существительных. В русском языке, как мы отметили ранее, речь идет о конкретных существительных с предметным значением. Поэтому перевод сложных абстрактных существительных казахского языка на русский тоже через сложные слова практически невозможен, наиболее адекватно смысл таких существительных возможен через синонимический ряд, например: *ар-ұят* в русском языке *честь* и *совесть*, *тәлім-тәрбие* — *пример* и *воспитание* и т.д.

Как отмечают исследователи, одной из коренных особенностей права является историзм права. Язык права существенно обусловлен экстралингвистическими факторами, диалектикой развития общества, его историческим опытом [5; 30]. Язык биев-ораторов, безусловно, отражает реалии своего времени, но в то же время он воплощает в себя многовековой культурный опыт народа, является основой лексического фонда языка. Задача носителей языка сохранить это в памяти, умело использовать и передать, по возможности, этносемантическое своеобразие родного языка средствами другого языка.

Список литературы

- 1 Қаз дауысты Қазыбек би: Энциклопедия. — Қарағанды: «Болашақ — Баспа», 2011. — 654 с.
- 2 Молчанова Г.Г. Методы исследования в межкультурной коммуникации: символ как когнитивная память культуры // Вестник Москов. ун-та. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2011. — № 1. — С. 7–24.
- 3 Бахтигереева У.М., Синякина Н.Л. Переводческая деятельность в Казахстане. Страницы истории: взгляд из России: Учебное пособие. — М.: РУДН, 2011. — 88 с.
- 4 Казахско-русский словарь: около 50000 слов / Под ред. чл. корр. НАН РК Р.Т.Сыздыковой, проф. К.Ш.Хусаина. — Алматы: Дайк-Пресс, 2008. — 962 с.
- 5 Глинская Н.П. Основные тенденции развития лексической системы судебного дискурса (на материале корпуса судебных решений Верховного суда США за период с 1789 по 2009 год) // Вестник МГУ. Серия 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2010. — № 4. — С. 38–39.

Ш.А.Токсанбаева

Аудармадағы этносемантикалық және стилистикалық ерекшеліктер

Мақалада қазақ тілінің этникалық ерекшеліктеріне байланысты кейбір семантикалық және стилистикалық қолданыстар қарастырылып, олардың орыс тіліне аударылу жолдары талданған. Қазақ тілінде мұндай ерекшеліктер шешендік сөздерге тән, олар билердің сөздерінде жиі кездеседі. Қазақ тіліндегі «сана-сезім» сияқты абстракт зат есімнен тұратын қос сөздер этносемантикалық ерекшеліктерімен сипатталады. Автор ондай ерекшеліктерді орыс тіліне аударғанда белгілі бір грамматикалық сөз тұлғаларды іріктеп алу қажет және де синонимдік қатардың мүмкіндігін пайдалануға болады деген қорытынды жасайды.

Sh.Toksanbaeva

Ethnosemantic and stylistic originality in translate

The article deals with the semantic and stylistic originality of Kazakh language, based on ethnic characteristics, and the possibility of transferring it into Russian language. These features in Kazakh language fully characterized «sheshendyk sozder» — eloquent words specific to the speech of biy — speakers. Complex abstract nouns such as sana — sezym have peculiar ethnosemantic feature. When translating these features requires the selection of certain grammatical forms, the use of a number of features synonymous.

ЭОЖ 81' 42:811.512.122

Ш.Мажитаева, Ж.Қасқатаева

*Академик Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті***Фразеологизмдер құрамындағы түр-түс атаулары: лингвотанымдық талдау**

Мақалада құрамында түр-түс атаулары бар фразеологиялық бірліктер қарастырылды. Түстің қазіргі адам өмірінде үлкен маңызы бар. Авторлардың айтуынша, қарым-қатынаста айтушы мен тыңдаушының мәдениет және реалийлер туралы фондық білімі болуы шарт. Түстерді атауда әртүрлі тілдердегі қолданылатын әдіс-тәсілдерді салғастырмалы зерттеу — лингвистикада дәстүрлі тақырыптардың бірі. Сондықтан этностың тілдік санасын айқындайтын кейбір түр-түс атауларының мағынасын ашуға талпыныс жасалады.

Кілт сөздер: жаһандану үдерісі, «концепт» ұғымы, әлем бейнесі, әлемнің тілдік көрінісі, ұлттық психология, ментальдық ерекшелік, мағыналар мен символдар, түр-түс әлемі, құрамында түр-түс атаулары бар фразеологизмдердің қазақ тіліндегі символдық мәні.

Қазіргі біздің еліміздің халықаралық деңгейдегі жаһандану үдерісі кезеңінде барлық саладағы халықаралық ынтымақтастығы мен байланыстардың нығаюы әр түрлі халықтың тіл және мәдениет өкілдерінің әлемді қабылдау, сезіну ерекшеліктерін тану және түсіну қажеттілігін алға тартады.

Ғылым мен техниканың дамуы ғылымның барлық салаларына, соның ішінде тіл білімінің дамуына да өз әсерін тигізуде, лингвистикада жаңа бағыттар мен түрлі салалардың негізі қаланып, дамып, тіл білімінің зерттеу нысанының саны артуда. Этнолингвистика, когнитивтік лингвистика, лингвомәдениеттану, паралингвистика, прагмалингвистика сияқты лингвистика салалары тілді әр деңгейде, ғылыми тұрғыда зерттеуге мүмкіндік туғызды. Қазақ тіл білімі де жаңа бағыттардағы зерттеулермен толығу, даму үстінде.

Әр халықтың этникалық болмысының шынайы нышаны — тіл. Қазіргі таңда тілдің теориялық-танымдық тұрғыдан зерттелуі қажеттілігі туындап отыр. Бұл тұрғыда тіл мен адам санасының тұтастығы қарастырылып, адам санасының жемісі тілдік білім, күрделі ассоциативті-вербалды құрылым, болмысты рух және ой бірлесуіндегі таратушы жүйе боп кешенді түрде сипаттауға негізін табады.

В. фон Гумбольдттың «салыстырмалы антропологиясы» әр түрлі мәдени топтардың рухани ұйымдастырылу маңыздылығын айқындау мақсатында қатар қойып зерттеу деп пайымдайды. Яғни, салыстырмалы антропология адамның ойлау, сезіну, эмоциялық тұрғыдан қабылдау түрлері, әр түрлі мәдениетте әрқалай болу сияқты мәселелерді қамтып қарастырады. Осыған байланысты «адамзат рухының» тілдегі, әдет-ғұрыптағы, дәстүрдегі, мифтегі көрінісін зерттеу, яғни қабылдау, тану, ойлау мен адамның әлемге эмоционалдық қатынасын талдау оның өзекті мәселелеріне жатады. Тіл «халық рухының әрекеті» тұрғысынан салыстырмалы антропологияда әлемді ұлттық тұрғыдан реттеу құралы ретінде қарастырылған. Себебі әрбір тілде «халықтың өзіне тән мінезі бейнеленетін дербес бейнелер» бар [1].

Әр этностың арасындағы мәдени және психологиялық ерекшеліктерді зерттеудің бірден-бір жолы — негізгі концептерді зерттеу. Мәдени константын, менталитетін көрсететін мәнді концептердің бірі — «түр-түс» концептісі. Қазіргі кезде мәдениетаралық қатынастың кеңеюіне байланысты, тілі, діні, мәдениеті әр түркі, еуропалық тілдердегі түр-түс концептісін ашатын сөздер мен сөз тіркестеріне когнитивтік және лингвомәдени талдау жасау арқылы, «түр-түс» атауларының аталған тілдегі ұлттық-мәдени ерекшелігін, сонымен қатар әлемдік тілдік бейнесінің әр ұлт өкілдер санасындағы құрылған моделін анықтау өзекті болып саналады.

Адам өмірінде түстің үлкен маңызы бар. Түс адамдардың көңіл-күйіне, эмоциясына әсер етеді. Сондықтан да түстерді әр түрлі ғылым салаларының мамандары зерттеп-зерделеуге тырысады. Дегенмен түстердің әр қырын (аспектілерін) зерттегенде мамандар тарапынан адамзаттың қоршаған ортадағы заттар мен құбылысты атауда қолданатын тереңде жатқан тарихи-мәдени тәжірибесі толығымен ескерілмейді. Дүниенің түр-түс бейнесі де толығымен жан-жақты зерттеуді қажет етеді. Тілшілер де түр-түс атауларын негізгі лексикалық топтардың қатарына жатқызады. Лингвистер, этнолингвистер, тіл тарихын зерттеушілер он шақты тілді зерттей келе, түр-түс атауларының жүйесінде кейбір әмбебап ұқсастықтар кездеседі деген тұжырымға келеді. Сондай-ақ белгілі бір түстің әр түрлі реңкіне қатысты тіл-тілде бейнелі тіркестер, идиомалар және мақал-мәтелдер қолданылады. Олар әрбір ұлттың өткен өмірінен әлеуметтік-тарихи, эмоционалдық-ментальдық ақпарат бере алады [2].

Шындығында түр-түс атауларын тамыры алыста жатқан, халықтың ұзақ тарихымен төркіндес, оның рухани, мәдени өмірімен астарласа келіп, эстетикалық талғам-танымымен, ұлттық психологиясымен, салт-санасына, әдет-ғұрыпымен ұласатын қоғамдық, филологиялық, этнолингвистикалық мәні зор мәселелер қатарына жатқызуға болады. Түр-түс ғылымының дүниеге келіп, жан-жақты зерттелу нысанына айналғанына екі ғасырға жуық уақыт болды. Алғашқыда түс табиғаты олардың практикалық қажеттілігіне орай көбірек зерттелінді. Бұл тұрғыдан есімдері белгілі болғандар — Ньютон, Ломоносов, Вернер, Саккарде, Рунге, Освальд, Гете, Мерц, Поля, Рехтер, Раткин, М.Люшер т.б. Түр-түстің лингвистикалық тұрғыдан зерттелуі жалпы тіл білімінде — Л.Уроф, А.Мэтьюз, Р.Фрумкина т.б., түркі тілдері әлемінде — А.Н.Кононов, Э.В.Севортян, А.М.Щербак т.б. есімдерімен байланысты.

Түр-түс атауларының табиғатын когнитивтік, семантикалық, әлеуметтік лингвистикалық, психолінгвистикалық, салыстырмалы-тарихи тұрғыдан зерттеуді қажет етеді. Шетел тіл білімінде бұндай зерттеулер жүргізілуде. Бұл тұста ағылшын және орыс тілдеріндегі түр-түс атауларын мәдениеттану бағытында зерттеген А.Вежицкаяның еңбектерін атауға болады.

Адамзаттың көру қабылдауының мүмкіншіліктерінің елеулі бөлігін түсті айыру қабілеті құрайды. Сондықтан түр-түс атауларының мәселесін ашу маңыздылығы да орынды: біріншіден, жаратылыста бар түстің экстралингвистикалық ұстанымдары тілдік жүйеде де бейнеленеді, екіншіден, түр-түс атаулары объективті түс гаммасының әр түрлілігін бейнелейтін, ықшамды және жеңіл ажыратылатын лексикалық топ болып саналады. Дегенмен түс әр тілде әр түрлі бейнеленеді [3].

Қазақ тілінде түр-түс атаулары көптеген фразеологизмдердің құрамында, кісі және жер-су аттарында, түрлі этнографизмдер мен тарихи сөздердің құрамында, мақал-мәтелдер мен жұмбақтарда кездеседі. Түр-түске байланысты фразеологизмнің ішінде сан жағынан ең бірінші орында тұрған тұрақты тіркестер — «қара» түске ұйытқы болған фразеологизмдер. Оның себебі, біріншіден, табиғаттың кең түрде қабылдануына, көрнекілігіне және басқа түр-түс атауларымен тіркесе қолданылуына, яғни аралас түр-түсті білдіруге бейімділігіне байланысты болса, екіншіден, оның табиғат пен қоғамның өмірдегі құбылыстардың көбінің түр-түсіне, бейнесіне, сұлбасына, қайғы-қасіретіне, қаралы сәтіне, көңілсіз жайтқа т.б. осы сияқты күңгірт жақтарына қатыстығына байланысты. Қара түс қазақ топырағында — «қайғы-қасірет», «ауыр тұрмыстың тауқыметі»,

«каталдық», «катыгездік», «кедейшілік-жоқшылық», «қарапайымдылық», «қалың бұқаралық», «нәсілі төмендік» т.б. мағыналарды білдіреді.

Құрамында түр-түс атауы бар фразеологиялық бірліктерді салыстырмалы-салғастырмалы зерттеген еңбектерге қарағанда түр-түс атауларының жасалуына тек лингвистикалық жайттар (фактор) ғана негіз болмайды. Түс атауының жасалуы әр түрлі экстралингвистикалық жайттарға байланысты болған: этностың мәдени үрдісінен, тұрмысынан, салт-дәстүрінен, ұлттық психология мен танымдық ерекшеліктерден, сондай-ақ халық тарихында болған әр түрлі оқиғалар мен объективті құбылыстардан. Сондықтан фразеологизм құрамында түр-түс атауларының қолданылуы кездейсоқтық емес. Зерттеушілер әртүрлі тілдердің лексикалық және фразеологиялық бірліктерінде бірдей түр-түс атауларының қолданылуы негізгі әрі өмірде қажетті түстердің жұмсалуында деп есептейді: «Преобладание одних и тех же наименований цветов в лексических и фразеологических единицах различных языков объясняется тем, что это главные, самые необходимые для общения цвета: «Если мы хотим понять друг друга, то для этого достаточно слов черный, белый, красный, желтый, зеленый, синий как главных названий для наших ощущений» [4; 16].

Дегенмен, бірнеше тілдегі түр-түс атаулары бар фразеологизмдерді салыстыра қарастырғанда зерттеушілер қарама-қайшылығы мол, күрделі жайттармен кездеседі. Бұл, әсіресе, шетел тілін оқытуда, көркем туындыларды аударуда қиындық туғызады.

Сонымен, түр-түс атаулары әрбір халықтың лексикалық қорында көптеп кездеседі. Әрбір тілдегі түр-түс атаулары белгілі бір заттың сапалық сынын білдіретін, сондай-ақ белгілі бір халықтың мәдени өмірі мен тарихынан, салт-дәстүрі мен әдет-ғұрпынан мол мәлімет беретін күрделі категория болып саналады.

Түр-түс атауларын зерттеген ғалымдардың тұжырымдауына қарағанда, табиғатта *ақ* пен *қарадан* басқа таза, қоспасыз түс жоқ. Жан-жануарларға тән түр-түстерді талдау негізінде зерттеушілер дәстүр бойынша «негізгі түс» және «түс реңктері» деп алудың өзі шартты екендігі, негізгі жеті түстің (не он) әр түрлі мөлшерде араласқан белгілі түстердің қосындысы екендігі көбірек байқалатындығын тәжірибе арқылы көз жеткізген [5].

Қазақ тіл білімінде түр-түс атауларын жаңа қырынан зерттеген ғалым академик Ө.Қайдаровтың есептеуінше, тілімізде заттық негізге сүйену принципі арқылы жасалған бір буыннан тұратын жүз елудей түр-түс атаулары бар. Бұларға *қан қызыл, шиідей қызыл, қырмызы қызыл, алтын сары, аспан көк, шойын қара, қоңыр қаз /жай* т.б. жатады. Бұл принцип арқылы тіліміздегі түр-түс атаулары үнемі толығып отырады сөзсіз.

Мәселен, орыс тілінде бұл модель бойынша көптеген түр-түс атаулары жасалынған: *кофейный, кровавокрасный, молочный, салатный, сиреневый, терракотовый, небесный, горчичный* т.б. Қазақ тілінде, керісінше, бұл тәсілмен жасалған түр-түс атауларының саны онша көп емес.

Түр-түстер адамға «жылы», «суық» (немесе «салқын») көрініп әсер ететіндіктен, олар «жылы», «суық» болып бөлінеді. Мысалы, *қара, көк, жасыл* түстер адамға «суық» әсер етсе, *қызыл, қызғылт, сары* түстер адамға «жылы» болып көрінеді.

Зерттеушілердің тұжырымдауына қарағанда, түркітануда, қазақ тіл білімінде түр-түс мәселесін жан-жақты, тілдік материалдар негізінде тұлғалық-мағыналық ерекшеліктерін аша отырып зерттеген еңбектер көп емес. Түркі тілдеріндегі түр-түс атауларының семантикасын алғаш рет академик А.Н.Кононов зерттеуді қолға алды. Осы мәселеге қатысты түркі тілдеріндегі географиялық терминологияда кездесетін «ақ» және «қара» сөздерінің семантикасын, түс атауларының мағыналық ерекшеліктерін қарастырған А.Н.Кононовтың «О семантике слов «ақ» и «қара» в тюркской географической терминологии», «Семантика цветообозначений в тюркских языках» еңбектері жатқызылады [6]. Бұл еңбектерінде автор түркі халықтарының тіліндегі түр-түс атауларының жасалу жолдары мен олардың беретін мағыналарын зерттейді.

Қазақ тіл білімінде түр-түстердің тілдегі көрінісін қарастырған бірнеше еңбектер бар. Мәселен, Ө.Қайдаров өз зерттеулерінде табиғаттағы түр-түстерге, олардың жер-су атаулары құрамындағы мағыналық ерекшеліктеріне шолу жасап, төрт түлік мал түстеріне қатысты атаулардың семантикалық және этнографиялық сөз орамдарына негіз болуын жан-жақты қарастырады [7].

Сонымен тіл тілдегі түр-түс атауларының негізгі атауыштық мағынасынан басқа әр түрлі лексикалық-семантикалық, символдық мағыналары халық болмысындағы әмбебап категория екені даусыз. Бұл мағыналар бір ұрпақтан екінші ұрпаққа жетіп отырғаны белгілі. Тілдердегі түр-түстер өздерінің символикалық қасиеттері арқылы түр-түске тіпті қатысы жоқ немесе қазіргі кезде мүлдем алыс ұғымдар мен мағыналарды білдіреді.

Түс концептісін табиғат концептісімен байланыста қараудың қажеттігін А.Вежбицкая «Тіл, мәдениет, таным» деген еңбегінде былай деп түсіндіреді: «В данной работе я предположила, что универсальные тенденции в нашем понимании цветовых категорий могут быть связаны универсалиями человеческого опыта вообще и в особенности — с универсальными чертами жизни человека на земле. И я истолковала цветовые концепты через понятия окружающей среды, такие которые заключены в английских словах *fire* ‘огонь’, *sun* ‘солнце’, *sky* ‘небо’, *grass* ‘трава’, *sea* ‘море’, *ground* ‘земля’.... они тоже рассматриваются как конструкты, построенные людьми на базе их жизненного опыта, полученного на земле» [8].

Расында да «Айналадағы табиғатты біршама танып болған адам өзін танып-білуге көп әрекет етіп келеді. Ол өзінің адамдық қасиетін, рухани дүниесі мен мінез-құлқын, жүріс-тұрысы мен т.б. ерекшеліктерін танып-білумен ғана шектелмей, сыртқы пішінін, бет-әлпетін, реңін, шырайын, денесінің (көзінің, қас-кірпігінің, шашының, сақал-мұртының т.б.) түсін анықтауға да көп көңіл бөлген. Осының нәтижесінде тілімізде жүздеген түр-түстік тіркестер, тенеулер, салыстырулар пайда болған» [7; 132].

Поэтонимдердегі түр-түстің символдық таңбасын қарастырған тараушасында Г.Қ.Қортабаева табиғатта жай көзбен және арнаулы аспаппен көруге болатын 2000-нан 30000 мыңға дейін түр-түс бар деген деректер келтіреді. Табиғатта кездесетін әр алуан түстің барлығы әрқашанда зат пен құбылыстың атауын бере бермейді. Олар кейде мүлдем түске қатысы жоқ мағыналарды білдіре алады. Түр мен түстің тура мағынасынан басқа ауыспалы, косымша ақпарат беретін символдық мағыналары да болады. Түстердің діни мағыналары да бар, ақты — христиандар, жасылды — мұсылмандар, сарғыш қызылды — буддаға табынушылар қасиет тұтады. Әр халықтың, әр ұлттың жанына жақын, айрықша кастерлейтін өз бояуы, өз түсі болады [4; 96–97].

Сын есім ретінде қолданылатын негізгі түр-түс атаулары (ақ, қара, қызыл, сары, көк, сұр) көне заманда қалыптасқандығына әрбір халықтың лексикасы мен фразеологиясында кездесетіні дәлел. Бұл жағдай неміс тіліндегі фразеологизмдер құрамында ақ, қара, қызыл, көк, жасыл, сары түстердің жұмсалыуына да түсіндіре алады. Неміс тіліндегі фразеологизмдердің жасалуына әр түрлі оқиғалар мен жайттар әсер еткені белгілі.

Түр-түс атаулары лексикалық жүйенің бірліктері, яғни сөздермен ғана берілмейді, сонымен қатар тұрақты сөз тіркестері (фразеологизмдер, мақал-мәтелдер т.б.) арқылы жасалынады. Қандай да бір ұлттың ерекшелігі ең алдымен оның тілі, ана тілі. Мәселен, фразеологизмдер құрамында қолданылатын түр-түс атаулары әр халықтың тілінде көптеп кездеседі. Мұндай фразеологиялық тіркестер қазақ тілінде де, неміс тілінде де айтар ойды әрі қысқа, дәл, тапқыр және бейнелі білдіруде күнделікті қарым-қатынаста да, көркем туындыларда ұтымды қолданылады: *weiß wie eine Wand werden* — (сөзбе-сөз: *қабырғадай ақ болу*), боп-боз болу, *weiß werden* — бозарып кету, аппақ болу; *weißes Gold* — ақ алтын (*мақта, қант, фарфор*), *in schwarz gekleidet* — қара кию, қара жамылу; *grün und blau schlagen* — көк ала қойдай сабау, ауыр соққыға жығу [9].

Академик Ә.Т.Қайдардың айтқанындай: «Фразеологизмдер — күрделі лингвистикалық бірліктер. Олардың күрделілігі тек құрылымдық түрлері мен синтаксистік модельдердің көпшілігімен ғана емес, сонымен қатар тематикалық және семантикалық көп жақтылығымен, сондай-ақ ойдың түрлі эмоционалды-экспрессивті реңктерін бейнелеу мүмкіндігімен түсіндіріледі» [10; 12]. Мысалы, *ақ дегені* — *алғыс*, *қара дегені* — *қарғыс*; *ақ, қарасын ажырату* фразеологизмдерінде *ақ* пен *қара* түс ретінде қолданылып тұрған жоқ, *ақ* — адал, айыпсыз, *қара* — айыпты мағыналарында. *Қара табан* — еңбегін сатып күн көрген жарлы, сіңірі шыққан кедей, жалшы жалаң аяқ, *қызыл кеңірдек болу* — бекер айқайласып, жанжалдасу, *қызыл тіл* — шешен, жүйрік тіл; *қойдан қоңыр* — момын, жуас [11].

«Фразеологизм — екі немесе бірнеше мәні бар сөздерден тұратын, мағынасы жағынан тұтас және құрылымында тұрақты тіл бірлігі. Ол — халық даналығының айғағы. Тіл тілде түр-түске қатысты көптеген фразеологизмдер тілде ондаған және жүздеген жылдардан бері қолданылуда, өйткені халық көңілді әуенді де, ажуа-мысқылды да жеткізетін өткір образдық тіркестерді қолданғанды ұнатады» [12].

Құрамында түр-түс атауы бар кейбір фразеологиялық тіркестердің негізінде тарихи фактілер, сонымен қатар аңыздар да жатыр. Фразеологияға халықтық мақал-мәтелдер де, жазушылардың, ғалымдардың, қоғам қайраткерлерінің айқын және тапқыр сөздері де жатады.

Өз ойын айқын және мәнерлі жеткізуде құрамында түр-түс атаулары бар фразеологизмдер көркем әдебиет тілінде кеңінен қолданылады.

Тіл-тілдегі түр-түске қатысты символдық мағыналар белгілі бір ұлттың мәдени құндылықтарына байланысты ұлттылығымен ерекшеленеді.

Академик Ә.Қайдар қазақ тіліндегі түр-түс атауларының тілдік негізі, пайда болу жолдары, түр-түс атауларының субстантивтенуі (заттануы) мен символдық ауыс мағынада қолданылуын «көп дәстүрлі танымға байланысты мәселе» ретінде қарайды [10; 33].

Қазақ тілінде түр мен түске қатысты эпитет арқылы жасалған адам есімдері де кездеседі. Түр мен түстің табиғатын зерттеген ғалым Н.Б.Бахилина былай дейді: «В художественной литературе цветообозначение используется в качестве эпитета, поэтому важно не точное определение цвета, а то, что бросается в глаза, на то хотелось бы обратить особое внимание» [13].

«Қазақ ономапозитикасы: сатиралық-юморлық кейіпкер аттары» тақырыбында жазған кандидаттық диссертациясында Г.Қ.Қортабаева түр мен түске қатысты жасалған есімі езу тартқызып, күлкі шақыратын, аты ашу туғызып, қабақ түйгізетін, күлкілі кейде кекесін мағынадағы аттарға төмендегілерді жатқызады: *Ақбалдақ, Ақдолы, Ақжаулық, Ақима, Ақтауша, Ақмағанбет (ов), Ақиған, Ақсақал (ов), Ақсом, Аққисым, Ақтайлақ, Ақкөз, Ақкөңіл, Ақкемпір, Аққыз, Ақжем, Ақтабанов, Ақторсық, Алабас, Албике, Алайкөз (ов), Арамқара, Бозінген, Бозтайлақ, Бозғылт, Боздақ, Дәуқара, Жағал, Көкжал, Көкжаулық, Көкіман, Көкібай, Көкми, Көкаяз, Кекала, Көкірек, Көкқасқа, Көкдолы, Көксау, Көктиын, Көкаяқ, Көкқасов, Көкшақа, Көкбайтал, Күкіртсары, Күреңкөз, Қарақатын, Қарабай, Қаракөріпкел, Қарабұқа, Қаракемік, Қарашаруа, Қарабет, Қабанқара, Қарашал, Қарабек, Қарасарт, Қарин, Қызылкөзұлы, Қызылтазы, Қошқыл, Қоңырқұлжа, Месқара, Сариолақ, Сарыбас, Сарсақал, Саразбан, Семізқара, Сұраман, Сұрсұлу, Сұрқияқыз, Ұйқысары, Үкісарықыз, Шабдарұлы, Шиқара, Шұбарбай, Шикіл* т.б.

Зерттеуші кейіпкер аттарының құрамында түр-түстің түрлерінің сандық көрсеткіші төмендегідей екенін анықтаған: ақ түс – 27, қара – 22, көк – 16, сары – 15, сұр – 7, қызыл – 5, боз – 5, қоңыр – 3, жирен – 2, ала – 4 рет, **шағыр, төбел, шұбар, жағал, қу** тәріздес түс аттары жалқыдан ғана кездесті [4; 7].

Өзге тілдердегідей қазақ тіліндегі түр-түс атауларына байланысты сөз тіркестерін табиғатқа, адамға, әлеуметтік-қоғамдық тұрмысқа, салт-дәстүрге, әдет-ғұрыпқа т.б. байланысты топтарға бөлуге болады. Қазақ халқы ежелде көшпелі елдердің біріне жатқандықтан тіршілігі табиғатпен терең байланысты болды. Көшпелі халықтың табиғатты өзіне бағындыруды мақсат етпей, табиғатпен тілдесе тіршілік ете алатындарын өмірлік тәжірибе ретінде ғана ұғынған, мұнда моральдық, этикалық қалыптар тұрақтанған.

Әр түстің тура мағынасынан басқа ауыспалы мағынасы да бар, мәселен, **ақ** түсі қазақ мәдениетінде адамшылықты, пәктік, ізгі ниеттілікті, адалдықты, шындықты, жақсылық, молшылықты, әулиелікті білдіретін асыл, қасиетті сүйкімді, жылы түс боп танылады....*Ақ та болсам, жоқ сылтаумен тағы арандатпақпең? Бәжсей, Түсіп арам болса айтарсың! Ақ болса, жазықсыз болса, неңді айтасың? (М.Ә., 87-б.)*

Табиғатқа байланысты тіркестер: *ақ жауын, ақ жаңбыр, қара суық, қара дауыл, қара бел, қара жол, қара шоқы, қызыл арай, қызыл іңір, көк (аспан, аспан әлемі), жеті қат көк, көк шалғын, көк тайғақ, көк аяз, қоңыр күз, қоңыр салқын, сары күз, сары аяз* т.с.с. қазақ тілінде кеңінен қолданылады.

Тұрмыс-тіршілікке, салт-дәстүрге байланысты: *ақ тамақ, ақ құба, ақ көңіл, ақ ниет, ақ сақал, ақ жаулық, ақ жол, ақ дастарқан, ақ бата, ақ отау, ақ сүтін ақтау, ақ мол болу, ақ саусақ, қара көңіл, қарабет, шойын қара, дәу қара, қарасын өшіру, қара жұмыс, қызыл шырайлы, қызыл көз, қызыл кеңірдек, көк өрім, көк бет, көк жалқау, көк ми, көк инені түрте білмеу, көк ала қойдай сабау, көсегесі көгеру, көк тәңірі, қоңыр дауыс, сары уайым, сары шикіл* т.с.с. сөз адамға, адамның сырт-пішінін, мінез-құлқы ерекшеліктерін, іс-әрекетін, сыпайылығын, қасиеттілігін, т.б. танытатын фразеологиялық тіркестер.

Сонымен **ақ** түсіне байланысты фразеологизмдер соңына жету, қалжырау мағынасын береді. Мысалы: *ақ көбік болу, ақ қаптал ақ құйқа болу, ақ сабын болу, ақ сирақ болу, ақ сүйек болу.*

Ақ түсіне байланысты фразеологизмдер алғыс, тілек мәнінде де жұмсалып келеді. Мәселен, *айтқаның келсін, айтқаның ақ болсын. Ақ түсі ұйытқы болған фразеологизмдердің қазақ тіліндегі символдық мәні – қадірлі, қасиетті, адал, пәк, таза ұғымдары. Халық ұғымында аса молшылықты білдіретін тіркестер, мысалы: ақ түйенің қарны жарылу. Ежелгі түркі халқының өмірінде түйе ерекше орын алған, киелі болып саналған. Мереке-қуаныштарға шынпейілділік пен салтанаттылық мән беру мақсатында, ерте кездерде түйенің қарнын жару салты болған. Ақ атанның құрбандыққа*

шалынып, ауыл-аймақтың белгілі бір қуанышқа кенеліп, көл-көсір дәм-тұзға елдің қарық болуына байланысты пайда болған тіркес. Бұл — ақ түсті түйенің сирек кездесіп, оның қадірлі болуының тағы бір дәлелі.

Ақ түске қарама-қарсы түске *қара* түсі жатқызылады. Түркі тілдеріндегі түр-түс атауларының мағыналарын алғаш рет арнайы зерттеген академик А.Н.Кононов қара түстің сын есім ретінде 20 шақты түрлі мағыналары барын көрсетеді. Қара түс қараңғы, ызғар, қалың, үлкен, күшті, дүлей, көп, қарапайым, белгісіз мағыналарын беріп қоймай, ауыртпашылықты, қайғы-қасыретті, кедейлікті білдіреді.

Кейбір зерттеушілер қара түске байланысты атауларды мағынасына қарай 6 топқа бөліп қарастырады: 1) жамандықтың; 2) жауыздықтың, қатыгездіктің; 3) алғашқылықтың, бастапқылықтың; 4) киеліліктің, қасиеттіліктің; 5) қарапайымдылықтың; 6) қайғы-мұңның белгілері [14].

Қара түстің тағы бір мағынасы әдемілікпен байланысты қолданылады: **Қаракөз, Қарашаш**. Сонымен бірге қара түсі адамның өзімсініп атайтын табиғи төл түсі: жердің түсі, берекенің нышаны. Ол — философиялық ұғым, тұрақтылықты, статиканы білдіреді: «қара жер», «қара халық», «қара мылтық», «қара ат», «қара күн» сияқты тұрақты тіркестер.... *Құнанбай өз басы шешеден жалғыз, бәйбішенің жалғызы. Қара шаңырақ иесі. Қалың дәулет пен әмір, билік иесі* (М.Ә., 73-б.).

Көне түркі тілінде қызыл — оңтүстікті, қара — солтүстікті, ақ — батысты, көк — шығысты білдіреді. Қызыл оттың, күннің белгісі болғандықтан киелі түстің мағынасына ие болады. Қазақ халқының әдет-ғұрпында ертеде күнге табынған, отты аттамаған, отқа түкірмеген, отты су құйып сөндірмеген, шоғын баспаған, отпен аластаған. Әр шаңырақ астындағы ошақтағы жанған от бірліктің, берекенің, ұрпақ жалғасу тіршілігінің белгісі, осыдан *отау, отбасы* деген сөздер шыққан.

Қазіргі қазақ тілінде «қызыл» түстің ғана емес албыртып тұратын, қызара бөрткен, жас, қызу қанды, сұлу реңді «қыз» деген сөзінің шығуына негіз болса керек [15; 34]. Қазақ тіліндегі фразеологизмдердің құрамында келетін «қызыл» түс те бірнеше мағынада жұмсалады. «Қызыл» түсі Күннің, Оттың түсіне байланысты қабылданып, күні бүгінге дейін көптеген халықтар үшін солардың символы ретінде қасиетті түс болып саналады.

Қызыл қанның түсі болғандықтан, ең алдымен, бұл түс арқылы жасалған фразеологизмдер қан немесе ет мәнінде қолданылады. Мысалы, *қызыл ала қылу, қызыл көрген құзғындай, қызыл көрмеу*.

Қазақ тіліндегі фразеологизмдер құрамындағы қызыл түс көбіне соматизмдермен тіркесіп, ұрыс, төбелес мағынасын береді. Мысалы, *қызыл кеңірдек болу, қызыл көз, қызыл өңеш болу, қызыл танау болу, қызыл тер болу, қызыл шеке болу, қызыл жон ету*. Сондай-ақ «қызыл» түсі *қызыл сөз* фразеологизмінің құрамында келіп, жылтырақ, мәнсіз деген ұғымды білдіреді. Бұл ұғым осы бір ғана фразеологизмнің мағынасын ашады.

Қазақ мәдениетінде көк түсі — тыныштық пен бірліктің, береке мен тірліктің белгісі. Көк — тәңір сөзінің эквиваленті. Тәңір — дүние, тіршілік атаулының жаратушысы, Құдай. Көк түсі арқылы ең бір құдыретті де киелі қасиетін танытады. Сондықтан ол мықтылықты, жеңімпаздықты, рухы жоғарылықты, үстемдікті, пандықты білдіреді.

Жеті қат көк — шығыс астрономиясында жеті жұлдызға сәйкес: Ай, Меркурий, Шолпан, Күн, Қызыл жұлдыз (Марс), Мәштіри (Юпитер), Сатурн. Көк — жұлдыздар, шоқ жұлдыздар, планеталар, галактикалар орналасқан шексіз әлемнің, космостың, халықтың атауы. Көк — көне түркілік космоним [15].

Көк түсінің мағынасының көптігінің бір себебі — жалпы түркі халықтары ұзаққа дейін көк пен жасылды айырмай келгенінде. Қазақ халқында табиғаттағы көк түсі негізгі түс болса керек, бір-біріне жақын бірнеше реңктердің туындайтынын көруге болады (шөпке, өсімдікке, өсіп-өнуге байланысты). Көк — символикалық жағынан тыныш шексіз теңізді, ұстамдылықты, ақшыл көк немесе көгілдір үлкен сезімді, нәзіктікті, бейбітшілікті білдіреді.

М.Қашқаридің «Лұғатында» «көк» сөзі тек, ата тек ретінде алынған: «оның көгі кім?». Тілімізде «көгермегір», «көктемегір» — қарғыс сөздері, яғни ұрпағы, тегі жалғаспасын, өспесін мағынасында қалыптасқан.

Қазақ халқының ұлттық ою-өрнектерінің де, күмбездерінің де түсі көбінесе көк түсті. Осындай жағдайларға байланысты көк түстің де рәміздік мазмұны ерекше санаға ие.

Сол сияқты, **көк езу, көк ауыз, көк жалқау, көк долы, көк ми** т.б. тіркестер адамның мінез-құлқына, жеке басына қатысты жағымсыз мағынаны, ойсыздықты білдіреді.... — *Құдай-ау, неткен көк мылжың?...* (М.Ә., 284-б.) **Көк мылжың** — сөзуар, көп, бет алды сөйлеу мағынасын береді.

Қоңыр түсі — қазақ тұрмысында байсалдылықты, биязылықты білдіреді. **Қоңыр тірлік, қоңыр күз, қоңыр жел, қоңыр ән, қоңыр дауыс** тіркестерінде бірқалыпты, біркелкі, жайлы, жағымды мағыналар қатарын көрсетеді.... *Алыстан келген қоңыр үн ыңырсыған ананың бесік күйіндей, байтақ даланы тербеп тұр.* (Ғ.М., 246-б.)

... *Зере немересін өз қасына шақырып ап,.....: — Айналайын, қоңыр қозым, — деп арқасынан қағып, маңдайынан иіскеді* (М.Ә., 298-б.).

Сары түсі ақыл-парасаттың, қанағат, сабырлықтың белгісі: **сабыр түбі сары алтын, сарғайған жетер мұратқа** — жұбаныш пен үміттің кепілі болса, бір жағынан, қайғы-мұңмен байланыстырылады: **сары уайымға салыну**, сонымен қатар ұзақтылық мағынасында **сарғая күту**; кең, үлкен мағынасында: **сары дала** қолданылады.

Жалпы *ала түсі* ақ түс тобындағы *ақ, боз, сары, сұр, құла, құба, қылаң, бозғылт, сарғылт реңктер мен қара-қоңыр түс тобындағы қара, қоңыр, торы, кер, күрең* т.б. реңктердің араласу салдарынан туындауына орай әр түрлі түр-түс гаммасында жасалуынан көптеген ауыс мағыналарда кеңінен қолданылады.

Әр түрлі түсті деген ұғымнан абстракцияланған **ала ауыз**, немесе **алты бақан ала ауыз** фразасында ынтымақ, бірлігі жоқ, пәтуасыз деген мағынаны білдіреді **Ала** сөзінің кейбір этнографиялық мәні төмендегідей тұрақты тіркестерде қолданылады: біреудің **ала жібін аттамау** — қиянат жасамау, арамдыққа бармау, ұрламау; **ала жіптерін кесісу** — араздасу, айырылысу мағыналарын, **ала аяқ** қу, залым, сұм адам бейнесін береді [16].

Қорыта келгенде, ата-бабамыздан мұра боп қалған тіліміздің сөз байлығы, сөздердің анық-қанықтығын, сөздерді көркемдейтін, әсерлете түсетін түр-түс фразеологизмдері қазақ халқының тарихын, салт-дәстүр, ұлттық сана мен ой-өрісін, адамгершілік қалыптарын, тұрмыс-тіршілігін, ісін, мінез-құлқын, жан дүниесін, ділін, дінін әрі қысқа, әрі нұсқа суреттейді.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Гумбольдт В.Ф. Избранные труды по языкознанию. — М.: Прогресс, 1984. — С. 85.
- 2 Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Лингвострановедческая теория слова. — М.: Русский язык, 1980. — С. 65.
- 3 Макеев И.В. Лексико-семантическая структура систем цветообозначения в русском и английском языках: Учеб.-метод. пособие. — Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2001. — С. 44.
- 4 Қортабаева Г.Қ. Қазақ ономапозитикасы сатиралық-юморлық кейіпкер аттары: Канд. ... дис. қолжазбасы. — Алматы, 2007. — 127 б.
- 5 Қайдаров Ә. Т., Өмірбеков Б., Ахтамбердиева З.Т. Сырға толы түр мен түс. — Алматы: Қазақстан, 1986. — 45-б.
- 6 Кононов А.Н. О семантике слов «ак» и «кара» в тюркской географической терминологии // Изв.АН ТаджССР, отд.общ.наук. — Вып. V. — 1954. — С. 81–86; Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сб. — М., 1975. — С. 145–153.
- 7 Қайдаров Ә., Ахтамбердиева З., Өмірбеков Б. Түр-түстердің тілдегі көрінісі. —Алматы: Ана тілі, 1992. — 160 б.
- 8 Вежбицкая А. Язык.Культура. Познавание. — М.: Наука, 1996. — С. 7.
- 9 Бинович Л.Э. Немецко-русский фразеологический словарь. — М.: Гос.издат. иностран. и национальн. словарей, 1956. — 904 с.
- 10 Қайдар Ә. Қазақ тілінің өзекті мәселелері — Актуальные вопросы казахского языка. — Алматы: Ана тілі, 1998. — 304 б.
- 11 Кеңесбаев І. Қазақ тілінің фразеологиялық сөздігі. — Алматы, 1977. — 711 б.
- 12 Баран Я.А., Зимомря М.І., Білоус О.М., Зимомря І.М. Фразеология: знакові величини. — Вінниця: Нова Книга, 2008. — С. 38.
- 13 Бахилина Н.Б. История цветообозначений в русском языке. — М.: Наука, 1975. — С. 265.
- 14 Лауланбекова Р.Т. Түр-түс компонентті күрделі аталымдардағы ұлттық дүниетанымның тілдік көрінісі: Канд. ... дис. қолжазбасы. — Алматы, 2010. — 34-б.
- 15 Айтбаев Ө.А. Аудармадағы фразеологиялық құбылыс. — Алматы: Ғылым, 1975. — 15-б.
- 16 Ахметжанова Ф.Р., Қайырбаева Қ.Т. Түр-түске байланысты тұрақты сөз тіркестері. — Өскемен: ШҚМУ баспасы, 2000. — 88-б.

Көркем әдебиет

- 1 Әуезов М. Жиырма томдық шығармалар жинағы. — 3-т. Абай. Роман-эпопея. — Алматы: Жазушы, 1979. — 424 б.
- 2 Мұстафин Ф. Бес томдық шығармалар жинағы. — 1-т. — Алматы: Жазушы, 1981. — 384 б.

Ш.Мажитаева, Ж.Қасқатаева

Цветовые обозначения в составе фразеологизмов: лингвокогнитивный анализ

В статье рассмотрены фразеологические единицы, содержащие в своей семантике элемент цветовых обозначений. Цвет имеет огромное значение в жизни современного человека. По мнению авторов, основным условием коммуникации считается фоновое знание, то есть знание реалий и культуры, которым взаимно обладают говорящий и слушающий. Сравнительное изучение способов обозначения цвета в разных языках — одна из традиционных тем лингвистики. Поэтому на материале казахского языка авторами сделана попытка раскрыть значения некоторых цветовых наименований как важного явления, отражающего суть языкового сознания этноса.

Sh.Mazhitaeva, Zh.Kaskataeva

Colour denotations in composition of the phraseological units: linguistic and cognitive analysis

The color is of great importance in the life of modern man. The basic condition of communication considered background knowledge, i.e. knowledge of the realities and cultures who mutually enjoyed talking and listening. A comparative study of ways to describe colors in different languages is one of the traditional topics of Linguistics. This article discusses the phraseological units, containing in its semantics element color designations. On the material of the Kazakh attempts to uncover the meanings of some of the color names as an important phenomenon, capturing the essence of the language of the ethnic group.

УДК 378.14 + 81

А.С.Айтпаева, А.Т.Рахметова

Карагандинский государственный технический университет (E-mail:aitpaeva@inbox.ru, solnyshko2006@mail.ru)

Инновационные методы в обучении русскому языку студентов технических специальностей

В статье рассмотрены методы обучения русскому языку в техническом вузе, описан лингводидактический потенциал ресурсов Интернета. Авторами предложены пути использования Интернет-ресурсов при обучении русскому языку как неродному. Проанализированы понятия мультимедийных ресурсов, электронной коммуникации. Обращено особое внимание на обучение аудированию.

Ключевые слова: инновационные методы, аудирование, информационные технологии, коммуникация.

Идея гуманизации и гуманитаризации образования становится приоритетной в нашем обществе. Необходимость интеграции технического и гуманитарного знания, пути такого синтеза активно обсуждаются преподавателями высшей школы. Вуз должен выпускать специалиста с высоким культурным уровнем, что часто подчеркивалось известными методистами. Так, в статье И.Корнилова «Система подготовки инженеров: социологический ракурс» сообщаются результаты анкетирования, проведенного среди студентов старших курсов московских вузов, преподавателей и слушателей военно-инженерной академии, научных сотрудников, инженеров различных специальностей. 83,4 % опрошенных отметили важность гуманитарных знаний для инженера [1]. О необходимом присутствии в инженерной деятельности математического, естественнонаучного, технического и гуманитарного знания говорит в своей статье «О техническом и гуманитарном знании в инженерной деятельности» и В.Никитаев [2].

Современный этап развития цивилизации требует специалистов с широким гуманитарным мышлением, способных строить грамотно профессиональную деятельность по законам гармоничного развития. Но речь идёт не только о том, что инженерно-технический работник должен иметь достаточный уровень интеллектуальной подготовки, чтобы суметь обеспечить эффективность своего труда. Не менее важным является и то, что именно гуманитарное знание даёт такие приоритеты, как ответственность за общезначимые ценности, мировоззренческое самоопределение, общекультурная компетентность, личностная самоактуализация.

В Карагандинском государственном техническом университете, обучая русскому языку, мы ставим перед собой следующие задачи: углубление знаний о системе и структуре русского языка и его стилистическом расслоении; знакомство с основными законами построения эффективной речевой коммуникации; освоение основных принципов делового общения в устной и письменной формах; совершенствование навыков работы с текстами разных стилей и жанров; расширение активного словарного запаса студентов.

Студенты, изучающие русский язык в техническом вузе, не просто знакомятся с научным стилем речи, а с языком специальности в системе. Язык специальности — это практическая реализация научного и официально-делового стиля речи в системе потребностей определенного профиля знаний и конкретной специальности. Что же такое язык специальности? Приведем несколько определений. Язык специальности — это «подсистема языка, обслуживающая сферу профессионального общения и характеризующаяся широким использованием терминологии, преимущественным употреблением слов в их прямых, конкретных значениях, тенденцией к специфическим синтаксическим построениям» [3]. «Язык для специальных целей представляет собой специфическую разновидность «языка в целом», которая используется при общении на ту или иную специальную тему» [4]. Язык для специальных целей неоднороден: с одной стороны, он максимально приближен к повседневной жизни, с другой — содержит специфическую лексику, которая имеет конкретную понятийную ориентацию. Данные определения дополняют друг друга.

Обучение русскому языку должно задействовать все стороны речевой деятельности студентов. «Речевая деятельность — это активный, целенаправленный опосредованный языковой системой и обусловливаемой ситуацией общения процесс передачи или приема сообщения» [4; 99]. Это система умений, направленная на решение различных коммуникативных задач. Речь идет о коммуникативных задачах, объединенных на основании следующих признаков: а) форма речи — устная или письменная; б) восприятие или порождение речи [5; 99]. Традиционно речевая деятельность разделяется на 4 вида: аудирование (устная форма, восприятие), говорение (устная форма, производство), чтение (письменная форма, восприятие), письменная речь (письменная форма, производство).

В современной методике наблюдается стремление приблизить условия учебного процесса к условиям свободной коммуникации. В связи с этим уделяется большое внимание развитию умений во всех четырех видах речевой деятельности. Существует такой термин *взаимосвязанное обучение*, который предполагает параллельное и сбалансированное формирование четырех видов речевой деятельности на основе общего языкового материала в рамках их последовательно-временного соотношения. Аудирование, говорение, чтение и письмо является и целью, и средством обучения. Работа над данными видами речевой деятельности осуществляется в определенной последовательности в рамках практического занятия или цикла занятий, на которых обязательным является общий языковой материал. При коммуникативно-деятельностном подходе наиболее распространена методическая единица организации языкового материала — тема, которая понимается как «фрагмент реальной действительности, отраженной в нашем сознании и зафиксированной с помощью языка» [5; 142]. В рамках темы определенный лексико-грамматический материал должен быть представлен во всех видах речевой деятельности, что обеспечивает лучшее усвоение языкового материала посредством активизации слуховых, зрительных и моторных анализаторов. Формирование коммуникативно значимых умений и навыков осуществляется с помощью серии специально разработанных упражнений, в которых представлен изучаемый лексико-грамматический материал по той или иной теме.

Практические занятия содержат разнообразные упражнения для отработки и закрепления языковых навыков. Имитативные, подстановочные, трансформационные, репродуктивные и речевые задания направлены на формирование у студента языковой, речевой и коммуникативной компетенций в их профессиональной сфере.

Традиционная методика обучения русскому языку в школе и вузе уделяла большое внимание грамотному письму. Однако при этом нарушался один из основных законов психолингвистики, за-

ключающийся в том, что все виды речевой деятельности в процессе обучения должны формироваться в единстве и во взаимосвязи. В XXI веке антропоцентрическая направленность лингвистики позволила обратиться к непосредственной цели обучения языку как средству коммуникации.

Термин «аудирование» противопоставлен термину «слушание». «Слушание» — акустическое восприятие звукоряда. Понятие аудирования в свою очередь включает процесс восприятия и понимания звучащей речи. Аудирование является сложным видом речевой деятельности. Многие современные выпускники школ практически не владеют данным умением. Овладение аудированием дает возможность реализовать воспитательные, образовательные и развивающие цели. Посредством аудирования мы воспитываем культуру общения. Кроме того, развивается слуховая память человека.

Мощным средством обучения языку служит аудирование, дающее возможность овладевать звуковой стороной изучаемого языка, его фонемным составом и интонацией: ритмом, ударением, мелодикой. Аудирование как действие, входящее в состав устной коммуникативной деятельности, активно используется в любом устном общении, подчиненном производственным, общественным или личным потребностям. Аудирование же, как обратная связь у каждого говорящего во время говорения, позволяет осуществлять самоконтроль за речью и знать, насколько верно реализуются в звуковой форме речевые намерения.

И.А.Зимняя выделяет следующие характеристики аудирования как вида речевой деятельности: аудирование реализует устное и непосредственное общение; оно является реактивным и рецептивным видом речевой деятельности в процессе общения; основная форма протекания аудирования — внутренняя, неравномерная. Аудирование составляет основу общения, с него начинается овладение устной коммуникацией. Оно складывается из умения дифференцировать воспринимаемые звуки, интегрировать в смысловые комплексы, удерживать их в памяти во время слушания, осуществлять вероятностное прогнозирование и, исходя из ситуации общения, понимать воспринимаемую звуковую цепь. При этом процесс восприятия проходит в определенном нормальном темпе, свойственном для данного языка, из разных источников, при естественных помехах речевого и неречевого характера [6].

Термин *аудирование* был введен в литературу американским психологом Брауном, в России — этот термин был введен З.А.Кочкиной в статье «Что такое аудирование?» в 60-х гг. XX в. (до этого использовался термин *понимание речи на слух*).

Аудирование как средство обучения обеспечивает знакомство учащихся с новым языковым и речевым материалом, выступает как средство формирования навыков и умений во всех других видах речевой деятельности, способствует устойчивому поддержанию достигнутого уровня владения речью, формирует собственно аудитивные навыки. Как цель обучения аудирование понимают, когда обучающиеся средствами аудирования получают какую-либо конкретную информацию. Это может быть текст, фильм и т.д.

Процесс слушания мотивируется потребностью не только **понять** речевое сообщение говорящего, но и **выразить** свое мнение на основе понимания услышанного. Несомненно, что такая мотивация создает внутреннюю установку слушающего, которая является приведением «перцептивной схемы, т.е. схемы реакции, в состояние готовности» [7]. В свою очередь, это состояние не может не выразиться в сосредоточенности и концентрации внимания, а следовательно, и в большей продуктивности всех психических процессов.

Согласно определению одного из исследователей психологической природы понимания З. И. Клычниковой, «понимание текста есть уяснение: а) связей и отношений объектов и явлений, о которых говорится в сообщении, к объектам и явлениям реальной действительности; б) связей и отношений, которые существуют между объектами и явлениями, о которых говорится в сообщении; в) тех отношений, которые испытывает к ним говорящее лицо, а также г) той побудительно волевой информации, которая содержится в сообщении» [8; 35].

Высший уровень понимания определяется З. И. Клычниковой как уровень последовательного понимания, когда «чтец распознает не только логическое и эмоциональное, но и волевое содержание текста. Текст понимается столь глубоко, что чтец из лица воспринимающего превращается в лицо сопереживающее. Волевая, побудительная направленность текста превращается в стимул для его деятельности» [8; 101].

Обучение аудированию, или смысловому восприятию (пониманию) речи на слух, предполагает выполнение обучаемыми упражнений на формирование общих аудитивных навыков, речевых упражнений и последующую учебную работу с аудиотекстом. Приведем примеры подобных упражнений:

1. Прослушайте начало рассказа и постараться догадаться о том, что произошло дальше.
2. Составьте план высказывания к заданной ситуации общения и прослушайте несколько фрагментов текста для получения необходимой информации.
3. Прослушайте предложения и скажите, сколько вопросительных, утвердительных, отрицательных предложений вы услышали.

Современная лингфонная система позволяет обучать аудированию связного текста на основе дифференцированного подхода и индивидуализации учебной деятельности обучаемых. Каждое предложенное задание должно быть с четкой инструкцией. Карточки с дифференцированными заданиями раздаются заранее всем обучающимся. На выполнение задания отводится одинаковое для всех время.

Работа с аудиотекстом состоит из нескольких этапов: предтекстового, текстового и послетекстового. Рассмотрим их.

Предтекстовый этап включает работу с доской, раздаточными материалами и фрагментами аудиотекста, а также живое учебное общение. Основное содержание этапа: снятие языковых трудностей аудиотекста (контроль понимания наиболее трудных предложений текста, анализ значения отдельных слов и фраз), тренировочные упражнения на базе текста, введение и первичное закрепление новых слов, толкование употребления в тексте лексических единиц и грамматических явлений, аудирование отдельных фрагментов текста. Предтекстовая ориентировка на восприятие речи на слух состоит в постановке предтекстовых вопросов, предложений озаглавить текст, заданий подтвердить или опровергнуть предлагаемые преподавателем утверждения, выбрать из ряда данных правильные, приблизительные и неверные утверждения, выбрать правильный вариант ответа на вопрос, воспроизвести контексты с ключевыми словами и т.д.

Текстовый этап включает прослушивание всего текста и поочередно отдельных абзацев, смысловых блоков. В процессе многократного прослушивания текста обучаемым предлагаются следующие виды работы:

1. Подбор к абзацу заглавия.
2. Воспроизведение ключевого слова в контексте.
3. Перефразирование.
4. Ответы на вопросы.
5. Повторное прослушивание текста или фрагментов.
6. Анализ употребления языковых средств.
7. Вычленение отдельных фраз по определенному признаку.

Послетекстовый этап включает вопросно-ответную работу, пословный, сжатый, ориентированный пересказ, расширение и продолжение текста учащимися, составление рассказа по аналогии, составление диалога по теме текста и т.д.

Важно добиться стремления студентов научиться слушать речь и понимать слышимое, дать им почувствовать свои возможности, своё продвижение вперед. Это повышает их интерес к изучению неродного языка. В связи с аудированием развивается монологическая речь, когда обучающиеся выступают, прослушав текст, с самостоятельным сообщением и личной оценкой, а также формируются умения выступать в различных ситуациях в рамках учебно-трудовой, общественной и социально-культурной сфер общения. С помощью активного аудирования осуществляется переход от речи на уровне предложения к связной монологической речи на уровне текста.

Аудирование составляет основу общения, с него начинается овладение устной коммуникацией. Владение аудированием позволяет человеку понять то, что ему сообщают и адекватно реагировать на сказанное, помогает правильно изложить свой ответ оппоненту, что и является основой устной речи.

При обучении русскому языку как неродному все шире применяются информационные технологии. Их использование позволяет намного повысить интерес обучаемых к языку, по-новому построить работу преподавателя, реализовать принцип интерактивности. Аудиовизуальная насыщенность учебного материала, доступность, возможность выбора материала по степени сложности способствует интенсификации процесса его усвоения.

В современной жизни Интернет занял главенствующее место среди инновационных технологий. В литературе существует множество определений Интернета. В популярной энциклопедии «Википедия» приводится следующее определение: «Интернёт (англ. *Internet* — всемирная система объединённых компьютерных сетей, построенная на базе IP и маршрутизации IP-пакетов. Интернет образует глобальное информационное пространство, служит физической основой для Всемирной паутины (World Wide Web, WWW) и множества других систем (протоколов) передачи данных. Часто

упоминается как Всемирная сеть и Глобальная сеть, а также просто Сеть. В настоящее время под словом «Интернет» чаще всего имеется в виду Всемирная паутина и доступная в ней информация, а не физическая сеть» [9].

Всемирная информационная сеть много дает в процессе самообразования, позволяет каждому пользователю выбрать свой путь обучения. Использование электронных ресурсов придаёт новый статус самостоятельной работе обучающихся, при котором обучение по форме становится индивидуальным и самостоятельным, а по сути контролируемым и управляемым. Только компьютер способен осуществить столь разнообразную по форме и содержанию связь с обучаемым (информативную, справочную, консультирующую, результативную, вербальную, невербальную — графика, цвет, звуковая сигнализация) [10].

Возможны следующие формы использования информационных технологий на занятиях по языку:

- 1) создание преподавателем и студентом компьютерных презентаций;
- 2) работа с сайтами, ориентированными на обучение русскому языку;
- 3) использование электронных словарей и энциклопедий;
- 4) выполнение студентами заданий с аудио- видеоматериалами из Интернета;
- 5) дистанционное обучение языку;
- 6) контакт с сайтами образовательных учреждений, обучающих русскому языку;
- 7) общение с носителями языка в виртуальных сообществах, социальных сетях.

Каждая форма использования информационных технологий имеет свои особенности.

По мнению Е.А.Чертковой, «одним из приемов, широко используемых в настоящее время для устных выступлений, являются компьютерные презентации, позволяющие акцентировать внимание аудитории на значимых моментах излагаемой информации и создавать наглядные эффектные образы в виде схем, диаграмм, графических композиций и т.п.» [11]. Рассматривая вопрос об использовании новых технологий при обучении иностранному языку на начальном этапе, В.П.Касьянова справедливо заметила, что «самостоятельная творческая работа обучаемых по созданию компьютерных презентаций позволяет расширить запас активной лексики, повысить интерес к изучению иностранного языка и культуры» [12].

В списке инновационных средств особо следует выделить использование интерактивной доски в учебном процессе. Специализированный сайт, обучающий работе с интерактивной доской, позволяющий обмениваться опытом по ее применению, просматривать онлайн-интерактивные занятия, пройти тренинг — это Promethean Planet (<http://www.prometheanplanet.ru>). Преподавателю лишь остается освоить программное обеспечение ActivStudio, ActivInspire и интерактивную доску, Activ Board и он сможет создавать яркие, информационно насыщенные флипчарты. Сайт творческой мастерской Политехнического колледжа города Астаны является одним из первых казахстанских сайтов, начавших работу в этом направлении. Здесь размещаются советы и приемы по оформлению презентаций, мастер-классы, видеокурсы по созданию флипчартов, ссылки на полезные ресурсы Интернета. При обучении русскому языку как неродному очень важно представить материал наглядно, и интерактивные доски оказывают несомненную помощь в этом. Студенты и преподаватель могут совместно создавать флипчарт по теме занятия. Это развивает не только творческие навыки студентов, но и умение работать с компьютерными технологиями.

В настоящее время растет число сайтов, профессионально обучающих русскому языку. Это Грамота.ру (www.gramota.ru), Культура письменной речи (www.gramma.ru), Портал по использованию русского языка и получению образования на русском языке в государствах СНГ и Балтии (www.russianforall.ru), Русский язык и культура речи (<http://www.shpora07.narod.ru>), авторский сайт Олега Ефимовича Ольшанского, профессора Славянского государственного педагогического университета, автора статей об истории слов и выражений в русском языке (<http://slovo.dn.ua>), сайт Страна слов, преподавание языка в котором ведется в виртуальной школе в игровой форме (<http://wordslan.ru>), блог Буквояд, содержащий факты из истории возникновения слов и выражений, правила, толкования слов (<http://bukvoed.blogspot.com>) и др.

Данные сайты являются общедоступными, удобными в использовании, регистрация на них не является обязательной. Обучение русскому языку с применением подобных ресурсов расширяет кругозор обучаемых, повышает уровень их фоновых знаний, способствует пробуждению интереса к истории и культуре русского народа. Возможны следующие виды заданий: найти историю возникновения ряда фразеологизмов, используя сайт Буквояд, пройти онлайн-тест на сайте www.russianforall.ru,

подготовить сообщение о музеях России, используя указанный сайт, написать реферат по данным источникам, решить кроссворд с синонимами, задать вопрос лингвистического плана, поучаствовать в конкурсе на сайте Культура письменной речи и т.д.

В качестве учебных материалов можно рассматривать мультимедийные материалы страноведческого или энциклопедического характера. Это диски страноведческого характера, информирующие о политическом, экономическом устройстве России, ее географическом расположении. К ним относятся, например, диски «Большая энциклопедия России», «Край наш Пензенский», «Города России», «География России», «Большая энциклопедия Кирилла и Мефодия». Другую группу мультимедийных материалов составляют диски о русской культуре, российских музеях, памятниках архитектуры и искусства. К ним относятся такие диски, как: «Русские обряды и суеверия», «Масленица», «Московский Кремль. Виртуальные прогулки», «Коломна», «Санкт-Петербург», «100 лет Русскому музею». Третья группа посвящена видным общественным деятелям России, например, это диски «А.С.Пушкин: полное собрание сочинений», «П.И.Чайковский. Жизнь и творчество», «Л.Н.Толстой» «Владимир Высоцкий. 60-е годы» и др.

Каждый диск содержит свое соотношение текста, графики, аудио- и видеоинформации. Количество подобной продукции увеличивается с каждым днем, и жанровое разнообразие электронных энциклопедий всегда позволяет выбрать подходящее издание. Кроме того, можно сочетать работу с электронными дисками и с онлайн-ресурсами. К примеру, Google представляет виртуальный музей, который предлагает перейти на «качественно новый уровень сохранения и передачи культурного наследия будущим поколениям». Пользователь Интернета имеет возможность совершить виртуальную экскурсию в Большой театр, в Кремль, в Третьяковскую галерею, в Эрмитаж.

В виртуальном музее можно приблизить картину и рассмотреть ее во всех подробностях, виртуально передвигаться по залам экспозиции, прочитать информацию о зале, в котором находитесь, найти информацию о художнике, посмотреть видеоролик об истории картины и т.д. Посетители виртуального музея могут оставить комментарии, пожелания, давать ссылки друзьям.

Большая часть преподавателей русского языка в Казахстане недостаточно использует в учебном процессе ресурсы Интернета. В то же время отмечается заинтересованность студентов компьютерными технологиями. В англоязычных исследованиях последнего времени появились термины *digital native* — люди, для которых электронная среда стала привычной, и *digital immigrants* — люди, для которых электронная среда остается чужой и враждебной. <http://bigdesignevents.com> Человек *digital native* родился после введения цифровых технологий. Он использует такие онлайн услуги, как: Facebook, YouTube, Hulu и Twitter на различных цифровых технологиях, таких как смартфоны или Tablet PC. Также он умело комбинирует свою жизнь онлайн (в Интернете) со своей офлайновой (вне Интернета) жизнью.

Исследователи используют термин *digital immigrants*, чтобы классифицировать людей, родившихся перед введением цифровой технологии, для которых популярными технологиями являются радио, телевидение, газеты, книги и журналы, поэтому они приспосабливаются, как правило, к цифровым технологиям медленно, постепенно. Как ни странно, некоторые из *digital immigrants* создали цифровые технологии, используемые *digital native*.

Люди первой группы активно используют программы, цифровые технологии как инструмент для подготовки к занятиям и собственно на занятиях. Они быстро обучаемы и у них нет психологического барьера перед новыми информационно-коммуникативными технологиями.

Для преподавателя русского языка в XXI веке желательно уметь активно пользоваться электронной почтой; создавать флипчарты, слайд-презентации; участвовать в виртуальных сообществах, популярных сетевых сервисах; создавать собственные микроблоги и участвовать в чужих; пользоваться электронными словарями, энциклопедиями, участвовать в их создании; размещать материалы разных форм в сети: аудио-, фото- и видеофайлы; участвовать онлайн в видеоконференциях, Skype; организовывать самостоятельную работу студентов на основе цифровых технологий.

Безусловно, есть преподаватели, которые успешно интегрируют информационно-коммуникативные технологии в практику преподавания языка. «Наша практика работы с ИКТ показала, что самый оптимальный вариант — интегрировать их все более расширяющиеся возможности в рамки традиционного учебного процесса, в котором все же ИКТ не будут доминировать, а максимально обогатят потенциал интегративного обучения в реальном учебном процессе» [13].

Всемирная информационная сеть позволяет сделать процесс обучения более эффективным, вовлекая в процесс восприятия большинство чувственных компонентов обучаемого. Имея целью раз-

вить коммуникативную компетенцию студентов, преподаватель должен уметь организовать работу с Интернет-ресурсами, овладеть новыми методическими подходами в обучении. Взаимодействие между преподавателем и студентом осуществляется при этом в диалоговом режиме. Это облегчает процесс обмена информацией и повышает познавательный интерес студентов.

Таким образом, мы видим, что использование информационных технологий является одной из необходимых составляющих образовательного процесса, в том числе и для успешной организации самостоятельной работы при обучении русскому языку студентов с государственным языком обучения. Информатизация образования — это неизбежный процесс и преподаватель гуманитарных дисциплин должен уметь использовать лингводидактический потенциал ресурсов Интернета. В техническом вузе владение инновационными информационными технологиями становится особенно важным.

Список литературы

- 1 Корнилов И. Система подготовки инженеров: социологический ракурс // Высшее образование в России. — 1996. — № 2. — С. 79.
- 2 Никитаев В. О техническом и гуманитарном знании в инженерной деятельности // Высшее образование в России. — 1996. — № 2. — С. 153.
- 3 Иностранный (русский) язык: Рабочая программа для студентов, обучающихся по программе «2+2» / Н.В.Курикова, И.И.Тюрина. — Томск: Изд-во ТПУ, 2008. — С. 27.
- 4 Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). — СПб.: Златоуст, 1999. — 472. — С. 5.
- 5 Глухов Б.А., Щукин А.Н. Термины методики преподавания русского языка как иностранного. — М.: Русский язык, 1993. — 371 с.
- 6 Зимняя И.А. Лингвopsихология речевой деятельности. — М.: Московский психолого-социальный ин-т. — 2001. — С. 58.
- 7 Прангшивили А.С. Исследование по психологии установки. — Тбилиси: Мецниереба, 1967. — С. 20.
- 8 Клычникова З.И. Психологические особенности обучения чтению на иностранном языке. — М.: Просвещение, 1973. — 224 с.
- 9 <http://ru.wikipedia.org/wiki>
- 10 Азимов Э.Г. Русский язык в Интернете (лингвистический и методический аспекты): Сб. статей: Лингводидактический поиск на рубеже веков. — М., 2000. — С. 8.
- 11 <http://ito.su/1998-99/g/chertkova.html>.
- 12 Касьянова В.П. Использование новых технологий при обучении иностранному языку на начальном этапе // Актуальные вопросы современной педагогики: Материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Уфа, июнь 2011 г.). — Уфа, 2011. — С. 131.
- 13 Канатова С.Ш. О подготовке будущих учителей к организации обучения иностранному языку на базе ИКТ-технологий // Иностранные языки в школе. — 2009. — № 3. — С. 42.

А.С.Айтпаева, А.Т.Рахметова

Техникалық мамандық студенттерін орыс тіліне оқытудың инновациялық әдістері

Мақалада техникалық мамандық студенттерін орыс тіліне оқыту әдістері қарастырылды, Интернет-ресурстардың лингводидактикалық мүмкіндігі зерттелді. Авторлар орыс тілін шетел тілі ретінде оқытуда Интернет ресурстарды пайдалану жолдарын ұсынады. Мақалада мультимедиа қорларының, электрондық коммуникацияның ұғымдары қарастырылды. Авторлар тыңдалымға ерекше мән беру керек деген қорытынды жасайды.

A.S.Aitpaeva, A.T.Rahmetova

Innovative methods in training in Russian of students of technical specialties

In the article are described the methods of teaching to Russian at the technical university and linguistic-didactic potential of resources of the Internet. Authors offered ways of use of Internet resources when we teach Russian as Non-native language. In the article are clarified definitions of multimedia resources, electronic communication. Authors pay special attention to training in audition.

ӨОЖ 81' 42:811.512.122

Ш.Мажитаева, Б.О.Оразова

Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті

Қазақ би-шешендері туындыларындағы қайталаулар

Мақалада көркемдегіш тәсілдердің біріне жататын қайталаулардың көркем шығармада атқаратын рөлін көрсеткен еңбектерге қысқаша шолу жасалады. Авторлар көркем туындыларда жиі қолданылатын қайталаулардың анафоралық және эпифоралық түрлеріне тоқталып, көркем мәтіннен жинастырылған нақты мысалдар арқылы олардың қызмет аясының маңызын дәйектейді. Зерттеу дереккөздері ретінде би-шешендердің сөздерінде кездесетін қайталаулар алынады.

Кілтті сөздер: қазақ би-шешендер сөздері, лексикалық қайталау, анафора мен эпифора, қайталаудың эпифоралық және анафоралық түрі, дистантты қайталамалар, көркем мәтін.

Қайталау — көркем туындының мәтінінде жиі кездесетін құбылыс. Көркемдегіш тәсілдердің ең көп қолданылатын түрінің бірі. Автор шеберлігі мен дара стиліне байланысты ұтымды қолданыс табатын амалдың бірі осы қайталау деуге толық негіз бар. Ғалым З.Қабдолов: «Қайталау — сөз әсерін күшейте отырып, оқырман назарын айрықша аударғысы келген нәрсені не құбылысты бірнеше мәрте қайталап, айтар ойды, ұқтырар сырды ұғымға мұқият сіңіре түсу» [1; 234], — дейді.

Г.Я.Солганик лексикалық қайталаудың сипатына зор мән береді: «Лексикалық қайталау жай лексикалық, мағыналық және логикалық байланыс емес. Ол тілде белгілі бір синтаксистік схема арқылы жүзеге асады. Орамды тілдегі қайталау ерекше сипатқа ие болады. Әдетте, келесі сөйлемде алдыңғы сөйлемдегі кез келген сөз қайталанбайды, мағыналық жағынан өзіне логикалық екпін түсіре алатын сөз қайталады» [2].

Көркем шығармадағы қайталаулардың атқаратын міндеттері орасан. Бұл тұрасында тіл білімінде зерттелген еңбектер аз емес. Қайталаудың көне поэзиядағы орнын көрсеткен зерттеулер де бар. Қайталаулар қазақ би-шешендерінің айтқан көркем сөздерінде кездеседі.

Қайталаудың ежелгі қазақ туындыларындағы сипатын зерттеуші Қ.Өмірәлиев былайша көрсетеді: «Дидактикалық–шешендік толғау-өлеңдер өзінің синтаксистік, әрі формалық, әрі

лексикалық қайталауға құрылуы жағынан қазақ поэзиясының басқа түрлері ішінде ерекше орынға ие. Бұл жағынан бірде-бір жанр тең келмейді» [3].

Академик Р.Сыздықова болса қайталаудың бұрынғы әдеби тілдегі көркемдік тәсілдердің бірі екенін былайша түсіндіреді: «Бұрыннан келе жатқан жыраулар поэзиясы тіліне тән және бір белгі — бір толғаудың өн бойында белгілі бір сөздердің немесе тіркестердің үнемі қайталап отыруы» [4].

Қайталаудың көркемдік тұрғыдағы қызметі көп әрі ауқымды. Оған белгілі бір ойға ерекше назар аударту, мәтінді өрнектеу сияқты міндеттер жатады.

Қайталаудың көркем туындылардағы ерекше қызметін орыс тіл білімінде Л.В.Спасова былайша атап өтеді: «Перечисление — основа создания цельности описательных стихотворных синтаксических единств. Главным средством связи в них является перечислительная интонация: важную роль играют параллелизмы, повторы» [5].

Қайталаудың би-шешендер шығармаларындағы көп кездесетіні — анафора мен эпифора. Себебі қатар келген сөйлемдерді байланыстыруда осы екі қайталаудың рөлі күшті. Қайталаманың бұл екі түріне зерттеулерде төмендегідей анықтамалар беріледі: «Әдепкі қайталама, яки анафора (грекше *anaphora* — биікке шығару), — өлеңнің әр жолы немесе әрбір ой ағымы бір сөзден басталуы» [6].

«Кезекті қайталама, яки эпифора (грекше *epiphora* — соңынан алып жүру), — өлеңнің әр жолының соңындағы немесе әрбір ой ағымының аяқ жағындағы бір сөз бірнеше мәрте қайталануы» [1; 236].

Эпифоралық, яғни сөйлем соңында келіп қайталанатын сөздер, сөйлем мүшелері өлең көркемдігін күшейтеді, шығарманың әсерлілігін үстеп, мазмұндық ерекше әр береді. Сөйлем соңында не тармақ аяғында келген эпифоралық қайталаудың етістік баяндауыш түрінде келетінін, олардың сөйлемдегі қызметі туралы Д.Досжанова: «Сөйлемдердің соңында қайталанып келетін эпифора ойды аяқтап, етістік баяндауыштан болып, қайталаманың молшылығын жасайды. Қайталаманың молшылығы конструкцияның толық синтаксистік параллелизмімен қамтамасыз етіледі», — деп көрсетеді [7; 11].

Енді қайталаудың қатар келген сөйлемдерді байланыстырудағы рөліне, ең алдымен толғаулардағы эпифоралық қайталау, яғни дистантты қайталамалар түріне тоқталайық. Дистантты қайталамалар толғаулар сөйлемдеріне әсерлілік, мәнерлілік үстейді. Өздері қатыстырылған сөйлемдерді бір-бірімен мағыналық жағынан байланыстырады.

Би-шешендер мәтіндерінен олардың әр сөйлем соңында, яғни өзінің тұрақты орнында үнемі қайталанып келіп, өздері қатыстырылған сөйлемдерді жиі байланыстыратынын байқауға болады.

Есімшенің болжалдық мәндегі жұрнағының баяндауыш болып етістіктің құрамында келіп өлең мәтіндерінің құрылысына елеулі әсер ететін тұстары көп кездеседі. Әрине, бұл жерде олардың сөйлемнің баяндауыш құрамында болуының маңызы зор. Өйткені бұл жағдайда шығарманың көптеген функционалдық міндеттері шешіледі. Шешендердің сөздерінен есімшенің *-ар* қосымшасымен келген етістіктердің баяндауыш қызметінде тұрып, сол күйінде бірнеше сөйлемдердің байланысын жасау амалын байқадық.

Мәселен, **Досбол шешенде:**

*Ер азарында есірік болар,
Адамда бір-бір кесірік болар.
Елдегі арам адал болар,
Елдегі жақсы қазан болар.
Жігіт кеселші болар,
Әйел өсекші болар* [8; 260].

Сапақ би шешенде:

*Батыр сөйлей қалса,
Жауға салған ойранын айтар.
Ақын сөйлей қалса,
Қызық думан тойдағыны айтар.
Қойшы сөйлей қалса,
Қойын бағып жиганын айтар* [9; 21].

Бигделді биде:

*Өз аулыңның
Қыздары айдай көрінер,
Ұлдары дардай көрінер,
Құлыны тайдай көрінер,
Тайлағы нардай көрінер,
Торғайы тұрымтайдай көрінер* [10; 335].

Сондай-ақ болымсыз қосымшалы етістік баяндауыш мына жолдардағы әр сөйлем соңында қайталанып ондағы мәтін байланысын арттырып тұр.

Бөлтірік шешенде:

*Жатқа сөйлем,
Жаманға сөйлем,
Асырып сөйлем,
Батырып сөйлем,
Жасқа сөйлем,
Масқа сөйлем,
Қараға сөйлем* [9; 40].

Жоғарыда келтірілген толғау жолдарындағы қайталау ақыл-өсиет, насихат мазмұнын тудырады. Мұндай мазмұнды ой қатар келген сөйлемдердегі баяндауыш мүшелердің қайталануымен жүзеге асады. Ал бұл қайталамалар сол жолдардың бірыңғай байланысын жасауға қатыстырылып тұр. Мұндағы қайталанушы баяндауыш мүше бұйрық райында келген.

Шабанбай биде:

*Аллаға жағам десең — азанды бол,
Ағайынға жағам десең — қазанды бол.
Халқына жағам десең — әділ бол,
Судай таза бол,
Жердей берік бол,
Өмірің ұзақ болсын,
Аймағын суат болсын,
Сөзің халқына қуат болсын* [10; 178].

Бөлтірік шешенде:

*Ақтығы Самарқанның бөзіндей болсын,
Жорғасы Жанғұттының сөзіндей болсын,
Жуандығы Көпбайдың дәл өзіндей болсын* [10; 195].

Етістіктерден болған баяндауыштардың қайталамалары оқиғаны, құбылысты, іс-әрекетті беруімен бірге стильдік-көркемдік қызмет те атқарады. Ойдың эмоционалды-экспрессивті әсерін күшейтеді. Ал ұйқас құрайтыны — өз алдына бөлек мәселе. Мұндай ұйқастар шығарманың бейнелілігін арттырып, тақырыптық-идеялық мақсатын тереңдетеді.

Р.Сыздықова етістіктердің шешуші маңызы турасында: «Бұларда белгілі бір оқиға, іс-әрекет баяндалады, демек, баяндау стилі басым болады. Ал баяндау стилі үшін ең қолайлы және интонациясы мен синтаксисі жағынан баяндау мәнеріне сай келетін құрылыс баяндауыштың сөйлем соңында тұруы болады» [11], — деп тұжырымдайды.

Би-шешен мәтіндерінде есім сөздердің де баяндауыш мүше ретінде қайталау амалына түсу орындары жиі кездесіп жатады. Демек, есім сөздерден болған баяндауыштар да эпифоралық қайталауға түседі. Онда олар бір ғана қатарда емес, бірнеше тізбекте келуімен ерекшеленеді. Сондықтан бұл қайталаудың мәтін ішіндегі дербес сөйлемдерді байланыстырып тұрған жерін ерекше атап өтуге болады.

Төле биде:

*Елдің сүйеніші — Есей.
Халықтың тіреніші — Есей.
Жауды бүлдіретін де — Есей.
Дауды тындыратын да — Есей* [10; 135].

Болтірік шешенде:

*Дүниеде азбайтын байлық біреу,
Ол — **ақыл**.
Дүниеде тозбайтын байлық біреу,
Ол — **ақыл**.
Дүниеде қайтпайтын адал қолдаушың біреу,
Ол — **ақыл**.
Дүниеде таймайтын адал қорғаушың біреу.
Ол — **ақыл**.
Дүниеде жарығы тұтас елге түсетін қасиетті шырақ біреу,
Ол — **ақыл**.
Дүниеде асыл текті жел жетпес пырақ біреу,
Ол — **ақыл** [8; 26].*

Би-шешендер туындыларының жанрлық болмысымен байланысты сұраулық мәндегі тіркес тұлғалар да эпифоралық қайталауға жиі түсіп жатады. Олар да әр сөйлемнің соңғы бөлігіндегі орындары арқылы өздерінің шешуші рөлін байқатады. Төмендегі шешендік толғаудың негізгі ойын беруде сұраулық шылаудың (*ма*) мәні ерекше.

Сырым шешенде:

*Көл құсқа **бара ма**?
Құс көлге **бара ма**?
Қонақ ордаға **бара ма**?
Орда қонаққа **бара ма**? [9; 33].*

Досай биде:

*Жақсы аттан жақсы туса,
Мінетін пырағың **емес пе**?
Жаманнан жақсы туса,
Елдің шырағы **емес пе**?
Жақсыдан жаман туса,
Шамшырағың өшкені **емес пе**?
Елге үлгі айтар ерің болмаса,
Құт-береке көшкені **емес пе**... [10; 146].*

Сұрау есімдігі мына толғаудағы сөйлемдерді бірыңғай қатарға жүйелейді. Мұнда олар сол туындының ұйқас қатарын да жасаған. Ең соңғы сөйлем мүшесі тұрғысынан шығарманың стильдік жүгін ерекше көтеріп тұр.

Төле биде:

*Шешендіктен **не пайда**?
Артында сөзі қалмаса
Батырлықтан **не пайда**?
Халқына қайран кылмаса
Хандықтан **не пайда**?
Қарашасын жалмаса
Модалықтан **не пайда**?
Шариғатты өзгертіп,
Наширларды алдаса [10; 131].*

*Арғымақ баптап **не керек**
Жабы қуып жеткен соң,
Ағайын туған **не керек**,
Андысып күні өткен соң... [10; 66].*

Би-шешендер шығармалары тармақтарындағы эпифоралық қайталаудың орны ерекше екені байқалады. Стильдік жағынан мәтіннің ырғағын да, ұйқасына да септесіп тұр.

Би-шешендер шығармаларынан қатар келген сөйлемдердің бір-бірімен байланыс қатары анафоралық қайталаумен де беки түсетін жерлерін жиі кездестіреміз.

«Анафора — мәтінде әр жол немесе әр тармақ ылғи бір тілдік элементтерінен (*дыбыс, сөз, морфема*) басталып, қайталау арқылы жасалатын стилистикалық сөйлеу айшығы» [1; 36].

Академик М.Серғалиев бұл қайталауды: «Анафоралық қайталау жолымен жасалған параллельді күрделі синтаксистік тұтастықты құраушы сөйлемдердің параллельдігі күрделі синтаксистік тұтастықтың бас жағындағы біркелкі лексикалық қайталаулар арқылы күшейтіліп отырады. Бірігуші сөйлемдердің бірдей синтаксистік құрылысы ғана емес, бірдей басталуы — сөйлемдердің параллельдігінің жоғарғы түрі» [12], — деп көрсетеді.

Анафоралық қайталау толғау сөйлемдерінде көбінесе бір сөздің екі рет қайталануы шеңберінде жүзеге асады. Аталмыш қайталаулар толғаулардағы мынадай жолдардан кездеседі.

Төле биде:

*Тамам жарлы жиылып,
Қонған жері көң болмас,
Тамам сұлтан жиылып,
Сөйлеген сөзі жөн болмас* [10; 85].

Сапақ биде:

*Ең тәтті де — тіл.
Ең ащы да — тіл
Ең жұмсақ та — тіл
Ең қатты да — тіл...* [10; 225].

Саққұлақ биде:

*Арыңды сатпа, малыңды сат,
Жалған айтып болма жат.
Жалған айтып жаңдассаң,
жүрегімде қалар дат...* [10; 228].

Қайталаудың бұл түрі аз кездеседі. Оның себебін бұл қайталаудың мәтін ішіндегі орнынан деп білеміз. Тек қатар келген екі сөйлемнің басында кездесетінін ғана байқай алдық. Ең басты қызметі — мәтін ішіндегі тармақтарды байланыстыруы. Бұл — олардың синтаксистік сипаты. Сонымен қоса өлең жолындағы бір сөзге терең назар аударта алады.

Би-шешендер шығармаларында эпифоралық және анафоралық қайталаулар бір сөйлем не бір тармақ ішінде қатар келетін тұстары да аз емес. Мұндай жағдайда бұлар туындының сыртқы формасының әсерлілігін арттырып, экспрессиясын еселей түседі. Оның үстіне олар қатар келген бірнеше сөйлем құрамында қайталанып келіп, сол қалыптарында өздері қатыстырылған сөйлемдердің синтаксистік байланысын күшейтеді.

Жанқұтты шешенде:

*Жаман болса — жақын жау,
Шайпау болса — қатын жау,
Шабан болса — атын жау,
Тартыншақ болса — түйең жау,
Тебеген болса — биең жау,
Күнде келсе — күйеу жау,
Жымысқы болса — жиен жау,
Тіл алмаса — ұлық жау,
Арсыз болса — қызың жау.*

*Ел қонбаса жер жетім,
Құс қонбаса көл жетім,
Кемпірі жоқ шал жетім,
Иесі жоқ мал жетім...* [10; 181].

Досбол биде:

*Жарлының пірі — қалтаң ата,
Ұрының пірі — жалтаң ата.
Күншілдің пірі — күңкіл ата,
Кеселдің пірі — ыңқыл ата.* [10; 345].

Осы мәтіндер ішіндегі қайталаулар бір ғана сөздің қатысуы емес, одан да көп сөздер қатысуы арқылы болып тұр. Олардың туынды көлеміндегі орны ерекше.

Көркем туынды мәтініндегі сөйлемдердің бір-бірімен байланыс түзілімінің бір қыры осындай жағдайда беки түседі. Демек, бұл тұста қайталануға түскен сөздердің маңызы ерекше екені сөзсіз. Өйткені шағын мәтін көлемінде бірнеше сөздің қайталамын жасау автордың шеберлігін де көрсетеді.

Олардың көркем мәтін ішіндегі маңызы ой нақтылығын тереңдетумен қоса өздері қатыстырылған сөйлемдердің мәтін көлеміндегі басқа сөйлемдермен байланысқа түсуін жүзеге асырады. Соның нәтижесінде қатар келген сөйлемдер ішіндегі бірнеше сөйлем мүшелерінің қайталамы мәтін түзілімінің беріктігін ерекше арттыра түседі. Олардың мәні шығарманың ішкі мазмұндық болмысын ашумен бірге сол туындының ырғағын және оның композициялық жүгін де көтеріп тұра алатыны.

Қайталау — көркем шығарма бойында қолданылатын көркем тәсілдердің ең айшықтыларының бірі. Бұл амал арқылы туынды мазмұнына ерекше әсер беріледі, қайталауға түсетін сөз терең маңызға ие болып соның салдарынан шығарманың ой-түйінінде айрықша арна пайда болады. Олардың мәтін бойындағы сөйлемдердің байланыс қатарын берудегі орны өз алдына бөлек мәселе. Сондықтан қайталау — қатар келген сөйлемдерді параллель тізбектеуде ерекше танылатын тілдік бірлік. Демек, қатар келген сөйлемдердің бір-бірімен байланыс жүйесі осы амал арқылы күшейіп тұрады. Бұл жағдай да олардың мәтін ішіндегі қолданысының айрықша бір сипатын танытады. Жалпы алғанда, қайталау құбылысын туынды авторы ең жиі жүгінетін ерекшелік деуге болады. Туындының стильдік қабатын, экспрессиясын үстеудегі рөлі — аса маңыз берілетін жағдай.

Қайталаудың анафоралық және эпифоралық түрлерінің бұл тұрғыдағы қатысымдарының үлес салмақтары өздерінше деуге болады. Қайталаудың бұл түрлері қатар тұрған бірнеше сөйлемнің әрқайсының бойында кездесуі арқылы ол сөйлемдердің тұтас тізбегін күшейте түседі. Бұл байланыс қайталаудың бірнеше сөйлемдер көлемінде үздіксіз келуімен де маңызды. Сөйтіп олар қатар келген сөйлемдердің өзара мағыналық және құрылымдық байланыс тізбегін күшейтіп тұрады. Сол арқылы мәтіннің бойындағы тұтасым туындайды. Мұндай сөйлемдер қатары көп болған сайын шығарманың мазмұны да, сыртқы тұрпаты да көркемделе түседі.

Жалпы алғанда, би-шешендер туындыларының мәтіндері ішіндегі анафора мен эпифоралық қайталау түрлерінің атқаратын қызмет аясының маңызы өте зор.

Әдебиеттер тізімі

- 1 Қабдолов З. Сөз өнері. — Алматы: Санат, 2002. — 360 б.
- 2 Солганик Г.Я. Синтаксическая стилистика. — М.: Высш. шк., 1973. — С. 60.
- 3 Өмірәлиев Қ. XX–XIX ғасырлардағы қазақ поэзиясының тілі. — Алматы: Ғылым, 1976. — 126-б.
- 4 Сыздықова Р. Қазақ әдеби тілінің тарихы. XV–XIX ғғ. — Алматы: Ана тілі, 1993. — 139-б.
- 5 Спасова Л.В. Синтаксическая организация и текстообразующая роль описательных контекстов в современной русской поэзии: Автореф. канд. дис. ...филол. наук. — Киев, 1990. — С. 11.
- 6 Тіл білімі сөздігі. — Алматы: Ғылым, 1998. — 235-б.
- 7 Досжанова Р.А. Ж.Аймауытов прозасындағы лексика-синтаксистік қайталамалар: Филол. ғыл. канд. ...дис. автореф. — Алматы, 1992. — 22 б.
- 8 Негимов С. Шешендік өнер. — Алматы: Ана тілі, 1997. — 208 б.
- 9 Адамбаев Б. Шешендік өнер. — Алматы: Ғылым, 1999. — 204 б.
- 10 Төреқұлов Н., Қазбеков М. Қазақтың би шешендері. — 1, 2-к. — Алматы: Жалын, 1993. — 400 б.
- 11 Сыздықова Р. Сөз құдіреті. — Алматы: Санат, 1997. — 382-б.
- 12 Серғалиев М. Синтаксис мәселелері: Монография. — Астана: Л.Н.Гумилев атындағы ЕҰУ баспасы, 2006. — 322-б.

Ш.Мажитаева, Б.О.Оразова

Повторы в риторических произведениях казахских бий-ораторов

В статье авторами сделан краткий обзор трудов исследователей, рассматривающих роль повторов в художественных произведениях. На основе конкретного языкового материала, собранного из художественных произведений, объясняется функция наиболее часто применяемых видов повтора — анафоры и эпифоры. В качестве материала исследования взяты повторы, используемые в риторике ораторского искусства.

Sh.Mazhitaeva, B.O.Orazova

Repeats in the rhetorical works of Kazakh Biy-speakers

In the article the authors made a brief survey of the works of researchers, examined the role of alliterations in the artistic works. On the basis of concrete lingual material, assembled from the artistic works is explained the function of the most frequently used forms of alliteration — anaphora and epiphora. The material of experiment it is the alliterations, utilized frequently by the biy-speakers.

АВТОРЛАР ТУРАЛЫ МӘЛІМЕТТЕР СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Әділова А.С., қазақ тіл білімі кафедрасының профессоры филология ғылымдарының докторы, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.

Рапишева Ж.Д., қазақ тіл білімі кафедрасының доценті, филология ғылымдарының кандидаты, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.

Тұрлыбекова Ж.А., магистрант, Л.Н.Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университеті, Астана.

Жуынтаева З.Н., қазақ тіл білімі кафедрасының доценті филология ғылымдарының кандидаты, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.

Төлєнова С.А., қазақ тіл білімі кафедрасының магистранты, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.

Тұрсынова М.А., қазақ тіл білімі кафедрасының доценті филология ғылымдарының кандидаты, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.

Әбдуов М.І., қазақ әдебиеті кафедрасының профессоры, филология ғылымдарының докторы, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.

Жумагулов С.Б., профессор кафедры казахской литературы, доктор филологических наук, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.

Утяев А.Ф., ст. преподаватель, Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал, Республика Башкортостан, Россия.

Жұмагелдин Ж.Ш., филология магистрі, аға оқытушы, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.

Джусупов М., доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан.

Сапарова К.О., доктор филологических наук, профессор, Узбекский гоударственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан.

Kopzhasarova U.I., Candidate of pedagogical Sciences, Docent of the Chair of English language teaching methodology, Ye.A.Buketov Karaganda State University.

Kikimova A.T., 4th year student of the Faculty of Foreign Languages, Ye.A.Buketov Karaganda State University.

Galecka-Kubicz J., Magister of Philology, University of Ludza, Poland.

Малдыбаева Г.К., магистрант, Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана.

Амалбекова М.Б., профессор кафедры общего языкознания и переводческого дела, доктор филологических наук, Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана.

Бралина С.Ж., профессор кафедры классической и русской филологии кандидат филологических наук, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.

Девянина М.С., магистрант кафедры классической и русской филологии, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.

Савченко Т.Т., профессор кафедры классической и русской филологии, доктор филологических наук, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.

Абдрахманова Е.А., магистрант кафедры классической и русской филологии, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.

- Загинайко О.Ю.**, кандидат филологических наук, докторант, Институт магистратуры и докторантуры PhD Казахского национального университета им. Абая, Алматы.
- Поляк З.Н.**, кандидат филологических наук, доцент, Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы.
- Токмагамбетова Д.К.**, магистр филологии, преподаватель, Карагандинский государственный технический университет.
- Абишева С.Д.**, доктор филологических наук, профессор, Казахский Национальный педагогический университет им. Абая, Алматы.
- Асылбекова М.С.**, кандидат филологических наук, специализированная школа-лицей № 165 для одаренных детей, Алматы.
- Горбунова Г.З.**, профессор кафедры классической и русской филологии кандидат филологических наук, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Мамедова Т.М.**, магистрант кафедры классической и русской филологии, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Мещерякова Ю.Б.**, магистр филологии, преподаватель, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Фурсанова Т.В.**, старший преподаватель, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Пак М.К.**, профессор кафедры классической и русской филологии доктор филологических наук, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Витковская Т.Н.**, магистрант кафедры классической и русской филологии, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Мудровская А.М.**, магистрант кафедры классической и русской филологии, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Агманова А.Е.**, доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана.
- Кульмаганбетова Д.С.**, магистрант, Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана.
- Ермекова Ж.Т.**, кандидат педагогических наук, доцент, Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева, Астана.
- Аманбаева Г.Ю.**, профессор кафедры классической и русской филологии, доктор филологических наук, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Акынжанова А.А.**, магистрант кафедры классической и русской филологии, Карагандинский государственный технический университет.
- Касенова Н.А.**, магистрант кафедры классической и русской филологии, Карагандинский государственный технический университет.
- Мажитаева Ш.М.**, қазақ тіл білімі кафедрасының профессоры, филология ғылымдарының докторы, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Каппасова Ә.**, қазақ тіл білімі кафедрасының магистранты, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Қасқатаева Ж.**, қазақ тіл білімі кафедрасының магистранты, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Оразова Б.О.**, қазақ тіл білімі кафедрасының магистранты, Е.А.Бөкетов атындағы Қарағанды мемлекеттік университеті.
- Токсанбаева Ш.А.**, кандидат филологических наук, доцент, Карагандинский государственный университет им. Е.А.Букетова.
- Айтпаева А.С.**, магистр филологии, преподаватель, Карагандинский государственный технический университет.
- Рахметова А.Т.**, магистр филологии, преподаватель, Карагандинский государственный технический университет.